ВЕСТНИК
МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International Relations

• 16(6) • 2023

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ, Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Вайц Р. – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Doctor of Political Science, independent researcher (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia). (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гожина А.В., Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор - Кубышкина Е.В., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 23,69 усл. п.л. Заказ № 73.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregestered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 16(6) • 2023

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Советская дипломатия в годы Второй мировой войны

7 Барский К.М. – О советской дипломатии, которая вела свою войну и победила. Вступительная статья

13 Печатнов В.О. – О некоторых уроках взаимодействия советской дипломатии с западными союзниками в годы Второй мировой войны

37 Христофоров В.С. – Советская дипломатия и разведка в борьбе за выход Финляндии из войны 1941–1944 гг. (по материалам российских архивов)

69 Пряхин В.Ф. – Советская дипломатия в борьбе за предотвращение вступления Венгрии во Вторую мировую войну на стороне Германии (1939–1941 гг.)

92 Дубинин Ю.А. – Политика и дипломатия СССР на Дальнем Востоке в канун и в годы Второй мировой войны

124 Магадеев И.Э. – Идеи многополярности в концептуальном арсенале советской дипломатии на завершающих этапах Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.)

Публичная дипломатия в истории и современности

153 Демешко Н. Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. – Русский и Тюркский миры на пространстве Евразии

183 Глушич А.М. – Открывая молодое государство: приём зарубежных спортивных делегаций в СССР в 1920-е гг.

Международная политическая экономия

207 Евстафьев Д.Г. – Дискурс посткапитализма как отражение кризиса глобализации

223 Струкова П.Э. – Хуацяо нунчан: обособленные поселения китайских реэмигрантов внутри Китая

250 Леденева В.Ю., Рахмонов А.Х. – Влияние «миграционного потенциала» на экономическое и демографическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов

Table of Contents • 16(6) • 2023

RESEARCH ARTICLES

Soviet Diplomacy during the Second World War

7 Barsky K.M. – Soviet Diplomacy: Waging and Winning Its Own War – Introduction to the Forum

13 Pechatnov V.O. – Exploring Lessons from Soviet Diplomacy and Western Allied Cooperation in World War II

37 Khristoforov V.S. – Soviet Diplomacy and Intelligence Efforts to Facilitate Finland's Withdrawal from the 1941–1944 War: Insights from Russian Archives

69 Pryakhin V.F. – Soviet Diplomatic Efforts to Prevent Hungary's Alignment with Germany in World War II (1939–1941)

92 Dubinin Yu. A. – Soviet Politics and Diplomacy in the Far East: Strategies and Alliances on the Eve of and During World War II

124 Magadeev I.E. - Ideas of Multipolarity in the Conceptual Frame of the Soviet Diplomacy during the Final Phases of the Great Patriotic war (1943–1945)

The Past and Present of Public Diplomacy

153 Demeshko N.E., Muradov G.L., Irkhin A.A., Moskalenko O.A. – Russian and Turkic Worlds in Eurasia

183 Glushich A.M. – Discovering a Young State: Foreign Sports Delegations in the USSR during the 1920s

International Political Economy

207 Evstafiev D.G. – The Discourse of Postcapitalism as a Reflection of the Crisis of Globalization

223 Strukova P.E. – Huaqiao Nongchang: Isolated Settlements of Overseas Chinese Inside China

250 Ledeneva V.Yu., Rakhmonov A.Kh. – The Impact of 'Migration Potential' on the Economic and Demographic Development of Donor and Recipient Countries

Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(6). С. 7–12
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-7-12

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

Check for updates

О советской дипломатии, которая вела свою войну и победила. Вступительная статья

К.М. Барский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Редакционная статья предваряет тематическую секцию номера, основанную на докладах, сделанных участниками конференции «Советская дипломатия в годы Второй мировой войны», прошедшей в МГИМО МИД России 30 июня 2023 года. Обращается внимание на следующие особенности советской дипломатии военного периода. Во-первых, это стремление и умение договариваться даже тогда, когда интересы и подходы существенно расходятся. Во-вторых, это умение находить выверенный баланс между твёрдым отстаиванием своей позиции, с одной стороны, и гибкостью и прагматизмом, с другой, в интересах достижения конечной цели – победы над врагом. В-третьих, история международных переговоров периода Второй мировой войны – это пример столкновения и взаимодействия крупных политических деятелей. Следует признать очевидное: в этой персонифицированной «дипломатии лидеров» И.В. Сталин в большинстве случаев переигрывал своих партнёров.

История Второй мировой войны красноречиво показывает, что именно дипломатия необходима и в условиях войны, и в процессе выхода из войны и переговоров о мире, и в деле строительства нового миропорядка.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советская дипломатия, И.В. Сталин, СССР, миропорядок

30 июня 2023 года в МГИМО МИД России состоялась научно-практическая конференция «Советская дипломатия в годы Второй мировой войны». Идею проведения конференции выдвинул ректор МГИМО, академик РАН А.В. Торкунов, и тема эта, как продемонстрировала дискуссия, оказалась в высшей степени актуальной.

УДК: 327.82
Поступила в редакцию: 15.11.2023
Принята к публикации: 25.11.2023

Открывая мероприятие, А.В. Торкунов зачитал приветствие министра иностранных дел России С.В. Лаврова, в котором был отмечен неоценимый вклад советской дипломатии в сплочение антигитлеровской коалиции, в открытие второго фронта, в срыв планов вовлечения в войну ряда государств на стороне фашистской Германии и, в конечном счёте, в приближение Великой Победы. При этом в приветствии министра было подчёркнуто приоритетное значение изучения опыта советской дипломатии в годы войны именно сейчас, когда против России развязана новая агрессия, теперь уже со стороны коллективного Запада. Такая вот «перекличка времён».

В своём вступительном слове А.В. Торкунов сделал особый акцент на том, что наряду с героическим вкладом Красной армии в разгром врага немаловажное значение имело «дипломатическое сопровождение войны», выражавшееся в налаживании взаимодействия с союзниками, нейтрализации противников, разработке планов послевоенного урегулирования.

Вообще следует отметить, что дипломатическая история Второй мировой войны изучена и в нашей стране, и за рубежом весьма основательно. Вместе с тем изменение геополитических реалий – взятый США и их союзниками курс на передел мира, устранение конкурентов, подчинение несогласных и продление глобального доминирования Запада, гибридная война с целью «нанести России стратегическое поражение», информационная агрессия против нашей страны, попытки «отменить» всё русское, чудовищное шельмование России, переписывание истории, в том числе истории Второй мировой – всё это заставляет по-новому взглянуть на хорошо известные вещи.

Борьба СССР с гитлеровским фашизмом, а затем и с японским милитаризмом в годы той войны – центральная страница истории международных отношений XX в., о которой нельзя забывать, как бы кто этого ни хотел. Но дело не только в этом. Наше общество пришло к осознанию того, что для России подвиг советского народа, Красной армии, тружеников тыла и победный май 1945-го – это ещё и наиважнейшая часть нашей исторической памяти и нашей национальной идеи. Поэтому сегодня мы говорим о Великой Отечественной войне, изучаем её, рассматриваем различные её аспекты как бы через другие окуляры, на другом уровне осмысления, с другими акцентами.

Свою лепту в Великую Победу внесли и дипломаты. Нельзя, конечно, переоценивать их вклад, но и недооценивать его тоже было бы неверным. Обделить вниманием роль советской дипломатии в годы войны означало бы не только погрешить перед историей, но и упустить из виду важное измерение дипломатии – она даже в условиях войны взваливает на свои плечи крупные и сложные задачи. Это особенно необходимо понимать в нынешних условиях: дипломатия во времена конфликтов и войн не бездействует, и исторические изыскания на эту тему способны помочь по-новому взглянуть на опыт наших пред-

шественников, дипломатов военного поколения, по достоинству оценить их стратегический талант, тактические решения и титанический труд. Более того – даже вооружить нас полезными знаниями и навыками. Помочь усвоить уроки.

Этих уроков много. Один из них – стремление и умение договариваться даже тогда, когда интересы и подходы существенно расходятся. В ходе войны проявилась способность стран антигитлеровской коалиции подняться над антагонистическими межгосударственными и идеологическими противоречиями и объединиться перед лицом общей экзистенциальной угрозы в общих интересах. Но чтобы объединиться, требовалось проявить волю и инициативу, и они были проявлены прежде всего советской дипломатией. Тон задавали наши дипломаты, они всю войну удерживали инициативу и продвигали решения, отвечавшие общим интересам.

Дипломатическая история Второй мировой войны дала нам образец достижения, в опоре на военную мощь и с учётом складывавшейся обстановки на фронте, выверенного баланса между твёрдым отстаиванием своей позиции, с одной стороны, и гибкостью и прагматизмом, с другой, в интересах достижения конечной цели – победы над врагом. Здесь недвусмысленно обозначилось превосходство отечественной дипломатической школы, сполна проявились такие качества наших дипломатов, как вера в победу, убеждённость в своей правоте, стойкость и несгибаемость, высокая самоотдача, готовность к самопожертвованию, мощный интеллектуальный потенциал.

История международных переговоров периода Второй мировой войны интересна также тем, что она явила яркий пример столкновения и взаимодействия крупных политических деятелей, стратегической и психологической игры, которую они вели. Следует признать очевидное: в этой персонифицированной «дипломатии лидеров» И.В. Сталин в большинстве случаев переигрывал своих партнёров. Но во главу угла советская сторона всегда ставила интересы обеспечения общей победы над врагом. В дальнейшем, «по следам» Тегерана, Ялты и Потсдама, именно встречи на высшем уровне стали лейтмотивом развития мировой дипломатии.

Еще одной причиной важности изучения дипломатической истории Великой Отечественной войны является настоятельная необходимость уделять большее внимание этому историческому пласту в учебном процессе. Преподавание студентам истории отечественной дипломатии поставлено в МГИМО на солидную основу – данный учебный курс на Факультете международных отношений является обязательным, его читают высококвалифицированные преподаватели, издано несколько качественных учебников, имеется длинный список дополнительной исторической и мемуарной литературы. И всё же этого недостаточно.

Нельзя не замечать, что часть молодых людей в России, даже студентов МГИМО, под воздействием переживаемого сейчас момента резкого обострения международной ситуации и кардинальной трансформации глобальной по-

литики, в условиях грубого попрания западными странами элементарных норм международного права и дипломатического общения, подчас начинают сомневаться в эффективности, а то и в востребованности дипломатии. На примере истории Второй мировой войны можно красноречиво доказать, что дипломатия была, есть и будет, что именно она необходима и в условиях войны, и в процессе выхода из войны и переговоров о мире, и в деле строительства нового миропорядка.

Некоторым студентам наших дней война 80-летней давности кажется чем-то безмерно далёким, не имеющим прямого отношения ни к современной России, ни к современным международным отношениям. Подчас ощущается дефицит сопричастности молодежи XXI в. к тому, что происходило в веке двадцатом. Да, мы живём в стране, которая называется «Российская Федерация», но наше государство является правопреемником Советского Союза. Важно, чтобы и исторически, и эмоционально советская дипломатия воспринималась как дипломатия их собственной страны, их Родины. В этом ещё один важный смысл особого внимания к вопросам преподавания дипломатической истории Великой Отечественной войны.

Сотрудники полпредств/посольств Советского Союза за рубежом и центрального аппарата НКИД/МИД СССР, все, кто работал на дипломатическом поприще в те грозные военные годы, должны служить будущим дипломатам примером того, как в тяжелейших условиях решать сложные, ответственные задачи. Несмотря на молодость – а многим советникам, посланникам и некоторым послам тогда было по 30–40 лет, они с этими задачами блестяще справлялись. Нынешние студенты МГИМО обязаны со студенческой скамьи готовить себя к будущим испытаниям, не только овладевать знаниями, но и на примере поколения советских дипломатов военной поры воспитывать характер, тренировать стрессоустойчивость, способность работать под давлением обстоятельств, быть готовыми выполнить любое задание.

И в этом была исключительная ценность состоявшейся конференции. Она позволила привлечь внимание к широкому спектру тем, касающихся как деятельности советской дипломатии накануне и во время Второй мировой войны, её работы на западном и на восточном направлениях, так и борьбы с фальсификацией истории, места войны в учебном процессе, задачи увековечения памяти о Великой Победе и Великих Победителях.

Интереснейшие доклады представили главный научный сотрудник Института российской истории РАН, член-корреспондент РАН В.С. Христофоров, президент Фонда исторической перспективы, член Общественной палаты Российской Федерации Н.А. Нарочницкая, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО К.М. Барский, заведующий кафедрой востоковедения Д.В. Стрельцов, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки В.О. Печатнов, профессора кафедры дипломатии А.И. Кузнецов, А.Н. Панов и В.Ф. Прячхин, профессор кафедры международных отношений и внешней политики Рос-

сии Ю.А. Дубинин, профессор кафедры востоковедения С.И. Лунев, доценты кафедры дипломатии А.А. Орлов и Р.О. Райнхардт, доцент кафедры всемирной и отечественной истории С.М. Монин, доценты кафедры востоковедения Ю.П. Лалетин и И.В. Дьячков, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки И.Э. Магадеев, заместитель директора ИМИ А.Л. Чечевишников, эксперт Общества изучения истории отечественных спецслужб С.В. Тужилин, заместитель директора Департамента государственного протокола МИД России Г.В. Кузнецов, второй секретарь Первого департамента Азии МИД России С.А. Овсянников, директор Историко-дипломатического центра СПбГУ, заместитель главы Представительства МИД России в Санкт-Петербурге И.В. Демяненко.

Конференция получила высокую оценку руководства нашего университета. По её итогам будет издан сборник, который станет вкладом в предстоящее в 2024 г. празднование 80-летия МГИМО и в празднование 80-летия Великой Победы в 2025-м.

UDC: 327.82
Received: November 15, 2023
Accepted: November 25, 2023

Soviet Diplomacy: Waging and Winning Its Own War – Introduction to the Forum

K.M. Barsky
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-7-12

MGIMO University

Abstract: This editorial introduces a series of papers based on presentations made at the "Soviet Diplomacy during World War II" conference held at MGIMO on June 30, 2023. It draws attention to notable aspects of Soviet diplomacy during the wartime period. Firstly, it highlights the persistent effort and skill in negotiating despite significant divergences in interests and approaches. Secondly, it discusses the adeptness in striking a careful balance between steadfastly maintaining one's stance and employing flexibility and pragmatism to achieve the ultimate objective of victory over the enemy. Thirdly, the article examines the history of international negotiations during World War II as an illustration of the clash and collaboration among prominent political figures, notably emphasizing how I.V. Stalin often outplayed his counterparts in this personalized "diplomacy of leaders."

The history of World War II compellingly illustrates the necessity of diplomacy, not only during the conflict but also in the transition to peace and negotiations thereafter, as well as in the establishment of a new global order.

Keywords: World War II, Soviet diplomacy, I.V. Stalin, USSR, world order

Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(6). С. 13–36
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-13-36

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

О некоторых уроках взаимодействия советской дипломатии с западными союзниками в годы Второй мировой войны

В.О. Печатнов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье на базе документов российских, американских и британских архивов анализируется коалиционная дипломатия СССР, США и Великобритании с акцентом на то, как союзники соблюдали принятые на себя обязательства и другие правила поведения в подобных коалициях на протяжении всей Второй мировой войны. Помимо выполнения обязательств, к этим правилам относятся учёт интересов партнёров по коалиции, согласованность действий в достижении общей цели, умение преодолевать имеющиеся разногласия ради сохранения единства коалиции, способность не переходить красной черты, за которой следует развал коалиции. Проведённый автором сравнительный анализ советской и западной дипломатии по этим параметрам показывает, что в целом участники «Большой тройки» антигитлеровской коалиции стремились придерживаться этих правил, что в конечном итоге и обеспечило разгром общего врага. Однако в важнейших стратегических вопросах советская сторона была гораздо честнее своих западных союзников в выполнении принятых на себя обязательств. Кроме того, она была заметно активнее в стремлении к институционализации антигитлеровской коалиции с целью повысить её устойчивость и добиться равноправного участия СССР в принятии важнейших решений по ведению войны и послевоенному урегулированию. Достижению такого равноправия, как показано в статье, препятствовало нежелание западных союзников принимать Советский Союз в качестве долговременного полноценного партнёра и законного члена «клуба» великих держав не только в войне, но и в послевоенном миропорядке. Помимо геополитических факторов, это объяснялось и глубокими культурно-цивилизационными причинами, прежде всего – традиционным для Запада комплексом превосходства и представлением об исторической России как о «недостаточно цивилизованной» стране, «недостойной» принятия в евро-атлантическое сообщество. В статье приводятся малоизвестные документы из архивов США и Великобритании, наглядно иллюстрирующие подобный менталитет. Вместе с тем автор показывает, что такой подход разделяли не все представители политического класса англо-американских демократий: и в Вашингтоне, и в Лондоне были деятели, готовые к конструктивным и подлинно равноправным отношениям с СССР и предлагавшие конкретные пути к достижению такого сотрудничества. Однако не они определяли основной вектор западной политики.

УДК: 94(100)"1939/1945":327.5
Поступила в редакцию: 10.15.2023
Принята к публикации: 11.25.2023

Ключевые слова: Вторая мировая война, советская дипломатия, антигитлеровская коалиция, Сталин, Рузвельт, Черчилль

Сотрудничеству трёх великих держав в рамках антигитлеровской коалиции, в том числе – их дипломатическому взаимодействию, посвящена огромная отечественная и зарубежная научная литература[1]. Однако тема эта настолько масштабна и сложна, что и в этой, казалось бы, досконально изученной проблематике остаются менее исследованные аспекты. Один из них – сравнительный анализ советской и англо-американской дипломатии по критериям соблюдения ими правил поведения в подобных коалициях – как формальных (например, соблюдения принятых на себя обязательств), так и неформальных. Со стороны западных историков недостаточное внимание к этому вопросу объясняется, на наш взгляд, тем, что при таком сравнении англо-американская дипломатия проигрывает советской стороне, особенно по части соблюдения принятых на себя обязательств, прежде всего – в ключевом вопросе о втором фронте. Обычно педалируемые в западной историографии встречные обвинения Москвы в нарушении ялтинских соглашений по Польше и Восточной Европе весьма уязвимы и в целом явно не устраняют этого дисбаланса, как показывают редкие исследования наиболее объективных американских историков (Leffler 1991: 355–356). Другая, методологическая, причина этого упущения заключается в том, что данная проблема стоит на стыке традиционной истории дипломатии и теории международных отношений, разрабатывающей чисто теоретико-методологические вопросы создания и функционирования подобных коалиций. Эти работы показывают, что коалиционная дипломатия, как и вообще строительство отношений внутри коалиций, имеет свои правила и закономерности (Истомин 2018; Schroeder 1976; Snyder 1997; Walt 1987; Walt 1997)[2]. Синтез этих двух подходов – исторического и политологического на материале антигитлеровской коалиции представляет собой увлекательную исследовательскую задачу, полноценное решение которой требует полноформатного научного исследования. Данная статья – лишь первый подступ к решению этой большой задачи, который ограничивается попыткой сформулировать наиболее очевидные и элементарные из этих правил, своего рода неписаный кодекс поведения государств – участников союзных коалиций, с тем чтобы сравнить, насколько

[1] Назовём только наиболее известные работы: (Союзники СССР… 2014; Внешняя политика и дипломатия… 2014; Исраэлян 1985; Сиполс 2000; Союзники в войне… 1995; Фалин 2000; Feis 1967; Fenby 2007; Lane, Temperley 1995; Stoler 2007).

[2] Bloch F. 2012. Endogenous Formation of Alliances in Conflict. *The Oxford Handbook of the Economics of Peace and Conflict*. Ed. by M. Garfinkel and S. Skaperdas. Oxford;

их соблюдали основные участники антигитлеровской коалиции. И уже на этой основе попытаться извлечь некоторые уроки, которые могут представлять не только исторический интерес.

Как консолидировать коалицию

Начнём с создания коалиции и роли в этом советской дипломатии. Основные моменты здесь хорошо известны. В создании антигитлеровской коалиции не было автоматизма, оно сталкивалось с серьёзными препятствиями и потребовало усилий всех трёх сторон. Поначалу инициатива исходила от англо-американцев, но советская дипломатия сумела быстро перестроиться на модус сотрудничества со вчерашними противниками и крепко ухватилась за протянутую Западом руку помощи. Остановимся только на одном менее акцентируемом моменте. Из теории и практики дипломатии известно, что прочность и долговременность международных коалиций зависит от степени их закрепления в юридически обязывающих договорённостях. Очень характерно, что советская сторона с самого начала стремилась к институционализации новых отношений с союзниками, тогда как последние предпочитали не связывать себя договорными обязательствами. Только благодаря настойчивости Сталина советско-британская договорённость от 12 июля 1941 г. получила статус официального соглашения, а не просто совместного заявления, как того хотели англичане (Печатнов, Магадеев 2015а: 32–34). Стороны обязывались помогать друг другу в борьбе против гитлеровской Германии, не вести с ней никаких переговоров и не заключать перемирия или мирного договора без обоюдного согласия. Соглашение положило начало советско-британскому союзу в войне. «Гитлеровской коалиции нужно противопоставить коалицию, – говорил Сталин британскому послу С. Криппсу 8 июля. – Сотрудничество, о котором говорил Черчилль в своей речи 22 июня, дело, конечно, хорошее, но такое сотрудничество будет спорадическим и недолгим. Если же обе стороны будут связаны пактом о взаимопомощи, тогда возможно будет определённое длительное и не случайное сотрудничество»[3]. На августовской встрече с Г. Гопкинсом советский вождь даже предложил заключить подобное соглашение и с не воевавшей ещё Америкой. Также по настоянию Сталина и Молотова на Московском совещании представителей трёх держав в конце сентября – начале октября 1941 г. был подписан официальный протокол о поставках, хотя А. Гарриман и лорд Бивербрук сопротивлялись такому оформлению итогов совещания (Печатнов 2002: 181–182).

[3] Советско-английские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. 1983. *Документы и материалы.* В 2 тт. Т. 1. 1941–1943. Москва. С. 69–71.

Малоизвестно, что в экспертных кругах США прорабатывались и более далеко идущие планы подключения СССР к совместному коалиционному планированию на постоянной основе. Авторитетный Нью-Йоркский Совет по внешним сношениям в закрытом докладе для Госдепартамента от 15 декабря 1941 г. рекомендовал срочно приступить к созданию военно-политического союза в составе США, стран Британского Содружества, СССР, Китая, Нидерландов, организации «Свободная Франция», а также европейских правительств в изгнании и заинтересованных латиноамериканских стран. Его условия должны были предусматривать войну со странами «оси» до победного конца, отказ от сепаратных переговоров с противником и создание союзных органов для совместного ведения войны. Без такой интеграции усилий, говорилось в докладе, будет невозможно эффективно противостоять «высоко интегрированным силам "оси"»[4]. Характерно, что и после создания англо-американского Объединённого комитета начальников штабов и принятия Декларации Объединённых Наций эксперты Совета, считая эти меры недостаточными, продолжали выступать за формирование руководящего военно-политического органа коалиции наподобие созданного в конце 1917 г. Высшего военного совета Антанты с маршалом Ф. Фошем в качестве верховного союзного главнокомандующего[5].

Однако эти планы так и остались на бумаге. Одной из главных причин было активное противодействие со стороны британского военного командования и лично Черчилля, видевших в них угрозу своим «особым отношениям» с Вашингтоном. Не проявлял активного интереса к советскому участию и Пентагон, хотя относился к такой возможности спокойнее англичан. Заключение союзного договора 1942 г. с Великобританией также было инициативой советской стороны, которая пошла на этот шаг даже без удовлетворения своих важных условий. С Вашингтоном, как известно, дело ограничилось соглашением 1942 г. о принципах оказания помощи по ленд-лизу. На следующем этапе, в ходе подготовки к Московской конференции 1943 г., в Кремле думали о том, как поставить союз «Большой тройки» на более прочную и долговременную основу. Был подготовлен проект послания Сталина Рузвельту и Черчиллю (датированный 25 сентября), в котором для обсуждения на предстоящей конференции выдвигалась идея заключения военно-политического союза трёх великих держав. Имелось в виду, опираясь на советско-английский договор 1942 г., заключить соглашение, предусматривавшее «ещё большее укрепление нашего боевого союза в борьбе против гитлеровской Германии, а также дальнейшее развитие нашего сотрудничества в послевоенное время в интересах мира и безопасности

[4] War Planning. The Armament Group, Council on Foreign Relations Records, 15/12/1941. H.F. Armstrong Papers, S. *Mudd Manuscript Library*. Princeton, New Jersey.

[5] A Supreme War Council for the United Nations. The *Armament Group, Council on Foreign Relations Records*. August 31, 1942.

народов». Такое соглашение, подчёркивалось в документе, «не должно быть простой декларацией, но должно быть соглашением, определяющим политические отношения между нашими странами как в период войны, так и в послевоенный период на длительный срок». Подобная мера, говорилось в тексте, могла бы иметь «выдающееся значение»[6]. Послание осталось неотправленным, а сам этот вопрос на Московской конференции не поднимался. Видимо, в Кремле решили, что почва для его конструктивного обсуждения была ещё не готова. Но сам факт хождения подобной идеи в советском руководстве говорит о том, что в Кремле продолжали искать пути к дальнейшей институционализации антигитлеровской коалиции, превращению её в прочный военно-политический союз, выходящий за рамки войны. С точки зрения теории международных отношений, это означало бы более высокую – союзную – форму интеграции межгосударственного взаимодействия по сравнению с коалициями (Истомин 2018: 250–251).

Глубокие изменения стратегической обстановки и сжатие кольца вокруг Германии с запада и востока ставили в повестку дня дальнейшее усиление координации военных действий союзников. Эта проблема по инициативе американской стороны обсуждалась на англо-американском совещании «Секстант» (ноябрь 1943 г.), но не получила решения ввиду сопротивления британской стороны. В конце июня 1944 г. на встрече с послом США А. Гарриманом Сталин впервые поднял вопрос о создании механизма совместного военного планирования трёх держав. Эта инициатива вызвала новый виток дебатов в кругах англо-американского военного командования. Американские военные соглашались с тем, что заключительный этап совместных военных операций в Европе и задачи последующей оккупации Германии требуют совместного военного планирования всех трёх держав; попытки решать эти задачи на двусторонней основе в рамках существующего англо-американского штаба будут малоэффективными и только «усилят подозрения и недоверие русских», говорилось в заключении Объединённого комитета стратегического обзора КНШ США. Кроме того, предстоящее вступление СССР в войну с Японией делает советско-американское взаимодействие, по крайней мере, «не менее, а то и более важным», чем американо-британское[7]. Похожие идеи курсировали и в недрах Форин Офис. Некоторые сотрудники курировавшего СССР Северного департамента предлагали в развитие советско-британского договора 1942 г. учредить периодические военно-штабные консультации между двумя странами с их продолжением

[6] Личное и секретное послание премьера И.В. Сталина президенту г-ну Ф.Д. Рузвельту и премьер-министру г-ну У. Черчиллю, 25.9.1943 г. *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 588. Оп. 11. Д. 263. Л. 81.

[7] Machinery for coordination United States-Soviet-British military effort. Report by the Joint Strategic Survey Committee, 31 August, 1944. *Franklin D. Roosevelt Library,* Hyde Park, New York (далее – FDRL). President's Secretary File. American-British Joint Chiefs of Staff.

и в послевоенный период. Такие контакты, по мнению авторов, способствовали бы большему взаимопониманию и компромиссному урегулированию советско-британских противоречий в сфере безопасности, снижая взаимные подозрения[8].

Однако эта идея, как и упомянутое предложение американских военных, были отвергнуты Черчиллем и британским военным командованием. В заключении британского КНШ по упомянутой инициативе Сталина и мнению американского командования в качестве главного аргумента приводился довод о том, что такой верховный трёхсторонний орган будет несовместим с англо-американским штабом, будучи «более представительным, а значит – способным получить над ним юрисдикцию». Подобная перспектива Лондон явно не устраивала, и вместо этого англичане предлагали усилить союзную координацию на уровне военных миссий США и Великобритании в Москве[9]. Американское военное командование не стало перечить ближайшему союзнику, и в результате институционализация военно-стратегического планирования с равноправным участием СССР не состоялась. Союз «большой тройки» так и не получил полноценного трёхстороннего формата юридически обязывающих договорных обязательств.

Проблема равенства

Здесь встаёт вопрос о равноправии членов коалиции. Разумеется, полное их равенство вряд ли возможно с учётом разницы военно-экономических потенциалов и других факторов. Однако логика коалиционного взаимодействия требует хотя бы согласованности действий участников. Но долгое время не было и этого: важнейшие стратегические решения союзников (об операциях «Факел», «Хаски», откладывании открытия второго фронта на совещании «Трайдент» летом 1943 г.), во многом определившие ход войны, принимались без согласования с СССР, который ставился в известность о них задним числом. В этом отстранении Москвы сказывался комплекс превосходства и недоверия англосаксов (особенно англичан) в отношении нового, и, по их мнению, недостаточно цивилизованного союзника. Летом 1943 г. вернувшийся из Лондона посол И.М. Майский попенял британскому послу в Москве А. Керру на то, что англичане обращаются с русскими как с «бедными сельскими родственниками», а не как с равными – как, например, с американцами. «Я протестовал, – писал Керр приятелю из Форин Офис, – но в глубине души понимал, что он прав. Я чувствую, что мы по-прежнему держим их на расстоянии и не пускаем в свой клуб.

[8] G. Wilson's minute, August 10, 1944. *The National Archives, Kew Garden, UK*. (далее – TNA). Foreign Office (далее – FO) 371/43306.

[9] Proposed Combined Committee in Moscow. Memorandum by the British Chiefs of Staff. 29 August, 1944. *FDRL*. President's Secretary File. American-British Joint Chiefs of Staff.

Их всё ещё проверяют на входе, члены клуба смотрят на них с подозрением и всячески дают понять, что им здесь не место. В то же время с американцами мы лезем из кожи вон, чтобы они чувствовали себя с нами как дома: они даже заседают вместе с нами в правлении клуба и меняют его правила. Короче говоря, с Вашингтоном мы *советуемся*, а Москву просто *информируем* (курсив в оригинале – авт.). Таким образом мы не добьёмся ничего или почти ничего. Наши сельские кузены, которые всё видят, но которых не пускают, в один прекрасный день махнут рукой на наш клуб и устроят свой собственный. И мы тщетно будем стучаться в дверь, чтобы нас пустили… нам необходимо перестать быть снобами и тем более – глупцами. Чем скорее мы осознаем, что они заработали своё место в правлении, тем лучше»[10]. Керру вторил и другой сторонник равноправного сотрудничества с СССР – ответственный сотрудник Северного департамента Форин Офис Дж. Вильсон. «Я убеждён как никогда ранее, – писал он Керру в мае 1944 г., – что русские хотят быть разумными, но влиятельными членами клуба, хотя и считают его некоторые правила глупыми и хотели бы их изменить. Они стали его членами, но в некоторые комнаты их до сих пор не пускают… Вина за это лежит на обеих сторонах, но, по моему мнению, следует лезть из кожи вон, чтобы новый член чувствовал себя как дома, если вы хотите, чтобы он оставался с вами»[11].

Отношения внутри «Большой тройки» можно рассматривать ещё и как межкультурный диалог представителей двух во многом разнонаправленных социокультурных традиций – англо-американской и советско-российской. Эта принадлежность окрашивала их взаимное восприятие, существенно осложняя взаимопонимание. Рузвельта и Черчилля объединял комплекс англо-американской исключительности и превосходства, убеждение в цивилизаторской миссии англоязычных народов по отношению к остальному миру, включая «полуварварскую» Россию. В Сталине они видели пусть выдающегося, но всё же варварского лидера – «Атиллу», как за глаза называли его некоторые британские деятели. Образ медведя применительно к Сталину, часто встречающийся в переписке Черчилля с Иденом, наглядно отражает глубоко закоренелый стереотип британской русофобии, уходящий в далёкое прошлое (Дегоев 2022; Володин, Филатов 2023). Сталин, со своей стороны, унаследовал традиционное российское представление о коварстве Запада (усиленное большевистским менталитетом) и видел в политике лидеров англо-саксонского мира типичное эгоистическое стремление использовать Россию в своих интересах, не заботясь о её нуждах. Современник Первой мировой войны, он ожидал, что и на сей раз западные союзники будут стремиться использовать Россию в качестве пушечного мяса

[10] A. Kerr to Ch. Warner, 10 August 1943. *TNA*. FO 800/302.
[11] G. Wilson to A. Kerr, 15 May, 1944. *TNA*. FO 800/302.

с помощью различных геополитических посулов, от которых потом откажутся под благовидными предлогами. «Они настороже в отношении нас, а мы с их отношении ещё более», – говорил об этой взаимной насторожённости В.М. Молотов (Чуев 2000: 79). Эта культурно-цивилизационная дистанция накладывала определённые пределы на союзное сотрудничество, хотя в годы войны она и отошла на второй план.

Ситуация в отношениях внутри «Большой тройки» начнёт меняться с Московской и Тегеранской конференции, когда СССР станет ключевым участником коллективной выработки союзной стратегии. Русские показали, докладывал Черчиллю Э. Иден по итогам Московской конференции, что «они готовы сотрудничать с нами по всем направлениям, если мы дадим им понять, что их воспринимают как равных во всех отношениях, что мы ничего от них не утаиваем»[12]. Посол Керр также видел главную причину этого нового настроя в том, что «Советы впервые почувствовали, что они свободно допущены как равные в наш интимный круг, из которого, на их взгляд, они до сих пор были исключены»[13]. Конференция, по словам её участника, известного американского дипломата Ч. Болена на совещании дипломатов посольства США в Москве, ознаменовала «возвращение СССР в качестве члена сообщества наций, наделённого соответствующей ответственностью»[14]. Казалось, что Москва, наконец, входит в правление клуба великих держав, о котором писал Керр. Но это членство оказалось кратковременным.

«Просвещённый эгоизм» и верность обязательствам

Следующий неписаный принцип коалиционных отношений можно назвать «просвещённым эгоизмом». Его чётко сформулировал Майский в депеше Сталину осенью 1942 г. «Не может быть двух мнений о том, что наши союзники – тяжёлые союзники, в частности, Англия, – писал он, – но, поскольку других союзников нет, надо брать с имеющихся то, что с них можно получить»[15]. С британской стороны ему вторил главный помощник Э. Идена О. Харви, который записал в дневнике после разгрома немцев под Сталинградом: «Русские очень утомительные союзники: они назойливы, неуклюжи, неблагодарны, скрытны, полны подозрений и беспрестанно требуют большего, но они делают своё дело» (Harvey 1978: 219).

---

[12] From Moscow to Foreign Office, November 2, 1943. 2017. *The Churchill Documents.* M. Gilbert and L. Arnn. Vol. 19. Fateful Questions, September 1943 to April 1944. Hillsdale. P. 760.

[13] From DO to Canada e.a., 8 November 1943. *TNA*. FO 371/37031.

[14] Staff Meeting at American Embassy, November 9, 1943. *Library of Congress Manuscript Division* (далее – LC MD), William A. Harriman Papers, Chronological File, Cont.170.

Антигитлеровская коалиция (как и другие объединения такого рода) была браком по расчёту, в котором каждый участник стремился использовать партнёров в собственных интересах, экономя при этом свои ресурсы. «Просвещённость» такого эгоизма состоит в правильном осознании своих долгосрочных интересов и понимании необходимости учитывать при этом интересы партнёров по коалиции. Руководство «Большой тройки» исходило из общности главного стратегического интереса – разгрома стран «оси» и необходимости подчинения ему всего остального. Рузвельт, Черчилль и их окружение прекрасно понимали, что без Советского Союза им не справиться со странами «оси»: «вся наша судьба зависит от них» (т.е. русских), – писал Черчилль Рузвельту в октябре 1943 г.[16]. Путеводной звездой всей англо-американской стратегии было, во-первых – «держать Россию в войне» (keep Russia in the war), по выражению Черчилля (Gilbert 1983: 1198–1199), а во-вторых, максимизировать советский вклад в разгром врага (прежде всего, Германии). Уже в первом наброске американской стратегии в войне (сентябрь 1941 г.) особая важность придавалась «сохранению активного фронта в России», который «представляет наилучшую возможность для успешных сухопутных наступательных операций против Германии, поскольку только Россия обладает достаточными людскими ресурсами и благоприятным географическим положением в близости к центру германской военной мощи… Даже если советские вооружённые силы будут отброшены за Уральские горы, но сохранят способность к организованному сопротивлению, то всегда останется надежда на полный и окончательный разгром Германии в ходе сухопутных операций»[17]. Черчилль почти дословно повторял этот тезис в июльских (1941 г.) указаниях своему командованию: «Выгоды, которые мы получим, если Россия сможет удержаться и продолжить войну, по крайне мере до наступления зимы, неисчислимы… Покуда они сражаются, не так уж важно, где проходит линия фронта. Эти люди доказали, что заслуживают поддержки, и мы должны пойти на жертвы и риск даже с неудобствами для себя, чтобы поддержать их моральный дух»[18].

Впрочем, на жертвы, риск и неудобства союзники шли очень скупо. Советской стратегии лобового противоборства они противопоставили стратегию «лёгкой для себя войны» (по словам того же Майского), предоставляя Красной армии перемалывать основную мощь вермахта. «Как только стало ясно, что Советский Союз переживёт шок первого удара германских армий…, – писал впоследствии в рабочих заметках “для себя” тот же Ч. Болен, – сформировалось

[15] *Документы внешней политики СССР* (далее – ДВП). 1942. Тула, 2000. Т. XXV. Кн. 2. С. 323.
[16] *The Churchill Documents*. Ed. by M.Gilbert and L. Arnn. Vol. 19. Fateful Questions, September 1943 to April 1944. Hillsdale, 2017. P. 663.
[17] Joint Board Estimate of United States Over-All Production Requirements (September 11, 1941). *FDRL*. President's Secretary File. American-British Joint Chiefs of Staff
[18] Gilbert M. 2000. *The Churchill War Papers*. Vol. III. The Ever-Widening War 1941. London. P. 921.

прочное согласие британского и американского военного командования в том, что удержание русских армий в активной войне с Германией есть самая важная задача и залог победы союзников в войне (подчёркнуто мною – авт.). В глазах наших военных властей эта основополагающая установка сохранялась в силе вплоть до окончательной победы в мае 1945 года»[19]. В самом деле, советско-германский фронт оставался первым фронтом на всём протяжении войны. «Когда бы союзники ни открыли на континенте второй фронт, – отмечал глава Комитета стратегического обзора американского Комитета начальников штабов генерал С. Эмбик в августе 1943 г., – он будет явно второстепенным по отношению к русскому фронту, который останется главным. Без России в войне страны "оси" не могут быть побеждены в Европе, и положение Объединённых Наций останется крайне шатким»[20]. Можно привести множество других признаний этого непреложного факта военными руководителями США и Великобритании, но закончим цитатой из программного доклада британского КНШ «Американо-британская стратегия» от 30 октября 1942 г.: «В настоящее время русская армия является единственной силой, способной разгромить или хотя бы сдержать германскую армию. Великобритания и Америка не могут рассчитывать бросить вызов основным силам "оси" на суше. Надеюсь, что Сталин не увидит этого», – начертал на полях против этого абзаца Черчилль[21]. А ведь Сталин вполне мог и увидеть этот документ с помощью «Кембриджской пятёрки» и своих разведчиков в Лондоне. В Кремле были хорошо осведомлены о скрытых оценках и планах союзников, что отнюдь не способствовало укреплению доверия к ним.

Англо-американская стратегия «лёгкой войны для себя» дала свои плоды. По совокупным военным и гражданским потерям СССР потерял почти каждого седьмого из своих граждан, Великобритания – одного из 127, а США – одного из 320 человек (Harrison 1998: 184–186; Ready 1996: 322–333; Кривошеев 2010: 219). Недаром Черчилль вскоре после войны в частной переписке с удовлетворением отмечал (малоизвестная цитата), что, в отличие от Первой мировой войны, «эта война велась умело» и завершилась «безоговорочной капитуляцией всех наших противников при очень большой экономии человеческих жизней на англо-американской стороне» (Кульков 2002: 250).

Советское руководство тоже понимало всю важность экономического и военного вклада западных союзников в разгром общего врага. Известны слова Сталина в Ялте о том, что «Если бы не ленд-лиз, то победа была бы сильно за-

[19] General Situation in 1941. *National Archives*. College Park, Maryland (далее – NA). Record Group (далее – RG) 59. Records of Charles E. Bohlen, 1944-52. Box 8.
[20] Memorandum for Mr. H. Hopkins, August 10, 1943. *FDRL*. H. Hopkins Papers. Box 217.
[21] American-British Strategy, 30 October, 1942. TNA. *PREM* 3/499/6.

труднена»[22]. Только объединение ресурсов и усилий трёх великих держав, как хорошо понимали в Кремле, создавало необходимое и явное превосходство союзников над опаснейшим противником.

Советская сторона не обольщалась насчёт подлинных мотивов союзников, о чём те хорошо знали. «Россия не доверяет нам, – писал, например, своему руководству один из главных военных планировщиков США генерал А. Ведемейер, – и, реально говоря, прекрасно понимает, что наш внезапный дружественный интерес является сугубо эгоистическим»[23]. Москва также следовала принципу разумного эгоизма, стремясь получить от союзников всё, что можно. Но ключевое отличие состояло в том, что СССР был гораздо честнее западных партнёров в выполнении своих обязательств перед ними. «Выполняй принятые на себя обязательства» – ещё одна заповедь союзных отношений, важнейшее условие дееспособности любой союзнической коалиции. В отличие от неоднократных нарушений союзниками своих обязательств по второму фронту, Москва скрупулезно выполнила свои обещания помочь высадке союзников в Нормандии собственным мощным наступлением (операция «Багратион») и вступить в войну с Японией. Кроме того, советское командование пошло навстречу просьбе союзников отвлечь силы вермахта в ходе его последнего мощного прорыва в Арденнах, причём сделало это не в силу формальных обязательств, а руководствуясь «долгом союзника», как сказал Сталин на Ялтинской конференции[24]. В «больших военных вопросах», напомнит военный министр США Г. Стимсон президенту Трумэну в конце войны, Советский Союз был верен своим обязательствам[25].

Проволочки со вторым фронтом – главный и, казалось бы, хрестоматийный пример недобросовестности (мягко говоря) союзников. Но при этом в тени обыкновенно остаются два важных обстоятельства. Первое: союзники полностью отдавали себе отчёт в рискованности своих решений по отсрочке вторжения в Нормандию. В своё время автор первым опубликовал прогноз военного командования США лета 1942 г. на тему «Если Россия падёт». Поражение Красной армии под Сталинградом и переброска хотя бы половины сил вермахта на западный фронт, говорилось в нём, будут иметь катастрофические последствия: европейский континент будет потерян для союзников, Германия подчинит себе ресурсы СССР и «станет практически непобедимой в прямом противоборстве»,

---

[22] Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). 1979. *Советский Союз на конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* Т. 3. Сборник документов. Москва. С. 143.

[23] Military Policy Toward Russia. Memorandum for General Handy. December 12, 1942. *LC MD*. H. Arnold Papers. Military Subject File. Box 201.

[24] Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). 1979. *Советский Союз на конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* Т. 3. С. 61, 62.

[25] *Foreign Relations of the United States. 1945.* 1967. Vol. V. Europe. Washington. P. 252–255.

Британская империя развалится, немецкие и японские войска могут соединиться на Ближнем Востоке, США будут блокированы в Западном полушарии и перейдут к глухой обороне[26]. Тем не менее союзники пошли на этот огромный риск, отказавшись от операции «Кувалда» – высадки в Нормандии в 1942 г. силами хотя бы 8–10 дивизий, которая могла бы отвлечь часть немецких сил с Восточного фронта и помочь Советскому Союзу выстоять в критический момент войны. Напрасно Майский напоминал Черчиллю о подвиге армии Самсонова, которая в 1915 г. спасла Париж ценой самопожертвования в ходе наступления в Восточной Пруссии. Союзники не хотели жертвовать своими людьми, надеясь, что СССР всё же выстоит. «Я твёрдо уверен, что Россия продержится эту зиму», – писал Рузвельт премьеру Черчиллю в октябре[27]. Визит премьера в Москву (в августе 1942 г.), сообщал Майский Сталину, ещё больше укрепил веру Черчилля в то, что «СССР даже в самом худшем случае как-то "выдюжит", что спина у СССР крепкая»[28]. К счастью для всего мира, надежда эта оправдалась. А если бы нет?

Второе обстоятельство: в своём кругу лидеры союзников осознавали моральную ущербность своей эгоистической позиции и даже порой испытывали чувство вины. Наши западные коллеги не любят об этом говорить, но если покопаться в документах, примеры тому найти можно. «Ужасно, – сетовал Черчилль Гопкинсу в феврале 1943 г., – что на протяжении апреля, мая и июня ни один американский или британский солдат не убьёт ни одного немецкого или итальянского солдата в то время, когда русские преследуют 185 (германских – авт.) дивизий… Мы подвергнемся горьким упрёкам со стороны русских» (Gilbert 2013: 338). Глава Северного департамента Форин Офис К. Уорнер в июле 1943 г. писал послу А. Керру: «Главная беда, на мой взгляд, состоит в том, что в период их *умиротворения* (курсив мой – авт.) мы надавали русским поспешных обещаний, которые теперь не можем выполнить. Возможно, оно того и стоило, хотя лично я в этом сильно сомневаюсь»[29]. После Тегерана Черчилль, пытаясь склонить Рузвельта к своей средиземноморской стратегии, предложил пожертвовать ради этого согласованной в Тегеране операцией «Энвил» по высадке на юге Франции. Рузвельт, однако, пресёк эти поползновения, понимая, что лимит нарушенных обещаний союзниками уже исчерпан. «Мы уже надавали русским

[26] Strategic Policy of the United Nations and the United States on the Collapse of Russia, August 7, 1942. *NA. RG* 165. ABC 384. USSR (6-1-42).

[27] *Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence.* Vol. 1–3 (далее – Churchill and Roosevelt). Edited by W. Kimball. Princeton, 1984. Vol. I. P. 643.

[28] Майский – Сталину, 22.10.1942. 2013. Великая победа: многотомное продолжающееся издание под общей редакцией С.Е. Нарышкина и академика А.В. Торкунова. МГИМО. Т. 9. С. 397–398.

[29] Ch. Warner to A. Kerr, 8 July 1943. *TNA*. FO 800/302.

обещаний, которых не смогли выполнить, – говорил он на встрече с членами КНШ 21 февраля. – Мы нарушали обещания в прошлом и нам не следует этого делать впредь»[30].

Неудивительно, что в Москве решение союзников об отказе от второго фронта в 1942 г. вкупе с остановкой ими поставок по северному маршруту ленд-лиза было воспринято крайне серьёзно. «Таким образом, – подытоживал в телеграмме в НКИД суть происходящего Майский, – в самый критический для нас момент мы оказались по существу брошенными на произвол судьбы нашими союзниками». Посол называл две основные причины бездействия союзников: «желание видеть взаимное истощение Германии и СССР» и «страх англо-американской верхушки перед военной мощью Германии»[31]. И даже «западник» Литвинов писал в одной из депеш того времени: «Американцы и англичане считают идеальным такое положение, когда немцы будут нас бить и оттеснять, лишь бы существовал где бы то ни было, хотя бы в Западной Сибири, какой-то фронт, приковывающий германские силы до тех пор, пока они через год или два, добившись значительного превосходства в авиации, не смогут начать наступательные действия. Мы должны быть ослаблены настолько, чтобы не говорить слишком громко при заключении мира»[32]. Как видим, ветеран советской дипломатии почти дословно угадывал приведённые выше формулировки Черчилля («неважно, где проходит линия фронта») и американского командования («даже если советские вооружённые силы будут отброшены за Уральские горы»). Недаром Сталин в известном послании союзникам в ответ на их сообщение об отмене второго фронта в 1942 г. писал: «Советское Правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага … дело идёт здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранения его доверия к союзникам, подвергаемого тяжёлым испытаниям» (Печатнов, Магадеев 2015b: 487).

Сохранять единство

Сохранять единство коалиции – ещё одна заповедь коалиционной дипломатии. «Стратегический консенсус» «Большой тройки» порождал готовность лидеров подчинить достижению главной общей цели всё остальное: идеологические разногласия, второстепенные политические интересы, бюрократические препятствия и личные расхождения, включая самолюбие и другие эмоции. Это помогало находить общие компромиссные решения и выход из самых, каза-

[30] Minutes of Meeting between FDR and JCS, Feb.21, 1944. *FDRL*, Map Room Files. Box 24.
[31] Майский – НКИД, 16 июля, 1942 г. *ДВП*. Т. XXV. Кн. 2. С. 58-59.
[32] Литвинов – Молотову, 23 июля 1942 г. *Архив внешней политики РФ* (далее – АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П.368. Д. 2568. Л. 110.

лось бы, неразрешимых кризисных ситуаций, которые периодически возникали в союзных отношениях. В ходе взаимодействия лидеры на опыте научились не переступать грань, за которой грозил последовать разрыв отношений. «Всё, что угодно, но только не разрыв!» – твердил Майскому Черчилль, взволнованный возможной реакцией Сталина на сообщение об очередной приостановке северных конвоев весной 1943 г.[33]. Известны и другие примеры отхода лидеров от точки невозврата. Черчилль во время своего визита в Москву (август 1942 г.) чуть не уехал раньше времени, возмущённый суровым сталинским обвинением в нарушении взятых на себя обязательств. Он признался послу Керру, что накануне «едва заставил себя подать ему (Сталину – авт.) руку». «Понимает ли он, с кем разговаривает? С представителем самой могущественной империи, какую когда-либо видел мир!» – возмущался британский аристократ, оскорблённый выговорами со стороны «какого-то крестьянина» (Moran 1966: 80). Керр едва уговорил его повременить с отъездом, а Сталин, со своей стороны, не хотел отпускать Черчилля с пустыми руками и обезоружил премьера неожиданным ночным приглашением на ужин в своей квартире, где оба впервые поговорили по душам. На следующий день, писал своему другу Керр, Черчилль только и говорил, что о Сталине: «Сталин то, Сталин сё… Он установил дружбу со Сталиным и счастлив этому. Сталин был великолепен. Что за удовольствие – работать с этим великим человеком!»[34]. Ответственные переговоры были спасены. Эмоциональный Черчилль впоследствии не раз порывался прервать переписку со Сталиным после выговоров с его стороны, но каждый раз возобновлял её первым.

Свои кризисы бывали и в отношениях между Рузвельтом и Сталиным. Самый острый из них возник на почве известного «бернского инцидента» – сепаратных контактов американской разведки с немецким командованием в Швейцарии (март 1945 г.), на которые союзники отказались пригласить советских представителей. Но и в этой напряжённой ситуации оба лидера сочли за благо в последний момент сгладить инцидент. В ходе войны не раз обострялся польский вопрос, однако союзники общими усилиями не дали ему подорвать единство действий в борьбе с общим врагом. Руководство союзных стран поддерживало дружественный тон в пропаганде, воздерживаясь, в частности, от публикаций, способных навредить союзным отношениям. Так, в марте 1944 г. Госдепартамент блокировал план комитета Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности предать огласке рукопись книги Л. Троцкого о Сталине, а в июне того же года отложил публикацию очередного тома официальной серии «Документы внешних сношений США», посвящённого Парижской мирной конференции 1919 г. и содержавшего обсуждение

[33] Майский в НКИД, 31.III.1943. *АВП РФ*. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 258–260.

[34] A. Kerr to Ch.Warner, 17 Aug. 1942. *TNA*. FO 800/300; См. также: Moran Ch. Winston Churchill: The Struggle for Survival. P. 82-83. Подробнее см.: (Печатнов 2017: 177–178).

планов антисоветской интервенции стран Антанты. «Мы не должны вредить нашим отношениям с Советским Союзом, покуда продолжается война с Германией», – говорилось в заключении ведомства[35]. «Покуда продолжается война…» – запомним эту важную оговорку.

Руководители англо-американской дипломатии пытались сдерживать подспудный антисоветизм своих военных, разведчиков и дипломатов, среди которых такие настроения были широко распространены. Особенно грешили антисоветским снобизмом британские военные, в том числе, командированные в СССР. Понимая, что их высказывания подобного рода вредят делу и доходят до ушей советских органов, руководство Форин Офис пыталось пресекать эту «антирусскую болтовню» и обращать внимание военного командования на наиболее злостных её разносчиков. «Всё чаще можно слышать, как американцы, особенно военные, говорят о том, что созданная ими огромная армия со временем пригодится для войны с русскими, и обсуждают в этой связи преимущества аляскинского маршрута, – говорилось в меморандуме упомянутого сотрудника Форин Офис Дж. Вильсона для руководства ведомства (май 1944 г.). – Британские офицеры на Ближнем Востоке говорят о России со слегка завуалированной враждебностью, а члены нашей военной миссии в Москве (по крайней мере, до последнего времени) не скрывали своей неприязни и презрения к русским. Все эти разговоры отнюдь не ограничиваются военными кругами и, несомненно, доходят до русских, причём в преувеличенном виде. Нет сомнений в том, что те воспринимают их очень серьёзно. Они могут сказать, что если такие разговоры ведутся сейчас, когда русские таскают каштаны из огня для британцев и американцев, то что же будет после окончания войны?»[36]. Автор меморандума предлагал пересмотреть кадровую политику в отношении британского персонала, контактирующего с советскими представителями, и дать строгое указание всей гражданской и военной бюрократии воздерживаться от антисоветских высказываний. Документ получил поддержку Э. Идена, который планировал представить его на рассмотрение самому Черчиллю.

Нечто похожее происходило и на американской стороне, где главным мотором позитивного настроя в отношении СССР был Комитет советского протокола, курировавший оказание помощи Советскому Союзу и работавший под руководством верного соратника президента Ф. Рузвельта Г. Гопкинса. Под его редакцией в Комитете был подготовлен проект президентской директивы госсекретарю и главам военных министерств с требованиями ко всем должностным лицам, имеющим дело с советскими представителями. Авторы хотели вложить в уста президента следующие слова: «Я убеждён, что искренняя дружба и взаимопонимание между СССР и США жизненно важны для победы в войне

[35] Policy Committee Minutes, March 10, June 19, 1944. *NA*. RG 59. Records of H. Notter, 1949–1945. Box 138.
[36] Minute by G. Wilson, 26 May, 1944. *TNA*. FO 371/43305.

и будущего мира. Я также убеждён, что взаимопонимание лучше всего достигается проявлением сочувственного понимания советских проблем и задач, искренностью и откровенностью, а также предупредительным ко всем советским представителям в духе демократического равенства… Настаиваю на том, чтобы эта политика была принята к немедленному исполнению, и чтобы любые должностные лица, представляющие нашу страну в отношениях с СССР и не разделяющие данную политику, подлежали замене»[37]. По сути, подразумевалась своего рода чистка госаппарата от антисоветских элементов. Но обе эти попытки оказались безуспешными: Иден в итоге не представил меморандум Вильсона премьер-министру, а меморандум Гопкинса так и остался не подписанным президентом. Подспудный антисоветизм госаппарата западных союзников выйдет наружу сразу после окончания войны.

Соперничество в рамках сотрудничества

Дипломатическое соперничество, в основе которого лежала борьба за сферы влияния, не прекращалось, но оно протекало в общих рамках сотрудничества. Соперничество, ограниченное рамками сотрудничества – ещё одна формула коалиционных отношений, предусматривающая соблюдение определённых правил. Во-первых, оно не должно приводить к разрыву; во-вторых – сопровождаться согласованием, информированием, а главное – учётом интересов партнёра. Вот несколько примеров подобного «конкурентного сотрудничества».

В таком алгоритме происходила выработка общей позиции в отношении Италии и других сателлитов Германии, постепенно покидавших тонущий корабль «третьего рейха». Хотя каждая сторона при этом стремилась добиться для себя односторонних преимуществ и закрепить собственное доминирование в своих сферах влияния, союзники соблюдали правила коалиционной дипломатии, согласовывая свои действия (прежде всего, условия перемирия с сателлитами) друг с другом. В ходе такого согласования постепенно выработался негласный компромисс: де-факто признание преобладания интересов партнёра в приоритетных для него регионах при сохранении своего присутствия в союзных контрольных органах для оказания посильного влияния на его политику.

Первый прецедент такого рода был создан в ходе переговоров по обращению с Италией после её выхода из войны. Поначалу союзники попытались исключить СССР из участия в итальянских делах, рассматривая Италию как свою важную сферу влияния. Сталину удалось настоять на создании трёхсторонней военно-политической комиссии, которая обладала бы всеми контрольными полномочиями в Италии (за исключением руководства военными

[37] Memorandum for the Secretaries of State, War and Navy. *FDRL*. O. Cox Papers. Book 5 (Aid to Russia).

операциями)[38]. Такое решение предоставило бы Советскому Союзу реальное участие в важнейших итальянских делах на равных с США и Великобританией. Однако именно поэтому данный вариант явно не устраивал западных союзников, которые взяли курс на выхолащивание полномочий комиссии. Хотя англо-американцы, по словам американского историка У. Кимбэлла, «хотели бы избежать создания исключающего прецедента, который Сталин мог бы затем использовать против них, опасность допуска русских в Италию представлялась слишком большой, особенно – с учётом сильного влияния итальянских коммунистов» (Kimball 1997: 223). Так оно и получилось: не добившись равного участия в Италии, Сталин впоследствии использовал этот прецедент для минимизации роли союзников в контрольных органах, создаваемых в Восточной и Юго-Восточной Европе. Однако, следуя духу союзной солидарности, Москва не только исправно информировала союзников о переговорах с сателлитами Германии, но и согласовывала с ними условия перемирий. Эти согласования бывали сложными и даже напряжёнными (как, например, в случае с Румынией), но советская сторона при всём скрытом раздражении «назойливостью союзников» (выражение А.А. Громыко) учитывала их интересы и пожелания (Внешняя политика и дипломатия… 2014: 379–403).

Похожая гибкость была проявлена советской дипломатией и в вопросе о признании Французского комитета национального освобождения: при всём позитивном отношении к организации де Голля, СССР пошёл навстречу стремлению союзников отложить этот шаг. Важной вехой в дальнейшей институционализации антигитлеровской коалиции стало заключение советско-французского военно-политического договора в декабре 1944 г. И в этом случае были соблюдены все принципы союзной дипломатии: Москва не только информировала западных союзников о ходе переговоров с де Голлем, но и учла пожелания ревностно следивших за ними англичан при формулировании условий договора (Печатнов, Магадеев 2015b: 336–338; Зуева 2010). Ещё один пример учёта мнения партнёров по коалиции: столкнувшись с негативной реакцией союзников на создание Комитета «Свободная Германия» (в котором те увидели зачаток будущего просоветского правительства в побеждённой Германии), в Кремле отказались от планов создания аналогичных комитетов с участием итальянских, венгерских и румынских военнопленных (Banac 2003: 276, 284). Известное решение о роспуске Коминтерна в мае 1943 г. также имело «западный прицел» и не случайно было воспринято англо-американцами как «надёжный сигнал того, что советское правительство хотело бы улучшения отношений с Великобританией и США»[39].

---

[38] Обмен этими письмами см.: Советско-американские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. 1984. *Документы и материалы.* Москва. В 2 тт. Т. 1. 1941–1943. С. 368–369, 371–372.

[39] Из ежегодного отчёта британского посольства за 1943 г. (Review of Soviet Foreign Policy During 1943. February 8, 1944). *NA*, RG 84, 800 Soviet Union. Box 46.

Показательно и соблюдение лидерами этики коалиционной дипломатии в отношениях друг с другом. Летом 1943 г. Сталин вежливо уклонился от двусторонней встречи с Рузвельтом, который через своего эмиссара Дж. Дэвиса настойчиво искал личного контакта с советским вождём в обход Черчилля. Хозяин Кремля умел использовать разногласия между своими западными союзниками, но не хотел создавать впечатление советско-американского «сговора» против англичан, как и советско-британского «сговора» против американцев. Последнее соображение проявилось во время советско-британских переговоров 1942 г. о заключении союзного договора (когда Сталин убедил Черчилля заручиться согласием на них Вашингтона), а также во время его встречи с Черчиллем в октябре 1944 г., о которой он предложил информировать Рузвельта. Рузвельт, со своей стороны, старался избегать сепаратных переговоров с Черчиллем накануне встреч «Большой тройки» в Тегеране и Ялте, а когда накануне Тегерана такая встреча всё же состоялась в Каире, он, вопреки сопротивлению премьера, настоял на приглашении туда советских представителей. «Было бы ужасной ошибкой, – писал он Черчиллю, – если бы Дядюшка Джо счёл, что мы сговариваемся о военных действиях без него… По крайней мере, у них не будет ощущения, что им дают от ворот поворот»[40]. Другое дело, что в Кремле решили не воспользоваться этим приглашением, когда узнали, что в каирской встрече примет участие и Чан Кайши.

Заключение

Последняя заповедь коалиционной дипломатии – «не обманывать союзника». На заключительном ужине в Ливадийском дворце во время Ялтинской конференции Сталин произнёс тост, зафиксированный англичанами: «Союзники не должны обманывать друг друга. Возможно, это наивно, и опытные дипломаты могут спросить –"Почему не обмануть союзника?" Но я, как наивный человек, думаю, что всё же лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз потому и крепок, что мы не обманываем друг друга, а может быть – потому, что не так уж легко обмануть друг друга?» (Черчилль 2014: 521–522). Не намекал ли Сталин своим союзникам, что обмануть его всё равно не удастся? Знал ли он, что в Ялте Рузвельт заговаривал с Черчиллем о том, чтобы рассказать Сталину о близившемся к завершению «Манхэттенском проекте», но «шокированный» этой идеей премьер остановил президента[41]? Говорил же Сталин позднее послу А.А. Громыко, что Рузвельт в Ялте «мог бы просто мне сказать, что ядерное оружие проходит стадию изготовления. Мы же союзни-

[40] *Churchill and Roosevelt*. Vol. II. P. 597.
[41] Foreign Secretary, 25.3.45. *TNA*. PREM 3/139/6.

ки» (Громыко 1990: 277). В любом случае, сохранение атомного секрета в тайне, о которой Сталин хорошо знал, не укрепляло его доверия к союзникам. Знал он и о самом ярком примере вероломства – заказанном Черчиллем плане войны против товарища по оружию под названием «Немыслимое», составленном сразу после капитуляции Германии (Литвин, Мягков 2017: 298–300). Хорошо поставленная советская разведка в США и Великобритании только усугубляла эти подозрения. Вместе с тем, несмотря на взаимные подозрения и обвинения, союзники, как правило, воздерживались от серьёзных сепаратных переговоров с немцами, хотя некоторые неформальные контакты такого рода с западной стороны и имели место.

Говоря об упущенных возможностях и недостатках коалиционной дипломатии в годы войны, в том числе, о низком уровне институционализации антигитлеровской коалиции, ускорившим её развал, нельзя забывать о том, что созданный в годы войны механизм коалиционного взаимодействия обеспечил достижение главной общей цели. «Система коалиционного стратегического руководства вооружённой борьбой, – отмечается в фундаментальном труде российских историков, – несмотря на возникшие внутри коалиции серьёзные противоречия, обеспечила решение большей части задач, которые были поставлены перед их вооружёнными силами, и главное – не привела к развалу антигитлеровской коалиции, на что так рассчитывали в Берлине» (Союзники СССР… 2014: 630). Роль Советского Союза в сохранении этого взаимодействия, как правило, принижается в западной историографии, изображающей СССР своего рода «больным человеком» антигитлеровской коалиции, неспособным к полноценному сотрудничеству с западными демократиями. Вопиющим примером такого подхода выступает недавняя книга американского историка Ш. Макмикина «Война Сталина. Новая история Второй мировой войны», автор которой считает СССР большим злом, чем нацистская Германия, и обвиняет Рузвельта с Черчиллем в порочном выборе главного союзника в войне (McMeekin 2021). На Западе встречаются и более объективные оценки: «Несмотря на взаимные подозрения, – отмечается, например, в недавней "Истории Второй мировой войны" в серии Кембриджского университета, – в действительности советская сторона сотрудничала с западными союзниками чаще и эффективнее, чем это обычно представляется» (Menings, House 2015: 244).

Подводя итоги, можно сказать, что в целом участники «Большой тройки» антигитлеровской коалиции стремились придерживаться основных правил поведения в таких коалициях: соблюдение принятых на себя обязательств, умение сохранять единство коалиции, несмотря на все разногласия и противоречия, способность подчинить всё достижению главной цели – разгрому общего врага. Вместе с тем в ключевых вопросах «большой стратегии» советская сторона гораздо честнее относилась к выполнению своих обязательств, чем западные союзники. Она также проявляла большую готовность к институционализации антигитлеровской коалиции с тем, чтобы повысить степень её интеграции и до-

биться равного участия СССР в процессе принятии важнейших решений по совместному ведению войны и послевоенному урегулированию. Достижению такого равноправия мешало нежелание западных союзников признать Советский Союз в качестве долговременного полноценного партнёра и законного члена «клуба» великих держав. Решающий вклад СССР в разгром нацистской Германии и активность советской дипломатии на время обеспечили Советскому Союзу достойное место в «Большой тройке», однако это признание оказалось кратковременным.

Об авторе:

Владимир Олегович Печатнов – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, Заслуженный деятель науки России. 119154, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76, Россия. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94(100)"1939/1945":327.5
Received: October 15, 2023
Accepted : November 25, 2023

Exploring Lessons from Soviet Diplomacy and Western Allied Cooperation in World War II

V.O. Pechatnov
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-13-36

MGIMO University

Abstract: Based on an analysis of documentary sources from Russian, American, and British archives, this article delves into the intricacies of coalition diplomacy among the Allies during World War II. It places special emphasis on the adherence to obligations and coalition behavior norms, encompassing respect for partners' interests, maintaining unity amidst divergences, coordinating actions towards shared objectives, and avoiding actions that risk coalition breakdown. The comparative analysis of Soviet and Anglo-American diplomacy reveals that the principal members of the anti-Hitler coalition generally adhered to these norms, contributing to the ultimate defeat of their common adversary. However, the study indicates that the Soviet Union exhibited greater fidelity in fulfilling its obligations and was more proactive in institutionalizing the coalition for enhanced stability and equal participation in strategic deci-

sion-making for war conduct and postwar arrangements. This quest for parity was often impeded by the Western powers' reluctance to accept the Soviet Union as an enduring, equal partner and legitimate member of the great powers' club, both during and after the war. This hesitance, the article argues, was rooted not just in geopolitical considerations but also in deep-seated cultural factors, particularly the traditional Western sense of superiority and perception of Russia as a 'lesser' civilization not fit for inclusion in the Euro-Atlantic community. The article brings to light lesser-known documents from US and UK archives to illustrate this mindset. It also acknowledges dissenting voices in Anglo-American political spheres who advocated for a more equitable relationship with the USSR. However, these perspectives did not significantly alter the overarching direction of Western policy.

Keywords: The Second World War, Soviet diplomacy, anti-Hitler coalition, Stalin, Roosevelt, Churchill

About the author:

Vladimir O. Pechatnov – Dr. of Sciences (History), Professor, Department of European and American Studies, MGIMO, Distinguished Scholar of the Russian Federation. 119454, prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Banac I. (Ed.). 2003. *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949.* New Haven. 547 p.

Feis H. 1967. *Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. A Diplomatic History of World War II.* Princeton. 702 p.

Fenby J. 2007. *Alliance. The Inside Story of How Roosevelt, Stalin and Churchill Won the War and Began Another.* MacAdam Cage. 475 p.

Gilbert M. and Arnn L. (Ed.). 2017. The Churchill Documents. Vol. 19. *Fateful Questions.* September 1943 to April 1944. Hillsdale. 2752 p.

Gilbert M. 1983. *Winston S. Churchill.* Vol. 6. Finest Hour, 1939–1941. London. 1038 p.

Gilbert M. 2013. *Winston S. Churchill.* Vol. 7. Road to Victory, 1941–1945. Hillsdale. 1439 p.

Gilbert M. 2001. The Churchill War Papers. Vol. III. *The Ever-Widening War 1941.* London. 1888 p.

Harrison M. 1988. Resource Mobilization for World War II: the U.S.A, U.K., USSR, and Germany, 1938–1945. *Economic History Review,* 2nd ser. Vol. XLI. №2. P. 171–192.

Kimball W. (Ed.). 1984. *Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence.* Vol. 1–3. Princeton. Vol. I. 844 p.

Kimball W. 1997. *Forged in War. Roosevelt, Churchill and the Second World War.* Chicago. 432 p.

Lane A. and Temperley H. (Eds.) 1995. The Rise and Fall of the Grand Alliance, 1941–1945. Palgrave Macmillan.

Leffler M. 1991. Adherence to Agreements: Yalta and the Experience of the Early Cold War. *World War II: Crucible of the Contemporary World: Commentary and Readings.* Ed. by L. Lee. New York. P. 325–356.

McMeekin S. 2021. Stalin's War. *A New History of World War II.* New York. 864 p.

Menings B., House J. 2015. Soviet Strategy. *The Cambridge History of the Second World War.* Ed. by R. Bosworth, J. Maiolo. Vol. 1–3. Vol. 1. Fighting the War. Ed. by J. Ferris and E. Mawdsley. Cambridge. 213–244 p.

Moran Ch. 1966. *Winston Churchill: The Struggle for Survival, 1940–1965.* London. 864 p.

Ready J. 1996. *World War II. Nation by Nation.* Arms and Armour. New York. 352 p.

Stoler M. 2007. *Allies at War: Britain and America against the Axis Powers, 1940–1945.* Bloomsbury Press.

Schroeder P. 1976. *Alliances, 1815–1945. Historical Dimensions of National Security Problems.* Ed. by K. Knorr. University of Kansas.

Snyder G. 1997. *Alliance Politics.* Cornell University Press.

The War Diaries of Oliver Harvey. 1978. London. 399 p.

Walt S. 1987. *The Origins of Alliances.* Cornell University Press;

Walt S. 1997. *Why Alliances Endure or Collapse?* Survival, Spring.

Cherchill U. 2014. *Vtoraia mirovaia voina* [The Second World War]. Book 3. Vol. 5–6. Moscow. 702 p (In Russian).

Chuev F. 2000. Molotov. *Poluderzhavny vlastelin* [Molotov. Semi-Sovereign Ruler]. Moscow. 736 p. (In Russian).

Degoyev V. 2022. Kratkii kurs istorii britanskoi russofobii [The Short Course of British Russophobia]. *International Life.* №9. P. 30–47 (In Russian).

Falin V.M. 2000. *Vtoroj front. Antigitlerovskaya koaliciya: konflikt interesov* [The Second Front. The Anti-Hitler Coalition: Conflict of Interests]. Moscow: Centrpoligraf. (In Russian)

Gromyko A. 1990. *Pamyatnoe* [The Memorable]. Second enlarged edition. Moscow. 512 p. (In Russian).

Israelyan V.L. 1985. *Diplomatiya v gody vojny. 1941–1945* [Diplomacy during the War. 1941–1945]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Istomin I. 2018. *Logika povedenia gosudarstv v mezhdunarodnoi politike* [The Logic of State Behavior in International Politics]. Moscow: Aspect Press. 304 p. (In Russian).

Koul'kov E. (otv. red.). 2002. *Mirovye voiny XX veka: kniga 3. Vtoraya mirovaya voina. Istoricheskii ocherk* [World Wars of the 20th Century: Book 3. The Second World War. Historical Survey]. Moscow. 596 p. (In Russian).

Krivosheev G. et al. 2010. *Rossia i SSSR v voinah XX veka. Kniga poter'* [Russia and the USSR in the 20th Century Wars. The Book of Losses]. Moscow. 624 p. (In Russian).

Litvyn A., Myagkov M. (Otv. red). 2017. Osvobozhdenie. 1944–1956. V 2 knigah. Kniga 1. Ocherki. *Strana v ogne: V 3 t. T. 3.* Redactor-sostavitel' D. Surzhik. [The Country Ablaze. Vol. 1–3. Vol. 3. Liberation. 1944–1945. In 2 books. Book 1. Essays]. Moscow: Abris. 717 p. (In Russian).

Pechatnov V. 2002. Moskovskoie posol'stvo Averella Garrimana [Averell Harriman's Ambassadorship in Moscow]. *Modern and Contemporary History.* №3. P. 180–204 (In Russian).

Pechatnov V. 2017. Diplomatichesskaia missia A. Klarka-Kerra v Moskve. 1942–1946. [A. Klarke-Kerr's Diplomatic Mission to Moscow (1942–1946)]. *Modern and Contemporary History.* №5. P. 119–150 (In Russian).

Pechatnov V., Magadeev I. 2015a. *Perepiska Stalina s Rouzvel'tom i Cherchillem v gody Velikoi Otechestvennoi voiny.* Docoumental'noe issledovanie. T. 1–2. T. 1. [Stalin's Correspondence with Roosevelt and Churchill during the Great Patriotic War. A Documentary Investigation]. Vol. 1–2. Vol. 1. Moscow. 656 p. (In Russian).

Pechatnov V., Magadeev I. 2015b. *Perepiska Stalina s Rouzvel'tom i Cherchillem v gody Velikoi Otechestvennoi voiny.* Docoumental'noe issledovanie. T. 1–2. T. 2. [Stalin's Correspondence with Roosevelt and Churchill during the Great Patriotic War. A Documentary Investigation]. Vol. 1–2. Vol. 2. Moscow: Olma Media Grupp. 768 p. (In Russian).

Sipols V.Ya. 2000. *Velikaya Pobeda i diplomatiya* [Great Victory and Diplomacy]. Moscow: Novina. (In Russian)

Soyuzniki SSSR po antigitlerovskoi koalitsii [Allies of the USSR from the Anti-Hitler Coalition]. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945.* 2014b. V 12 t. T. 9. Moscow. 864 p. (In Russian).

Soyuzniki v vojne. 1941–1945 [Allies in the War. 1941–1945]. 1995. *K 50-letiyu Pobedy.* Otv. red. A.O. Chubar'yan, U.F. Kimboll, D. Rejnolds. Moscow: Nauka. (In Russian)

Stalin v gody voiny [Stalin during the War]. 2013. *Velikaya Pobeda.* Mnogotomnoie prodolzhayousheesya izdanie pod obshei redaktsiei S.E. Naryshkina i academika A.V. Torkunova. T. 9. Moscow: MGIMO. 652 p. (In Russian).

Vneshnaya politika i diplomatia Soveyskogo Soyuza v gody voiny [Soviet Foreign Policy and Diplomacy during the War]. 2014a. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945.* V 12 t. T. 8. Moscow. 864 p. (In Russian).

Volodin A., Filatov S. 2023. Russofobia: korni i krona [Russophobia: Roots and Brunches]. *International Life.* №4. P. 40–57 (In Russian).

Zueva K. 2010. Sovetsko-frantsuzskii dogovor o soyuze I vzaimopomoshi 1944 goda. [The Soviet-French Treaty of Alliance and Mutual Assistance of 1944]. *Russia and France: 300 years of special relations.* Moscow. 327 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. 2014. *Великая Отечественная война 1941–1945 гг.* В 12 тт. Т. 8. Москва. 864 с.

Володин А., Филатов С. 2023. Русофобия: корни и крона. *Международная жизнь*. №4. С. 40–57.

Громыко А.А. 1990. *Памятное*. Книга 1. Издание второе, дополненное. Москва. 512 с.

Дегоев В. 2022. Краткий курс истории британской русофобии. *Международная жизнь*. №9. С. 30–47.

Зуева К.П. 2010. Советско-французский договор о союзе и взаимной помощи 1944 г. *Россия и Франция. 300 лет особых отношений*. Москва. 327 с.

Исраэлян В.Л. 1985. *Дипломатия в годы войны. 1941–1945.* Москва: Международные отношения.

Истомин И.А. 2018. *Логика поведения государств в международной политике.* Москва: Аспект Пресс. 304 с.

Кривошеев Г.Ф. и др. 2010. *Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь*. Москва. 624 с.

Кульков Е.Н. (отв. ред.). 2002. *Мировые войны XX века: кн. 3. Вторая мировая война.* Исторический очерк. Москва. 596 с.

Литвин А.М., Мягков М. (отв. ред.). 2017. Освобождение. 1944–1945. В 2 кн. Кн. 1. Очерки. *Страна в огне: В 3 тт. Т. 3.* Ред.-сост. Суржик Д.В. Москва: «Абрис». 717 с.

Печатнов В., Магадеев И. 2015a. *Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны.* Документальное исследование. Т. 1–2. Т. 1. Москва. 656 с.

Печатнов В.О., Магадеев И.Э. 2015b. *Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны.* Документальное исследование. Т.2. Москва: Олма Медиа Групп. 768 с.

Печатнов В.О. 2002. Московское посольство Аверелла Гарримана. *Новая и новейшая история.* №3. С. 180–204.

Печатнов В.О. 2017. Дипломатическая миссия А. Кларк-Керра в Москве (1942–1946 гг.). *Новая и новейшая история.* №4. С. 169–192.

Сиполс В.Я. 2000. *Великая Победа и дипломатия.* Москва: Новина

Союзники в войне. 1941–1945. 1995. *К 50-летию Победы.* Отв. ред. А.О. Чубарьян, У.Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. Москва: Наука

Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. 2014. *Великая Отечественная война 1941–1945 гг.* В 12 тт. Т. 9. Москва. 864 с.

Сталин в годы войны. 2013. *Великая победа.* Многотомное продолжающееся издание под общей редакцией С.Е. Нарышкина и академика А.В. Торкунова. Т. 9. Москва: МГИМО. 652 с.

Фалин В.М. 2000. *Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов.* Москва: Центрполиграф.

Черчилль У. 2014. *Вторая мировая война.* Кн. 3. Т. 5–6. Москва. 702 с.

Чуев Ф. 2000. *Молотов. Полудержавный властелин.* Москва. 73 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(6). С. 37–68
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-37-68

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Советская дипломатия и разведка в борьбе за выход Финляндии из войны 1941–1944 гг. (по материалам российских архивов)

В.С. Христофоров

Институт российской истории РАН
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

По каналам советской разведки и внешнеполитического ведомства в Москву в первой половине 1941 г. поступала информация о сближении Берлина и Хельсинки, расширении германо-финского военного сотрудничества, прибытии в Финляндию германских войск и военной техники, отправке в Германию финских добровольцев для комплектования войск СС, строительстве укреплений вдоль советской границы, концентрации финских войск на советской границе. После нападения Германии на СССР Финляндия несколько дней соблюдала нейтралитет, выжидая удобного момента, и 26 июня 1941 г. объявила войну Советскому Союзу. Успех боевых действий на советско-финском фронте в июле – декабре 1941 г. был на стороне нашего противника. С конца декабря 1941 г. по лето 1944 г. советские и финские войска вели «позиционную войну», а линия фронта практически не изменялась. В тот период в Стокгольме, превратившемся в своеобразный геополитический центр, советские дипломаты во главе с А.М. Коллонтай и советские разведчики решали сложную задачу по склонению Финляндии к проведению мирных переговоров с Советским Союзом и выводу её из войны. Важную посредническую роль в организации мирных переговоров играла Швеция, соблюдавшая нейтралитет в войне и традиционно поддерживавшая хорошие отношения с Финляндией. Кроме того, Москве удалось убедить Вашингтон оказывать дипломатическое давление на Хельсинки по вступлению в переговоры, что постепенно дало положительный результат. Разносторонние усилия советских дипломатов и разведчиков, а также личное активное участие в сложном дипломатическом марафоне А.М. Коллонтай позволили провести в Москве два этапа советско-финских переговоров в марте и сентябре 1944 г. Если мартовские переговоры, по вине финских делегатов и политиков, оказались безрезультатными, то в сентябре удалось склонить финскую сторону к заключению перемирия и прекращению Финляндией боевых действий. Успех советской дипломатии привёл к постепенному развалу коалиции стран – противников СССР, возглавляемой Германией, и очередным звеном, выпавшим из этой цепи, стала Финляндия.

УДК: 94(47)"1941/1944":327.7
Поступила в редакцию: 10.20.2023
Принята к публикации: 11.30.2023

Ключевые слова: А.М. Коллонтай, К.Г. Маннергейм, Р. Рюти, Ю.Х. Паасикиви, Б. Ярцев, Э. Бохеман, советская разведка

Деятельность советских дипломатов и разведчиков за границей для непосвящённого исследователя порой трудно различима. Это связано с тем, что и дипломаты, и разведчики решают схожие задачи, но при этом они используют разные формы и методы. Советские разведчики, работавшие за границей, часто использовали дипломатическое или консульское прикрытие. И дипломаты, и разведчики активно работали по добыванию важной политической информации, что порой приводило к межведомственной конкуренции. Приоткрывая завесу секретности в работе разведки и вводя в научный оборот документы из архивов советских спецслужб, мы исследуем некоторые малоизученные страницы отечественной истории.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы, опираясь на новые оригинальные документы российских ведомственных архивов и новейшие научные исследования, рассмотреть направленную на вывод Финляндии из Второй мировой войны деятельность советских дипломатов и разведчиков в 1941–1944 гг., уточнить существовавшие проблемы в организации их взаимодействия и возможные пути решения этих проблем.

Историография и источники

История советско-финляндского противоборства в период 1941–1944 гг. изучалась историками России, Финляндии и США, которые за период после окончания Великой Отечественной войны и по настоящее время написали и издали сотни монографий и научных статей. В числе финских авторов назовём лишь некоторых. М. Йокипии (Йокипии 1999) и О. Маннинен (Маннинен 2006) исследовали обстоятельства начала войны между СССР и Финляндией, Л. Вестерлунд на основе документов личного происхождения (дневников финских добровольцев) и архивных источников анализировал деятельность финского батальона в германских частях СС на территории Украины и Кавказа в 1941–1943 гг. (Westerlund 2019; Христофоров 2021). Финские историки Х. Мейнандер (Мейнандер 2014: 71–98, 247–256) и К. Рентола (Рентола 2020), исследуя вопросы заключённого в 1944 г. перемирия между Хельсинки и Москвой, уделили существенное внимание деятельности советской дипломатии и особенно А.М. Коллонтай[1], а также советских разведчиков в Стокгольме, их роли и участию в под-

[1] Коллонтай Александра Михайловна (1872–1952) — советская государственная деятельница и дипломат. Полномочный представитель и посланник в Швеции (1930–1945).

готовке переговоров между СССР и Финляндией. Безусловным достоинством работ названных авторов является детальное изучение материалов МИД Финляндии, а также документов личного происхождения финских политических деятелей и дипломатов. Однако Мейнандеру и Рентоле не были доступны документы советских спецслужб, что не позволило им объективно показать влияние советской разведки на ход подготовки и ведения советско-финских переговоров в марте и сентябре 1944 г. Попытки американских и английских дипломатов оказать влияние на Финляндию в контексте вывода её из войны рассматриваются в работах С. Воробьёва, В. Штоля «Образ врага во внешней политике Англии и США» (Воробьёв, Штоль 2023), а также Г. Ойнас-Кукконена[2].

Необходимо подчеркнуть, что у зарубежных и отечественных учёных сохраняются различные интерпретации обстоятельств начала советско-финской войны. В зарубежной историографии причиной начала войны называют налёты советской авиации на финскую территорию, бомбардировки финских городов. Отечественные историки, не отрицая воздушных налётов советской авиации, уточняют, что это были финские военные аэродромы, на которых базировались самолёты ВВС Германии, а истинной причиной финского руководства, начавшего войну против СССР, было желание вернуть утраченные в 1940 г. территории и обеспечить региональную безопасность (Бишоп, Макнаб 2005).

В отечественной научной литературе историографию советско-финской войны существенно обогатили Г.А. Куманев (Куманев 2006) и Н.И. Барышников (Барышников 2008). При этом Куманев считает (и автор согласен с ним), что советская историография была достаточно однообразна, не отличалась глубиной исследований и широким охватом документальных источников, преимущественно рассматривались причины вступления Финляндии в войну против Советского Союза, её сотрудничество с нацистской Германией.

Изучение научных трудов, посвящённых советской дипломатии в годы Великой Отечественной войны, свидетельствует о том, что закулисная работа советских дипломатов и разведчиков, направленная на вывод из войны сателлитов гитлеровской Германии (Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии) освещается лишь фрагментарно[3].

В отечественных фундаментальных изданиях по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн боевым действиям на советско-финском фронте уделяется не много внимания, а деятельность специальных служб не рассматривается вообще (История Второй мировой войны… 1975).

---

[2] Ойнас-Кукконен Г. 2020. «Президент Финляндии в годы Второй мировой предлагал США оккупировать его страну». Финский историк о секретной игре Финляндии во 2-й мировой. *Реальное время*. URL: https://realnoevremya.ru/articles/176310-finskiy-istorik-o-sekretnoy-igre-finlyandii-vo-2-y-mirovoy?ysclid=llpeilny43782848675 (дата обращения 04.08.2023).

[3] Иванов А.Г. 1999. Очерки дипломатической истории Европы (1918–1945 гг.). Краснодар. С. 128–150; *История внешней политики СССР 1917–1975. 1976.* В 2-х тт. Т. 1. 1917–1945 гг. Москва: Наука. С. 461-464; Сиполс В.Я. 1985. *На пути к великой Победе: советская дипломатия в 1941–1945 гг.* Москва: Политиздат. С. 248–252.

Российские историки Н.И. и В.Н. Барышниковы (Барышников 2010, Барышников 2016), А.А. Комаров (Комаров 1995), Е.Н. Кульков (Кульков 2009), М.Ю. Мягков (Мягков 2008) и А.Б. Широкорад (Широкорад 2007), изучая советско-финляндские отношения, основное внимание обращают на ответственность Хельсинки за начало войны на стороне Германии, на желание финской стороны вернуть утраченные территории, рассматривают боевые действия в Карелии, а также их итоги и этап завершения войны. В работах названных авторов также не уделено внимание деятельности советской дипломатии и разведки в военные годы. Это связано с тем, что доступ к архивам национальных разведок и контрразведок существенно ограничен.

Лишь в начале XX в. на основе архивов Архангельска, Москвы[4], Мурманска, Омска, Петрозаводска[5] и Санкт-Петербурга появились работы о тайной войне специальных служб Советского Союза, Германии, Финляндии о борьбе советских контрразведчиков с разведчиками и диверсантами стран противника[6].

Важное место среди исследователей войны национальных разведок и контрразведок занимают наработки представителей научной школы Петрозаводска С.Г. Веригина (Веригин 2018), Э.П. Лайдинена (Лайдинен 2008), Г.В. Чумакова (Чумаков 2007) и других, которые исследуют структуру и особенности деятельности финских разведывательно-диверсионных структур, активно и конспиративно работавших на территории Карелии, Ленинградской и Мурманской областей (Лайдинен 2008)[7].

История различных аспектов советско-финляндской войны, в частности борьба спецслужб и деятельность внешнеполитического ведомства, освещается и в ряде научных публикаций автора (Христофоров 2008, 2015, 2018, 2020а, 2020б; Христофоров, Черепков 2014).

В контексте нашего исследования важное значение имеют документы личного происхождения, в частности, мемуары советских военачальников К.А. Мерецкова[8] и В.И. Платонова[9], дневники президента Финляндии Р. Рюти[10],

---

[4] *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.* 2003. Сборник документов. В 2 кн. Т. 3. Москва.

[5] Неизвестная Карелия. 1999. *Документы спецорганов о жизни республики.* 1941–1956 гг. Петрозаводск.

[6] Ломагин Н.А. 2004. *Неизвестная блокада.* Док., прилож. Кн. 2. Санкт-Петербург: Изд. Дом «Нева»; *Щит и меч блокадного Ленинграда.* 2010. Документальный очерк о сотрудниках УНКВД-УНКГБ по Ленинградской области. 1941–1944 гг. Санкт-Петербург; см. также (Хохлов 2006, 2007).

[7] Неизвестная Карелия. 1999. *Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск; Партизанская война в Карелии.* 2005. Сборник статей и материалов. Петрозаводск; Чумаков Г.В., Ремизов А.Н. 2007. *Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта.* Петрозаводск.

[8] Мерецков К.А. 1984. *На службе народу.* Москва.

[9] Платонов В.И. 1991. *Записки адмирала.* Москва.

[10] Рюти Ристо Хейкки (1889–1956) – финский государственный деятель, премьер-министр (1939–1940), президент Финляндии (1940–1944). В 1940 г. подписал Берлинский пакт, по которому Финляндия взяла на себя обязательство принять участие в боевых действиях против СССР на стороне Германии. В 1946 г. по обвинению в сотрудничестве с нацистами приговорён финским судом к 10 годам тюремного заключения. В 1949 г. освобождён по состоянию здоровья.

а также известных финских политиков Ю.К. Паасикиви[11] и В.А. Таннера[12], мемуары финского государственного и военного деятеля К.Г. Маннергейма[13], в которых содержится много новых, ранее неизвестных сюжетов по истории советско-финских политических и дипломатических отношений, военного противоборства двух стран[14].

Причина и повод нападения Финляндии на Советский Союз

Архивные документы и проведённые на их основе научные исследования свидетельствуют о том, что на основе совпадения военно-политических интересов Берлина и Хельсинки в конце 1940 г. – первой половине 1941 гг. не только велось активное военное сотрудничество двух сторон, но и разрабатывались совместные планы нападения на СССР (Юссила, Хентиля, Невакиви 2010; Мейнандер 2020: 224). Причиной подготовки Финляндии к нападению на СССР, как отмечают финские исследователи, были желание и надежды военно-политического руководства на поражение СССР в предстоящей войне с Германией, что позволило бы Финляндии возвратить несправедливо, по их мнению, утраченные территории (Йокипии 1999:133, 139).

С начала лета 1941 г. подготовка Финляндии к войне вступила в завершающую стадию. 9 июня президент Р. Рюти на заседании финляндского правительства объявил о прибытии на территорию Северной Финляндии германских войск, а также необходимости проведения частичной мобилизации в стране. Рюти, говоря о вынужденных мерах совместных действий с Германией в связи с предстоящей войной, отмечал, что единственным надёжным союзником Финляндии была Германия. 10 июня финские войска начали занимать позиции в пограничной зоне. Военный маховик набирал обороты и остановить его уже не было никакой возможности. 14 июня в Хельсинки утвердили график мобилизации призывников и мероприятия по подготовке к нападению на СССР. 20 июня все финские воинские части и соединения были приведены в состояние боевой готовности, переведены в укрытия и ждали сигнала к началу боевых действий.

В Хельсинки ждали лишь удобного момента и искали убедительный повод, чтобы начать вторжение на советскую территорию. В готовности к нападению находились отдельная германская армия «Норвегия», а также финские армии

---

[11] Паасикиви Юхо Кусти (1870–1956) – финский государственный деятель, премьер-министр Финляндии (1918, 1944–1946), президент Финляндии (1946–1956).

[12] Таннер Вяйне Альфред (1881–1966) – финский государственный деятель, лидер социал-демократической партии. Премьер-министр Финляндии (1926–1927), министр финансов (1937–1939; 1942–1944), министр иностранных дел (1939–1940), министр торговли (1940–1942). В 1946 г. осуждён на пять с половиной лет лишения свободы. В 1948 г. амнистирован.

[13] Маннергейм К.Г. 1999. Мемуары. Москва.

[14] Паасикиви Ю.К. 2004. *Дневники. Война – продолжение. 11 марта 1941 – 27 июня 1944.* Санкт-Петербург; Tanner V. 2011. *Unohdetut päiväkirjat. Toim.* Rautkallio H., Lehtinen L. Helsinki; Rytin R. 1940–1944. *Paiva Kirjat.* Helsinki.

(Карельская и Юго-Восточная). Боевой механизм финской армии был взведён: оставалось нажать на спусковой крючок.

В первой половине 1941 г. из столицы Финляндии по дипломатическим и разведывательным каналам поступали сведения о тесном сотрудничестве Финляндии и Германии в военной и экономической областях: контактах генералов двух армий, прибытии в Финляндию германских войск и военной техники, отправке в Германию финских добровольцев для комплектования войск СС, строительстве укреплений вдоль советской границы, концентрации финских войск на советской границе и на полуострове Ханко[15].

О военных приготовлениях Германии и Финляндии, мобилизации в Финляндии и концентрации в стране немецких войск советская разведка информировала Сталина и Молотова 4 и 13 июня 1941 г. Резидент из Хельсинки писал о том, что названные мероприятия проводятся с целью психического давления на Советский Союз, но не исключал возможности непосредственного нападения Германии на СССР при поддержке финской стороны[16].

Таким образом, советская внешняя разведка располагала информацией о военных приготовлениях Хельсинки, однако получаемые сведения носили противоречивый характер, что отрицательно сказывалось на принятии решений по подготовке к отражению вероятного нападения противника[17].

Финляндия вступает в войну против СССР

22 июня 1941 г. Гитлер, объявляя о нападении на СССР, заявил о наличии германско-финских военных планов на северных рубежах и о военном сотрудничестве двух стран[18].

Нападение Германии на СССР сопровождалось сообщением финского правительства о нейтралитете их страны, который формально продлился всего три дня, до 25 июня. В действительности в эти дни шла усиленная подготовка к вторжению на советскую территорию, так как президент Финляндии получил заверения Гитлера об оказании всесторонней помощи финскому обществу и армии.

В Москве с тревогой ожидали, что предпримет Хельсинки? 23 июня Молотов пытался через финского поверенного в делах П. Хюннинена довести до Хельсинки нецелесообразность вступления Финляндии в войну на стороне Германии против СССР.

---

[15] *ЦА ФСБ России.* Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1520–1524; Д. 65. Л. 88-89, 105; Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 14. Л. 224-226; *Архив УФСБ России по Республике Карелия.* Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76. Л. 38–44.

[16] *ЦА ФСБ России.* Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1746-1747; Д. 58. Л. 1861–1862.

[17] *ЦА ФСБ России.* Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1847–1852.

[18] *Великая Отечественная война – день за днём: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии.* 2008. Т. 1: «Вторжение», 22 июня – 30 сентября 1941 г. Москва. С. 546–547; ЦА ФСБ России. Ф. 3ос. Оп. 8. Д. 9. Л. 139–140.

Тем временем в Хельсинки царило приподнятое настроение. По мнению Маннергейма, наступление германских армий шло успешно. Красная армия не смогла оказать достойного сопротивления, так как из-за предвоенных репрессий среди высшего и старшего офицерского состава ощущался острый «дефицит командного состава»[19].

25 июня 1941 г. советские самолёты нанесли массированные удары по аэродромам на финской территории, где базировалась боевая авиация Германии и Финляндии[20]. В тот же день на экстренном заседании финского парламента премьер-министр Й. Рангелл заявил о невозможности страны обеспечить свою безопасность и призвал сделать выбор в ходе войны. На заседании звучали обвинения в адрес Москвы в связи с несправедливым советско-финским договором о мире 1940 г. Рангелл безапелляционно заявил о стремлении Москвы уничтожить финский народ. Финскому парламенту необходимо было решить, где поставить знак препинания во фразе «Объявить войну нельзя сохранить нейтралитет».

Как выяснилось, у финской политической и военной элиты сомнений в этом вопросе практически не было. Об этом свидетельствует то, что 26 июня президент Финляндии Рюти объявил войну Советскому Союзу. Официальный Хельсинки обосновал вступление Финляндии в войну исключительно оборонительными целями, в которых необходимо было начать наступление. Если поводом к началу войны стали советские воздушные налёты на финскую территорию, то причиной объявления войны, как мы отмечали выше, было стремление Финляндии возвратить утраченные территории (Бишоп, Макнаб 2005: 39).

Вторжение финских и германских (с территории Финляндии) войск на советскую территорию началось 29 июня после призыва Маннергейма к «священной освободительной войне» против давнего противника. Группировка состояла из 17 финских дивизий, германской армии «Норвегия» и сил 5-го германского воздушного флота Германии. Наступление под общим стратегическим руководством Маннергейма велось на мурманском, кандалакшском, кексгольмском и выборгском направлениях. Финские и германские войска намеревались, ведя «оборонительные бои», захватить участок железной дороги в направлении на Мурманск и прервать движение поездов[21].

Ценой больших потерь советским войскам удалось остановить наступление, предотвратить захват города и порта Мурманска, не допустить захват участка Кировской железной дороги[22].

---

[19] Паасикиви Ю.К. 2004. *Дневники. Война – продолжение. 11 марта 1941 – 27 июня 1944*. С. 93-94.

[20] *ЦАМО*. Ф. 28 (16) Оп. 1071. Д. 1. Л. 39-40, 60.

[21] Маннергейм К.Г. 1999. *Мемуары*. Москва. С. 379.

[22] *О количестве потерь подробнее см.: Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь*. 2009. Новейшее справочное издание. Москва. С. 81-83.

План восточно-карельского похода финских войск разрабатывался во взаимодействии с немецким военным командованием, даты начала наступления финских войск согласовывались с руководством вермахта (Мейнандер 2014: 229).

В военных планах Берлина, о чём свидетельствуют постоянные требования Гитлера, входил быстрый захват Ленинграда. Гитлер настаивал на соединении германских и финских войск, считая, что Ленинград обязательно должен быть захвачен (Мейнандер 2014: 551).

Однако ситуация на фронте разворачивались по другому сценарию.

Финские войска, имея численное превосходство, успешно продвигалась по советской территории. В сентябре они достигли государственной границы 1939 г. и заняли Выборг, в октябре – Петрозаводск, в декабре – Медвежьегорск. Дальнейшее наступление финнов было приостановлено. Две трети районов Карело-Финской ССР оказались оккупированными, а линия соприкосновения советско-финских войск проходила в 30 км к северо-западу от Ленинграда (Мягков 2008: 151). Дальнейшие события на советско-финском фронте превратились затяжную «позиционную войну»[23].

Внешнеполитические манёвры вокруг Финляндии в 1941–1942 гг.

Боевые действия на советско-финском фронте сопровождались активным непубличным противоборством, в котором участвовали дипломаты и разведчики СССР, США, Великобритании, Швеции, Германии, пытавшиеся оказывать влияние на финских политиков и вовлечь Финляндию в фарватер внешней политики своих стран.

Москва по дипломатическим каналам с августа 1941 г. добивалась от Лондона разрыва дипломатических отношений с Хельсинки, а от Вашингтона – оказания давления на финскую сторону в плане вступления в переговоры с СССР.

4 августа 1941 г. И.В. Сталин попросил Ф.Д. Рузвельта стать посредником в переговорах с финнами, заявив, что Москва могла бы пойти «на некоторые территориальные уступки Финляндии»[24]. В августе – октябре 1941 г. Вашингтон по дипломатическим каналам неоднократно предлагал Хельсинки прекратить наступление на советской территории и начать мирные переговоры с Москвой. Однако финские политики, подчёркивая, что «судьба Финляндии связана с судьбой Германии»[25], были уверены в победе над СССР и надеялись на получение «куска праздничного пирога». Ответы Финляндии в 1941 г. на ноты США были отрицательными, а выход из войны признавался нецелесообразным.

---

[23] Мерецков К.А. 1984. *На службе народу.* Москва. С. 364.

[24] *Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрам Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* 1957. Т. 2. Москва. С. 9.

[25] Паасикиви Ю.К. 2004. *Дневники. Война – продолжение. 11 марта 1941 – 27 июня 1944.* С. 102.

Захват Восточной Карелии и Петрозаводска, по мнению финских политиков, был хорошим козырем на будущих мирных переговорах с Москвой. Маннергейм считал, что сложились предпосылки к устранению угроз безопасности Финляндии и гарантиям прочного мира, что будет закреплено по итогам успешной войны[26].

Неожиданный визит Гитлера в 1942 г. в Суоми на юбилей Маннергейма и ответный визит Маннергейма в Германию могли привести к разрыву дипломатических отношений между США и Финляндией. Финские политики и дипломаты делали всё, чтобы предотвратить разрыв дипломатических отношений с Вашингтоном, ставшим «спасательным кругом» для Хельсинки на Западе и шансом для сохранения независимости страны[27]. Финнам длительное время удавалось убедить американскую сторону в целесообразности сохранять дипломатическое присутствие в стране и продолжать двусторонний диалог[28].

25 сентября 1942 г. посол США А. Шонфельд[29] вручил президенту Финляндии Рюти ноту, в которой американское правительство призывало финскую стороны не участвовать в наступательных операциях, проводимых по требованию Берлина. Рюти уверял американского посла в том, что финская внешняя политика – это борьба за независимость своего государства и защита от агрессивных действий Москвы. Он утверждал, что советская пропаганда о Финляндии ввела американское общество в заблуждение[30].

Финские политики возлагали большие надежды на Атлантическую декларацию, в которой декларировалось, что после завершения войны страны откажутся от территориальных расширений.

Аргументы финских дипломатов оказались неубедительными, и США в 1942 г. отозвали своего посла из Хельсинки, понизив уровень дипломатического представительства, но сохранив своё присутствие.

Дипломатические усилия Лондона по выводу Финляндии из войны в течение августа – ноября 1941 г. не давали положительного результата, что побудило Великобританию 6 декабря 1941 г. объявить войну Финляндии.

Многократные контакты советских дипломатов и разведчиков с английскими коллегами дали положительный результат, и Лондон в декабре 1941 г. согласился с тем, что граница, которую СССР установил с Финляндией в 1940 г., была правомерной[31].

---

[26] Там же. С. 121, 127.

[27] *ЦА ФСБ России*. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 16. Л. 284.

[28] Паасикиви Ю.К. 2004. *Дневники. Война – продолжение. 11 марта 1941 – 27 июня 1944*. С. 172, 208.

[29] Шонфельд Ганс Фредерик Артур (1889–1952), американский дипломат, посол США в Финляндии (1937–1942).

[30] *«Käymme omaa erillistä sotaamme»: Risto Rytin päiväkirjat 1940–1944.* 2006. Helsinki. S. 212; Маннергейм К.Г. 1999. Мемуары. Москва. С. 437-438.

[31] *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне*. Сб. док. 2003. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 г. Федер. служба контрразведки РФ, Академия федеральной службы контрразведки РФ; Рук. группы авт.-сост. В.П. Ямпольский. Москва: Русь. С. 71–73.

Активным региональным игроком в военные годы стала Швеция, которая прилагала много усилий к тому, чтобы склонить Финляндию к выходу из войны. Шведские политики и дипломаты, бизнесмены и банкиры, журналисты и издатели искали различные варианты оказания влияния на финскую политическую элиту. Например, известный шведский бизнесмен и банкир Маркус Валленберг[32] в конце декабря 1941 г. – начале января 1942 г. в Стокгольме конспиративно встречался Ю. Паасикиви и обсуждал с ним необходимость установления контактов между Хельсинки и Москвой. В 1941–1942 гг. инициативы шведской стороны финнами были проигнорированы, а предложения о контактах с Москвой считались нецелесообразными[33].

Сотрудничество разведок Финляндии и Германии

Сотрудничество разведок Финляндии и Германии началось в 1936 г., когда было заключено соответствующее соглашение (Лайдинен, Веригин 2013: 200–201)[34], и велось по следующим направлениям: обмен делегациями и разведывательной информацией, проведение совместных операций против СССР, добывание сведений о военном и экономическом потенциале Советского Союза[35].

По указанию руководителя немецкой военной разведки адмирала В. Канариса[36] накануне Второй мировой войны в Финляндии было создано подразделение управления «Абвер-Заграница» – «Кригсорганизацион Финляндия» (КОФ), или «Бюро Целлариуса»[37].

В состав финской военной разведки в военные годы входили: 2-й отдел генштаба финской армии; отделения разведки в городах Рованиеми, Каяни, Петсамо, Салла; разведывательно-диверсионный отряд «Отдельный партизанский батальон» (две роты в г. Каяни, для действий на северном участке Карельского фронта; одна рота в районе г. Петрозаводска – южный участок Карельского фронта; одна рота в Рованиеми, действовавшая на кандалакшском направлении и в районе Петсамо Мурманской области)[38].

---

[32] Валленберг Маркус (1899–1982) – шведский финансист, с 1946 г. управляющий директор одного из крупнейших шведских банков «Стокгольм Эншильда банкен». Двоюродный дядя шведского дипломата Рауля Валленберга, спасавшего евреев в Будапеште. Маркус и его брат Якоб входили в состав правлений и наблюдательных советов почти 50 шведских фирм.

[33] Паасикиви Ю.К. 2004. *Дневники. Война – продолжение. 11 марта 1941 – 27 июня 1944.* С. 144–149.

[34] *Органы государственной безопасности…* 2003. Т. 1. Кн. 1. Москва. С. 146.

[35] *ЦА ФСБ России.* Д. Н-21105.

[36] Канарис Фридрих Вильгельм (1887–1945) – руководитель немецкого военного разведывательного и контрразведывательного органа Абвер (1935–1944), адмирал.

[37] Бюро Целлариуса – подразделение Абвера в Финляндии и Эстонии, известно по имени возглавлявшего его с 1941 г. капитана Александра Целлариуса. Организовано в 1939 г. в Хельсинки, после оккупации Эстонии передислоцировано в Таллин.

[38] Подробнее о деятельности финских специальных служб см. (Христофоров 2018: 91–164).

В поле зрения финской и германской разведок были порты Мурманска и Архангельска, принимавшие с августа 1941 г. транспортные суда, доставлявшие боевую технику, вооружение, материально-техническое имущество и продовольствие из Великобритании и США[39].

Разведки интересовались вопросами инфраструктуры мурманского порта, состоянием причалов, количеством кораблей в порту, боевым охранением и средствами ПВО, состоянием Кольского залива и фарватера в нём; местами дислокации судов тралового флота. Кроме того, добывалась информация о дислокации советских воинских частей, аэродромов, складов, результатами бомбардировок немецкой авиацией Мурманска, Архангельска, портов и окрестностей[40].

В тыл Красной армии направлялись хорошо подготовленные и оснащённые разведывательно-диверсионные группы противника численностью от 5 до 30 чел., действовавшие на глубине до 150 км. Они собирали информацию визуальным путём, наблюдая за движением поездов на железных дорогах и автотранспорта на шоссе, в том числе, за передвижением частей армии и войск НКВД, вели скрытую фотосъёмку военных объектов, фортификационных сооружений, старались захватить пленных и провести их разведывательный опрос; проводили диверсионные акты на железной дороге. Агенты финской разведки собирали информацию о состоянии железнодорожных путей, их пропускной способности, системе охраны городов, станций и мостов, средствах ПВО, обстановке на станциях Беломорск, Сумповад, Нюхча, Малошуйка и Вонгуда: дислокации воинских частей, складов, баз, зенитных батарей и аэродромов, пропускной способности портов Беломорска и Онеги, наличии в них пароходов (Христофоров 2018: 113).

Советские дипломаты и разведчики в Стокгольме

Основными поставщиками информации о политическом, военном и экономическом положении в Финляндии в 1941–1944 гг. были советские дипломатические миссии в Лондоне и Стокгольме и легальные разведывательные резидентуры, работавшие в них под дипломатическим прикрытием. Это было связано с тем, что дипломатическая миссия в Хельсинки и легальная резидентура советской разведки в Финляндии прекратили свою деятельность в конце июня 1941 г. после объявления войны Советскому Союзу и депортации советских дипломатов.

---

[39] Платонов В.И. 1991. *Записки адмирала.* Москва. С. 194.

[40] *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.* 2003. Сб. док. Т. 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига» (1 января – 30 июня 1942 года). Федер. служба контрразведки РФ, Академия федеральной службы контрразведки РФ; Рук. группы авт.-сост. В.П. Ямпольский. Москва: Русь. С. 471–472; Платонов В.И. 1991. *Записки адмирала.* Москва С. 194–195, 212.

Информация о военных приготовлениях поступала в Москву начальнику 1-го управления НКГБ СССР П.М. Фитину[41] из отделов разведки НКВД-НКГБ КФССР, УНКГБ-УНКВД Ленинградской области, военной контрразведки Северного флота[42].

Советская разведка во второй половине 1941 г. и в 1942 г. сообщала, что руководство Финляндии не желает идти на переговоры с СССР, так как оно уверено в победе Германии. Финские политики и дипломаты считали нецелесообразным вступать в переговоры с Москвой, а финские военные были уверены в победе[43].

Советская резидентура в Лондоне добывала информацию о Финляндии, используя свои оперативные возможности в английских спецслужбах. Так, в сентябре 1942 г. была получена информация о том, что по прогнозам финского генштаба война между Германией и СССР в 1942 г. не завершится. В связи с этим стратегия финского командования была ориентирована на ведение оборонительных боевых действий, минимизацию потерь личного состава и удержание занятых позиций. В октябре 1942 г. советская разведка впервые получила данные о появлении настроений на выход из войны у отдельных финских политиков, но они хотели знать условия Москвы по этому вопросу[44].

С июля 1941 г. главным звеном советской разведки, добывавшем информацию о положении в Финляндии, стала резидентура, действовавшая под прикрытием советской дипломатической миссии в Стокгольме. Резидентом советской внешней разведки в Стокгольме был Б.А. Ярцев[45], аккредитованный как советник советской дипломатической миссии в Швеции.

Несмотря на работу Ярцева в Стокгольме под прикрытием, шведский МИД и иностранный дипломатический корпус в стране хорошо ориентировались в статусе советских дипломатов и их «аппаратном весе» в Москве. Об этом свидетельствовало внимание к Ярцеву со стороны иностранных дипломатов и журналистов. Например, посланник Финляндии в Швеции Я.А. Васашерна[46] изучал всех лиц, которые поддерживали контакты с Ярцевым, выяснял их основу, информируя Хельсинки о предложениях советского дипломата по вопросам переговоров о перемирии[47].

---

[41] Фитин Павел Михайлович (1907–1971) – руководитель советских органов безопасности. Генерал-лейтенант (1945). В органах безопасности с 1938 г., начальник 1-го управления НКГБ СССР (26 февраля – 31 июля 1941); начальник 1-го управления НКВД СССР (31 июля 1941 – 12 мая 1943); начальник 1-го управления НКГБ–МГБ СССР (12 мая 1943 – 15 июля 1946).

[42] *УФСБ России по Республике Карелия*. Ф. Контрразведывательного отдела (КРО). Оп. 1. Д. 76. Л. 9–14, 22–26, 28–36.

[43] *ЦА ФСБ России*. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д 15. Л. 58; Оп. 9. Д. 7. Л. 167; Ф. 40. Оп 19а. Д. 1. Л. 166.

[44] *ЦА ФСБ России*. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 108; Д. 16. Л. 113.

[45] Ярцев (настоящая фамилия – Рыбкин) Борис Аркадьевич (1899–1947) – советский разведчик и дипломат. Резидент советской разведки в Стокгольме (1941–1943), работал под прикрытием в должности советника советской дипломатической миссии в Швеции.

[46] Васашерна Ярл Аксель (1896–1972), профессор Хельсинского университета (1925–1940, 1943–1946), посланник Финляндии в Швеции (1940–1943).

[47] Tanner V. 2011. Unohdetut päiväkirjat. *Toim*. Rautkallio H., Lehtinen L. Helsinki. S. 17.

Скрыть принадлежность того или иного сотрудника посольства к разведке практически было невозможно. Как отмечал начальник Первого (разведывательного) управления КГБ СССР Л.В. Шебаршин, «чистые» коллеги в посольстве знают о разведчиках очень многое: где учился, где работал. До тех пор, пока разведки мира используют в качестве прикрытия дипломатические должности, избежать этого невозможно[48].

7 ноября 1942 г. в советской дипломатической миссии в Стокгольме состоялся праздничный приём с приглашением большого количества гостей. Один из них, главный редактор шведской газеты «Социал-демократен» Р. Линдстрем, предложил Ярцеву свои услуги как посредника между советскими и финскими представителями по вопросу мирных переговоров.

Полагая возможным такое развитие контактов, Ярцев в ноябре и декабре 1942 г. запрашивал разрешение Москвы продолжить контакты с Линдстремом, выяснять через него политическую ситуацию в Финляндии, перспективы финско-советских мирных переговоров. Однако Москва не рекомендовала Ярцеву дальнейшие встречи с Линдстремом[49].

По мнению автора, на отрицательный ответ из Москвы повлияла межведомственная конкуренция между внешнеполитическим и разведывательным ведомствами. Наркомат иностранных дел опасался, что советские разведчики достигнут больших успехов в организации переговоров и им достанется пальма первенства. Последующие решения Молотова также были направлены на то, чтобы не позволять советским разведчикам проявлять инициативу в подготовке мирных переговоров.

На контакты с Ярцевым выходил в феврале 1943 г. шведский дипломат Седерблюм[50], отмечавший, что шведские политические круги надеялись на благоразумную позицию СССР, заключавшуюся в сохранении независимости любых стран после окончания войны[51].

Ярцев интересовал и американских дипломатов, искавших с ним встречи. Например, советник посольства США в Стокгольме Грин убеждал Ярцева в важности для Москвы проявить инициативу и великодушие в вопросе предложения мира Финляндии[52].

Американский поверенный в делах Финляндии Р.М. Макклинток, часто посещавший Стокгольм, регулярно искал поводы для встреч с советскими дипломатами, в первую очередь с Ярцевым, называя его «экспертом советской миссии по финским вопросам». Макклинток убеждал Ярцева в том, что Вашингтон

---

[48] Шебаршин Л.В. 1992. *Рука Москвы: записки начальника советской разведки*. Москва: Центр-100. С. 49.
[49] *ЦА ФСБ России*. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 18. Л. 84.
[50] Сёдерблюм Стаффан, шведский дипломат, посланник Швеции в Москве (1944–1946).
[51] *АВП*. Оп. 10. Папка 11. Д. 85. Л. 184–185.
[52] Там же. Л. 173–172.

готов оказать посреднические услуги в переговорах с Финляндией, что Маннергейм и Рюти не оказывают помощь в наступлении Германии на Ленинград, а финское руководство понимает, что Германия потерпит поражение[53].

Макклинток настойчиво предлагал организовать в Стокгольме встречу финских сторонников движения за мир с советскими дипломатами – А.М. Коллонтай, Б.Д. Виноградовым или Ярцевым для обсуждения условий переговоров. Американец считал, что финны «ведут глупую политику», не начиная переговоров с СССР, удивлялся тому, что они не осознавали провалов немецкой армии и силы советского оружия[54].

Не оставалась без внимания и сотрудник советской разведывательной резидентуры в Стокгольме З.И. Ярцева[55], работавшая под прикрытием пресс-атташе. В середине августа 1943 г. редактор «Афтонтиднинген» Северин предложил ей встретиться с финским пресс-атташе Бротериусом и обсудить условия начала переговоров между СССР и Финляндией. Северин полагал, что возможен обмен мнениями и предварительные переговоры «между маленькими людьми дипломатических миссий», не привлекая к этому посланников[56].

Молотов был категорически против, чтобы сотрудники разведывательной резидентуры играли первую скрипку в контактах с финнами и 17 августа 1943 г. Молотов дал указание Ярцевой не касаться финских вопросов[57].

Проявления межведомственной конкуренции мы видим и в самой дипломатической миссии в Стокгольме. Резидент советской разведки работал автономно, не ставя в известность Коллонтай о контактах с представителями иностранных государств, добытой информации, планируемых мероприятиях. Коллонтай такие действия Ярцева раздражали, но она не могла на него повлиять. Коллонтай неоднократно говорила о том, что за её спиной сотрудники разведки ведут какие-то переговоры. В свою очередь, Коллонтай не посвящала Ярцева и сотрудников резидентуры в Швеции в детали собственных усилий по выводу Финляндии из войны.

Взаимное недоверие и конспирация мешали слаженной работе; порой возникали сложные ситуации, приводившие к напряжённым отношениями внутри дипломатической миссии. Так, в мае 1943 г. нарком госбезопасности В.Н. Меркулов сообщил Сталину о том, что разведывательная резидентура в Стокгольме тайно изъяла материалы личного архива Коллонтай, состоявшие из её дневни-

---

[53] *Там же.* Д. 87. Л. 165-163.

[54] *Там же.* Д. 90. Л. 4-9.

[55] Ярцева (Воскресенская, по мужу – Рыбкина Зоя Ивановна (1907–1992) — советская разведчица и детская писательница. Лауреат Государственной премии СССР (1968), полковник МВД.

[56] *АВП*. Оп. 10. П. 11. Д. 90. Л. 20.

[57] *Там же*. Л. 21, 31-34.

ков за период 1911–1935 гг., личных писем, рукописей по отдельным вопросам, копий деловой переписки за время работы за границей с 1925–1938 гг. и фотографий[58]. Коллонтай в то время была больна и не знала об изъятии архива.

Тайная операция советской разведки по изъятию архива Коллонтай обосновывалась обеспечением сохранности документов. Лишь после выздоровления Коллонтай заместитель резидента Е.Т. Синицын, прибывший в Стокгольм в августе 1943 г. и не участвовавший в секретной операции, сообщил Коллонтай о судьбе изъятого архива. В 1946 г. по указанию Сталина архив был ей возвращён[59].

Советские разведчики многое сделали для вывода Финляндии из войны, но главная роль принадлежала выдающемуся советскому дипломату Александре Коллонтай.

Для того чтобы разная ведомственная принадлежность не мешала слаженной работе разведчиков и дипломатов, необходимо установление личных доверительных отношений между советским послом в стране пребывания и резидентом внешней разведки[60]. В ином случае будет недоверие и взаимные обвинения, что негативно скажется на деятельности и дипломатов, и разведчиков.

Борьба за вывод Финляндии из войны (1943–1944)

Позиционные бои 1942–1943 гг. не имели стратегического значения ни для одной из сторон. И у Москвы, и у Хельсинки были свои причины не обострять военную обстановку на фронте. Советский Союз не располагал стратегическими резервами, которые можно было бы активно использовать против Финляндии, так как и в 1942 г., и в 1943 г. велись тяжёлые кровопролитные бои на советско-германском фронте. Битва за Кавказ, Сталинградское и Курское сражения требовали предельной концентрации сил Красной армии. Лишь коренной перелом в Великой Отечественной войне, завершившийся победой в Курской битве, позволил Ставке ВГК уделить более пристальное внимание ситуации на Карельском фронте и активизировать там боевые действия.

В Финляндии о проведении переговоров с СССР впервые задумались в начале февраля 1943 г., после поражения германской армии и её союзников в Сталинградской битве.

3 февраля 1943 г. на заседании в Ставке Маннергейма высшее финское руководство (Рюти, Рангель, Виттинг, Таннер, Вальден и Маннергейм) впервые заговорило о новой стратегической цели – достойном выходе Финляндии из

[58] Почему Сталин помогал Коллонтай и не дал хода доносам на неё. 2015. *Российская газета.* 2015. URL: https://rg.ru/2015/02/11/rodina-kollontay.html?ysclid=lkwt87w5je206013220 (дата обращения 04.08.2023).
[59] *Там же.*
[60] Подробнее о доверительных отношениях между советским послом и резидентом внешней разведки см.: Шебаршин Л.В. 1992. *Рука Москвы: записки начальника советской разведки.* Москва: Центр-100. С. 48–49.

войны и достижении приемлемых отношений с СССР. Однако на пути к этой цели имелось серьёзное препятствие в виде нацистской Германии, сохранявшей политическое, военное и экономическое влияние на Хельсинки[61].

В Финляндии пришли к пониманию, что посредником в переговорах с СССР может стать Швеция. Условия выхода Финляндии из войны стали главной темой дискуссий в дипломатических корпусах в Стокгольме и Хельсинки: обсуждалась целесообразность активизации идеологических противоречий между коммунистическим Востоком и демократическим Западом. Однако вскоре эта тема была признана бесперспективной, так как СССР и ведущие страны Запада (США и Великобритания) вели совместную борьбу против нацистской Германии и её союзников[62].

После победы Красной армии в Курском сражении летом 1943 г. финские политики попытались узнать предварительные условия советской стороны для начала переговоров. В Кремле с недоверием отнеслись к этой инициативе, о чём в августе 1943 г. через Коллонтай был проинформирован шведский МИД.

Тем не менее Стокгольм не прекращал попыток организовать советско-финские переговоры, причём важную роль в этом играл секретарь шведского Министерства иностранных дел Э. Бохеман[63]. По согласованию с премьер-министром П.А. Ханссоном он фактически стал посредником между Москвой и Хельсинки. В середине ноября 1943 г. Бохеман, обсуждая с Коллонтай вопрос о перемирии, говорил о желании Хельсинки провести переговоры. Коллонтай, получив положительный ответ из НКИД СССР, 20 ноября передала Бохеману, что финны могут направить в Москву свою делегацию[64].

Через несколько дней Хельсинки сообщил в МИД Швеции о своей готовности начать переговоры о мире. Финны подчёркивали, что предметом переговоров не может быть передача городов и иных жизненно важных для Финляндии территорий. За основу переговоров предлагалось взять финско-советскую границу 1939 г. с обсуждением возможных некоторых изменений прохождения линии границы[65]. Советское правительство предлагало принять за основу переговоров границу 1940 г.

---

[61] Tanner *V. 2011. Unohdetut päiväkirjat. Toim. Rautkallio H., Lehtinen L. Helsinki; Rytin R. 1940–1944. Paiva Kirjat. Helsinki S.* 17.

[62] Паасикиви Ю.-К. 2004. *Дневники. Война – продолжение. 11 марта 1941 – 27 июня 1944.* С. 268–269.

[63] Бохеман (Бухеман) Эрик Карлссон (1895–1979), шведский дипломат, секретарь кабинета (1938–1944), посол во Франции (1945–1947), Англии (1947–1948), США (1948–1958).

[64] *АВП*. Оп. 10. П. 11. Д. 90. Л. 41-42.

[65] *Там же.* Л. 51–53.

Финские «качели» 1943 г.

Весной и летом 1943 г. Хельсинки находился на своеобразных «качелях», которые то склонялись в сторону США, то возвращались к Германии. Прежде чем начать тайные переговоры с советскими представителями, финское руководство тщательно анализировало все аргументы за и против.

Хельсинки необходимо было решить сложную геополитическую задачу: проинформировать Берлин о невозможности продолжать войну и попытаться решить вопрос о выводе германских войск с собственной территории. Не менее сложной была и экономическая проблема. Нужно было найти страну, которая бы стала вместо Германии поставлять продовольствие Финляндии. Министр иностранных дел К. Рамсай[66] 27 марта 1943 г. встретился со своим германским коллегой Риббентропом и рассказал ему о предложении США выступить посредником в мирных переговорах между Финляндией и СССР. Риббентроп отозвался о такой перспективе резко негативно, высказав требование подписать политической союз с Германией, в котором обе стороны примут обязательство не заключать сепаратного мира с противником[67]. В течение апреля – июня 1943 г. МИД Германии настаивал на этой инициативе, но финны всякий раз уклонялись от прямого ответа. Посол Германии в Финляндии фон Блюхер неоднократно беседовал с Рюти, убеждая его в необходимости подписания соглашения. В ответ Рюти говорил о невозможности рассмотреть предложение о двустороннем договоре на заседании финского парламента Финляндии, так как это станет известно финскому обществу, появятся утверждения о давлении Германии на Финляндию, о зависимости внешней политики Хельсинки от Берлина. Парламентские дискуссии и гласные выступления депутатов нанесут урон отношениям двух стран.

В многомесячном дипломатическом противостоянии выиграла Финляндия, так как в июне финский посланник в Берлине был проинформирован о том, что германское правительство больше не настаивает на подписании договора и не требует от Хельсинки обязательства не заключать сепаратного мира с Советским Союзом.

В 1943 г. американцы продолжали оказывать политическое и дипломатическое давление на Хельсинки, стремясь вывести Финляндию из войны. Финское руководство осторожно относилось к посредничеству Вашингтона, полагая, что оно вызовет негативную реакцию Берлина.

---

[66] Рамсай Карл Хенрик Волтер (1886–1951), министр иностранных дел Финляндии (1943–1944).

[67] Tanner V. *Unohdetut päiväkirjat*. Toim. Rautkallio H., Lehtinen L. Helsinki; Rytin R. 1940–1944. Paiva Kirjat. Helsinki S. 22–24.

20 марта 1943 г. временный поверенный в делах США в Финляндии Р. Макклинток[68] посетил Рюти и передал ему памятную записку американского правительства с очередным предложением США о посреднических услугах. Казалось, что «качели» вновь двинулись в сторону Вашингтона, где надеялись, что новое финское правительство будет готово принять помощь (Куликов 2009: 70–84).

Президент Рюти 22 марта провёл совещание с участием Линкомиеса, Маннергейма, Рамсая, Вальдена, Рейникке и Таннера, на котором было решено просить американцев получить советские предварительные условия для начала переговоров. Финны продолжали «качаться» из стороны в сторону, но всё же более надеялись на Берлин.

8 и 10 апреля Рамсаю были переданы американские ноты с предостережением относительно недопустимости дальнейших уступок немецким требованиям. Хельсинки в ответных нотах утверждал, что нет оснований для прекращения «оборонительной войны».

Госдепартамент, считая позицию Финляндии по вопросам войны и ведения переговоров с СССР недопустимой и прогерманской, принял решение отозвать всех сотрудников американского посольства из Финляндии. 21 апреля в Хельсинки Маклинтоку поступила шифротелеграмма с указанием организовать срочный выезд персонала посольства в Стокгольм. Выезд дипломатов начался 23 апреля, но утром 25 апреля из Вашингтона поступила новая инструкция: отменить выезд. Это распоряжение было вызвано заявлением Москвы о разрыве советско-польских дипломатических отношений в связи с «Катынским делом». США отложили решение финского вопроса, не желая, чтобы он совпал с польским[69].

Макклинток оставался в Хельсинки до ноября 1943 г., до тех пор, пока, согласно достигнутым на Московской конференции договорённостям относительно стран противников[70], Вашингтон не санкционировал понижение уровня своего дипломатического представительства в Финляндии[71].

Зондаж о возможности проведения переговоров и примирении

В конце июля 1943 г. бельгийский посланник в Стокгольме Р. Крой[72], располагавший широкими связями в шведских дипломатических кругах, генераль-

---

[68] Макклинток Роберт (1909–1976), поверенный в делах США в Финляндии (1943–1944).

[69] Tanner V. *Unohdetut päiväkirjat. Toim.* Rautkallio H., Lehtinen L. Helsinki; Rytin R. 1940–1944. Paiva Kirjat. Helsinki. S. 32; Паасикиви Ю.-К. 2004. *Дневники. Война – продолжение. 11 марта 1941 – 27 июня 1944.* С. 259.

[70] *АВП*. Оп. 10. П. 11. Д. 89. Л. 165.

[71] Впоследствии на его место был назначен вице-консул, третий секретарь американской миссии Вест. Вест (1911–?), вице-консул в Будапеште, затем в течение трёх месяцев 1942 г. третьим секретарём в Хельсинки, сотрудник пресс-бюро местной американской миссии, руководил сектором Прибалтики. В 1943 г. несколько раз ездил дипломатическим курьером из Стокгольма в Хельсинки.

[72] Крой Режинальд Шарль Альфред, принц (1878–1961), бельгийский дипломат, посланник Бельгии в Швеции (1941–1945).

ном штабе и МИД, сообщил советнику советского посольства В.С. Семёнову[73], что финны ищут возможности выхода из войны. В свою очередь, советский дипломат попросил выяснить предварительные условия для начала переговоров. В Москве проанализировали информацию, полученную от бельгийского дипломата, и пришли к выводу, что инициатива, возможно, исходит из Вашингтона, оказывавшего давление на финскую сторону[74]. 30 июня бельгийскому посланнику был дан ответ: финны могут конфиденциально передать предварительные условия для заключения мира.

11 августа на очередной встрече Кроя с Семёновым бельгийский посланник сообщил об ответе Хельсинки, который гласил, что война велась только для защиты независимости страны; финское правительство подтверждало свою заинтересованность в заключении мира. О предложении начать переговоры с Москвой в Хельсинки знали только Рюти, Рамзай и Гриппенберг. Финны надеялись на соблюдение советскими представителями конфиденциальности[75].

Московская конференция 1943 года: Финляндия – страна «оси»?

19–30 октября 1943 г. в Москве проходила конференция министров иностранных дел СССР, Великобритании и США[76]. Однако ни в одном из итоговых документов конференции не было упоминаний о Финляндии, что разочаровало финскую и шведскую общественность.

Вашингтон, сохранявший дипломатические отношения с Хельсинки, был настроен решительно. Госсекретарь США К. Халл заявил: «Пусть финны не думают, что США помогут им в любом случае. Нет ничего более опасного для них, чем строить себе иллюзии, что американцы могут отстоять их интересы, если они сами не порвут с немцами и не докажут свою добрую волю»[77]. Халл подчёркивал, что пронемецкая политика финнов ошибочна и преступна и более неприемлема.

В Москве тоже не сразу пришли к единому мнению, как относиться к Финляндии в контексте решений Московской конференции. 9 ноября 1943 г. Молотов подписал для Коллонтай указание, где отмечал, что текст Декларации о всеобщей безопасности в полной мере относится как к Венгрии и Румынии, так

[73] Семёнов Владимир Семёнович (1911–1992), старший советник дипломатической миссии СССР в Швеции (1942–1945).
[74] *АВП*. Оп. 10. П. 11. Д. 90. Л. 1–2.
[75] *Там же*. Д. 90. Л. 11–15.
[76] О Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. *Бессмертный полк*. URL: https://polk.press/news/stranicy-istorii/o-moskovskoj-konferencii-ministrov-inostrannyh-del-sssr-ssha-i-velikobritanii?ysclid=lkwnxg7bpl661375960 (дата обращения 04.08.2023).
[77] *ЦА ФСБ России*. ПФ-10055. Т. 1а. Л. 462 об.

и к Финляндии. Молотов основывался на послании Конгрессу США от 17 сентября 1943 г., в котором Рузвельт причислил Финляндию к странам-сателлитам наравне с Болгарией, Венгрией и Румынией[78].

Через две недели после окончания Московской конференции Молотов дал Коллонтай новое указание: через шведских дипломатов довести до Хельсинки, что требование безоговорочной капитуляции не касается Финляндии. Это было связано с тем, что советское руководство приняло решение вступить с Хельсинки в переговоры по поводу заключения мира.

Затянувшаяся дипломатическая пауза была прервана в ноябре 1943 г., когда Коллонтай через Бохемана сообщила, что финны могут подготовить предложения об условиях начала переговоров. Коллонтай рекомендовала подготовить краткий, дружественный и открытый ответ. Финской стороне не следовало требовать территории, которые ей не принадлежали, а СССР не намеревался лишать Финляндию независимости[79].

В конце ноября 1943 г. ожидалось вынесение приговора по делу «русской шпионки» Хеллы Вуолийоки[80], который мог быть суровым, вплоть до смертной казни, что могло повлиять на Коллонтай, поддерживавшей дружеские отношения с Вуолийоки. Финское руководство, учитывая эти обстоятельства, перенесло вынесение приговора на более поздний срок.

В ответе МИД Финляндии предлагал взять за основу линию границы согласно договору по Тартускому миру, а также отмечал необходимость гарантий суверенитета и сохранения за финской стороной опорных пунктов.

В Москве ответ Хельсинки восприняли положительно, но настаивали в качестве предварительных условий переговоров принять прохождение границ в соответствии с соглашением 1940 г., а прочие вопросы обсудить позже.

Однако финские политики не были готовы вести переговоры на условиях советского правительства. 31 декабря 1943 г. на заседании внешнеполитической комиссии был утверждён отрицательный ответ Советскому Союзу. Начало переговоров было сорвано[81].

В шаге от перемирия (февраль – апрель 1944 г.)

В январе 1944 г. войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов начали наступление против германской группы армий «Север», итогом которого стал окончательный прорыв блокады Ленинграда. Разгром немец-

[78] *АВП*. Оп. 10. П. 26. Д. 206. Л. 99.

[79] Tanner V. *Unohdetut päiväkirjat. Toim.* Rautkallio H., Lehtinen L. Helsinki; Rytin R. 1940–1944. Paiva Kirjat. Helsinki. S. 60–67.

[80] Хелла Мария Вуолийоки (1886–1954) – финская писательница. В годы советско-финской войны находилась под негласным контролем финской контрразведки, подозревавшей Вуолийоки в шпионаже в пользу СССР. В 1943 г. арестована и приговорена к пожизненному заключению. После окончания советско-финской войны выпущена на свободу.

[81] *Там же.* S. 64–67.

ких войск под Ленинградом и Новгородом существенно повлиял на ситуацию на Карельском перешейке. Чтобы подтолкнуть Финляндию к началу переговоров, советская авиация в феврале 1944 г. нанесла бомбовые удары по военным объектам на территории страны, в том числе и по Хельсинки (Юссила, Хентиля, Невакиви 2010: 248).

В феврале 1944 г. при посредничестве М. Валленберга в Стокгольме прошла встреча Коллонтай с финским представителем Ю.К. Паасикиви, не занимавшим в тот период никаких государственных постов, но действовавшим по поручению финского правительства. Коллонтай передала Паасикиви советские условия, так называемые «шесть пунктов» (Христофоров 2018: 202).

Первые три пункта условий предусматривали: разрыв Финляндией отношений с Германией, интернирование немецких войск; восстановление советско-финского договора 1940 г. и отвод финских войск к границе 1940 г.; возвращение советских и союзных военнопленных, советских граждан, содержащихся в финских концлагерях.

Три следующих пункта (4, 5 и 6) касались вопросов демобилизации финской армии, возмещения убытков, причинённых Советскому Союзу военными действиями и оккупацией советских территорий, а также района Петсамо. Их предлагалось обсудить в ходе переговоров.

23 и 24 февраля в Хельсинки на заседании иностранной комиссии финского правительства (Рюти, Линкомиес, Маннергейм, Рамсай, Вальден, Таннер) было заслушано выступление Паасикиви, который сообщил, что советские условия для финского правительства очень тяжёлые, но приемлемые. Он предложил начинать переговоры, так как военная обстановка ухудшается[82].

Финское руководство считало иначе, и в Москву через Стокгольм был направлен отрицательный ответ.

Бохеман настойчиво продолжал посредническую деятельность, поочередно встречаясь то с Коллонтай, то с финскими представителями. Шведы рекомендовали финнам возобновить переговоры и запросить у Москвы условия перемирия. Молотов 18 марта направил в Стокгольм телеграмму, в которой сообщил, что советское правительство не возражает против приезда в Москву представителей финского правительства для интерпретации советских условий перемирия. В Москве по достоинству оценили посреднические услуги Стокгольма: Молотов поручил Коллонтай выразить благодарность королю Швеции, правительству и лично Бохеману за вклад в дело мира[83].

[82] *ЦА ФСБ России*. Ф. 4 ос. Оп. 2. Д. 2. Л. 1040–1041.
[83] *АВП*. Оп. 12. П. 27. Д. 155. Л. 10.

26 марта 1944 г. финская делегация в составе Ю.К. Паасикиви, К. Энкеля[84] и Г. Энкеля[85] находилась в Москве. Молотов и В.Г. Деканозов провели с финнами три встречи.

Два финских делегата на переговорах в Москве, Паасикиви и Энкель, придерживались разных взглядов по вопросам тактики ведения переговоров, оценке сложившейся обстановки и важности заключения перемирия. Паасикиви предлагал принять выдвинутые условия и заключить перемирие. По мнению Энкеля, нужно больше требовать от советской стороны и не соглашаться на границы, установленные в результате мирного договора 1940 г. Энкель считал унизительными условия демобилизации финской армии. Он утверждал, что «русским нельзя верить», иначе может возникнуть угроза миру, и предлагал подождать, когда станет более определённым положение на советско-германском фронте, когда будет понятно, кто победит в этой войне, лишь затем принимать решение о начале переговоров[86].

Финское правительство, парламент и общество также негативно восприняли советские условия перемирия. Пресса писала, что Финляндия хочет быть независимой страной, жить свободной жизнью, однако советские условия не оставляют для этого никаких возможностей. В газетах появились утверждения, будто «вся мирная дискуссия стала совсем ненужной и бессмысленной» (Христофоров 2018: 202).

В итоге 18 апреля в МИД Швеции из Хельсинки поступил отрицательный ответ на советские условия перемирия. Бохемон с сожалением передал текст ответа финского правительства Коллонтай. Весна 1944 г. не принесла решения сложной проблемы.

Для того, чтобы финское правительство стало более сговорчивым, 9 июня 1944 г. части и соединения Карельского фронта перешли в наступление и прорвали финскую линию обороны. Лишь при массированной поддержке немецкой авиации к середине июля финнам удалось остановить наступление Красной армии.

Дилемма перед Хельсинки: продолжать войну или остановиться (август – сентябрь 1944 г.)

Возможные последствия наступления советских войск были слишком очевидны для финского правительства. Г.А. Гриппенберг[87] связался с Бохеманом и

[84] Энкель Карл Йохан Алексис (1876–1959), финский государственный деятель и дипломат. Министр иностранных дел (1918–1919, 1922, 1924, 1944–1950).

[85] Энкель Георг, финский государственный служащий, вице-судья. Сын Оскара Энкеля. Во время переговоров выполнял функции переводчика и секретаря.

[86] *ЦА ФСБ России*. Ф. 4 ос. Оп. 2. Д. 2. Л. 996–998.

[87] Гриппенберг Георг Ахатес (1890–1975), финский дипломат, посланник в Великобритании (1933–1942), Ватикане (1942–1943), Швеции (1943–1956).

заявил о готовности Финляндии прекратить боевые действия и заключить мир. В 9 часов утра 23 июня в Стокгольм из Москвы поступила шифротелеграмма, в которой сообщалось, что советское правительство более не доверяет устным заявлениям Хельсинки и настаивает на предоставлении письменных обязательств, что было интерпретировано финнами как требование безоговорочной капитуляции[88].

Германский посол Блюхер и прилетевший 22 июня в Хельсинки Риббентроп усиленно обрабатывали Рюти, добиваясь от него обязательства не заключать сепаратный мир с Москвой и подписать соглашение с Германией.

Требования Москвы и Берлина ставили Хельсинки перед дилеммой, которую можно условно выразить словами: «Продолжать войну нельзя остановиться». Необходимо было сделать выбор и поставить в нужном месте знак препинания. Рюти, посоветовавшись с юристами, принял решение и 26 июня подписал личное обещание, что Финляндия будет продолжать войну и следовать в русле немецкой внешней политики; взамен страна получила военно-техническую помощь от Германии. Однако Финляндия окончательно лишилась доверия со стороны СССР, а 30 июня 1944 г. США разрывали с ней дипломатические отношения[89].

Москва заявила, что более не будет иметь дело с президентом Рюти, а тема советско-финских переговоров закрыта. Финляндия оказалась на пороге внутриполитического, экономического и военного кризиса. Длительные внутренние политические дискуссии привели к тому, что после ухода в отставку Рюти пост президента страны согласился занять Маннергейм (Юссила, Хентиля, Невакиви 2010: 255).

17 августа в Финляндию по поручению Гитлера прибыл начальник Верховного командования вермахта В. Кейтель. Перед ним была поставлена задача выяснить планы Маннергейма на посту президента страны. Маннергейм прямо заявил, что не считает себя связанным личными обещаниями Рюти не начинать мирные переговоры с СССР без согласия Германии (Мейнандер 2020: 256).

Хельсинки активизировали работу по заключению перемирия, и в Москву была передана вербальная нота с просьбой президента и правительства принять делегацию для проведения переговоров о перемирии между Финляндией и Советским Союзом[90].

В ответ Москва потребовала от финской стороны: публично заявить о разрыве отношений с Германией; принять меры по выводу немецких войск с терри-

[88] *АВП*. Оп. 12. П. 19. Д. 108. Л. 217; (Юссила, Хентиля, Невакиви 2010: 251).
[89] США восстановили дипломатические отношения с Финляндией после окончания Второй мировой войны. Миссия в Хельсинки была открыта 1 марта 1945 г., дипломатические отношения восстановлены 1 сентября 1954 г.
[90] *АВП*. Оп. 12. П. 28. Д. 172. Л. 263–265.

тории страны до 15 сентября; прекратить боевые действия в 6 часов утра 4 сентября. В случае принятия названных условий, остальные вопросы предлагалось обсудить в ходе переговоров[91].

Хельсинки принял условия, и 7 сентября в Москву прибыла финская делегация во главе с премьер-министром страны А.В. Хакцелем[92]. В этот же день около 17:30 Молотов принял Хакцеля. Предварительная беседа была эмоционально сдержанной. Молотов задавал много вопросов и заверил, что переговоры начнутся, как только советская сторона получит ответ от союзников по поводу советских проектов соглашений.

Перед началом официальных переговоров наступила длительная пауза. В течение недели члены финской делегации с тревогой пытались понять её причины, но изменить ситуацию не могли.

Одной из причин отсрочки начала советско-финских переговоров стали переговоры о перемирии с Румынией, проходившие в Москве с 10 по 12 сентября 1944 г. В названных переговорах участвовали представители СССР (В.М. Молотов, А.Я. Вышинский, И.М. Майский и другие), США (посол У.А. Гарриман), Великобритании (посол А.К. Керр) с одной стороны, и делегацией румынского правительства (министр юстиции Л. Патрашкану, генерал Д. Дамачану, румынские политические деятели Б. Стирбей и Г. Попп) – с другой. 12 сентября было подписано соглашение о перемирии, согласно которому закреплялось фактическое прекращение с 24 августа 1944 г. Румынией военных действий против СССР на всех театрах войны. Правительство и военное командование Румынии обязались принять меры к разоружению и интернированию вооружённых сил Германии и Венгрии, находившихся на румынской территории.

Днём 14 сентября Хакцель объявил то своём намерении вернуться на родину. Руководство НКИД СССР отреагировало оперативно: около 18:30 Хакцелю поступило приглашение к 23 часам прибыть на переговоры с участием представителей советского и британского правительств (Христофоров 2018: 219–220).

Длительное эмоциональное напряжение сказалось на состоянии здоровья главы финской делегации: переговоры, которых он так долго ждал, должны были начаться через несколько часов. Организм Хакцеля не выдержал, и у него произошел нервный срыв. В 19:20 в НКИД СССР по телефону поступило сообщение об ухудшении здоровья Хакцеля и была высказана просьба срочно прислать врача. Уже через 20 минут врач прибыл на место и поставил диагноз: правосторонний паралич, больному предписан абсолютный покой и консультация невропатолога.

---

[91] П. 27. Д. 155. Л. 47–49.

92 Хакцель Андерс Вернер (1881–1946), финский государственный деятель. Министр иностранных дел (1932–1936), премьер-министр (8 августа – 21 сентября 1944).

Несмотря на это происшествие, 14 сентября в 23 часа в особняке НКИД СССР начался первый раунд переговоров с участием Молотова, Керра и финской делегации, временно возглавленной министром обороны К.Р. Вальденом.

Дальнейшие события на переговорах развивались стремительно. 15 сентября в Финляндию самолётом был отправлен проект соглашения о перемирии, на следующий день финское правительство его обсудило. Вечером 16 сентября в Москву прибыл новый руководитель финской делегации – министр иностранных дел Финляндии К. Энкель.

16 сентября в 22 часа состоялась вторая встреча советской делегации (В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, В.Г. Деканозов, М.М. Литвинов, генерал С.М. Штеменко и контр-адмирал А.П. Александров), английской делегации (посол Великобритании в Москве А. Керр) и финской делегации (К. Энкель, О. Энкель, Вальден, Хейндрикс, Нюкопп и Г. Энкель)[93].

Молотов заявил, что Финляндия медленно разоружает немецкие войска на севере страны, и более того, немецкие войска и финские власти живут в полном содружестве. Просьбу Энкеля изменить на некоторых участках советско-финскую границу 1940 г. Молотов отверг, подчеркнув, что после трёх лет войны какое бы то ни было исправление границы невозможно.

18 сентября в 17 часов Молотов вновь принял финскую делегацию. Эта встреча была эмоциональной и продолжалась всего 15 минут. В ответ на заявление Энкеля, что для подписания перемирия необходимо получить согласие финского сейма, Молотов резко возразил, что Финляндия в 1941 г. напала на СССР, несёт ответственность за блокаду Ленинграда и артиллерийские обстрелы города. Нарком иностранных дел СССР в ультимативной форме заявил, что если финская делегация не подпишет перемирие, то может возвращаться обратно. Это приведёт к оккупации Финляндии, для которой уже всё готово (Христофоров 2018: 227).

К. Энкель после встречи с Молотовым был совершенно подавлен. Он срочно направил телеграмму в Хельсинки, в которой указал на «необходимость принятия срочных мер» и запросил немедленного предоставления полномочий для подписания перемирия[94].

Если в марте 1944 г. К. Энкель был противником подписания с СССР более мягких условий перемирия, то в сентябре он понял, что соглашение было единственным спасением от возможного вторжения на территорию страны Красной армии.

19 сентября около 12:30 в особняке НКИД от имени союзного командования советские представители подписали соглашение о перемирии[95] между СССР,

[93] *АВП*. Оп. 12. П. 19. Д. 109. Л. 224–225.
[94] *ЦА ФСБ России*. Ф. 4 ос. Оп. 2. Д. 7. Л. 4667.
[95] Мирный договор между СССР и Финляндией был подписан 10 февраля 1947 г. в Париже.

Великобританией и Финляндией. Со стороны Советского Союза договор подписал А.А. Жданов, от Финляндии — К. Энкель.

Таким образом, благодаря усилиям советских дипломатов и разведчиков, хотя порой они были противоречивыми и сопровождались межведомственной конкуренцией, был достигнут значительный успех на дипломатическом и тайном фронтах. Финляндия прекратила боевые действия против СССР и вывела свои войска за линию советско-финской границы 1940 г. Финское военное командование передало советскому военному руководству сведения о германских вооружённых силах, началась передача советских и союзных военнопленных, а также интернированных и насильственно уведённых советских и союзных граждан.

Финляндия прекратила с Германией и Венгрией все дипломатические, консульские и иные отношения, а также почтово-телеграфную и телефонную связь. Действие советско-финского мирного договора 1940 г. было восстановлено с некоторыми изменениями.

Финляндия вслед за Румынией прекратила боевые действия против СССР, что позволило командованию Красной армии сосредоточить усилия на борьбе с нацистской Германией. Развал коалиции стран – противников СССР, возглавляемой Германией, продолжился. 28 октября 1944 г. было подписано соглашение о перемирии между СССР, США и Великобританией и Болгарией, 20 января 1945 г. – между СССР, США и Великобританией и Венгрией.

Заключение

Завершая наше небольшое исследование, отметим, что вступление Финляндии в войну против СССР на стороне Германии не было случайным. Финские политики и военные практически сразу после подписания мирного договора в марте 1940 г. стали вынашивать планы возврата утраченных территорий. Именно это обстоятельство послужило основой военного сотрудничества Берлина и Хельсинки, подготовки их к совместным боевым действиям против СССР и причиной вступления Финляндии в войну против СССР. Поводом для начала войны стало нанесение бомбовых ударов советской авиацией по финским аэродромам, на которых базировалась военная авиация Германии.

С первых дней после нападения Германии на СССР советская дипломатия пыталась удержать Финляндию на нейтральных позициях, а после её вступления в войну советские дипломаты и разведчики принимали все возможные меры по организации мирных переговоров. В тонкой дипломатической игре по выводу Финляндии из войны активно участвовали Москва, Вашингтон и Стокгольм.

Усилия советских дипломатов во главе с А.М. Коллонтай и разведчиков привели к тому, что в 1944 г. в марте и сентябре были проведены мирные переговоры, Финляндия приняла условия Москвы и подписала соглашение о перемирии.

Вне всякого сомнения, первую скрипку в организации переговоров сыграли советские дипломаты, в первую очередь А.М. Коллонтай, а разведчики, используя свои специфические возможности и методы работы, всячески способствовали этому процессу. В то же время межведомственная конкуренция между разведкой и дипломатией вносила некоторые элементы недоверия, что создавало определённое недопонимание и трудности в решении общих задач. В целях устранения подобных недоразумений и межведомственной конкуренции в процессе работы дипломатов и разведчиков за рубежом необходимо тесное взаимодействие в центре, регулярный обмен информацией с учётом правил конспирации, а также координация совместных действий.

Указанные сложности, возникавшие в работе советских дипломатов и разведчиков в Стокгольме, не помешали им решить основную задачу – организовать мирные и переговоры, завершившиеся выходом Финляндии из войны.

Об авторе:

Василий Степанович Христофоров – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН. 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, старший научный сотрудник, 603155, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Минина 31А.
E-mail: xvsarhix@rambler.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94(100)"1939/1945":327.5
Received: October 20, 2023
Accepted : November 30, 2023

Soviet Diplomacy and Intelligence Efforts to Facilitate Finland's Withdrawal from the 1941–1944 War: Insights from Russian Archives

V.S. Khristoforov
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-37-68

Institute of Russian History RAS
Nizhny Novgorod State Linguistic University named after. N.A. Dobrolyubova

Abstract: Through both intelligence channels and foreign policy efforts, Moscow gathered information in early 1941 about the growing alliance between Berlin and Helsinki, including increased German-Finnish military collaboration, the deployment of German troops and military equipment in Finland, the recruitment of Finnish volunteers for SS units in Germany, the construction of fortifications along the Soviet border, and the massing of Finnish forces near the Soviet frontier. Despite initially maintaining neutrality after Germany's invasion of the USSR, Finland declared war on the Soviet Union on June 26, 1941. The initial phase of the Soviet-Finnish front from July to December 1941 saw military successes favoring Finland. Subsequently, from late December 1941 until summer 1944, a "positional war" ensued with little change to the front line. During this period, Stockholm emerged as a key geopolitical hub where Soviet diplomats, led by A. Kollontai, and intelligence officers navigated the complex task of encouraging Finland to engage in peace talks with the Soviet Union and withdraw from the war. Sweden's neutrality in the conflict and its traditionally strong ties with Finland positioned it as an effective mediator in these negotiations. Additionally, Moscow successfully lobbied Washington to apply diplomatic pressure on Helsinki to initiate negotiations, which gradually began to yield positive results. The multifaceted efforts of Soviet diplomats and intelligence, coupled with A. Kollontai's active involvement in this diplomatic endeavor, facilitated two rounds of Soviet-Finnish negotiations in Moscow in March and September 1944. While the March talks faltered due to Finnish delegates and political stances, the September negotiations succeeded in persuading Finland to agree to a truce, ceasing hostilities. This diplomatic victory contributed to the gradual disintegration of the anti-USSR coalition led by Germany, with Finland becoming a crucial component to exit this alliance.

Keywords: A. Kollontai, K.G. Mannerheim, R. Ryti, Y.H. Paasikivi B. Yartsev, E. Boheman, Soviet intelligence

About the author:

Vasily S. Khristoforov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 117292, Moscow, st. Dmitry Ulyanov, 19. E-mail: xvsarhix@rambler.ru
Nizhny Novgorod State Linguistics University of Nizhny Novgorod, senior Researcher. 603155, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, st. Minina 31A.

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Westerlund L. 2019. *The Finnish SS-Volunteers and Atrocities against Jews, Civilians and Prisoners of War in Ukraine and the Caucasus Region 1941–1943: An Archival Survey*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki: Finnish Literature Society, the National Archives of Finland. 600 p.

Baryshnikov N.I. 2010. *Finlyandiya: iz istorii voennogo vremeni 1939–1944* [Finland: From the History of Wartime 1939–1944]. Saint Petersburg. 407 p. (In Russian)

Baryshnikov V.N. 2016. K voprosu o vyhode Finlyandii iz Vtoroj mirovoj vojny: vizit finskoj pravitel'stvennoj delegacii v Moskvu v marte 1944 goda i ego znachenie (po materialam arhiva ministerstva inostrannyh del Finlyandii) [On the Issue of Finland's Withdrawal from World War II: the Visit of the Finnish Government Delegation to Moscow in March 1944 and its Significance (based on Materials from the Archive of the Finnish Ministry of Foreign Affairs)]. *Proceedings of the Department of History of Modern and Contemporary Times.* №16. P. 140–156. (In Russian)

Bishop K., Maknab K. 2005. Vtoraya mirovaya vojna. Den' za dnem. 1939–1945 [Campaigns of World War II: Day by Day: 1939–1945]. Moscow: Eksmo. 248 p. (In Russian)

Istoriya Vtoroj mirovoj vojny, 1939–1945: Fashistskaya agressiya protiv SSSR [History of the Second World War, 1939–1945: Fascist Aggression against the USSR]. The collapse of the "lightning war" strategy. 1975. In 12 vols. T. 4. Moscow: Military Publishing House. 536 p. (In Russian)

Jokipii M. 1999. *Finlyandiya na puti k vojne: Issledovaniya o voennom sotrudnichestve Germanii i Finlyandii v 1940–1941 gg.* [Finland on the Road to War: Studies on Military Cooperation between Germany and Finland in 1940–1941]. Petrozavodsk. 370 p. (In Russian)

Jussila O., Khentilä S., Nevakivi Y. 2010. *Politicheskaya istoriya Finlyandii, 1809–2009* [Political History of Finland, 1809–2009]. Moscow: Vesj mir. 471 p. (In Russian)

Khohlov D. 2006. Istoriya okkupacii v arhivnyh dokumentah organov gosudarstvennoj bezopasnosti. Leto 1941 – zima 1941/42 g. [The History of the Occupation in the Archival Documents of the State Security Agencies. Summer 1941 – Winter 1941/42]. *Voenno-istoricheskij zhurnal.* №11. P. 58–61. (In Russian)

Khohlov D. 2007. Istoriya okkupacii v arhivnyh dokumentah organov gosudarstvennoj bezopasnosti. Leto 1941 – zima 1941/42 g. [The History of the Occupation in the Archival Documents of the State Security Agencies. Summer 1941 – Winter 1941/42]. *Voenno-istoricheskij zhurnal.* №1. P. 32–37. (In Russian)

Khristoforov V.S. 2008. Dokumenty rossijskih arhivov o sovetskih voennoplennyh v lageryah na territorii Finlyandii i Norvegii 1941–1944 gg. [Documents from Russian Archives about Soviet Prisoners of War in Camps in Finland and Norway in 1941–1944]. *Domestic archives.* №3. P. 65–72. (In Russian)

Khristoforov V.S. 2015a. *Kontrrazvedka VMF SSSR. 1941–1945* [Counterintelligence of the USSR Navy. 1941–1945]. Moscow: Veche. 416 p. (In Russian)

Khristoforov V.S. 2015b. Za kulisami sovetsko-finlyandskih peregovorov o peremirii. 1943–1944 gody [Behind the Scenes of the Soviet-Finnish Armistice Negotiations. 1943–1944]. *New and Recent History.* №2. P. 25–43. (In Russian)

Khristoforov V.S. 2018a. *SSSR – Finlyandiya: protivostoyanie 1941–1944 gg.* [USSR – Finland: Confrontation 1941–1944]. Moscow: IRI RAS. 440 p. (In Russian)

Khristoforov V.S. 2018b. Tajnoe protivoborstvo sovetskih i finlyandskih specsluzhb v 1941–1944 gg.: ustanovki, celi, rezul'tat [Secret Confrontation between the Soviet and Finnish Special

Services in 1941–1944: Settings, Goals, Results]. *Scientific notes of Petrozavodsk State University.* 7(176). P. 48–53. (In Russian)

Khristoforov V.S. 2020a. Geopoliticheskaya bitva za vyhod Finlyandii iz Vtoroj mirovoj vojny: po dokumentam rossijskih arhivov [Geopolitical Battle for Finland's exit from World War II: According to Documents from Russian Archives]. *Battle for the North. 1944–1945.* Moscow. P. 11–19. (In Russian)

Khristoforov V.S. 2020b. Process zaklyucheniya peremiriya mezhdu SSSR i Finlyandiej v 1944 g.: vidimye i tajnye rychagi vliyaniya v dokumentah rossijskih arhivov [The Process of Concluding an Armistice between the USSR and Finland in 1944: Visible and Secret Levers of Influence in Documents from Russian Archives]. *Arctic region 1944–1945: War, Everyday Life, Memory.* Moscow. P. 37–46. (In Russian)

Khristoforov V.S. 2021. Recenziya na: L. Westerlund. The Finnish SS-Volunteers and Atrocities against Jews, Civilians and Prisoners of War in Ukraine and the Caucasus Region 1941–1943: An Archival Survey [Review on: L. Westerlund. The Finnish SS-Volunteers and Atrocities against Jews, Civilians and Prisoners of War in Ukraine and the Caucasus Region 1941–1943: An Archival Survey]. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki: Finnish Literature Society, the National Archives of Finland, 2019. 248 p. *Russian history.* №3. P. 235–239. DOI: 10.31857/S086956870015483-2 (In Russian)

Khristoforov V.S., Cherepkov A.P. 2014. *Sekrety Rossijskogo flota. Iz arhivov FSB* [Secrets of the Russian Navy. From the Archives of the FSS]. Moscow: Veche. 464 p.

Komarov A.A. 1995. Vyhod Finlyandii iz Vtoroj mirovoj vojny: (Po materialam Arhiva vneshnej politiki Rossii MID Rossii) [Finland's Exit from the Second World War: (Based on Materials from the Russian Foreign Policy Archive of the Russian Foreign Ministry)]. *Northern Europe. Problems of history.* Moscow. P. 117–129. (In Russian)

Kulikov A.I. 2009. US March 1943 Memorandum and its Impact on the Development of Finnish— American and Finnish—German Relations. *MGIMO Review of International Relations.* 5(8). P. 70-83. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-5-8-70-83 (In Russian)

Kulkov E.N. 2009. Finland in the War against the USSR, 1941–1944. *MGIMO Review of International Relations.* 1(4). P. 30–48. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-30-48 (In Russian)

Kumanev G.A. 2006. Ob uchastii Finlyandii v sostave fashistskogo blokam v vojne protiv Sovetskogo Soyuza 1941–1944 gg. [On the Participation of Finland as Part of the Fascist Bloc in the War against the Soviet Union of 1941–1944]. *Russia and Finland: Problems of Mutual Perception. 17–20th Centuries.* Moscow. P. 342–371. (In Russian)

Laidinen E.P. 2008. Finskie i germanskie razvedyvatel'nye shkoly na territorii Finlyandii i okkupirovannoj Karelii v 1941–1944 gg. [Finnish and German Intelligence Schools in Finland and Occupied Karelia in 1941–1944]. *Materials of the scientific and practical conference, October 18–19, 2007, St. Petersburg.* Moscow. P. 90–111. (In Russian)

Laidinen E.P., Verigin S.G. 2013. *Finskaya razvedka protiv Sovetskoj Rossii* [Finnish Intelligence against Soviet Russia]. Petrozavodsk. 295 p. (In Russian)

Manninen O. 2006. Finskaya istoriografiya sovetsko-finlyandskoj vojny 1941–1944 gg. [Finnish Historiography of the Soviet-Finnish War of 1941–1944]. *Russia and Finland: Problems of Mutual Perception. 17–20th Centuries.* Moscow. P. 334–342. (In Russian)

Meinander H. 2020. *Gustav Mannergejm. Aristokrat v sukonnom mundire* [Gustav Mannerheim. An Aristocrat in a Cloth Uniform]. Moscow. 321 p. (In Russian)

Meinander. H. 2014. *Finlyandiya, 1944: Vojna, obshchestvo, nastroeniya* [Finland, 1944: War, Society, Moods]. Moscow: "Vesj mir" 400 p. (In Russian)

Myagkov M.Yu. 2008. Sovetsko-finskij front. 1941–1944 gody [Soviet-Finnish Front. 1941–1944]. *New and Recent History.* №3. P. 148–181. (In Russian)

Rentola K. 2020. *Stalin i sud'ba Finlyandii* [Stalin and the Fate of Finland]. Moscow: "Vesj mir". 240 p. (In Russian)

Shirokorad A.B. 2007. *Tri vojny Velikoj Finlyandii* [Three Wars of Great Finland]. Moscow. 384 p. (In Russian)

Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg. [Great Patriotic War 1941–1945]. 2011–2015. In 12 vol. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian)

Verigin S.G. 2018. *Protivostoyanie: bor'ba sovetskoj kontrrazvedki protiv finskih specsluzhb (1939–1944)* [Confrontation: The Struggle of Soviet Counterintelligence against the Finnish Intelligence Services (1939–1944)]. Petrozavodsk: PetrGU Publishing House. 279 p. (In Russian)

Vorobyov S., Shtol V. 2023. Obraz vraga vo vneshnej politike Anglii i SSHA Na primere Finlyandii (1941–1944 gg.) [The Image of the Enemy in the Foreign Policy of England and the USA Using the Example of Finland (1941–1944)]. *Observer*. №3. P. 100–110. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Бишоп К., Макнаб К. 2005. *Вторая мировая война. День за днём. 1939–1945.* Москва: Эксмо. 248 с.

Барышников Н.И. 2010. *Финляндия: из истории военного времени 1939–1944.* Санкт-Петербург. 407 с.

Барышников В.Н. 2016. К вопросу о выходе Финляндии из Второй мировой войны: визит финской правительственной делегации в Москву в марте 1944 года и его значение (по материалам архива министерства иностранных дел Финляндии). *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени.* №16. С. 140–156.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. 2011–2015. В 12 тт. Москва: Кучково поле.

Веригин С.Г. 2018. *Противостояние: борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1944).* Петрозаводск: Издательство ПетрГУ. 279 с.

Воробьёв С., Штоль В. 2023. Образ врага во внешней политике Англии и США На примере Финляндии (1941–1944 гг.). *Обозреватель*. №3. С. 100–110.

История Второй мировой войны, 1939–1945: Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны». 1975. В 12 тт. Т. 4. Москва: Воениздат. 536 с.

Йокипии М. 1999. *Финляндия на пути к войне: Исследования о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг.* Пер. Л.В. Суни. Петрозаводск. 370 с.

Комаров А.А. 1995. Выход Финляндии из Второй мировой войны: (По материалам Архива внешней политики России МИД России). *Северная Европа. Проблемы истории.* Москва. С. 117–129.

Куликов А.И. 2009. Американский меморандум марта 1943 года и его влияние на развитие финско-американских и финско-германских отношений. *Вестник МГИМО-Университета.* 5(8). С. 70-84. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-5-8-70-83

Кульков Е.Н. 2009. Финляндия в войне против СССР 1941–1944 гг. *Вестник МГИМО-Университета.* 1(4). С. 30–48. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-30-48

Куманев Г.А. 2006. Об участии Финляндии в составе фашистского блокам в войне против Советского Союза 1941–1944 гг. *Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв.* Москва. С. 342–371.

Лайдинен Э.П. 2008. Финские и германские разведывательные школы на территории Финляндии и оккупированной Карелии в 1941–1944 гг. *Материалы научно-практической конференции, 18–19 октября 2007 года, Санкт-Петербург.* Москва. С. 90–111.

Лайдинен Э.П., Веригин С.Г. 2013. *Финская разведка против Советской России.* Петрозаводск. 295 с.

Маннинен О. 2006. Финская историография советско-финляндской войны 1941–1944 гг. *Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв.* Москва. С. 334–342.

Мейнандер Х. 2020. *Густав Маннергейм. Аристократ в суконном мундире.* Москва. 321 с.

Мейнандер. Х. 2014. *Финляндия, 1944: Война, общество, настроения.* Пер. со шв. З. Линдер. Москва: «Весь мир». 400 с.

Мягков М.Ю. 2008. Советско-финский фронт. 1941–1944 годы. *Новая и новейшая история.* №3. С. 148–181.

Рентола К. 2020. *Сталин и судьба Финляндии.* Пер. с фин. А.В. Толстикова. Москва: «Весь мир». 240 с.

Хохлов Д. 2006. История оккупации в архивных документах органов государственной безопасности. Лето 1941 – зима 1941/42 г. *Военно-исторический журнал.* №11. С. 58–61.

Хохлов Д. 2007. История оккупации в архивных документах органов государственной безопасности. Лето 1941 – зима 1941/42 г. *Военно-исторический журнал.* № 1. С. 32–37.

Христофоров В.С. 2008. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии 1941–1944 гг. *Отечественные архивы.* №3. С. 65–72.

Христофоров В.С. 2015a. *Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945.* Москва: Вече. 416 с.

Христофоров В.С. 2015b. За кулисами советско-финляндских переговоров о перемирии. 1943–1944 годы. *Новая и новейшая история.* №2. С. 25-43.

Христофоров В.С. 2018a. Тайное противоборство советских и финляндских спецслужб в 1941–1944 гг.: установки, цели, результат. *Учёные записки Петрозаводского государственного университета.* 7(176). С. 48–53.

Христофоров В.С. 2018b. *СССР – Финляндия: противостояние 1941–1944 гг.* Москва: ИРИ РАН. 440 с.

Христофоров В.С. 2020b. Процесс заключения перемирия между СССР и Финляндией в 1944 г.: видимые и тайные рычаги влияния в документах российских архивов. *Заполярье 1944–1945: война, повседневность, память.* Москва. С. 37–46.

Христофоров В.С. 2020a. Геополитическая битва за выход Финляндии из Второй мировой войны: по документам российских архивов. *Битва за Север. 1944–1945.* Москва. С. 11–19.

Христофоров В.С. 2021. Рец. на: L. Westerlund. The Finnish SS-Volunteers and Atrocities against Jews, Civilians and Prisoners of War in Ukraine and the Caucasus Region 1941–1943: An Archival Survey. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki: Finnish Literature Society, the National Archives of Finland, 2019. 248 p. *Российская история.* №3. С. 235–239. DOI: 10.31857/S086956870015483-2

Христофоров В.С., Черепков А.П. 2014. *Секреты Российского флота. Из архивов ФСБ.* Москва: Вече. 464 с.

Широкорад А.Б. 2007. *Три войны Великой Финляндии.* Москва: Вече. 384 с.

Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. 2010. *Политическая история Финляндии, 1809–2009.* Пер.: Т.В. Андросова, Ю.С. Дерябин. 2-е изд., изм. и доп. Москва: Весь мир. 471 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(6). С. 69–91
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-69-91

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Советская дипломатия в борьбе за предотвращение вступления Венгрии во Вторую мировую войну на стороне Германии (1939–1941 гг.)

В.Ф. Пряхин

Московский государственный институт международных отношений (университет)

В статье рассматриваются некоторые аспекты советско-венгерских отношений с момента установления дипломатических отношений в 1934 г. вплоть до вступления Венгрии во Вторую мировую войну на стороне держав «оси». При этом акцент делается на исследование деталей отношений между малыми и великими державами, борьбы малых европейских государств, в частности Венгрии, за свои национальные интересы против посягательств нацистской Германии на суверенные права в формировании внешнеполитического курса.

Этот курс определялся двумя главными факторами: заинтересованностью венгерской политической элиты во главе с М. Хорти в формировании своеобразного «крестового похода» против коминтерновской Советской России, с одной стороны, и стремлением Будапешта избежать серьёзной вовлечённости в какой-либо крупный конфликт между великими державами – с другой. Объективно сочетание этих двух факторов соответствовало политике западных умиротворителей Гитлера по перенаправлению германской экспансии на Восток. Американским и западноевропейским (Великобритания, Франция) акторам в этой геополитической схеме отводилась роль наблюдателей за глобальным столкновением фашистской Германии и Советского Союза до их полного истощения в войне друг с другом. Венгрия, по мысли будапештских стратегов, при этом имела шансы заполучить место среди таких «наблюдателей» без прямого участия в конфликте с последующим участием в новом территориальном размежевании после окончания военных действий. Реальное положение вещей на Европейском континенте к началу 1940-х гг. сложилось, однако, таким образом, что великим западным державам (США и Великобритании) не удалось канализировать гитлеровские планы по завоеванию мирового господства на Восток. Возникла экзистенциальная угроза самим этим державам, повлекшая за собой их вступление в войну.

В этих условиях советская дипломатия предприняла шаги с целью не допустить присоединения Венгрии к участию в войне на стороне гитлеровской Германии. Несмотря на то, что эти шаги не увенчались успехом, изучение этого дипломатического опыта полезно в контексте современного процесса формирования мультиполярного мира.

УДК 32:172.15(470+571)(476)
Поступила в редакцию: 10.11.2023
Принята к публикации: 11.21.2023

Ключевые слова: внешняя политика Венгрии, Вторая мировая война, советско-венгерские отношения, возвращение знамён венгерской революционной армии 1848–1849 гг., бомбёжка Кошице 26 июня 1941 г.

Актуальность обращения к истории советско-венгерских отношений накануне Великой Отечественной войны

В предвоенные годы советская дипломатия предприняла энергичные усилия для того, чтобы предотвратить присоединение к державам «оси» Венгрии – страны, в большей степени зависевшей от нацистской Германии, чем другие малые европейские государства. Важное место в этих усилиях занимал акт возвращения знамён венгерской революционной армии Л. Кошута. Автор ставит задачу пробудить интерес к этой акции в канун её 80-летия как к классическому примеру отечественной «мягкосиловой» дипломатии. Достойным упоминания в историческом плане представляется также участие СССР в Будапештской ярмарке 1941 г., за шесть недель до вступления Венгрии в войну на стороне гитлеровской Германии. Большего внимания историков, по мнению автора, заслуживают и советские дипломаты, работавшие на венгерском направлении в предвоенные месяцы и недели.

Политологический и исторический анализ советско-венгерских отношений упомянутого периода позволяет обосновать вывод о том, что малые европейские государства поддержанием диалога с Москвой значительно повышают возможности укрепить свой суверенитет и проводить независимую внешнюю политику, в том числе и в современную эпоху формирования мультиполярной системы международных отношений.

В данном контексте политически актуальный характер носит сравнительный анализ внешней политики Венгрии в предвоенный период и в наше время. Для обоих периодов характерно стремление сохранить максимальную свободу в проведении самостоятельного внешнеполитического курса, избежать прямого вовлечения в конфликты между великими державами, ставить во главу угла национальные интересы своего государства. Показателен в этом отношении интерес венгерской научной общественности к наследию Иштвана Бетлена, концептуальные взгляды которого определяли курс корабля венгерской дипломатии в межвоенный период. Задачу изучения этого концептуального наследия поставил перед собой Фонд Бетлена, учреждённый по инициативе видного общественного деятеля и публициста Иштвана Бакоша.

Одной из целей настоящего исследования выступает анализ событий, предшествовавших вступлению Венгрии в войну с СССР и, в частности, бомбёжки Кошице, послужившей casus belli формального объявления хортистским режимом войны СССР. Между тем сохранившиеся документы и свидетельские по-

казания дают возможность аргументированно опровергнуть доводы фальсификаторов исторических событий тех дней. По мнению автора настоящей статьи, в преддверии 80-летия Победы назрела необходимость издать специальную «Белую книгу» с тем, чтобы поставить точку в этом вопросе и положить конец русофобским фальсификациям.

Обзор литературы

История советско-венгерских отношений, несмотря на наличие ряда фундаментальных работ отечественных венгроведов и балкановедов (П.П. Безушко, Б.Й. Желицки, Ю.И. Игрицкий, Т.М. Исламов, И.В. Крючков, В.Л. Мусатов, Л.Н. Нежинский, К.В. Никифоров, А.И. Пушкаш, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова, В.П. Шушарин и др.) всё ещё остаётся относительно малоисследованной областью в отечественной политологии. Это особенно относится к периоду, непосредственно предшествовавшему началу советско-венгерской войны и, в частности, к т. н. инциденту с бомбёжкой Кошице (венг. Кашша Kassa), послужившему casus belli объявления хортистским режимом войны СССР.

Между тем этот отрезок двусторонних отношений изобилует интереснейшими событиями политического, военного, гуманитарного и культурного характера. Их объективному анализу препятствовала и до сих пор препятствует политизация описания событий. Эта политизация вела в прошлом к крайностям в оценках: от пафосной героизации периода двусторонних отношений между Советской Россией и Венгерской советской республикой (Пушкаш 1972: 95–162) до шельмования всех без исключения участников антисоветского восстания 1956 г. как фашистов и сторонников капиталистической реставрации (Пушкаш 1972: 674–703).

Такого рода политизация не чужда и венгерским исследователям, в разные времена изучавшим материю двусторонних отношений между Россией и Венгрией. В силу того, однако, что в численном отношении они превосходили немногочисленный отряд отечественных венгроведов, а Россия в венгерской внешней политике и науке занимает большее место, чем Венгрия в отечественной науке, вплоть до настоящего времени наблюдается определённый дисбаланс в количестве исследований и публикаций по данной тематике в пользу венгерской стороны.

Этот количественный дисбаланс проецировался и на качественные оценки различных исторических эпох, включая период 1934–1941 гг. В отечественной науке отсутствовал нюансированный анализ внутренних противоречий, характеризовавших сложный спектр сил и течений венгерского общества в межвоенный период. Отсюда произвольное отождествление радикальных националистов во главе с регентом Миклошем Хорти и нацистов-хунгароцентристов, группировавшихся вокруг ориентировавшегося на Берлин Ференца Салаши и основанной им партии нилашистов «Скрещённые стрелы». К примеру, это

отождествление нашло отражение в написанном советскими авторами предисловии к фундаментальному собранию документов «Венгрия и Вторая мировая война», изданному Венгерской академией наук[1]. Между тем анализ документов данного сборника убедительно свидетельствует о качественном различии в мировоззренческих основах и политических стратагемах радикал-националистов и нилашистов. Хотя диктатор М. Хорти и серый кардинал его режима И. Бетлен, безусловно, придерживались русофобских позиций, они были сторонниками формирования антибольшевистского «крестового похода» против СССР как глобального союза всех западных государств, включая и Германию, и её «мюнхенских умиротворителей». Лидеры хортистов (и лично Хорти как адмирал с навыками глобального геополитического мышления) реалистично отдавали себе отчёт в том, что державы «оси» ждёт поражение в глобальном конфликте с антигитлеровской коалицией. Понимая, какую трагедию означает для маленькой Венгрии участие в войне на стороне гитлеровской Германии, они предпринимали усилия с тем, чтобы отсрочить объявление войны СССР и ограничить параметры присоединения к гитлеровскому нашествию.

Линия хортистов, таким образом, качественно отличалась от курса нилашистов на безоговорочную поддержку гитлеровской Германии.

По мере отдаления от драматических дней июня 1941 г. множится число публикаций, в основном медийного, но также и научного характера, авторы которых исподволь или открыто проводят мысль о правдоподобности и достоверности версии о бомбардировке Кошице 26 июня 1941 г. советскими самолётами[2]. При этом игнорируется главный принцип любого исторического расследования – Cui prodest, или «Кому выгодно». Сознательно замалчиваются как «неподкреплённые документально» однозначные свидетельства полковника румынских ВВС Иона Черняну о том, что бомбардировка была произведена по приказу диктатора Антонеску румынскими самолётами с авиабазы в Сучаве (Венгерский историк Аттила Колонтари... 2022: 181)[3].

Тот факт, что деятельность советской дипломатии в предвоенные годы на венгерском направлении не получила пока должного, по нашему мнению, освещения в отечественной научной литературе, объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что ведущие советские дипломаты, работавшие на руководящих должностях в загранпредставительствах СССР в Венгрии и контактиро-

---

[1] Ласло Ж. (ред.). 1962. *Венгрия и Вторая мировая война, Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны.* Пер. с венгерского Б.Я. Гейгера и Н.Н. Сикачева. Москва: Издательство иностранной литературы. 367 с. С. 5–18.

[2] Balassa Z. Kassa bombázása még mindig rejtély III [Kass Bombing is Still a Mystery]. *Felvidék.ma.* A hírportál működtetője: Szövetség a Közös Célokért – URL: https://felvidek.ma/2021/06/kassa-bombazasa-meg-mindig-rejtely-iii/ (accessed 29.11.2023) (In Hungarian). Sándor G. 2017. Kassa felett az ég... [The Sky above Kassa]. 444. Történelem. Július 18. URL: https://444.hu/2017/07/18/kassa-felett-az-eg (accessed 29.11.2023) (In Hungarian).

[3] Zolcsák I. [et al.]; szerk. 1978. *Anna Walter de Fehér. Erdélyi magyarság* [Transylvanian Hungarians]. Fel. szerk. Buenos Aires.

вавшие с представителями венгерской стороны (Я.Х. Давтян, А.М. Петровский, А.А. Бекзадян, В.А. Плотников, Н.И. Шаронов), не оставили мемуаров. Первые трое из них попали в печально известный расстрельный список «Москва – Центр» и были репрессированы в 1938 г. Н.И. Плотников в 1941 г. освобождён от работы в НКИД «по сокращению штатов» и переведён на работу в Наркомлес. О судьбе Чрезвычайного и Полномочного Посла Н.И. Шаронова, возглавлявшего советское посольство в Будапеште вплоть до разрыва дипотношений 23 июня 1941 г., в доступных автору открытых справочных публикациях полных данных не сохранилось; это даёт основания полагать, что он также мог попасть в список «Москва – Центр»; вопрос о том, как сложилась судьба этого выдающегося дипломата, ждёт своего исследователя.

Деятельность советской дипломатии исследуемого периода также, по нашему мнению, не нашла достаточно полного отражения в советской исторической науке. В фундаментальном труде «История Венгрии», например, утверждается, что и хортисты (Бардошши), и нилашисты (Верт, Стояи) «хотели активного участия Венгрии в антисоветской войне» (Пушкаш 1972: 348).

Между тем в том же труде отмечено (Пушкаш 1978: 350), что хортисты надеялись на предстоящее «взаимопонимание» между Германией и западными державами. Видный отечественный историк исследуемого периода А.И. Пушкаш приводит доказательства того, что хортисты не только пассивно ожидали создания антисоветской коалиции западных государств, но и предпринимали активные шаги, изъявляя готовность взять на себя роль посредника в деле заключения «закулисного мира» западных стран против Советского Союза (Пушкаш 1978: 350). При этом, как отмечается в монографии отечественных исследователей А.С. Стыкалина и Е.-М. Варги (Стыкалин, Варга 2012), на политический кругозор М. Хорти оказало воздействие общение с представителями белой эмиграции и, в частности, встречи с шефом 2-го отдела Русского общевоинского союза (РОВС) генералом А.А. фон Лампе.

Таким образом, линия регента Хорти и его окружения была стратегически более дальновидной и носила не менее чётко выраженный антисоветский характер в сравнении с прямолинейным авантюристическим курсом нилашистов. Хорти и серый кардинал его режима граф Иштван Бетлен хотели активного участия не в гитлеровском нашествии на СССР, а в дележе советского наследства после гипотетического успеха глобального похода коллективного Запада на Восток.

Этот нюанс в позициях различных оттенков в спектре политических сил предвоенной Венгрии достоин специального исследования, в том числе и в контексте современного процесса формирования мультиполярной системы международных отношений.

Весьма полезный вклад в исследование темы советско-венгерских отношений в 1939–1941 гг. представлен в труде Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой (Исламов, Покивайлова 2008). Эта монография особенно ценна привлечением

большого количества архивных документов, в т. ч. из Архива внешней политики РФ, в частности, донесений полпреда СССР в Будапеште Н.И. Шаронова в 1940–1941 гг., записей его бесед с венгерскими министрами, политиками и журналистами, позволяющих оценить эффективность советской «мягкосиловой» дипломатии на венгерском направлении.

Что касается современной венгерской научной литературы по теме настоящего исследования, то она, на наш взгляд, наиболее полно отражена в биографической статье историка Левенте Шипоша о венгерском дипломате Йожефе Криштоффи (Sipos 2012). Статья содержит всестороннюю информацию о деятельности Криштоффи в качестве венгерского посланника в Москве, его стремлении использовать улучшение отношений в 1939–1941 гг. для достижения ирредентистских целей режима Хорти.

Достоверным источником выступает также опубликованное на страницах журнала «Историческая экспертиза» интервью Атиллы Колонтари российскому исследователю А.С. Стыкалину (Венгерский историк Аттила Колонтари… 2022).

Удачно, на наш взгляд, охарактеризована венгерская историография по теме российско-венгерских отношений в сборнике научных трудов, где оценки венгерскими авторами России характеризуются как «неоднородные и противоречивые» (Игрицкий 2009: 6). Боевые действия Советской Армии на территории Венгрии в конце Второй мировой войны интерпретируются в работе Д. Бебеши и А. Колонтари как освобождение страны от фашизма и оккупация (Игрицкий 2009: 197–213). В то же время венгерские интеллектуалы-литераторы видят в России, по оценке к.филос.н. С.Г. Дюкина, «внекультурную массу со стороны Востока», «неодушевлённое бедствие» не только для Венгрии, но и для всей Европы (Игрицкий 2009: 214–216). Эти оценки соответствуют личным воспоминаниям преподавателя МГИМО, к.филол.н. В.С. Иванова (1924—1995), работавшего в послевоенные годы в Союзной Контрольной комиссии по Венгрии. К сожалению, этот выдающийся педагог, автор первого советского учебника венгерского языка, не имел возможности обобщить свой опыт работы в научных трудах исторического и политологического характера.

Советско-венгерские отношения от падения Венгерской советской республики до установления дипломатических отношений

После окончания Первой мировой войны советско-венгерские отношения носили неоднозначный, преимущественно конфронтационный характер. Пришедший к власти, подавив союзную с Советской Россией Венгерскую советскую республику, регент-диктатор Венгрии адмирал Миклош Хорти не мог рассчитывать на расположение Москвы. Но и политическая элита в Будапеште не была

расположена к сотрудничеству со страной, где обосновалась немногочисленная, но боевитая коммунистическая оппозиция, проводившая нелегальную работу и имевшая симпатизантов в самой Венгрии.

Под воздействием экономических факторов и по примеру Германии, получившей существенные бонусы от Рапалльского договора с Москвой, Будапешт тем не менее в 1924 г. проявил инициативу по началу переговоров об установлении дипотношений с Москвой. В результате состоявшихся в Берлине переговоров советский полпред Н.Н. Крестинский и заместитель министра иностранных дел Венгрии К. Каня 5 сентября 1924 г. подписали договор об установлении дипломатических и консульских отношений, а несколько позже – соглашение об установлении торговых сношений и об учреждении обоюдных представительств.

Эти документы, однако, не были ратифицированы. Согласно официальной советской версии «венгерская реакция, наконец, добилась того, что вопреки национальным интересам венгерского народа договорные акты с СССР были отклонены и не вступили в силу» (Пушкаш 1972: 216). Стоит добавить, что и активность советской стороны в продвижении ратификации договоров в известной мере тормозилась венгерской коммунистической эмиграцией, так как эмигранты не без оснований опасались деятельности хортистской политической полиции в Москве под прикрытием дипломатического ведомства. Именно в 1924 г. один из лидеров эмиграции Матяш Ракоши по поручению партии был направлен на нелегальную работу в Венгрию, где вскоре был арестован и подвергся длительному тюремному заключению (Ваш 1951).

Таким образом, вплоть до 1934 г. дипломатические отношения между двумя странами отсутствовали, притом ни в Москве, ни в Будапеште не было единства мнений относительно целесообразности юридического признания друг друга. В советском Наркомате по иностранным делам Г.В. Чичерин успешно проводил «политику Рапалло» – игры на межимпериалистических противоречиях. Венгрия как жертва держав-победительниц, потерявшая по Трианонскому мирному договору две трети территории и половину населения, была идеальным объектом для «политики Рапалло». Тем более что при этом открывалась возможность игры на противоречиях между хортистской Венгрией и боярской Румынией, оккупировавшей в 1918 г. Советскую Бессарабию. Известно, что СССР подписал пакт Бриана – Келлога с оговоркой, что линия разграничения по реке Прут для Москвы не государственная граница, а лишь демаркационная линия.

Однако на линию чичеринского НКИД оказывало воздействие руководство Коминтерна, поощрявшее венгерскую коммунистическую эмиграцию к активным действиям против режима Хорти. В персонифицированном виде этот дуализм советской внешней политики находил выражение в неприязненных отношениях между наркомом Г.В. Чичериным и его заместителем М.М. Литви-

новым, которые, как даёт понять в своих мемуарах бывший сотрудник аппарата ЦК ВКП(Б) Б.Г. Бажанов, использовали политические и этические предлоги для сведения личных счётов (Бажанов 1992: 54).

Не было единства и в Будапеште – ни по отношению к Москве, ни относительно общей политической ориентации страны в послевоенную эпоху. С одной стороны, венгерская политическая элита (и лично Хорти) поставили в фокус внешней политики страны ревизию положений Трианонского мирного договора, прежде всего в части, касающейся отторжения территорий в пользу Румынии, Чехословакии и Югославии. Одновременно наиболее дальновидные политические деятели, включая Бетлена, стремились к игре на противоречиях между великими державами без прямого вовлечения Венгрии в военный союз с ними, понимая, что ангажированность в пользу того или иного блока неминуемо приведёт к участию в новой войне со всеми вытекающими трагическими последствиями.

В политическом спектре Венгрии 1930-х гг. фигурировала и радикальная фашистская партия салашистов, к которой благосклонно относились в Берлине. Но эта партия находилась в оппозиции и пришла к власти только после прямой оккупации немецкими войсками в 1944 г., причём её лидер подвергался тюремному заключению, из которого был освобождён по личному настоянию Гитлера. То есть, несмотря на очевидную причастность к идее «крестового антибольшевистского похода», хортисты длительное время сохраняли некоторую, пусть небольшую, но свободу дипломатического манёвра. Этой свободой и стремилась воспользоваться советская дипломатия.

Установление дипломатических отношений СССР с Венгрией и Румынией

Установление СССР дипломатических отношений с Венгрией и Румынией в 1934 г. стало логичным шагом политики формирования системы коллективной безопасности в Европе, которую Москва активно противопоставила линии Лондона и Парижа на соглашательство с германской экспансией после прихода к власти нацистов. При этом советская дипломатия не прочь была поиграть на противоречиях между Будапештом и Бухарестом, отдавая некоторое предпочтение Будапешту. Дипломатические отношения с Венгрией были установлены на четыре месяца раньше, чем с Румынией.

Сотрудник советского полпредства в Берлине, будущий заместитель министра иностранных СССР А.А. Смирнов, которому было поручено учредить полпредство в Будапеште, отмечал впоследствии, делясь своим воспоминаниями с автором настоящей статьи, что венгерские чиновники проявили по отношению к нему полное понимание и готовность к сотрудничеству. Полпредство получило особняк на ул. Стефания и в 1935 г. приступило к работе.

Первым полпредом с резиденцией в Будапеште стал Александр Артемьевич Бекзадян. Одновременно в Москве открылась миссия, которую возглавил опытный дипломат со знанием русского языка Михай Юнгерт-Арноти. Последнему довольно быстро удалось установить хорошие связи в дипкорпусе Москвы и даже контакт с Литвиновым, с которым он был лично знаком ещё по переговорам об обмене военнопленными после Первой мировой войны.

Сколь-либо заметного развития межгосударственные отношения в этот период, однако, не получили в силу того, что в Будапеште по-прежнему доминировали антибольшевистские настроения, а на деятельности венгерской миссии в Москве отрицательно сказывалась, по словам венгерского историка Левенте Шипоша, «атмосфера массовых концепционных судов 1937–1938 гг. с её всеобъемлющими парализующими последствиями и безмерной подозрительностью по отношению к иностранцам» (Sipos 2012: 2). Жертвами этих «концепционных судов» стал и полпред А.А. Бекзадян и практически все советские представители в Будапеште периода 1935–1941 гг. Большинство из них попали в печально известный список «Москва – Центр» вместе с сотнями других репрессированных работников НКИД и совзагранучреждений.

Разрыв и возобновление дипломатических отношений накануне Второй мировой войны

2 февраля 1939 г. нарком М.М. Литвинов сообщил венгерскому посланнику в Москве, что СССР прерывает дипломатические отношения с Венгрией в связи присоединением Будапешта к Антикоминтерновскому пакту. При этом нарком подчеркнул, что речь идёт не о разрыве дипломатических отношений, а о прекращении деятельности представительств обеих стран в их столицах. Контакты по линии дипломатических ведомств Москва предлагала продолжить через представительства в столицах других стран.

Министр иностранных дел Иштван Чаки верно оценил демарш Москвы не как антивенгерскую меру, а как жест, предостерегающий правительства других государств от присоединения к Антикоминтерновскому пакту. Видимо, поэтому венгерская сторона не торопилась с налаживанием каких-либо контактов через представительства в столицах третьих государств (Sipos 2012: 2–3). Лишь в июле 1939 г. соответствующий зондаж был предпринят через венгерское посольство в Варшаве.

События между тем развивались с ошеломляющей быстротой сразу на нескольких дипломатических и военных треках. В марте 1939 г., вопреки обязательствам по «Мюнхенскому сговору» 1938 г., германские войска оккупировали Чехию и Моравию. С и без того призрачной независимостью соседнего с Венгрией Чехословацкого государства было покончено. На это не могла не отреагировать и Москва. 17 апреля 1939 г. советское правительство обратилось к британскому и французскому с предложением о заключении соглашения о вза-

имной помощи в случае агрессии против одного из государств-подписантов со стороны Германии или союзных с нею государств. Неделю спустя Литвинов был смещён со своего поста, и портфель наркома по иностранным делам перешёл в руки председателя Совнаркома В.М. Молотова.

Начавшиеся в июне советско-англо-французские переговоры в полной мере выявили линию западных держав на канализацию германской экспансии на Восток против СССР. Во избежание этого И.В. Сталин резко изменил внешнеполитический курс и заключил советско-германский Пакт о ненападении. Этот шаг не мог не оказать воздействия на советско-венгерские отношения. Юнгерт-Арноти вступил в контакт с советскими дипломатами в Париже. В начале сентября полпредству СССР во Франции было поручено сообщить венгерской стороне о возможности возобновить деятельность своей миссии в Москве. Официальное сообщение об этом было сделано спустя день после начала Польского похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, когда стало ясно, что у СССР и Венгрии появится общая граница. Уже в октябре дипломатические отношения на уровне миссий были восстановлены в полном объёме. В Будапешт был направлен полпред (с 9 мая 1941 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол) Николай Иванович Шаронов, имевший к тому времени опыт дипломатической работы в Греции, Польше и Словакии. Одновременно в Москву прибыл новый венгерский посланник Йожеф Криштоффи.

Криштоффи, безусловно, уступал своему предшественнику Юнгерту-Арноти по положению в венгерском дипломатическом корпусе. Но Юнгерт-Арноти уже получил другое назначение и отбыл к месту своего нового пребывания. Сказалось на назначении Криштоффи и то, что он хорошо зарекомендовал себя на работе в посольстве в Варшаве, где в то же время СССР представлял новый полпред в Будапеште Н.И. Шаронов.

19 октября 1939 г. Криштоффи передал копии верительных грамот В.М. Молотову, который в краткой беседе заверил посланника в намерении Москвы развивать добрососедские отношения с Венгрией. Эта же мысль, как телеграфировал Криштоффи в Будапешт, была высказана и председателем ЦИК М.И. Калининым в беседе после вручения верительных грамот 25 октября. Глава советского государства подчеркнул при этом, что между двумя странами нет антагонизмов, а были лишь «недоразумения», препятствовавшие развитию отношений в прошлом. Опытный Криштоффи воспользовался этим замечанием советского руководителя для того, чтобы поставить вопрос о заключении соответствующего двустороннего соглашения между двумя правительствами, на что, по словам посланника, было дано обещание «изучить эту ценную инициативу» (Sipos 2012: 4).

Период между восстановлением дипломатических отношений в октябре 1939 г. и вступлением Венгрии в войну с СССР 27 июня 1941 г. был насыщен дипломатическими событиями. Хортисты, несмотря на присоединение к Антикоминтерновскому пакту, всё ещё надеялись, что им удастся избежать вовлечения

страны в большую войну. Идеальным для них был бы расклад политических сил, при котором все западные державы, включая Великобританию, Германию, Италию и Францию, выступили бы единым фронтом против СССР. Хортистская модель фашизма идеально вписывалась в такую геополитическую парадигму, т. к. в ней не было свойственной германскому нацизму юдофобии, сделавшей Берлин в конечном итоге нерукопожатным для США и Великобритании. Антисемитизм Хорти и его приспешников был, по словам очевидцев тех лет, достаточно умеренным, а принятые в тот период «еврейские законы» оставляли весьма многочисленной еврейской общине Венгрии некоторое юридическое пространство для существования. Геноцид евреев в Венгрии начался после оккупации страны гитлеровцами в марте 1944 г. и связан с именем казнённого после войны лидера фашистской партии «Скрещённые стрелы» Ференца Салаши. Эта политика вписывалась в контекст общей линии хортизма, приветствовавшей сотрудничество с западными демократиями на антисоветской основе.

Тактика дипломатического лавирования между великими державами некоторое время приносила хортистам плоды. Так, не порвав с окончательно с англичанами, Хорти сумел при посредничестве Германии и Италии добиться возвращения Венгрии части территорий, утраченных по Трианонскому мирному договору в пользу Словакии (1938 г.) и Румынии (1940 г.) (Первый и Второй Венский арбитражи).

С оккупацией гитлеровцами Польши и заключением советско-германского Пакта о ненападении надежды хортистов на формирование единого антисоветского блока западных держав для похода на Восток окончательно рухнули. Хорти оказался стиснутым между Берлином, Лондоном и Москвой, но продолжал лавировать, стремясь избежать прямого вовлечения в конфликт по примеру Франко в Испании, Инёню в Турции и царя Бориса в Болгарии. На короткий период затеплилась надежда на реализацию планов избежать прямого вовлечения в конфликт между великими державами, связанная с планами формирования т. н. антиатланического «континентального блока» евразийских держав. В случае удачи германской дипломатии, навязывавшей СССР участие в совместном противостоянии англо-саксонским державам в ходе визитов министра иностранных дел Третьего рейха Й. фон Риббентропа в Москву (23–24 августа; 27–29 сентября 1939 г.) и главы советского внешнеполитического ведомства В.М. Молотова в Берлин (12–13 ноября 1940 г.), геополитическое положение Венгрии перемещалось бы с передовой линии в глубокий тыл мирополитического процесса, к чему и стремились хортисты.

Но планы формирования «континентального блока» провалились, потому что в Москве верно оценивали соотношение сил накануне войны и понимали обречённость планов нацистов на завоевание мирового господства при помощи СССР, которому они отводили роль временного партнёра, подлежащего полному и безоговорочному подчинению. Но и по идеологическим причинам

И.В. Сталин не мог отказаться от роли лидера мирового коммунистического антифашистского рабочего движения, всё более набиравшего силу в предвоенные годы.

Весьма сложной была политическая обстановка внутри Венгрии. Именно на период с августа 1938 по сентябрь 1940 гг. приходится тюремное заключение в Сегежской тюрьме вождя венгерской радикальной фашисткой партии «Скрещённые стрелы» Ф. Салаши. Его освобождение прямо связывалось в Будапеште с давлением Берлина. Тогда же активизировались контакты с Москвой по освобождению из заключения лидера венгерских коммунистов Матяша Ракоши и его ближайшего сподвижника Золтана Ваша.

Между тем настроенная главным образом англофильски венгерская либерально-демократическая общественность после заключения советско-германского Пакта о ненападении была тотально дезориентирована политически. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что лауреат Нобелевской премии и убеждённый антифашист, выдающийся венгерский биохимик Альберт Сент-Дьёрди с началом советско-финской зимней войны посетил посольство Финляндии и передал в пользу финского Красного Креста свою золотую нобелевскую медаль и солидный денежный вклад в пользу жертв войны (Ala-Fossi, Richly, Vilisic 2014: 9).

К началу 1940 г. в Венгрии было рекрутировано наибольшее по сравнению с другими европейскими странами число добровольцев, вызвавшихся участвовать в советско-финской войне 1939–1940 гг. на стороне Финляндии. Из 25 тыс. волонтёров к декабрю 1939 г. был сформирован пятитысячный батальон, который в итоге прибыл в Финляндию, но участия в боевых действиях не принял, т. к. пока волонтёры обучались необходимой в условиях северной зимы ходьбе на лыжах, война закончилась. Многие из них тем не менее были удостоены Маннергеймом финских государственных наград.

Советско-финская война поставила в крайне неудобное положение все политические партии, оппозиционные режиму Хорти. Крупнейшая из них, социал-демократическая, была расколота: прокоммунистическое меньшинство, в любых случаях всегда поддерживавшее Москву, было исключено из партии (Ala-Fossir, Richly, Vilisic 2014: 19). Пришли в замешательство и ориентировавшиеся на Берлин крайне правые. Если вначале они приветствовали антисоветскую войну «угрофинских братьев» по крови, то позже, в духе Пакта Молотова – Риббентропа, активно выступили против рекрутирования добровольцев на финско-советский фронт (Ala-Fossir, Richly, Vilisic 2014: 19).

В этих непростых обстоятельствах перед советской дипломатией стояла исключительной сложности задача склонить общественное мнение Венгрии в свою пользу. И шаги в этом направлении были предприняты. Предвоенные месяцы накануне германского нападения на СССР стали временем наибольшей активности в советско-венгерских отношениях. Для их развития важно было оказать воздействие на общественное мнение Венгрии.

Советская «мягкосиловая дипломатия» 1939–1941 гг.

В 1849 г. не без наущения канцлера К.В. Нессельроде «жандарм Европы» Николай I спас австрийское господство над Венгрией, направив против революционной армии Кошута русские войска во главе с генерал-фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем. Эта интервенция решила исход освободительной борьбы венгров против Габсбургов. Габсбургами вина за продолжение их господства над венграми была возложена на Россию и русских казаков. Для этого использовались всевозможные приёмы антироссийской пропаганды, давшей к началу Второй мировой войны обильные плоды. В течение десятилетий венгерская молодёжь воспитывалась на традициях восстания во главе с Лайошем Кошутом.

При полном понимании этих сложных исторических обстоятельств советская внешняя политика предприняла весьма верный и полезный ход, достойный быть внесённым в хрестоматию дипломатии «мягкой силы». Было принято решение передать венгерскому правительству трофейные знамёна армии Кошута, захваченные солдатами Паскевича. Это был пример эффективной дипломатической акции, когда культурно-гуманитарными методами удалось достичь существенных политических результатов.

Впервые идея эта пришла в голову венгерскому посланнику Юнгерт-Арноти ещё в 1935 г., но была воспринята в Будапеште как утопическая. По-настоящему контакты по вопросу о передаче знамён начались осенью 1940 г. Поначалу ни в Москве, ни в Будапеште не было уверенности в успехе акции. Новый импульс переговорам придало предложение об обмене знамён на лидера венгерских коммунистов Матяша Ракоши, томившегося в заключении в Венгрии. Обе стороны были заинтересованы в сокрытии торга по столь деликатному вопросу. Некоторые его детали засекречены до сих пор. Для этого, в частности, было решено «развести» обе части дипломатической сделки по времени. 2 ноября 1940 г. Ракоши был передан на границе советским властям, а 7 ноября он уже присутствовал на трибуне праздничного парада в Москве.

Дело теперь было за советской стороной, и она не заставила себя долго ждать. 20 марта 1941 г. в торжественной обстановке по поручению Правительства Союза ССР 56 трофейных знамён были переданы генералом армии И.В. Тюленевым посланнику Й. Криштоффи. В Краснознамённом зале Центрального дома Красной армии был выстроен почётный караул, прозвучали венгерский национальный гимн и Интернационал. После подписания акта о передаче знамён Тюленев и Криштоффи выступили с речами. В тот же день венгерские знамёна в сопровождении почётного караула и представителей Народного Комиссари-

ата обороны Союза ССР и Венгерской миссии в Москве были отправлены на советско-венгерскую границу для вручения специально прибывшей на границу венгерской делегации[4].

Как явствует из материалов печати, советская сторона максимально эффективно использовала факт возвращения знамён для демонстрации дружественных намерений в отношении Венгрии. Помимо церемонии в Центральном доме Красной армии были организованы торжественные мероприятия на Киевском вокзале в Москве и непосредственно на советско-венгерской границе. Сообщения об этом событии были опубликованы в центральной советской печати и во всех областных газетах. Акт передачи революционных реликвий был оформлен обменом письмами между наркомом В.М. Молотовым и министром иностранных дел Ласло Бардошши. Как отмечал в своём отчёте Криштофи, при передаче ему письма первый заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский с необычной для него словоохотливостью не скупился на изъявления дружественных намерений в отношении Венгрии (Sipos 2012: 10).

В тексте ответного письма Молотова на благодарственное письмо венгерского министра позиция Москвы была выражена недвусмысленно: «Советское Правительство в отношении Венгрии неизменно руководствовалось и будет руководствоваться впредь стремлением к укреплению и развитию добрососедских отношений на благо наших стран и народов» (Sipos 2012: 10).

Об успехе этой советской дипломатической акции свидетельствовала, в частности, обеспокоенность, выраженная в этой связи германским посольством в СССР, которое поспешило предупредить венгерского посланника о «коварстве Москвы», действующей исключительно в целях «завоевания симпатий венгерского народа» (Sipos 2012: 10).

В целом, по свидетельству венгерского историка Аттилы Колонтари, временной отрезок с лета 1940 г. по апрель 1941 г. оказался в истории советско-венгерских отношений намного плодотворнее, чем весь предшествовавший период (Венгерский историк Аттила Колонтари... 2022: 164). В течение нескольких недель Москва и Будапешт нашли решение ряда вопросов, по которым не могли достичь согласия в течение долгих лет. В начале сентября 1940 г. в Москве было подписано торговое и платёжное соглашение, предусматривавшее товарообмен между двумя странами в размере 3,7 млн долл. США. В феврале 1941 г. были заключены соглашения о восстановлении почтовой и телеграфной связи и о железнодорожном сообщении.

[4] Сообщение о возвращении Венгрии военных знамён венгерской революции 1848 года 21 марта 1941 г. 1998. *Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941.* В 2-х кн. Кн. 2 (2). 2 марта 1941 — 22 июня 1941. Москва: Международные отношения. С. 489.

17 января 1940 г. высокопоставленный венгерский чиновник по поручению своего правительства информировал полпреда Н.И. Шаронова о том, что венгерским газетам отныне «отдано распоряжение: 1. статей антисоветского содержания не печатать; 2. цензура из факультативной (необязательной) преобразуется в обязательную, т. к. одна газета дала снимок красноармейца в виде бродяги; 3. будут публиковать больше материалов ТАСС». 13 февраля 1949 г. министр иностранных дел Иштван Чаки в беседе с советским полпредом подтвердил эту позицию Будапешта: «Мы спокойны за нашу карпатскую границу, никаких разногласий с Советами не имеем, и вообще угрожаемыми себя с этой стороны не чувствуем» (Исламов, Покивайлова 2008: 83–84).

Активизация двусторонних отношений нашла отражение и в том, что были полностью укомплектованы штаты советской и венгерской миссий в обеих столицах, назначены военные атташе, торговые представители, советники, секретари, представители телеграфных агентств. В октябре 1940 г. состав венгерского посольства в Москве насчитывал 22 сотрудника, советское полпредство в Венгрии – 18 (Венгерский историк Аттила Колонтари... 2022: 164). Судя по документам НКИД, на 1941 г. планировалось серьёзное расширение состава миссии – до 27 лиц, плюс шесть сотрудников торгового представительства.

Улучшение отношений, однако, было недолгим. 6 апреля 1941 г. войска держав «оси» вступили на территорию Югославии. Берлин оказал сильнейшее давление на Будапешт, настаивая на присоединении Венгрии к этой акции, что поставило Хорти и его окружение в сложное положение. Четырьмя месяцами ранее правительство премьер-министра Пала Телеки заключило с Югославией Договор о дружбе и постоянном мире. В ночь с 5 на 6 апреля СССР также подписал с Югославией Договор о дружбе и ненападении. Присоединение к агрессии стран «оси» означало крах политики лавирования, которую хортисты с переменным успехом проводили в течение длительного времени. П. Телеки, подписавший упомянутый венгеро-югославский договор, испытывал и личный морально-психологический стресс. 3 апреля он покончил с собой, оставив посмертную записку, в которой назвал Венгрию «нацией мародёров»[5]. В Москве сочли целесообразным откликнуться на это событие телеграммой соболезнования за подписью Молотова.

Под давлением Берлина 10 апреля новый кабинет во главе с Л. Бардошши принял решение о вводе венгерских войск на территорию Югославии. Реакция Москвы последовала незамедлительно: 12 апреля Криштоффи был приглашён в НКИД, где выслушал от Вышинского заявление, опубликованное на следующий день в советской печати. В заявлении, в частности, говорилось, что «Советское правительство не может одобрить подобный шаг Венгрии. На Советское

[5] Április 3. Gróf Teleki Pál halála. *Kalendarium*. URL: https://turul.info/napok/telekipalhalala (accessed 29.11.2023)

правительство производит особенно плохое впечатление то обстоятельство, что Венгрия начала войну против Югославии всего через четыре месяца после того, как она заключила с ней пакт о вечной дружбе»[6].

С этого момента отношения между двумя странами ухудшились, хотя Кузнецкий мост не ослаблял усилий по поддержанию их на уровне, позволявшем надеяться, что Венгрия не перейдёт под полный диктат Берлина. По данным из венгерских источников, перед возвращением в Будапешт 8 мая 1941 г. Шаронов встретился с Криштоффи и в ходе состоявшейся между двумя дипломатами беседы заметил, что «возникшие между советским и венгерским правительствами расхождения во мнениях не окажут воздействия на отношения между нашими странами и что Советское Правительство неизменно намерено поддерживать с Венгрией добрососедские отношения» (Sipos 2012: 11–12). В шифровке в Будапешт с отчётом об этой беседе Криштоффи резонно добавил от себя, что считает заявление Шаронова выполнением поручения НКИД. Действительно, невозможно представить, чтобы советский дипломат сделал столь важное заявление без санкции руководства.

Возвращение Шаронова к месту службы было ознаменовано новым всплеском благожелательности во взаимных отношениях, на сей раз не столько на официальном, сколько на гуманитарном уровне. В мае 1941 г. СССР впервые принял участие в традиционной Будапештской ярмарке. Советский павильон на ярмарке привлёк небывалый интерес общественности. Выставку продукции советской промышленности и сельского хозяйства посетили сам регент с супругой и два министра. Посетители выстраивались перед советским павильоном в длинные очереди[7] (Sipos 2012: 12).

Последние попытки предотвратить катастрофу (май–июнь 1941 г.)

Маховик приготовлений к войне тем временем продолжал неумолимо раскручиваться. Активно подталкивала Венгрию к пропасти германская дипломатия и разведка, опиравшаяся на свою агентуру. Её наиболее активным представителем в политической элите Будапешта был начальник генштаба Хенрик Верт. В дни, когда Хорти посещал советский павильон на ярмарке, Верт представил премьер-министру Л. Бардошши меморандум[8], в котором со ссылкой на неиз-

[6] В Народном комиссариате иностранных дел СССР 12 апреля 1941 г. 1998. *Документы внешней политики. 1940 —22 июня 1941.* В 2-х кн. Кн. 2 (2). 2 марта 1941—22 июня 1941. Москва: Международнные отношения. С. 553.

[7] Те из них, кто остался в живых, в 1967 г. были приглашены в советский павильон на Будапештской ярмарке, чтобы отметить четвертьвековой юбилей выставки. Автор этих строк, командированный на это мероприятие в качестве переводчика, был свидетелем того, как посетители-ветераны со слезами на глазах вспоминали о советской выставке 1941 г. за полтора месяца до начала войны.

[8] Ласло Ж. (ред.). 1962. *Венгрия и Вторая мировая война, Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны.* Пер. с венгерского Б.Я. Гейгера и Н.Н. Сикачева. Москва: Издательство иностранной литературы. С. 252–255.

бежность начала войны между Германией и СССР в ближайшем будущем настаивал на заключении гарантийного пакта взаимопомощи с Берлином, в том числе и для реализации территориальных претензий хортистов к соседним государствам. «Наше присоединение к державам "оси", – говорилось в меморандуме, – делает участие Венгрии в войне обязательным. Это необходимо также потому, что на дальнейшее расширение территории страны можно рассчитывать только в том случае, если мы и впредь будем стойко и верно придерживаться политики держав "оси". В качестве вознаграждения мы наверняка получим обратно все территории исторической Венгрии. В германских компетентных кругах всегда делались намёки на этот счёт, а политический курс, который до сих пор проводили державы "оси", позволяет с полной уверенностью надеяться на это. Мы тем более должны присоединиться к военным действиям, поскольку Румыния уже взяла на себя обязательство принять участие в войне. Ловкая румынская пропаганда уже использовала это обстоятельство против нас. Если же мы опоздаем с присоединением к войне, то тогда придётся не только отказаться, может быть навечно, от дальнейших территориальных претензий к Румынии, но мы можем даже поставить под угрозу всё то, что было приобретено до сих пор»[9].

Со своей стороны немцы не сомневались в лояльности прогитлеровского сегмента венгерской политической элиты, и считали обречёнными на фиаско попытки хортистов уклониться от прямого участия в предстоящем гитлеровском нашествии. В беседе с послом В.Г. Деканозовым за четыре дня до нападения Германии на СССР статс-секретарь германского МИДа Э. Вайцзеккер дал характеристику Л. Бардошши как приверженцу «оси», самодовольно добавив при этом: «Да другим и не может быть венгерский министр иностранных дел, поскольку всё то, что получила Венгрия, она получила благодаря державам "оси"»[10].

Статс-секретарь в данном случае был не совсем прав. Борьба в венгерской политической элите ещё продолжалась; тот же Бардошши не дал хода упомянутому меморандуму Верта. Что касается Бетлена и самого Хорти, то они до конца сопротивлялись прямому вовлечению Венгрии в войну. Разумеется, они были антикоммунистами и русофобами, но, будучи реалистами, они понимали, что война для Венгрии – это трагедия, а победа Германии в ней сомнительна. Этим пониманием объясняется тот факт, что Венгрия не вступила в войну 22 июня 1941 г., как, например, Румыния, или 25 июня, как Финляндия, или даже как Словакия – 26 июня. Этим объясняются и некоторые сомнения относительно

[9] Там же. С. 254.

[10] Из дневника посла СССР в Германии В.Г. Деканозова, 18 июня 1941 г. 1998. *Документы внешней политики. 1940 —22 июня 1941.* В 2-х кн. Кн. 2 (2). 2 марта 1941—22 июня 1941. Москва: Международные отношения. С. 744.

позиции Венгрии и в самом Берлине, где, по свидетельству фельдмаршала Паулюса, сочли Венгрию единственным из сателлитов Германии, которого не сочли нужным информировать о содержании «плана Барбаросса»[11].

Кабинет министров на своём заседании 23 июня ограничился решением о разрыве дипломатических отношений с СССР, причём в хортистском правительстве нашёлся политик (министр внутренних дел), предостерёгший коллег от излишней торопливости. Сам Бардошши, сообщая германскому послу об этом решении правительства, неожиданно робко спросил немца, не стоит ли венграм сохранить миссию в Москве, чтобы «проводить через неё разведывательную деятельность в пользу Германии» (Венгерский историк Аттила Колонтари... 2022: 172), на что последовал ответ, что в этом нет необходимости.

В эти судьбоносные часы советское руководство также предпринимало шаги для предотвращения советско-венгерской войны. 23 июня Молотов пригласил Криштоффи «для того, чтобы проинформироваться у него о текущих событиях» и о позиции Венгрии по отношению к начавшейся советско-германской войне. Одновременно нарком добавил, «что Советский Союз не имеет никаких спорных вопросов в своих отношениях с Венгрией и не имеет к Венгрии никаких претензий. Советский Союз не имеет возражений по поводу осуществлённого за счёт Румынии увеличения территории Венгрии»[12]: нарком имел ввиду передачу Венгрии части Трансильвании по Второму Венскому арбитражу. Криштоффи в своей шифротелеграмме в Будапешт усилил эту часть записи беседы, распространив слова Молотова и на будущее.

Слова эти, видимо, до Хорти не дошли. Тем не менее, когда военный министр и начальник генштаба потребовали от регента присоединиться к Германии, последний отклонил их предложение, рассчитывая, видимо, даже в этих сложнейших условиях сохранить нейтралитет страны. И тогда в ход была пущено испытанное средство гитлеровской дипломатии: провокация.

Бомбёжка Кошице

26 июня 1941 г. в 13 часов 8 минут над перешедшим под венгерскую юрисдикцию по Первому Венскому арбитражу словацким городом Кошице появились три бомбардировщика без опознавательных знаков с жёлтыми полосами вокруг фюзеляжей (этими полосами обычно обозначались самолёты держав «оси»). Самолёты сбросили бомбы на центральную улицу города, причинив разрушения и человеческие жертвы. Несмотря на отсутствие серьёзного рас-

[11] Paulus F. 1960. «*Ich stehe hier auf Befehl!*». Fr./M. S. 130–131.

[12] Запись беседы Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с Посланником Венгрии в СССР Ж. Криштоффи, 23 июня 1941 г. 2000. *Документы внешней политики.* 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Москва: Международные отношения. С. 21.

следования этого инцидента, начштаба Хенрик Верт сделал всё для того, чтобы представить бомбардировку налётом советской авиации. Это послужило последним толчком, решившим исход сложной дипломатической борьбы во внешнеполитической ориентации Венгрии. Война СССР была объявлена пять дней спустя после начала гитлеровского нашествия.

Вплоть до настоящего времени высказываются суждения ангажированных историков о том, что Кошице действительно бомбили советские самолёты. Между тем эта версия даже спустя восемьдесят лет не выдерживает никакой критики. Во-первых, в бомбардировке Кошице у Красной Армии не было необходимости. Во-вторых, советские ВВС в первые дни войны понесли столь значительные потери в живой силе, технике и горючем, что вряд ли были способны осуществить столь дальний рейд даже по ошибке. В-третьих, как отмечает историк и журналист М.А. Жирохов, сохранившим боеспособность всем, включая бомбардировочные, авиационным частям советских ВВС на юго-западном направлении был отдан приказ сосредоточиться на непосредственной поддержке частей на передовой, о каких-либо дальних рейдах не могло быть и речи[13].

В этой связи наиболее вероятной версией произошедшего видится «румынская» в изложении венгерского историка А. Колонтари (Венгерский историк Аттила Колонтари... 2022: 181). Согласно этой версии, румынский офицер (полковник Ион Черняну (Cernoianu)) в советском плену сказал одному из венгерских военнопленных лётчиков (Иштвану Золчаку (Zolcsák)) в пылу спора о принадлежности Трансильвании, что Кошице бомбили румынские самолёты по приказу диктатора Антонеску. Хотя Колонтари сомневается в достоверности этой версии, она подкреплена документами и воспоминаниями И. Золчака[14]. Упоминают об этой версии и другие венгерские и словацкие источники[15].

Достоверность версии подтверждается и личностью самого Золчака (1921–2006), убеждённого венгерского националиста, хортистского офицера-лётчика, активного участника антисоветского восстания 1956 г. Его, следовательно, никак нельзя заподозрить в симпатиях к СССР. А самое главное, только «румынская версия» даёт ответ на ключевой вопрос при расследовании любого преступления: Cui prodest (Кому выгодно?) Выгодно было фашистам: немецким – чтобы поскорее ввергнуть Венгрию в войну с СССР; румынским – чтобы венгерская армия отошла от границ Трансильвании; венгерским – чтобы обвинить СССР

[13] Жирохов М.А. 2004. Бомбежка Кошице». URL: http://www.airwar.ru/history/av2ww/axis/koshice/koshice.html (дата обращения 29.11.2023)

[14] Zolcsák István [et al.]; szerk. 1978. Anna Walter de Fehér. *Erdélyi magyarság* [Transylvanian Hungarians]. Fel. szerk. Buenos Aires.

[15] Balassa Z. Kassa bombázása még mindig rejtély III [Kass Bombing is Still a Mystery]. *Felvidék.ma*. A hírportál működtetője: Szövetség a Közös Célokért – URL: https://felvidek.ma/2021/06/kassa-bombazasa-meg-mindig-rejtely-iii/ (accessed 29.11.2023) (In Hungarian); Sándor G. 2017. Kassa felett az ég... [The Sky above Kassa]. 444. *Történelem*. Július 18. URL: https://444.hu/2017/07/18/kassa-felett-az-eg (accessed 29.11.2023) (In Hungarian).

в агрессии и поскорее приступить к завоеваниям на обширном пространстве «страны варваров» (Barbárország), как они называли Россию. Ведь Х. Верт обещал, что после скорой победы венгерские солдаты вернутся домой в августе 1941 г., к уборке урожая. Начальник генштаба ошибся: только с 12 января по 9 февраля 1943 г. 2-ая венгерская армия, прикрывавшая тылы вермахта, по подсчётам её командования, потеряла 148 тыс. человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести и пленными (Гришина 2009: 200).

Заключение

Исторический анализ событий 80-летней давности однозначно свидетельствует о том, что маховик войны, запрограммированный в Версальско-Вашингтонской системе, раскручивался неотвратимо. Пойдя на беспринципные уступки в Мюнхене, западные державы сделали Вторую мировую войну в Европе практически неизбежной. Провалились и мечты хортистов о «крестовом» антибольшевистском антироссийском походе монолитного христианского Запада.

Что же касается усилий советской дипломатии на венгерском направлении в 1934–1941 гг., то и в наше время они имеют положительное значение как для развития российско-венгерских отношений, так и для укрепления безопасности на континенте. События современной истории показывают, что, как и восемьдесят лет назад, курс на укрепление суверенитета Венгрии (и не только Венгрии) в европейских делах может быть значительно более эффективным при поддержании конструктивного диалога с Москвой.

Об авторе:

Владимир Фёдорович Пряхин – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры дипломатии МГИМО-Университета, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: pryakhin2010@mail.ru.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Благодарности:
Автор выражает признательность рецензентам настоящего исследования за ценные замечания и рекомендации.

UDC 32:172.15(470+571)(476)
Received: October 11, 2023
Accepted : November 21, 2023

Soviet Diplomatic Efforts to Prevent Hungary's Alignment with Germany in World War II (1939–1941)

V.F. Pryakhin
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-69-91

MGIMO University

Abstract: The history of Soviet-Hungarian interactions from the establishment of diplomatic relations until Hungary joined World War II alongside the Axis powers offers valuable insights into the dynamics between small and great powers, as well as the efforts of small European states, particularly Hungary, to navigate their national interests in foreign policy amidst Nazi Germany's encroachments. This period was defined by two primary factors: the Hungarian political elite, led by Miklós Horthy, sought to join a quasi-"crusade" against Comintern Soviet Russia, while simultaneously striving to avoid deep involvement in major conflicts between the great powers. This dual approach aligned with the policies of Hitler's Western appeasers, who aimed to redirect German expansion eastward. In this geopolitical scenario, American and Western European actors (including Great Britain and France) were relegated to the role of observers, anticipating a prolonged conflict between Nazi Germany and the Soviet Union that would drain both. Hungary, as strategized by Budapest, hoped to secure a position among these observers, avoiding direct conflict participation, and to later engage in territorial reconfiguration post-World War II. However, the reality in Europe by the early 1940s diverged significantly, with Western powers (the USA and Great Britain) unable to redirect Hitler's global domination ambitions eastward. Facing an existential threat, these powers were compelled to enter the war. Against this backdrop, Soviet diplomacy endeavored to deter Hungary's alliance with Nazi Germany. Although ultimately unsuccessful, examining these diplomatic efforts offers valuable lessons in the context of the current evolution towards a multipolar world.

Keywords: Hungarian foreign policy, World War II, Soviet-Hungarian relations, return of the banners of the Hungarian revolutionary army of 1848–1849, bombing of Kosice on June 26, 1941

About the author:

Vladimir F. Pryakhin – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Diplomacy of the MGIMO University. 119454, Prospekt Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: pryakhin2010@mail.ru.

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:
The author expresses gratitude to the reviewers of this article for their valuable comments and recommendations.

References:

Ala-Fossi N., Richly G., Vilisic F. 2014. *Unkarilaiset Vapaaehtoiset Talvisodan suomessa* [Hungarian Volunteers in Finland during the Winter War]. Helsinki – Budapest: Unkarin Suurlähetystö Helsingissä / Embassy of Hungary in Helsinki. (In Finnish and English).

Sipos L. 2012. Kristóffy József moszkvai magyar követ [József Kristóffy as the Hungarian Envoy in Moscow]. Budapest, Grotius Honilap, URL: http://www.grotius.hu/doc/pub/BZARFY/2012_131_sipos_levente_kristoffy_jozsef_moszkvai_magyar_kovet.pdf (accessed 29.11.2023) (In Hungarian).

Bazhanov B.G. 1992. *Vospominaniya byvshego sekretarya Stalina* [Memoirs of Stalin's Former Secretary]. Moscow: Vsemirnoe slovo. 138 p. (In Russian).

Grishina A.S. 2009. *Ostrogozhsko-Rossoshanskaya nastupatyelnaya operaciya: 40-ya armiya Voronezhskogo fronta protiv 2-j Vengerskoy korolevskoy armii: Uroki istorii* [Ostrogozh-Rossoshan Offensive Operation: 40th Army of the Voronezh Front against the 2nd Hungarian Royal Army: History Lessons] (In Russian).

Igritskiy Yu.N. (ed.) and other authors. 2009. *Sovremennaya Rossya v otsenkakh vostochnoyev* [Modern Russia in the Assessments of Eastern Europeans] Sat. scientific works. RAS. INION, Center for Scientific Information. research global and regional. problems. Moscow. 216 p. (In Russian).

Islamov T.M., Pokivaylova T.A. 2008. *Vostochnaya Yevropa v silovom pole velikikh derzhav. Transilvankiy vopros. 1940–1946 gg.* [Eastern Europe in the Force Field of Great Powers. Transylvanian Question. 1940–1946] Moscow: Indrik. 240 p. (In Russian).

Nykiforov K.V. (ed.) 2011. *Yugoslaviya v XX veke: Ocherki politicheskoy istori*i [Yugoslavia in the 20th Century: Essays on Political History] Moscow: Indrik. 888 p. (In Russian).

Pushkash A.I. 1972. *Istoriya Vengrii v tryokh tomakh/* tom 3 [History of Hungary in Three Volumes. Volume 3]. Moscow: Nauka. 968 p. (In Russian).

Savai F. (ed.). 2016. *Rossiya i Vengria na perekroestkakh yevropeyskoy istorii* [Russia and Hungary at the Crossroads of European history]. Is. II. Collection of scientific articles. Stavropolj: SKFU. 306 p. (In Russian).

Stykalin A.S., Varga Eva (ed.) 2000. *Rossiyskaya belaya emgratciya v Vengrii (1920–1940) [Russian White Emigration in Hungary (1920–1940s).* Moscow: Probel. 220 p. (In Russian).

Vash Z. 1951. *Shestnadcat' let v tyur'me* [Sixteen Years in Prison]. Per. s vengerskogo. Moscow: Molodaya gvardiya. 248 p. (In Russian).

Vengerskiy istorik Attila Kolontari o predystorii i konkretnykh obstoyatelstvakh vstupleniya Vengrii v voynu s SSSR v iyunye *1941 g.* 2022. [Hungarian Historian Attila Kolontari on the Background and Specific Circumstances of Hungary's Entry into the War with the USSR in June 1941. *Istoricheskaya ekspertiza.* №2. P. 163–184. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Бажанов Б.Г. 1992. *Воспоминания бывшего секретаря Сталина.* Москва: Всемирное слово. 138 с.

Ваш З. 1951. *Шестнадцать лет в тюрьме.* Пер. с венгерского. Москва: Молодая гвардия. 248 с.

Венгерский историк Аттила Колонтари о предыстории и конкретных обстоятельствах вступления Венгрии в войну с СССР в июне 1941 г. 2022. *Историческая экспертиза*. №2. С. 163–184.

Гришина А.С. 2009. Острогожско-Россошанская наступательная операция: 40-я армия Воронежского фронта против 2-й Венгерской королевской армии: Уроки истории. *Научные ведомости БелГУ.* 7(62(10)). С. 196–202.

Игрицкий Ю.И. (отв. ред.) и др. 2009. *Современная Россия в оценках восточноевропейцев:* Сб. научн. трудов. РАН. ИНИОН, Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. Москва. 216 с.

Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. 2008. *Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос.* 1940–1946 гг. Москва: Издательство «Индрик». 240 с.

Никифоров К.В. (ред.). 2011. *Югославия в XX веке: Очерки политической истории.* Москва: «Индрик». 888 с.

Пушкаш А.И. (отв. ред.). 1972. *История Венгрии в трёх томах.* Т. 3. Москва: Наука. 968 с.

Саваи Ф. (ред). 2016. *Россия и Венгрия на перекрёстках европейской истории.* Выпуск II: сборник научных статей. Ставрополь: Изд-во СКФУ. 306 с.

Стыкалин А.С., Варга Е.М. (отв. ред.). 2012. *Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы).* Москва: Пробел-2002. 220 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(6). С. 92–123
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-92-123

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Политика и дипломатия СССР на Дальнем Востоке в канун и в годы Второй мировой войны

Ю.А. Дубинин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена анализу политики и дипломатии СССР на Дальнем Востоке, формировавшихся в 1920-е – 1940-е гг. под воздействием двух разнонаправленных факторов: идеологического, определявшегося характером советской политической системы, и геополитического, отражавшего учёт Москвой актуальной политической обстановки, порой ставившей перед советским правительством непростые задачи обеспечения безопасности молодого государства в условиях нарастания международной напряжённости как в мире в целом, так и на Дальнем Востоке в частности.

Этот период разбивается на четыре заметно отличных друг от друга временных отрезка, каждый из которых характеризовался специфическими чертами, приоритетами и вызовами. Вместе с тем они подчинены общей задаче упрочения позиций страны в регионе. Мы выделяем здесь следующие периоды:

– 1927–1932 гг.: обострение отношений между правительством Гоминьдана и Москвой после 1927 г. (разрыв Гоминьдана и КПК), конфликт на КВЖД 1929 г. и вплоть до урегулирования отношений с правительством Чан Кайши на фоне нараставшей японской агрессии в Маньчжурии (на северо-востоке Китая). Умелое сочетание использования силы и изворотливости;

– 1930-е гг., особенно после начала агрессивной войны Японии в собственно Китае. Имело место ограниченное взаимодействие СССР с Китайской Республикой на фоне настороженных советско-японских отношений, кульминацией которых стали вооружённые столкновения на о. Хасан и на р. Халхин-Гол, а также подписание советско-японского Пакта о нейтралитете;

– Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: все усилия советского государства были сконцентрированы вокруг центральной задачи – нанесения поражения германскому агрессору, советская дипломатия сосредотачивалась вокруг центральных для Москвы межсоюзнических отношений и открытия второго фронта, а вопросы дальневосточной политики носили маргинальный характер;

– зима – лето 1945 г., политическое, дипломатическое и военное участие СССР на Дальнем Востоке развернулось в полном объёме на фоне подготовки Советского Союза к вступлению в войну против Японии, как это было обещано союзникам в Ялте. Дипломатическая деятельность СССР активно развивалась по всем направлениям.

УДК: 94(47)"192/194":327(5)
Поступила в редакцию: 10.05.2023
Принята к публикации: 11.27.2023

Ключевые слова: международные отношения, дипломатическая деятельность СССР на Дальнем Востоке, Тройственный пакт, конфликты на озере Хасан и на реке Халхин-Гол, Вторая мировая война, межсоюзнические конфе-ренции: Ялта, Потсдам, Советско-китайский договор 1945 года, капи-туляция Японии

Статья посвящена исследованию политики и дипломатии СССР на Дальнем Востоке, которая в 1920–1940-е гг. прошла через ряд сложных этапов, смена которых была вызвана кардинально менявшимся внешним окружением как в регионе, так и в мире в целом. Цель статьи заключается в том, чтобы интегрированно рассмотреть вопрос: под влиянием каких внутренних и внешних факторов формировалась дальневосточная политика и дипломатия Советского Союза за период 1920-х–1940-х гг. Предложена периодизация и проведён анализ специфики каждого из этапов этой политики и методов дипломатических решений поставленных задач. Основным методом исследования стал критический анализ документов, отражающих состояние международных отношений и содержание внешней политики СССР, других государств, участвовавших в международных отношениях на Дальнем Востоке, в течение этого достаточно продолжительного и насыщенного событиями периода.

Дальневосточная политика и дипломатия Советского Союза начиналась с идеологической миссии, опиравшейся на идеи Октябрьской революции, о поддержке революционных движений в мировом масштабе, что вылилось в активную помощь правительству Сунь Ятсена. Затем, по мере нарастания японской агрессии в регионе, встала задача обеспечения безопасности восточных рубежей советского государства[1]. После развязывания Второй мировой войны союзнические обязательства СССР и потребность в том, чтобы обеспечить на перспективу свою безопасность на Дальнем Востоке, потребовали включения Москвы в полномасштабные военные действия вместе с союзниками в регионе, приведшие к капитуляции Японии.

Массив историографии, посвящённой дипломатии и военным действиям в канун и в период войны в Восточной Азии и на Тихом океане в годы Второй мировой войны, огромен. Он включает документальные публикации, произведения мемуарной литературы, а также исследовательские работы. Они достаточно интенсивно исследованы и прокомментированы в отечественной и зарубежной литературе. В рамках данной статьи мы не претендуем на оценку всего массива текстов, посвящённых международным отношениям, политике и дипломатии СССР в Восточной Азии и на Тихом океане в этот период.

[1] Следует учитывать, что Восточно-Сибирский и Дальневосточный регионы СССР представлялись весьма уязвимыми для потенциальной внешней агрессии в силу существенного их отставания по плотности населения и уровню хозяйственного освоения от регионов европейской части страны.

При проведении данного исследования были использованы многочисленные отечественные и зарубежные источники. В первую очередь отметим двенадцатитомный труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»[2], в особенности тома пятый (Победный финал… 2013) и восьмой (Внешняя политика и дипломатия... 2014), дающие основанный на новейших документальных публикациях фактический материал о военных и политических решениях советского политического руководства и военного командования в годы Великой Отечественной войны. Весьма полезной оказалась пятитомная «История войны на Тихом океане» (Первый период войны 1958; Второй период войны 1958), содержащая подробный анализ японской политики на Дальнем Востоке в годы войны в Восточной Азии и на Тихом океане. Хотя идеологические установки данной работы в полной мере соответствуют времени её публикации, её безусловным достоинством является детальное изучение документов различных правительственных ведомств Японии, раскрывающих подходы двора и правительства Империи к решению вопросов своей региональной военной и политической стратегии. В японском и китайском разделах сборника Института востоковедения РАН «СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны»[3] существенное внимание уделяется региональной проблематике в аспектах, интересовавших автора, особенно специфике советско-японских отношений в 1941–1944 гг., когда Москва, боровшаяся с германской агрессией на западном направлении, эффективно балансировала свои отношения с Японией, успешно избегая угрозы развязывания войны на двух фронтах (Молодяков 2010а и 2010б), а также советско-китайских переговоров летом 1945 г., завершившихся подписанием договора о дружбе и союзе на условиях Ялтинских документов (Лузянин, Мировицкая, Пиковер 2010; Лузянин, Мировицкая 2010). Уместно отметить капитальный труд А.Н. Панова, К.О. Саркисова и Д.В. Стрельцова (Панов, Саркисов, Стрельцов 2019), на большом историческом полотне исследующий внешнюю политику Японии от реставрации Мэйдзи и до наших дней. Достойное место в нём уделено японской политике и советско-японским отношениям в канун и в годы Второй мировой войны. В монографии В.О. Печатнова о советско-американских отношениях в 1940-х гг. (Печатнов 2006) повествуется о ряде малоизвестных эпизодов советско-американских отношений периода Второй мировой войны, в том числе через призму дальневосточного вектора американской и советской политики и дипломатии. Автор детально рассмотрел настоятельные попытки американской дипломатии задействовать возможности СССР для поддержки американских военных усилий на тихоокеанском театре военных действий, последовательно отклонявшиеся

[2] *Великая Отечественная война 1941–1945 годов.* 2011–2015. В 12 тт. Москва: Воениздат, Кучково поле.
[3] *СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны.* 2010. Отв. редактор В.В. Наумкин. Москва: Институт востоковедения. 460 с.

Москвой как несвоевременные в трудные годы, когда СССР в одиночку боролся с германской агрессией, тщетно дожидаясь открытия союзниками обещанного второго фронта.

Интересный для целей настоящего исследования дальневосточный аспект дипломатической интриги в период проведения Потсдамской конференции предложен в работе известного японского исследователя Цуёси Хасэгава, дающего отличную от распространённой на Западе версию о решающем вкладе американских атомных бомбардировок Японии в скорую капитуляцию Токио (Hasegawa 2003; Hasegawa 2005).

Неоценимое значение при работе над статьёй имело обращение к американским внешнеполитическим документам периода Второй мировой войны серии Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. Автор подробно проанализировал тома, охватывающие Каирскую конференцию Ф. Рузвельта, У. Черчилля и Чан Кайши[4], Ялтинскую (Крымскую) конференцию Ф. Рузвельта, У. Черчилля и И.В. Сталина[5], а также Потсдамскую (Берлинскую) конференцию Г. Трумэна, У. Черчилля и И.В. Сталина[6]. При этом особое внимание – помимо принятых там трёхсторонних документов и протоколов бесед – было уделено обращениям англо-американских военных к своим политическим лидерам о необходимости обеспечить непременное участие Красной армии в операциях по разгрому Японии. Автор специально исследовал вопрос о том, каким образом американские власти добивались от Китая исполнения Ялтинских обязательств президента Ф. Рузвельта в отношении сформулированных И.В. Сталиным условий вступления Советского Союза в войну с Японией. В связи с безвременной кончиной американского президента эти обязательства не могли быть выполнены в оговорённые в Ялте сроки (после разгрома Германии и до перебазирования существенного контингента советских войск на Дальний Восток). Проведённый автором анализ американской дипломатической переписки[7] позволил восстановить процесс реализации принятых США обязательств и отразить воздействие американской дипломатии на процесс советско-китайских переговоров, завершившихся подписанием 14 августа 1945 г. Договора о дружбе и союзе между Китаем и СССР. Насколько известно автору, эти сведения впервые вводятся в отечественный научный оборот.

---

[4] The First Cairo Conference. 1961. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943.* URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1943CairoTehran (accessed 15.12.2023)

[5] General: Political and Economic Matters. 1955. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta, 1945.* URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Malta (accessed 15.12.2023)

[6] Basic military objectives, strategy, and policies in the war against Japan. Issuance of a proclamation calling for the surrender of Japan. 1960. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945, Volume II.* URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Berlinv02 (accessed 15.12.2023)

[7] Interest of the United States in the Negotiation of the Sino-Soviet Treaty of August 14, 1945; Attempts by the United States to Obtain a Public Reaffirmation of the Open Door Policy. 1969. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1945. The Far East, China, Volume VII.* URL: (accessed 15.12.2023)

В статье политика и дипломатия СССР на Дальнем Востоке рассматриваются в хронологическом порядке: 1927–1932 гг., после разрыва отношений с Москвой Нанкинским правительством Китая и до их восстановления на фоне захвата Японией Маньчжурии; ситуация на фоне нараставшей военной угрозы и начала японского вторжения в собственно Китай; политика Москвы после нападения гитлеровской Германии на СССР. Четвёртый раздел посвящен анализу дипломатических ходов Советского Союза, направленных на обеспечение своего достойного места в союзнических усилиях по разгрому Японии.

Идеология и политика (1927–1932 гг.)

Версальская система в Европе, равно как и Вашингтонская система на Дальнем Востоке, с самого начала не отличались устойчивостью и характеризовались стремлением подавляющего большинства их участников добиваться выгодных для себя перемен, используя политико-дипломатические средства, а в ряде случаев демонстрируя готовность к применению военной силы. Установленные Вашингтонскими договорённостями рамки действий практически сразу же после подписания начали нарушаться их участниками, при этом далеко не последнюю роль в усиливавшейся в регионе нестабильности играли революционные перемены в Китае.

Из важных участников международных отношений на Тихом океане Япония была державой, наименее удовлетворённой итогами своего участия в Первой мировой войне на стороне Антанты. Проведённая в 1921–1922 гг. Вашингтонская конференция усугубила недовольство Токио складывавшимся в регионе порядком. США и Великобритания закрепили за Страной восходящего солнца статус средней военно-морской державы (Договор пяти), а Договор девяти подтвердил гарантии территориальной целостности Китая, зафиксировав неизменно исповедовавшийся США принцип «открытых дверей и равных возможностей», тем самым отсекая возможные претензии Токио на свои «сферы интересов» в Китае. Нажим союзников не позволял Японии реализовать её далеко идущие планы в отношении Китая, выдвигавшиеся в известном «21 требовании».

Тем не менее Япония стремилась расширить ареал своего влияния в северо-восточной Азии и выдвигала претензии на особую роль в этом регионе. Японские действия представляли собой непрерывное наращивание давления на региональные и центральные власти Китая, переход от одного агрессивного шага к другому при неизменной оглядке на реакцию крупнейших государств мира и международных организаций. Власти Японии воспользовались тем, что в условиях полыхавшего глобального экономического кризиса западные державы воздерживались от активного вмешательства в события на Дальнем Востоке.

Как утверждают сегодня некоторые источники КНР[8], Вторая мировая война началась именно с агрессии Японии против Китая, после провокации на Южно-Маньчжурской железной дороге 18 сентября 1931 г., выразившейся сначала в захвате северо-восточных провинций страны, создании в 1932 г. марионеточной Маньчжоу-Го, а затем в нападении в 1937 г. на собственно Китай и оккупации значительной части его территории. Хотя обсуждение маньчжурского вопроса в Лиге Наций в декабре 1932 г. не привело к введению против Японии ни экономических, ни военных санкций[9], страна тем не менее была признана Лигой агрессором и весной 1933 г. вышла из состава этой международной организации.

В дальнейшем в глобальной и региональной политике Японии неуклонно нарастали элементы агрессии, что привело к формированию «оси» Берлин – Рим – Токио и в итоге – к развязыванию войны на Тихом океане.

На дальневосточных рубежах Советского Союза складывалась угрожавшая его безопасности обстановка. Разгром Кантонской коммуны и разрыв правительством Чан Кайши отношений с СССР, захват летом 1929 г. КВЖД поставили отношения с Китаем на грань войны. В ответ Москва не только отозвала из Китая всех своих представителей, включая работников администрации КВЖД, но и предприняла силовые акции. Действия Особой Дальневосточной армии, легко разгромившей 20-тысячную китайскую группировку, заставили Чжан Сюэляна подписать в декабре того же года Хабаровский протокол, восстановивший права СССР на КВЖД.

В отношениях со своими дальневосточными соседями Москва занимала принципиальную и одновременно прагматичную позицию. Важнейшими задачи советской внешней политики и дипломатии в регионе состояли в укреплении своего и без того весьма значимого силового потенциала и одновременно в сохранении мирного окружения. Вместе с тем СССР не отказывался от идеологических принципов, оказывая поддержку китайским коммунистам. Эти действия побудили Нанкин к разрыву отношений с Москвой, однако в условиях нарастания японской угрозы и отсутствия реальной помощи со стороны европейских держав и США восстановление взаимодействия с советским правительством стало для правительства Чан Кайши насущной необходимостью. Эта ситуация была удачно использована советской дипломатией: обмен нотами о восстановлении советско-китайских дипломатических отношений произошёл в Женеве 12 декабря 1932 г., как раз в ходе обсуждения Маньчжурского вопроса в Ассамблее Лиги Наций (Панов, Саркисов, Стрельцов 2019: 101). Характерно, что советская дипломатия, вос-

[8] В частности, в статье заместителя министра иностранных дел КНР Чэн Гопина, опубликованной в «Российской газете» 3 сентября 2015 г., утверждается: «"Инцидент 18 сентября" стал отправной точкой антияпонской войны и прелюдией Второй мировой войны». См. Чэн Г. 2015. Вклад Китая в достижение Победы во Второй мировой войне. *Российская газета*. URL: https://rg.ru/2015/09/03/voyna.html (дата обращения: 15.12.2023)

[9] См. напр.: Никонов В.А. 2020. Война началась на Востоке. *Сайт Вячеслава Никонова*. URL: https://v-nikonov.ru/publications/article/194716/ (дата обращения: 15.12.2023)

станавливая отношения с Китаем, оставляла при этом открытыми возможности продолжения диалога с Японией: в заявлении М.М. Литвинова о восстановлении дипотношений с Китаем не оговаривался потенциально провоцировавший Японию вопрос о его территориальной целостности, то есть о статусе Маньчжоу-Го. На этот шаг Советского Союза Токио ответил отказом от рассмотрения давно выдвигавшихся советских предложений подписать Пакт о ненападении.

Дислокация японской Квантунской армии на территории Маньчжоу-Го создавала угрозу нежелательного конфликта между Японией и СССР. В этих условиях Москва, с одной стороны, активно укрепляя свои силовые структуры в Дальневосточном регионе и на Тихом океане, заключила 12 марта 1936 г. Протокол о взаимопомощи с Монгольской Народной Республикой[10] (которую в то время кроме Советского Союза никто не признавал[11]), с другой – старалась снять потенциальные источники провокаций, избавившись от ставшей к тому времени серьёзной обузой Китайско-Восточной железной дороги.

Переговоры о продаже КВЖД были начаты с представителями Китая в конце 1930 г. 10 апреля 1931 г. Политбюро утвердило предложения НКИД Об основных принципах выкупа КВЖД Китаем, однако после оккупации Маньчжурии Японией ситуация полностью изменилась. Токио заявил о своём намерении приобрести дорогу при условии, что формальным покупателем выступит правительство Маньчжоу-Го. 29 мая 1933 г. японский посол в Москве передал в НКИД согласие маньчжурского правительства и предложение Японии выступить в качестве посредника. Запрошенная Москвой первоначальная цена (250 млн золотых рублей) в 12,5 раз превышала японское предложение. 14 сентября 1934 г. Советский Союз принял последнее японское предложение – 140 млн иен, или 47,5 млн золотых рублей. 23 марта 1935 г. трудные и временами жёсткие переговоры завершились подписанием в Токио Соглашения между СССР и Маньчжоу-Го об уступке ей прав в отношении КВЖД. Железная дорога немедленно переходила во владение Маньчжоу-Го, Япония гарантировала обеспечение и трансфер всех причитавшихся Советскому Союзу сумм. Подписанное соглашение устраняло возможный источник конфликта с Японией и способствовало временному потеплению в отношениях между Москвой и Токио (Молодяков 2010а: 71–73).

Советско-японские отношения были существенно омрачены подписанием в Берлине 25 ноября 1936 г. германо-японского договора, получившего известность как «Антикоминтерновский пакт», официальной целью которого провозглашалась совместная борьба против Коминтерна (Коммунистического Интерна-

[10] Протокол о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой. 12 марта 1936 г. 1974. *Документы внешней политики СССР*. Т. XIX. Москва. С. 136–137.

[11] Нанкинское правительство направило Кремлю ноту протеста, в которой говорилось, что Монголия как часть Китая не имеет права заключать самостоятельные международные договоры: «Поскольку Внешняя Монголия является составной частью Китая, никакое иностранное государство не может заключать с нею какого–либо договора или соглашения... Китайское правительство ни при каких обстоятельствах не может признать такой протокол и никоим образом им не связано». *Известия*. 09.04.1936.

ционала), VII конгресс которого в 1935 г. осудил фашистские режимы Японии, Германии, Италии и Польши и призвал к формированию широкого народного фронта для борьбы за мир. Участники Антикоминтерновского пакта выражали намерение сотрудничать «в деле обороны против коммунистической подрывной деятельности», а также приглашали к присоединению «любое третье государство, внутренней безопасности которого угрожает подрывная работа Коммунистического Интернационала»[12]. Германия и Япония обязались воздерживаться от заключения с СССР, без взаимного согласия, политических договоров, противоречащих духу Пакта; при этом в Пакте не содержалось обязательств о взаимной военной и политической помощи в случае конфликта с третьей страной. Со временем к Пакту присоединились Италия (6 ноября 1937 г.), Венгрия и Маньчжоу-Го (24 февраля 1939 г.), Испания (27 марта 1939 г.). В последующем Антикоминтерновский пакт дополнили Стальной пакт 1939 г. и Тройственный пакт 1940 г. После нападения Германии на СССР к Антикоминтерновскому пакту примкнули Болгария, Финляндия, Румыния, Дания, Словакия, Хорватия и созданное японцами на оккупированной ими части Китая правительство Ван Цзинвэя.

Поддержка Китая и нейтрализация Японии (1937–1941 гг.)

Начало следующему этапу международных отношений на Тихом океане положил «инцидент у моста Марко Поло» 8 июля 1937 г., обозначивший переход Японии к открытой агрессии против правительства Гоминьдана. Японские войска захватили Пекин и Тяньцзинь; в ноябре, несмотря на ожесточённое сопротивление войск правительства Чан Кайши, был захвачен Шанхай, а в декабре и столица Китая – Нанкин. По мере продвижения японских войск столица Китайской республики переносилась сначала в Ухань, а затем в Чунцин. Учитывая подъём патриотических настроений в Китае, своевременным оказалось заявление о создании «единого антияпонского фронта» Гоминьдана и КПК и формальное подчинение коммунистических сил центральному правительству. Тем самым была выбита почва из-под ног тех сил в Гоминьдане, которые ратовали за присоединение Китая к Антикоминтерновскому пакту.

В связи с тем, что США и Великобритания выступали в основном с декларативным осуждением японского вторжения в Китай, а также в условиях эффективной блокировки побережья Китая силами японского флота, нанкинское правительство начало активно прорабатывать вопрос о заключении Пакта о взаимопомощи с Советским Союзом. Принятие этого китайского предложения, однако, означало бы для СССР втягивание в войну с Японией, чего Москва всячески стремилась избежать. Вместе с тем советское руководство было крайне заинтересовано в том,

[12] Текст пакта см.: German-Japanese Agreement and Supplementary Protocol, Signed at Berlin, November 25, 1936. *Yale Law School*. URL: https://avalon.law.yale.edu/wwii/tri1.asp (accessed 15.12.2023)

чтобы Китай продолжал войну сопротивления японской агрессии, поскольку его капитуляция автоматически превращала бы Советский Союз в следующую цель японской агрессии. Руководство СССР дало согласие на просьбы Чан Кайши о поставках советского оружия и направлении советских военных специалистов.

Предоставление масштабной военной помощи советская сторона обусловила подписанием Договора о ненападении, вопрос о котором стоял давно. Он был подписан в Нанкине 21 августа 1937 г. сроком на пять лет. Сопровождавшая его «устная декларация, строго конфиденциальная и никогда не подлежащая оглашению, ни официально, ни неофициально» содержала обязательство СССР не заключать Договор о ненападении с Японией до нормализации японско-китайских отношений, то есть до прекращения войны (Молодяков 2010а: 76). Китай получил несколько крупных льготных кредитов для закупок советского военного имущества, в страну были направлены советские военные специалисты, в том числе около 2 тыс. лётчиков. Всего с октября 1937 г. по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолётов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулемётов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение. Общая сумма займов СССР Китаю в 1938–1939 гг. составила 250 млн долл. (Лузянин, Мировицкая, Пиковер 2010: 140). Советская военная помощь шла через территорию Средней Азии и Синьцзяна, то есть маршрутом, который не контролировался японцами. Заключение советско-китайского Договора было воспринято Токио как серьёзное дипломатическое поражение.

Советско-китайский Договор о ненападении фактически был договором о взаимопомощи. Его формат был избран таким ввиду того, что СССР, помогая Китаю, не желал втягиваться в войну с Японией. В 1937–1939 гг. Москва несколько раз отклоняла предложения Чан Кайши о подписании двустороннего договора о полномасштабном военно-политическом союзе. Однако и без такого договора СССР в те годы оставался фактически единственным реальным союзником Китая.

Япония выступала с протестами по поводу направления в Китай советского военного персонала и поставок Советским Союзом вооружений правительству Чан Кайши, пытаясь представить их как «военные действия» против Японии (Панов, Саркисов, Стрельцов 2019: 118). И хотя Москва формально отвергала японские обвинения, ссылаясь в том числе на то, что официально Япония и Китай не находились в состоянии войны, напряжённость в отношениях между Японией и СССР нарастала. Росло число пограничных конфликтов на советских дальневосточных рубежах. Крупнейшими из них были конфликты у озера Хасан в 1938 г. и на реке Халхин-Гол в 1939 г. И если конфликт у озера Хасан представлял собой хотя и заметный, но всё-таки локальный инцидент, то события на Халхин-Голе с участием советских и монгольских войск носили характер пограничной войны[13].

[13] Высказывается мнение, что при разработке плана по окружению гитлеровской группировки под Сталинградом был творчески использован опыт халхингольской операции. См.: Сорокин А., Скороспелов П. 2023. Препринт будущей книги «Теория Победы». *Независимое военное обозрение.* URL: https://nvo.ng.ru/history/2023-11-16/14_1262_history.html (дата обращения: 15.12.2023).

Полный разгром японских интервентов продемонстрировал слабость японской армии в боях с более организованным и лучше оснащённым противником и закончился подписанием 15 сентября 1939 г. соглашения о перемирии[14].

Для тех сил в Японии, которые делали ставку на поддержку своих агрессивных намерений в отношении СССР со стороны Германии, заметным разочарованием стали шаги Берлина по развитию связей с Москвой, предпринятые в августе 1939 г. и завершившиеся подписанием советско-германского Договора о ненападении, расцененного в Токио как «предательство», приводившее к краху самой идеи «антикоминтерновской оси» (Первый период войны 1958: 92–96). И хотя 27 сентября 1940 г. Германия, Италия и Япония подписали в Берлине Тройственный пакт, текст его содержал важную оговорку, согласно которой положения Пакта «никоим образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трёх участников и Советским Союзом»[15].

Поскольку южное направление экспансии занимало доминирующее место в планах японского руководства, 3 февраля 1941 г. правительство страны приняло документ «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом» (Молодяков, Молодякова, Маркарьян 2007: 169). Токио предложил Москве подписать Пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому документу. Однако эта идея не устраивала советское руководство, которое увязывало возможность подписания подобного Пакта с возвращением ряда территорий, утраченных Россией после русско-японской войны 1904–1905 гг. (Панов, Саркисов, Стрельцов 2019: 150). Поскольку Япония не была готова к обсуждению этих вопросов, Советский Союз предлагал подписать Пакт о нейтралитете. Министр иностранных дел Японии Есукэ Мацуока, находившийся 24 марта 1941 г. в Москве проездом в Берлин, во время своей встречи с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым вновь высказывался в пользу подписания Пакта о ненападении.

Как бы то ни было, Токио пришлось принять советское предложение. 13 апреля 1941 г. по возвращении Мацуока из Берлина, японский министр и его советский коллега В.М. Молотов подписали в Москве советско-японский Пакт о нейтралитете (Первый период войны 1958: 372–373). Пакт сохранял свою силу в течение пяти лет и мог быть продлён по взаимному согласию сторон на следующие пять лет. В специальной декларации, подписанной и опубликованной вместе с Пактом, было сказано: «… Правительство СССР и Правительство Японии, в интересах обеспечения мирных и дружественных отношений между обеими странами, торжественно заявляют, что СССР обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Маньчжоу-Го, а Япония обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Монгольской Народной Республики» (Молодяков 2010б: 97). 25 апреля Пакт был одновременно ратифицирован Вер-

[14] См. Жуков Г.К. 2002. *Необъявленная война на Халхин-Голе. Воспоминания и размышления*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС.

[15] Текст Тройственного пакта см.: Three-Power Pact Between Germany, Italy, and Japan, Signed at Berlin, September 27, 1940. *Yale Law School*. URL: https://avalon.law.yale.edu/wwii/triparti.asp (accessed 15.12.2023).

ховным Советом СССР и императором Японии. Заключение Пакта оказало значительное воздействие на глобальную международную обстановку и повлияло на политические расчёты лидеров многих государств, причём не только в тихоокеанской зоне.

После нападения Германии на Советский Союз Мацуока подчёркивал, что «основой внешней политики Японии является Тройственный пакт, и если настоящая (германо-советская) война и Пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с Тройственным пактом, то Пакт о нейтралитете не будет иметь силы» (Панов, Саркисов, Стрельцов 2019: 153).

Дипломатия на Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Начало агрессии гитлеровской Германии и её союзников[16] против СССР сосредоточило внимание советского руководства на организации отпора нападению с запада, не снимая озабоченности обеспечением безопасности восточных рубежей страны. Несмотря на наличие советско-японского Пакта о нейтралитете, Москву беспокоили намерения Токио, и она пристально следила за происходящим. 2 июля 1941 г. на императорской конференции была принята «Программа национальной политики империи в связи с изменением обстановки» (Первый период войны 1958: 216). Было решено «в случае развития германо-советской войны в благоприятном для империи направлении» применить вооружённую силу на севере. Размещение в Маньчжурии и в Корее крупной группировки японских сил и неопределённость японских стратегических намерений вынуждали Государственный Комитет Обороны (ГКО) и Ставку Верховного Главнокомандования на протяжении 1941–1945 гг. держать на Дальнем Востоке от 32 до 59 сухопутных и от 10 до 29 авиационных дивизий, а также до шести дивизий и четырех бригад войск ПВО общей численностью свыше 1 млн чел., что составляло в разные периоды войны от 15 до 30% состава боевых сил и средств (Борисов и др. 1985: 21). Лишь после получения от советского разведчика Рихарда Зорге информации о том, что Япония готовит свои вооружённые силы к действиям на южном направлении, советское командование перебросило часть сибирских дивизий для отражения германского наступления под Москвой.

Активные кадровые замены в японском правительстве в течение лета – начала осени 1941 г. продолжали беспокоить руководство СССР, между тем как и Токио в условиях нараставшей напряжённости в отношениях с США добивался от Москвы подтверждений приверженности соблюдению советско-японского Пакта. Японию беспокоило то, что Америка наращивала помощь Великобритании

[16] В агрессии участвовали войска союзников Германии – Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Словакии, Хорватии, а также воинские соединения и части в составе 1,8 млн чел. из других государств.

в войне в Европе, приняв в том числе закон о ленд-лизе, а также демонстрировала интерес к поддержке Советского Союза. В свою очередь, союзники по Тройственному пакту ожидали от Японии наращивания усилий по сдерживанию США, с целью ослабить их активность в Атлантике. Проходившие летом–осенью 1941 г. сложные переговоры государственного секретаря США К. Хэлла и посла Японии в США К. Номура не выводили на взаимоприемлемые решения, и военный кабинет Х. Тодзё начал непосредственную подготовку к войне. 7 декабря 1941 г., когда на базу американского флота в Пёрл-Харборе уже падали японские бомбы, Номура уведомил Хэлла, что японское правительство «считает невозможным достижение соглашения путём дальнейших переговоров» (Панов, Саркисов, Стрельцов 2019: 139). 8 декабря был опубликован императорский рескрипт об объявлении войны США и Великобритании; войну объявили также Германия и её союзники, при этом участники Тройственного пакта обязались совместно вести войну до полной победы и не заключать перемирия или мира без полного взаимного согласия. 9 декабря войну державам «оси» объявил Китай, фактически воевавший против Японии с 1931 г. Таким образом, война действительно приобрела мировой масштаб.

На первом этапе войны на Тихом океане в течение декабря 1941 – февраля 1942 гг. японские силы захватили Малайю и Сингапур, и английская армия капитулировала; в декабре 1941 – мае 1942 гг. японцы изгнали американские войска с территории Филиппин. Бросив фразу «Я ещё вернусь сюда», командующий американских войск генерал Д. Макартур 7 мая 1942 г. отступил из крепости на о-в Коррехидор в Австралию (Manchester 2008: 187). Японские войска заняли о-ва Гуам и Уэйк, к началу марта 1942 г. капитулировали голландские колониальные войска в Индонезии. К маю 1942 г. японская армия захватила все ключевые точки на территории Бирмы.

Этими победами, по существу, завершился первый, чрезвычайно успешный для японских сил этап войны на Тихом океане. Точку здесь поставила неудача в крупной операции по захвату о-ва Мидуэй, в которой японская эскадра понесла тяжёлые потери, и стратегическое преимущество в военных действиях перешло к США. К этому же этапу можно отнести малоуспешные и кровопролитные попытки японских войск овладеть о-вом Гуадалканал в группе Соломоновых о-вов летом и осенью 1942 г. В начале февраля 1943 г. японские войска были окончательно эвакуированы с о-ва Гуадалканал.

СССР, всецело поглощённый оказанием сопротивления нацистским армиям, стремился держаться в стороне от событий, развёртывавшихся на просторах Тихого океана. Были отозваны на Родину советские военные специалисты, оказывавшие помощь Китаю.

В целом советско-японские отношения на протяжении большей части Великой Отечественной войны характеризовались как довольно спокойные, поскольку у каждой из сторон были свои, географически несовпадающие приоритеты. Разумеется, в условиях войны эпизодически возникали инциденты, и подобные

действия допускали обе стороны, но они вряд ли мотивировались политически, а были как правило вызваны ситуацией военного времени. Позднее советские военные, выдвигая обвинения в отношении Японии, указывали, что части и подразделения Квантунской группировки 779 раз нарушали сухопутную границу, а самолёты военно-воздушных сил Японии 433 раза вторгались в воздушное пространство СССР (Победный финал… 2013: 433–434), но в своё время эти инциденты существенно не влияли на общее состояние двусторонних отношений. Показательны слова В.М. Молотова, сказанные японскому послу Н. Сато: «Текущие вопросы мы рассматриваем и разрешаем в порядке существующих нормальных отношений... Советское правительство считает, что советско-японские отношения развиваются нормально и в хорошем направлении» (Славинский 1995: 247). В 1942 г. Москва и Токио заменили послов в столицах друг друга: в Токио был назначен Я. Малик, на тот момент самый молодой посол в мире, а в Москву прибыл бывший министр иностранных дел Н. Сато, ветеран-дипломат, служивший в Петербурге после русско-японской войны. Из позитивных перемен в двусторонних делах отметим подписание 30 марта 1944 г. после долгих и напряжённых переговоров послом Сато и заместителем наркома иностранных дел С.А. Лозовским протоколов о ликвидации японских концессий на Сахалине. Советское правительство национализировало их на условиях уплаты японскому правительству 5 млн руб. и ежегодных поставок 50 тыс. т нефти в течение пяти лет. Одновременно была достигнута договорённость об очередном продлении рыболовной конвенции, срок действия которой истёк в декабре 1943 г. (Молодяков 2010б: 104).

Англо-американская сторона, подвергшись японскому нападению, неоднократно в той или иной форме ставила перед СССР вопрос о взаимодействии в борьбе против Японии[17]. В частности, предлагалось предоставить военно-воздушным силам США и союзников базы на советском тихоокеанском побережье для организации налётов на территорию Японии. Проблемы взаимодействия затрагивались в переписке У. Черчилля, а также в беседах спецпредставителя президента США А. Гарримана с И.В. Сталиным в 1942 г. (Панов, Саркисов, Стрельцов 2019: 153–154).

Тогда и позже, на февральской (1944 г.) встрече с Гарриманом, Сталин объяснил отсрочку в допуске американцев на советские авиабазы в Приморье нежеланием провоцировать японцев раньше времени. «Мы сейчас ни в каких операциях, предпринимаемых американцами против Японии, участвовать не можем, так как пока наши силы на Дальнем Востоке недостаточны, – пояснил Сталин. – … Летом будет виднее. Когда мы усилим наши части на Дальнем Востоке и перевооружим нашу авиацию, мы не будем бояться никаких японских провокаций, а может быть, и сами пойдём на провокацию. Если же мы вызовем японцев на активные

[17] Вскоре после нападения на Пёрл-Харбор Ф. Рузвельт и К. Хэлл поставили перед новым советским послом М.М. Литвиновым вопрос об участии СССР в войне против Японии. Москва на это обращение реагировала негативно, мотивируя неготовностью в тяжёлых условиях сопротивления Германии вести войну на два фронта.

действия, прежде чем мы будем к этому готовы, это может кончиться для нас провалом и потерей Приморья, что будет хуже и для нас, и для наших союзников» (Печатнов 2006: 131–132).

Тем не менее превратности войны требовали более тесного советско-американского взаимодействия, чем предполагала Москва. В ходе боевых действий американской авиации по целям на территории Японии, Маньчжурии, Южного Сахалина и Курильских островов часть американских самолётов совершала вынужденную посадку на территории советского Дальнего Востока, где по договорённости с командованием ВВС США им были выделены аэродромы в районе Петропавловска-Камчатского и Владивостока. Первые американские пилоты оказались там после знаменитого «рейда Дулиттла» – дерзкого налёта на Токио в марте 1942 г. Советская сторона по условиям Пакта о нейтралитете с Японией была обязана интернировать американские экипажи и самолёты на всё время войны. Всего за 1942–1945 гг. в советском Приморье совершили вынужденную посадку 37 американских самолётов с 291 членом экипажа (Печатнов 2006: 185–207).

После решительного перелома в ходе войны на Тихом океане армии США и их союзников перешли в стратегическое наступление. Летом 1944 г. начались тяжёлые бои за взятие Марианских островов. Возвращение под контроль США о-вов Сайпан, Гуам и Тиниан и строительство на них аэродромов позволило американской авиации начать регулярные налёты на территорию Японии, в том числе и на столицу страны. Японская армия также сдавала позиции на Филиппинах и в Бирме, что заставило Токио выдвинуть План руководства войной на середину 1945 г., который предполагал создание системы активной обороны, опирающейся на Японию, Маньчжурию и Китай, для ведения затяжной войны.

Ожесточённое сопротивление американским войскам, оказанное на протяжении месяца малочисленным японским гарнизоном на о-ве Иводзима, всерьёз озадачило американское командование – потери США составили свыше 12000 погибшими и более 36000 ранеными при взятии острова протяжённостью всего 60 миль (Cray 1990: 337) – и заставило Комитет начальников штабов (КНШ) США вновь поднять перед политическим руководством вопрос о привлечении сил Красной армии к участию в боях с Японией. По оценкам КНШ, вторжение на Японские острова потребовало бы высадки многомиллионной группировки американских войск и, по опыту ожесточённых боёв с японцами, завершение боевых действий планировалось на конец 1946 г. Начав в конце 1944 г. контрнаступление на Филиппинах, где оборону держали лишь 250 тыс. японских военнослужащих, США сумели завершить освобождение этой своей зависимой территории только к маю 1945 г. (Победный финал... 2013: 426). Американские военные понимали, и это отражено в документах КНШ[18], что заставить японцев капитулировать в

[18] «Вступление России как можно раньше… необходимо для оказания максимальной помощи нашим операциям на Тихом океане. Целью военных действий России против Японии на Дальнем Востоке должен быть разгром японских войск в Маньчжурии и воздушные операции против собственно Японии во взаимодействии с американски-

короткий срок можно только путём нанесения решающего поражения стратегически важной группировке японских войск в Маньчжурии и Корее, где имелись промышленная и сырьевая база, крупные стратегические запасы вооружений, что позволяло вести длительную войну, нанося большие потери войскам союзников. Вооружённые силы Страны восходящего солнца насчитывали 4 млн чел. за границей и 2,5 млн чел. в гарнизонах на Японских островах (Cray 1990: 336)[19]. По расчётам американского и английского командований, для вторжения на Японские острова требовалась семимиллионная армия, в то время как к началу 1945 г. США и их союзники имели на всём театре войны с Японией лишь 2458 тыс. человек (Победный финал… 2013: 426). Американские потери при высадке на Японских островах и при условии переброски японских подкреплений с материка могли составить, по оценкам КНШ, более 1 млн погибших, а английские – свыше 500 тыс. чел. С учётом этого военное командование США не планировало участие американских войск в операциях в Маньчжурии (мотивируя это потребностью «сбережения жизней американцев»), а доказывало политическому руководству страны необходимость привлечения Советского Союза к разгрому японских вооружённых сил в Китае и Корее.

Впервые твёрдое обещание СССР союзникам вступить в войну против Японии после разгрома Германии прозвучало на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19–30 октября 1943 г. В беседе с госсекретарём США К. Хэллом И.В. Сталин сообщил, что Советский Союз поможет американским и британским войскам одержать победу над Японией. В Тегеране, на союзной конференции в верхах, И.В. Сталин выразил согласие с Каирской декларацией Рузвельта, Черчилля и Чан Кайши[20], однако воздержался от принятия конкретных обязательств по советскому участию в войне на Тихом океане.

Условия вступления СССР в войну против Японии были согласованы на личных встречах И.В. Сталина и Ф. Рузвельта 8 и 10 февраля 1945 г. в ходе Ялтинской (Крымской) конференции. СССР обязался вступить в войну с Японией через два–три месяца после капитуляции Германии, оговорив это необходимостью принятия будущими союзниками по войне с Японией следующих условий:

ми военно-воздушными силами». Entry of the Soviet Union into the war against Japan. Document 267. The Joint Chiefs of Staff to the President. 1955. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta, 1945.* URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Malta (accessed 15.12.2023)

[19] По оценкам российских исследователей «личный состав японских сухопутных войск насчитывал более 5,5 млн человек. По численности сухопутных войск на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий Япония превосходила сухопутные силы США и Великобритании почти в два раза, но в три раза уступала по количеству самолетов и почти в пять раз – по количеству боевых кораблей основных классов» (Внешняя политика и дипломатия … 2014: 658).

[20] Каирская декларация с требованием безоговорочной капитуляции Японии была подписана 27 ноября и опубликована 1 декабря 1943 г. В ней говорилось, что Япония должна быть изгнана со всех территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности. См.: The First Cairo Conference. Document 343. 1961. F*oreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, The Conferences at Cairo and Tehran, 1943.* URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1943CairoTehran (accessed 15.12.2023)

– территориальные изменения в пользу СССР: восстановление принадлежавших России прав на южную часть о-ва Сахалин и прилегающих к ней островов, а также передача Советскому Союзу Курильских о-вов;

– интернационализация торгового порта Далянь с обеспечением преимущественных прав Советскому Союзу и восстановление аренды Порт-Артура как военно-морской базы СССР;

– сохранение status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

– совместная эксплуатация Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог с обеспечением преимущественных интересов СССР; при этом Китай сохранял бы в Маньчжурии полный суверенитет[21].

Исполнение трёх последних позиций следовало обсуждать с правительством Китая, но, как говорил Рузвельт, «одна из трудностей в разговорах с китайцами заключается в том, что всё, что им сказано, становится известно всему миру в течение 24 часов»[22]. Поэтому американский президент взял на себя обязательство в нужное время принять меры к получению согласия правительства Чан Кайши на условия СССР. Сталин предложил переговорить с Чан Кайши после того, как удастся, освободив часть советских войск на западе, перебросить на Дальний Восток 25 дивизий. В свою очередь, СССР обязался заключить с Национальным китайским правительством Пакт о дружбе и союзе для оказания помощи в целях освобождения Китая от японского ига[23].

СССР и США договорились о наращивании американских поставок вооружения и военных материалов в Советский Союз на протяжении 1945 г. для лучшей подготовки СССР к вступлению в войну с Японией. С этой целью была задействована американская программа «Майлпост», предусматривавшая создание запасов в Сибири для использования их в войне против Японии (Jones 1969: 180). 11 февраля 1945 г. союзники подписали Ялтинское соглашение по вопросам войны на Дальнем Востоке[24].

Понимая, что ход военных действий в Европе и на Тихом океане развивается не в пользу держав «оси», императорская конференция Японии 8 августа 1944 г. создала Высший совет по руководству войной, а 19 августа постановила: в случае разгрома Германии или заключения ею сепаратного мира необходимо предпринять усилия для изменения обстановки, используя Советский Союз (Второй период войны 1958: 187). Летом 1943 г. министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу начал готовить специальную дипломатическую миссию в Москву для зон-

[21] Conversations Regarding the Entry of the Soviet Union into the War against Japan. 1945. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, Conferences at Malta and Yalta, 1945.* February 10. Afternoon. Document 450. P. 896.

[22] Roosevelt–Stalin Meeting, February 8, 1945, 3:30 p.m., Livadia Palace. 1945. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic papers, Conferences at Malta and Yalta, 1945.* Document 393. Bohlen Collection. PP. 769–770.

[23] *Ibid*. P. 766–771.

[24] Signed agreements. Agreement Regarding Entry of the Soviet Union into the War Against Japan.1945. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, Conferences at Malta and Yalta, 1945.* Document 503. P. 984.

дажа советской позиции, но получил отказ, поскольку смысл предполагаемого обсуждения не был для НКИД ясен. В апреле 1944 г. японский министр повторил свои предложения, но на том же основании вновь получил отказ. По мнению советского посла Малика, что Япония исходила из того, что поражение ей не грозит, и она не вынуждена заискивать или просить помощи. Сигэмицу рассчитывал, что укрепление отношений с Советским Союзом «могло бы улучшить положение Японии при помощи Советского Союза, если Германия выйдет из войны» (Молодяков 2010б: 107). Он хотел исключить возможность вступления СССР в войну против Японии. С этой целью Япония зондировала возможность направления в Москву в качестве своего специального представителя бывшего министра иностранных дел Х. Хирота, который также вёл предварительные беседы общего характера с советским послом. Однако СССР отвергал неопределённые намеки японской стороны. В июле 1944 г., приехав с докладом в Москву по срочному вызову Сталина, Малик спросил генсека, что ему надлежит делать в оставшиеся месяцы, и услышал: «Будете наблюдать, как подыхает Япония» (Славинский 1995: 237).

От Ялты до победы (зима–лето 1945 г.)

Приняв на себя обязательства по вступлению в войну против Японии, Москва начала политическую и материальную подготовку к их выполнению. Уже 6 ноября 1944 г., выступая с докладом о 27-й годовщине Октябрьской революции, Сталин прямо назвал Японию агрессором. 5 апреля 1945 г. СССР денонсировал Пакт о нейтралитете с Японией за год до истечения срока его действия. В.М. Молотов, вызвав посла Японии Н. Сато для информации об этом решении, недвусмысленно дал понять, что перспектива вступления СССР в войну против Японии реальна. Тем не менее на протяжении весны и лета 1945 г. японское правительство и императорский двор пытались организовать в Москву посреднические миссии, в том числе бывшего премьер-министра принца Ф. Коноэ, ошибочно полагая, что СССР остаётся в режиме Договора о нейтралитете. Расшифровка американскими военными радиоперехватов показала, что министр иностранных дел Японии приказал своему послу в Москве до того, как советская делегация отправится в Потсдам, посетить Молотова и сообщить ему, что император искренне желает прекращения кровопролития, и что Япония будет готова уступить завоёванные территории. Это ещё не было безоговорочной капитуляцией, но Япония уже колебалась (Cray 1990: 343). Однако к тому времени советская делегация уже отбыла на конференцию в Потсдам, и японская миссия не состоялась.

Два важных события весны и лета 1945 г. внесли неожиданные осложнения в советско-американское политическое и военное сотрудничество. Первым стала кончина 12 апреля Ф. Рузвельта и передача президентских полномочий вице-президенту Гарри Трумэну, который изначально весьма прохладно относился к Со-

ветскому Союзу[25]. На фоне сложившихся за годы войны доверительных отношений между лидерами СССР и США вставал вопрос, какими они станут при новом президенте США. Вторым событием оказался брифинг, проведённый для Трумэна начальником КНШ Дж. Маршаллом и руководителем «Манхэттенского проекта» Л. Гровсом о состоянии работ по созданию ядерного оружия (Pogue 1973: 475). Ранее вице-президента на эту тему не информировали. 2 мая 1945 г. Трумэн учредил Временный комитет, чтобы получать консультации по поводу «самого ужасного оружия, известного в истории человечества, одна бомба которого может уничтожить целый город» (Cray 1990: 339).

Таким образом, в глазах нового американского руководства снижалась значимость отношений с Советским Союзом, к тому времени почти завершившим разгром основной агрессивной державы в Европе, исполнив главную миссию, которую англо-американские союзники отводили ему в этой войне. Кроме того, ожидаемое наличие атомного оружия резко девальвировало – по крайней мере для Г. Трумэна и его нового окружения – ценность участия советского союзника в достижении целей по ускорению капитуляции Японии и снижению потерь американских войск.

По этому вопросу точки зрения президента и американских военных разошлись. С одной стороны, до испытания атомной бомбы не было не только представления о реальной эффективности нового оружия, но и уверенности в том, что его разработка успешно завершится. «Некоторые полагали, что для успешного испытания может потребоваться ещё год» (Печатнов 2006: 353). Сам факт того, что испытание в Аламогордо произошло, уже когда президент США находился в Потсдаме, свидетельствует о напряжённости графика работ над завершением атомного проекта. Ядерное испытание существенно изменило побудительные мотивы действий сторон. Трумэн, ехавший в Потсдам, чтобы добиться вступления СССР в войну с Японией, теперь надеялся его избежать. «Причин для моей поездки в Потсдам было много, но самой настоятельной, на мой взгляд, было получить от Сталина личное подтверждение вступления России в войну против Японии, – писал он в своих мемуарах, – вопрос, к которому наши военачальники стремились больше всего. Этого я смог добиться от Сталина в первые же дни конференции»[26]. На первой встрече с Трумэном в Потсдаме 17 июля 1945 г. Сталин, «вернувшись к Ялтинскому соглашению, заявил президенту США, что СССР будет готов к такому вступлению к середине августа и сказал, что он сдержит своё слово, но прежде, чем действовать, необходимо завершить переговоры с китайцами»[27].

---

[25] 24 июня 1941 г. он заявлял газете «Нью-Йорк Таймс»: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

[26] Harry S. Truman. 1955. Year of Decisions. *Memoirs*. Vol. 1. Garden City, New York: Doubleday. P. 411.

[27] The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers.* Volume II. Document 1418. P. 1587.

После получения информации из США об успешно проведённом испытании взгляды президента резко изменились: «Думаю, что япошки сдадутся прежде, чем туда придёт Россия, – пометил он в своём дневнике после получения сообщения из Аламогордо. – Уверен, что так оно и будет, когда над их родиной возникнет Манхэттен» (Печатнов 2006: 352). Изменилась и тактика поведения Трумэна в Потсдаме.

С другой стороны, американские военные по-прежнему полагали, что «даже если мы продолжим войну без русских, и вынудим японцев сдаться на наших условиях, это не помешает русским в любом случае войти в Маньчжурию и нанести удар, что позволило бы им фактически получить всё то, что они хотят в результате капитуляции» (Cray 1990: 344), поэтому на заседании КНШ в Потсдаме 18 июня 1945 г., посвящённом выработке стратегии войны против Японии на завершающем этапе, было принято решение приветствовать вступление СССР в эту войну (Победный финал… 2013: 437).

Советскому руководству и персонально И.В. Сталину предстояло в новых условиях обеспечить исполнение подписанных в Крыму соглашений и выдвинутых в Ялте советских требований к Китаю, а также получить согласие Чан Кайши, как было обещано Ф. Рузвельтом в Ялте (см. выше).

Стремление китайского правительства к переговорам с Советским Союзом о развитии отношений сторон в конце войны и после её окончания начало просматриваться в Чунцине ещё в конце 1944 г. Министр иностранных дел Китайской республики Сун Цзывэнь сообщал поверенному в делах СССР в Китае Т.Ф. Скворцову, что собирался направиться в Москву в конце февраля, и его поездка «является секретной» (Лузянин, Мировицкая 2010: 184).

После денонсации Советским Союзом Пакта о нейтралитете с Японией китайским лидерам стало очевидно, что Москва намеревается поддержать своих союзников на Дальнем Востоке. Как информировал 10 мая 1945 г. Трумэна посол США в Китае генерал П. Хэрли: «… генералиссимус [Чан Кайши – *Ю.Д.*] получил телеграммы от китайского посла в Вашингтоне, в которых кратко излагаются все пункты, решённые в Ялте, за исключением первого [то есть обязательства СССР вступить в войну с Японией – *Ю.Д.*]. И Рузвельт, и Сталин сообщали мне, что между ними достигнута договорённость о том, что я не буду поднимать вопрос о Ялтинском решении с Чан Кайши до тех пор, пока Сталин не даст мне сигнал … Представляется желательным, чтобы Вы обсудили эту ситуацию с Объединённым комитетом начальников штабов и государственным секретарём, чтобы определить, когда Вы должны дать мне указание просить у Сталина одобрения того срока, когда я должен буду официально сообщить об этом Чан Кайши»[28]. Трумэн

[28] Interest of the United States in the Negotiation of the Sino-Soviet Treaty of August 14, 1945; Attempts by the United States to Obtain a Public Reaffirmation of the Open Door Policy. 1945. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers,* 1945, *The Far East, China.* Vol. VII. Document 607. P. 865–869.

призвал Хэрли не торопить события: «Что касается "прелюдии" к Ялтинскому соглашению о будущем ведении войны на Тихом океане, то в настоящее время Вам неуместно сообщать какую-либо информацию китайскому правительству. Когда это будет уместно и будет обещать пользу общему делу, Вам будет рекомендовано проинформировать китайское правительство о деталях договорённостей, которые могут действовать в то время. Мы постараемся как можно скорее донести до Чан Кайши через Вас всю имеющуюся информацию по этому вопросу, которая может быть раскрыта без ущерба для общей перспективы»[29].

Переговоры в Москве с китайской делегацией, которую возглавил Сун Цзывэнь, начались лишь в конце июня 1945 г. и, хотя советское руководство стремилось провести их оперативно, Потсдамская конференция разделила их на два отрезка. На обоих этапах наряду с Молотовым и дипломатами НКИДа самое активное участие в переговорах принимал Сталин. За кулисами переговоров неизменно стояли представители США и лично посол в Москве А. Гарриман, которого Сун Цзывэнь постоянно информировал о ходе переговоров. Обсуждая Ялтинские условия, китайская делегация стремилась всячески осложнить достижение взаимоприемлемых договорённостей; Сун Цзывэнь неизменно запрашивал указания лично от Чан Кайши, хотя у самого президента Китая серьёзное возражение вызвал только пункт о признании независимости МНР. Это затянуло переговоры (в июле 1945 г. только со Сталиным у Сун Цзывэня состоялось восемь встреч) и не позволило завершить их до отъезда советских руководителей в Потсдам[30].

Переговоры продолжились в Москве с 7 по 14 августа 1945 г. после возвращения советской делегации из Потсдама. Их результатом стало подписание министрами иностранных дел В.М. Молотовым и Ван Шицзэ Договора о дружбе и союзе между СССР и Китайской Республикой и всех прилагающихся к нему документов.

Посольство СССР в Вашингтоне сообщило госдепартаменту США о других договорённостях, достигнутых с китайской стороной: «Соглашение о Китайско-Восточной железной дороге и Южно-Маньчжурской железной дороге предусматривает совместную собственность Советского Союза и Китая на эти железные дороги, объединённые в одну под названием «Китайская Чанчуньская железная дорога», и взаимную эксплуатацию этой железной дороги в течение 30 лет, после чего последняя безвозмездно перейдёт в полную собственность Китая. Другие соглашения – о Порт-Артуре и Дальнем – предусматривали взаимное использование Советским Союзом и Китаем Порт-Артура в качестве военно-морской базы и

[29] *Ibid*. Document 608. P. 868–869. Чан Кайши был проинформирован послом П. Хэрли о Ялтинских соглашениях по поручению Трумэна 15 июня 1945 г. *Ibid*. Document 628. P. 897–898. Сообщение посла Хэрли о передаче Чан Кайши письма Трумэна с полной информацией о Ялтинских соглашениях. См.: *Ibid*. Document 632. P. 903–904.

[30] Сталин отложил на день свой отъезд в Берлин, чтобы дать возможность главе китайской делегации связаться с Чунцином и получить необходимые директивы.

использование Советским Союзом на правах аренды части сооружений и оборудования порта Дальний, который в соответствии с соглашением провозглашается свободным портом.

В документе о Монгольской Народной Республике китайское правительство заявило, что, если после поражения Японии плебисцит народа Внешней Монголии подтвердит желание независимости, китайское правительство признает независимость Внешней Монголии в её существующих границах.

Советская сторона заверила Китай, что СССР будет уважать суверенитет Китая над Маньчжурией, будет оказывать моральную поддержку и помощь Центральному правительству Китая и не будет вмешиваться в его внутренние дела.

Договор и соглашения подписаны сроком на 30 лет и будут опубликованы в ближайшее время после их ратификации»[31]. 24 августа 1945 г. на заседании Законодательного юаня в Чунцине советско-китайский Договор о дружбе и союзе был одобрен единогласно (Лузянин, Мировицкая 2010: 194).

Конференция в Потсдаме в основном обсуждала вопросы, связанные с последствиями поражения держав «оси» в Европе и средиземноморском бассейне. Между тем война на Тихом океане ещё не завершилась, и Япония была далека от капитуляции.

В части исполнения обязательств СССР, принятых (в значительной степени по американскому настоянию) в Ялте, задача советской дипломатии на Потсдамской конференции заключалась в том, чтобы обеспечить международную легитимацию своему вступлению в войну. Находившийся мае 1945 г. в Москве спецпосланник Трумэна Г. Гопкинс говорил о возможности выдвижения совместного союзнического ультиматума на предстоящей встрече «Большой тройки» (Hasegawa 2003: 6). Однако, как отмечалось выше, после успешного ядерного испытания Трумэн и его окружение вознамерились завершить войну с Японией без участия СССР. Американский военный министр Г. Стимсон полагал: «… очень важно взять Японию в свои руки, прежде чем русские смогут предъявить какие-либо существенные претензии на её оккупацию и помощь в управлении ею» (Cray 1990: 347). 25 июля 1945 г. после одобрения военным министром Стимсоном и начальником КНШ Маршаллом Г. Трумэн отдал приказ об атомных бомбардировках Японии. Затем, связавшись в Потсдаме с Черчиллем и по телеграфу с Чан Кайши, 26 июля 1945 г. руководители США, Великобритании и Китая совместно выпустили Потсдамскую декларацию с требованием к правительству Японии прекратить войну, пригрозив в противном случае «неизбежным полным опустошением японской метрополии»[32]. Требование безоговорочной капитуляции

[31] Interest of the United States in the Negotiation of the Sino-Soviet Treaty of August 14, 1945. 1945. F*oreign Relations of the United States: Diplomatic Papers,* 1945, *The Far East, China.* Volume VII; *Attempts by the United States to Obtain a Public Reaffirmation of the Open Door Policy.* Document 692. *The Soviet Embassy to the Department of State.* Undated. P. 976–977.
[32] Issuance of a Proclamation Calling for the Surrender of Japan. 1945. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945.* Volume II. Document 1382. P. 1475.

должно было быть принято японскими властями немедленно. Советское руководство не было предварительно ознакомлено с содержанием Декларации. Высказанное Молотовым по поручению Сталина предложение Трумэну обратиться к советскому правительству с официальным запросом о вступлении в войну поставило американского президента в неловкое положение. Госсекретарь Дж. Бирнс заявил, что США «не советуется с Советским правительством, так как оно не находится в состоянии войны с Японией, и мы не хотим ставить его в неловкое положение. К тому же просьба Молотова об отсрочке на два–три дня с выпуском заявления по Японии поступила только сегодня утром, когда было уже слишком поздно»[33]. В своих мемуарах Трумэн объяснял: «Наши военные советники неизменно настаивали на том, чтобы Россия была втянута в войну. ... Но я не хотел, чтобы Россия пожинала плоды долгих, горьких и доблестных усилий, в которых она не принимала участия»[34].

После долгих обсуждений в правительстве и военных кругах премьер-министр Японии К. Судзуки 28 июля выступил с заявлением по поводу позиции правительства в отношении Потсдамской декларации: «Мы игнорируем её. Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны» (Второй период войны 1958: 201). 30 июля 1945 г. Н. Сато встретился в Москве с заместителем наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовским и заявил по поводу Декларации: «Япония не может сдаться на таких условиях. Если честь и существование Японии будут сохранены, то японское правительство, в целях прекращения войны, проявит весьма широкие примиренческие позиции». Сато сообщил в Токио о встрече в НКИД и предложил принять условия Потсдамской декларации, пояснив, что только это может предотвратить вступление в войну СССР, но министр иностранных дел С. Того отверг такое предложение ввиду противодействия военных (Молодяков 2010б: 122).

6 августа 1945 г. в соответствии с распоряжениями Трумэна на Хиросиму была сброшена атомная бомба[35], и американские военные обещали продолжать бомбардировки Японии своим новым оружием вплоть до полной капитуляции страны. Однако японские военные руководители не расценили атомную бомбардировку Хиросимы как достаточное основание для прекращения боевых действий[36]. Более того, С. Того направил срочную телеграмму послу Н. Сато, поручив

[33] *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, The Conference of Berlin* (The Potsdam Conference), 1945. Volume II. Document 710. P. 449–453.

[34] Truman. Op. cit. P. 402–403.

[35] Якобы под предлогом того, что японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию, и с целью принудить Японию к скорейшей капитуляции.

[36] Несмотря на ужасные последствия атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, потери гражданского населения от обычных авиационных бомбардировок и артиллерийских обстрелов союзников в Японии в целом составили по различным данным от 500 до 900 тыс. чел., что во много раз превосходит число погибших в Хиросиме и Нагасаки (Победный финал… 2013: 449).

ему немедленно встретиться с В.М. Молотовым, чтобы выяснить ответ Москвы относительно приезда миссии Ф. Коноэ: то есть Япония ещё рассчитывала на дипломатический выход из войны с опорой на Советский Союз.

Предусматривая возможность открытия военных действий против Японии, расчёты сосредоточения советских войск на границе с Маньчжурией были сделаны в Генеральном штабе осенью 1944 г. В мае 1945 г. началась масштабная переброска войск на Дальний Восток. За три месяца было передислоцировано свыше 400 тыс. чел., а также боевая техника и вооружение, включая 3698 полевых орудий (Черевко 2003: 290).

28 июня 1945 г. Ставка ВГК утвердила план войны с Японией, в соответствии с которым все подготовительные мероприятия должны были завершиться к 1 августа, а к военным действиям предписывалось приступить по особому приказу.

Как отмечалось выше, 17 июля 1945 г. Сталин сообщил Трумэну в Потсдаме о готовности вступить в войну против Японии к середине августа. Однако по мере развития событий сроки вступления сдвинулись: 7 августа 1945 г. Верховный главнокомандующий И.В. Сталин и начальник Генерального штаба А.И. Антонов подписали Директиву Ставки ВГК № 11122 главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу Советского Союза А.М. Василевскому, в которой предписывалось начать военные действия против Японии 9 августа 1945 г.[37].

Вечером 8 августа 1945 г. Молотов сделал послу Японии Сато следующее заявление:

«Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому Правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское Правительство приняло предложение союзников и присоединилось к Заявлению союзных держав от 26 июля сего года[38].

Ввиду изложенного Советское Правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9-го августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией. … Тем самым предложение Японского Правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву».

Президент Трумэн 9 августа заявил: «Правительство США… радушно приветствует участие в этой войне нашего славного и победоносного союзника» (Tompkins 1949: 297).

Этот шаг Советского Союза приветствовал и руководитель Китая. В своём послании Сталину 9 августа Чан Кайши писал: «Объявление Советским Союзом с сегодняшнего дня войны против Японии вызвало у всего китайского народа

[37] Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. 1999. *Русский архив: Великая Отечественная*. Т. 16 (5–4). С. 249–250.
[38] На самом деле факта обращения союзников к СССР не зафиксировано, но это прошло без комментариев.

чувство глубокого воодушевления. В самом начале оборонительной войны Китая Советский Союз первым оказал нам величайшую моральную и материальную помощь, за которую наш народ преисполнен признательности» (Внешняя политика и дипломатия… 2014: 669–670).

Для проведения дальневосточной кампании были привлечены Забайкальский (маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский), 1-й Дальневосточный (маршал Советского Союза К.А. Мерецков) и 2-й Дальневосточный (генерал армии М.А. Пуркаев) фронты, Тихоокеанский флот (адмирал И.С. Юмашев), Амурская военная флотилия (контр-адмирал Н.В. Антонов), Северная Тихоокеанская военная флотилия (вице-адмирал В.А. Андреев), соединения и части Монгольской Народно-революционной армии (маршал Х. Чойбалсан). Общее руководство кампанией осуществляло специально созданное Ставкой Главное командование советских войск на Дальнем Востоке (главнокомандующий – маршал Советского Союза А.М. Василевский). Действия сил ВМФ координировал нарком ВМФ адмирал флота Н.Г. Кузнецов.

К началу дальневосточной кампании были сосредоточены 11 общевойсковых, одна танковая и три воздушные армии. Советские войска имели в готовности ударную группировку численностью более 1,7 млн чел., около 30 тыс. орудий и миномётов, свыше 5200 танков и самоходных артиллерийских установок, более 5 тыс. боевых самолётов (Победный финал… 2013: 472). Красная армия превосходила японские силы по личному составу – в 1,5 раза, артиллерии – в 4,5 раза, танкам – в 4,3 раза, боевой авиации – в 2,7 раза.

Хотя японское командование рассчитывало, что против Красной армии войска Японии в Маньчжурии смогут продержаться в течение года, войска Забайкальского фронта за десять дней преодолели степи, пустыню Гоби и горные хребты Большого Хингана, разгромили калганскую, солуньскую и хайларскую группировки противника и устремились в центральные районы северо-восточного Китая. 20 августа главные силы 6-й гвардейской танковой армии вступили в Шэньян и Чанчунь и стали продвигаться на юг к городам Далянь и Порт-Артур. Конно-механизированная группа советско-монгольских войск, выйдя 18 августа к Чжанцзякоу и Чэндэ, отрезала японскую группировку в Маньчжурии от экспедиционных сил Японии в Китае.

С 19 августа японские войска почти повсеместно стали сдаваться в плен. Чтобы не дать противнику возможности эвакуироваться или уничтожить материальные ценности, в период с 18 до 27 августа были высажены советские воздушные десанты в Харбине, Шэньяне, Чанчуне, Гирине, Порт-Артуре, Пхеньяне и других городах.

Войска 2-го Дальневосточного фронта при поддержке Тихоокеанского флота, высадившего ряд морских десантов, 16–25 августа заняли юг Сахалина, а 18 августа – 1 сентября – Курильские острова. Войска 1-го Дальневосточного фронта заняли север Кореи.

Оценивая стратегическую ситуацию после вступления СССР в войну, премьер-министр К. Судзуки 9 августа 1945 г. сказал: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны» (Молодяков 2010б: 124). В тот же день США сбросили атомную бомбу на Нагасаки.

В ночь на 10 августа 1945 г. на заседании Высшего совета по руководству войной в присутствии императора К. Судзуки «попросил прощения за необходимость смиренно испросить императорское решение». Император высказался в том духе, что… сейчас, «вынося невыносимое, он принимает условия Потсдамской декларации с тем, чтобы сохранить национальную государственность»[39]. 10 августа 1945 г. в 2 часа 30 минут утра Высший совет утвердил следующее заявление: «Японское правительство готово принять условия декларации трёх держав от 26 июля. Японское правительство понимает, что эта декларация не содержит требований, ущемляющих прерогативы императора как суверенного правителя Японии» (Второй период войны 1958: 212–213). Утром 10 августа это заявление было передано союзникам через правительства Швеции и Швейцарии. Однако ответ Вашингтона не устроил руководство японской армии и флота. Военный министр обратился «Ко всем генералам, офицерам и солдатам армии», требуя «довести до конца священную войну». Обсуждения в правящих кругах Японии продолжались до 23 часов 14 августа, когда в Швейцарию была отправлена срочная телеграмма с окончательным принятием условий капитуляции.

После принятия Потсдамских условий капитуляции и зачтения императором Хирохито по радио 15 августа императорского рескрипта 16 августа был отправлен приказ Ставки всем войскам армии и флота о прекращении войны. Однако на ряде направлений Квантунские войска продолжали оказывать сопротивление. Тогда 17 августа император обратился с посланием к солдатам и офицерам японской армии, в котором говорилось: «Теперь, когда в войну вступила Россия, дальнейшее продолжение войны с точки зрения внутренней и внешней обстановки в нашей стране повлекло бы за собой новые жертвы и страдания и могло бы привести к потере основ нашей Империи» (Хаттори 1973: 576). Разоружение Квантунской армии было закончено к концу августа. На Южном Сахалине боевые действия завершились 25 августа, на Южных Курильских островах – 1 сентября. В ходе боевых действий советские войска уничтожили 84 000 японских солдат и офицеров, взяли в плен 594 000 японских военнослужащих.

28 августа в префектуре Канагава разместился передовой отряд американской армии, а 30 августа в Японию прибыл Верховный главнокомандующий союзных держав генерал Д. Макартур. 2 сентября на борту американского линкора «Миссури», стоявшего в Токийском заливе, состоялась церемония подписания Акта о капитуляции Японии. С японской стороны этот документ от имени им-

[39] Того С. 1996. *Воспоминания японского дипломата.* Пер. с англ. Москва. С. 472.

ператора и правительства Японии подписали министр иностранных дел М. Сигэмицу и представитель имперской Главной ставки вооружённых сил Японии начальник Генерального штаба Е. Умэдзу, от союзных держав – генерал Д. Макартур, от США – адмирал Ч. Нимиц, от Китайской Республики – Су Юнчан, от Великобритании – Б. Фрезер, от СССР – генералмайор К.Н. Деревянко, затем представители Австралии, Канады, Франции, Нидерландов и Новой Зеландии. В Акте провозглашалось принятие Японией условий Потсдамской декларации союзных держав – США, Китая и Великобритании, к которым присоединился Советский Союз.

9 сентября 1945 г. в Нанкине Главнокомандующий японской армией в Китае подписал Акт о капитуляции перед китайским правительством, на чём особенно настаивал Чан Кайши. Для принятия капитуляции гоминьдановские войска на американских кораблях и самолётах перебрасывались из западных и юго-западных районов Китая в Шанхай, Пекин, Тяньцзин, Гуанчжоу и другие крупные города (Панов, Саркисов, Стрельцов 2019: 172).

Заключение

В период 1927–1932 гг. советской дипломатии удалось обеспечить безопасность границ, избежать вовлечения в войну, укрепить политические (обеспечение независимости МНР) и материальные (компенсация за КВЖД) интересы СССР на Дальнем Востоке. В ряде случаев (например, в ситуации с признанием де-факто Маньчжоу-Го или побуждением КПК к сотрудничеству с Гоминьданом после Сианьского инцидента) Москва шла на компромиссы, но в итоге авторитет Советского Союза в Азии и бассейне Тихого океана существенно укрепился, что отразилось, в числе прочего, в оформлении официальных отношений с США и начале советско-американского диалога по проблемам Тихоокеанской безопасности.

В условиях начавшейся японской военной агрессии против Китая и стран Юго-Восточной Азии, а также расширения взаимодействия фашистских держав в глобальном масштабе, советская политика и дипломатия добилась заметных успехов. После создания в Китае единого фронта борьбы против японской агрессии был заключён советско-китайский Договор о ненападении в Китай стала поступать военная помощь, направлялись военные советники и специалисты, что было критически важно для китайского правительства, отрезанного японской блокадой от поставок из Великобритании и США. О существенном укреплении обороны дальневосточных рубежей СССР свидетельствовали сражения у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Успехами советской дипломатии стали договорённости со странами-агрессорами, позволившие отсрочить нападение гитлеровской Германии на Советский Союз и отвернуть острие агрессивных устремлений Японии от советской территории. В результате СССР удалось избежать войны на два фронта против мощных, хорошо вооружённых противников.

После начала агрессии Германия и стран «оси» против СССР и налёта японской авиации на Пёрл-Харбор региональные войны в Европе и на Тихом океане слились в войну глобальную. Мир раскололся на две противоборствующие группировки: держав-агрессоров и Объединённых Наций (1 января 1942 г. была подписана Декларация Объединённых Наций).

Советский Союз, в одиночку сражавшийся на западе против германской агрессии вплоть до открытия второго фронта летом 1944 г., был вынужден существенно модифицировать восточный вектор своей внешнепо-литической активности. Основные силы страны были сосредоточены на сопротивлении германской агрессии и, чтобы избежать войны на два фронта, советское руководство избрало курс на поддержание по возможности нормальных отношений с Японией. СССР остановил военное содействие Китаю, отказался от предложений союзников по антигитлеровской коалиции принять участие в совместных действиях на Тихом океане и в Восточной Азии до разгрома гитлеровской Германии. Только после Сталинградской битвы и обозначившегося перелома в Великой Отечественной войне Москва начала осторожно обозначать готовность к военному сотрудничеству с союзниками на Тихом океане, обязательно оговаривая таковое сохранением под строжайшим секретом своих будущих обязательств и привязывая их реализацию к периоду после безоговорочной капитуляции Германии. Важными этапами проведения этой линии руководством СССР стали встречи союзников в Тегеране и Ялте.

Учитывая существенно окрепший военный потенциал СССР, союзники, прежде всего США, всё более настоятельно стремились привлечь военную мощь советских вооружённых сил для нанесения поражения японским силам в Маньчжурии, на севере Китая и в Корее.

Не добившаяся значительных устойчивых успехов в войне на Тихом океане и не осведомлённая о принятых Москвой обязательствах перед союзниками, Япония начала проявлять интерес к использованию дипломатических контактов с СССР, чтобы выговорить себе благоприятные условия мирного урегулирования.

В 1945 г. резко возросла интенсивность военных действий на всех фронтах Второй мировой войны и, одновременно, дипломатии на тихоокеанском театре; её центром стали Ялтинская и Потсдамская конференции. Конференции привели в движение дремавшие доселе процессы в отношениях СССР с Японией, Соединёнными Штатами и Китаем. Выход Москвы из Договора о нейтралитете с Японией свидетельствовал о повороте советской политики на Дальнем Востоке. Правительство Японии предприняло запоздалую и оттого безуспешную попытку предложить советскому руководству посредническую миссию.

Произошли подвижки в советско-китайских отношениях. До Чунцина доходила информация о неких решениях, принятых в Ялте относительно войны на Тихом океане, но, ориентируясь на ялтинское обещание Ф. Рузвельта решить в нужное время эти вопросы с Чан Кайши, американцы выжидали. Кончина Рузвельта создавала неопределённость по поводу дальнейшего развития событий.

Администрация Трумэна исполнила ялтинское обещание его скончавшегося предшественника, результатом чего стало заключение на Ялтинских условиях советско-китайского Договора о дружбе и союзе и ряда сопутствующих соглашений.

По получении информации об успешных испытаниях ядерного оружия, Трумэн решил обойтись без СССР для принуждения Японии к капитуляции и не пригласил Сталина присоединиться к Потсдамской декларации. Стремительно подготовив своё вступление в войну против Японии, обеспечив решительный разгром Квантунской армии, японских сил на Сахалине, Курильских островах и на севере Кореи, Советский Союз занял достойное место среди победителей в войне на Тихом океане.

Об авторе:

Юрий Алексеевич Дубинин – кандидат исторический наук, профессор кафедры международных отноше-ний и внешней политики России МГИМО МИД России, профессор. 119454, г. Москва, проспект Вернадско-го, д. 76. E-mail: yudubinin@mail.ru.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94(47)"192/194":327(5)
Received: October 05, 2023
Accepted : November 27, 2023

The Asia-Pacific on the Eve and during World War II. Soviet Policy and Diplomacy in the Region

Yu.A. Dubinin
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-92-123

MGIMO University

Abstract: This article offers an in-depth analysis of Soviet policy and diplomacy in the Far East during the tumultuous period spanning from the 1920s to the 1940s. These policies were profoundly shaped by two key factors: firstly, the ideological considerations rooted in the political framework established in the USSR following the 1917 revolution, and secondly, the geopolitical dynamics reflecting the evolving global and regional political landscape in the Far East. The ruling Bolshevik Party and the Soviet government faced formidable challenges as they sought to safeguard the nascent Soviet Republic amid mounting international tensions, both on a global scale and within the Asia-Pacific region.

This study aspires to present a comprehensive and integrated examination of Soviet policy and diplomacy during this era. It delineates four distinct chronological segments, each characterized by its unique features, priorities, and challenges. At the same time, these segments are united by the overarching goal of consolidating the Soviet Union's position in the Far Eastern region and the broader Pacific theater. The four discernible stages in Soviet policy and diplomacy in the Far East encompass:
1. The period spanning from 1927 to 1932, marked by an initial deterioration in relations between the Soviet government and the Kuomintang administration following the 1927 split between the Kuomintang and the Communist Party of China (CPC). This phase also witnessed the 1929 conflict on the Chinese Eastern Railway and culminated in the reestablishment of Sino-Soviet relations, all set against the backdrop of escalating Japanese aggression in Northeastern China (Manchuria). This phase demanded adroit diplomacy balancing strength and strategic statecraft.
2. The 1930s, especially in the aftermath of Japan's aggressive incursions into China, saw limited interaction and collaboration between the USSR and the Republic of China. This period featured cautious Soviet-Japanese relations and included significant events such as armed clashes at Lake Khasan and the Khalkhin-Gol River, as well as the signing of the USSR-Japan Neutrality Pact.
3. The era of the Great Patriotic War from 1941 to 1945, during which the Soviet Union's foremost objective was the defeat of the German Nazi aggressor. During this period, Soviet diplomacy was primarily preoccupied with relations with Anglo-American allies, with particular emphasis on the contentious issue of opening a second front. Consequently, Far Eastern and Pacific policy concerns assumed a somewhat marginalized role within the realm of Soviet diplomacy.
4. Finally, the period spanning from the winter to the summer of 1945 emerged as a pivotal juncture. During this time, the Soviet Union intensified its political, diplomatic, and military involvement in the Far East, all against the backdrop of preparations for the impending entry into the war against Japan. Diplomatic endeavors reached their zenith during this critical phase.

Keywords: international relations, USSR diplomacy, the Three-Power Pact, conflicts on Lake Khasan and the Khalkhin-Gol River, World War II, allied conferences: Yalta, Potsdam, the Sino-Soviet Treaty of 1945, the surrender of Japan

About the author:

Yuri A. Dubinin – PhD History, Professor of the Department of International Relations and Foreign policy of Rus-sia MGIMO, Professor. 119454, Moscow, 76 Vernadsky Ave.
E-mail: yudubinin@mail.ru.

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Cray Ed. 1990. *General of the Army. George C. Marshall. Soldier and Statesman.* W Norton Company New York – London.

Hasegawa T. 2003. *The Soviet Factor in Ending the Pacific War: From the Hirota-Malik Negotiations to Soviet Entry into the War.* University of California – Santa Barbara. October 28. URL: https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2003-817-10-Hasegawa.pdf (accessed 15.12.2023).

Hasegawa T. 2005. *Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan.* Cambridge MS.

Jones R.H. 1969. *The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union.* University of Oklahoma Press.

Manchester W. 2008. *American Caesar: Douglas MacArthur, 1880–1964.* Back Bay Books; Reprint edition.

Pogue F. 1973. *George C. Marshall: Organizer of Victory, 1943–1945.* New York: Viking.

Tompkins P. 1949. *American-Russian Relations in the Far East.* New York.

Tuchman B.W. 1971. *Stilwell and the American Experience in China 1911–1945.* Macmillan Publishers.

Borisov O.B., Buturlinov V.F., Noskov A.M., Shchebenkov Yu.M. 1985. *Pobeda na Vostoke.* K 40-letiyu razgroma militaristskoj yaponii [Victory in the East: To the 40th Anniversary of the Defeat of Militaristic Japan]. Moscow. 127 p. (In Russian)

Cherevko K.E. 2003. *Serp i molot protiv samurajskogo mecha* [Sickle and Hammer against Samurai Sword]. Moscow: Veche. 384 p. (In Russian)

Khattori T. 1973. *Yaponiya v voyne 1941–1945 gg.* [Japan in the War of 1941–1945]. Translated from Japanese. Moscow. 877 p. (In Russian)

Luzyanin S.G., Mirovickaya R.A., Pikover A.V. 2010. SSSR i Kitaj (1931–1939). *SSSR i strany Vostoka nakanune i v gody Vtoroj mirovoj vojny* [USSR and China (1931–1939). The USSR and the Oriental Countries on the Eve and during the Second World War]. Otv. redaktor V.V. Naumkin. Moscow. P. 125–164. (In Russian)

Luzyanin S.G., Mirovickaya R.A. 2010. SSSR i Kitaj. (1939–1945). [*SSSR i strany Vostoka nakanune i v gody Vtoroj mirovoj vojny* USSR and China. (1939–1945). The USSR and the Oriental Countries on the Eve and during the Second World War]. Otv. redaktor V.V. Naumkin. Moscow. P. 165–196. (In Russian)

Molodyakov V.Eh. 2010a. Sovetskij Soyuz i Yaponiya (1925-1939). *SSSR i strany Vostoka nakanune i v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Soviet Union and Japan (1925–1939). The USSR and the Oriental countries on the Eve and during the Second World War]. Otv. redaktor V.V. Naumkin. Moscow. P. 59–81 (In Russian)

Molodyakov V.Eh. 2010b. Sovetskij Soyuz i Yaponiya (1939–1945). *SSSR i strany Vostoka nakanune i v gody Vtoroj mirovoj vojny.* 2010. [Soviet Union and Japan (1939–1945). The USSR and the Oriental Countries on the Eve and during the Second World War]. Otv. redaktor V.V. Naumkin. Moscow. P. 82–124. (In Russian)

Molodyakov V.Eh., Molodyakova Eh V., Markaryan S.B. 2007. *Istoriya Yaponii. XX vek.* [History of Japan. 20th Century]. Moscow: RAN; Kraft+. 528 p. (In Russian)

Panov A.N., Sarkisov K.O., Strelcov D.V. 2019. *Istoriya vneshnej politiki Yaponii 1868–2018 gg.* [History of Japan's Foreign Policy 1868–2018]. Mezhdunarodnye-otnosheniya. 456 p. (In Russian)

Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Roosevelt, Truman. SSSR i SSHA v 1940-kh gg. (Dokumentalnye ocherki)* [Stalin, Roosevelt, Truman. The USSR and the USA in the 1940s (Documentary Essays)]. Moscow: Terra – Knizhnyj klub. 752 p. (In Russian)

Pervyy period voyny. 1958. *Istoriya voyny na Tikhom okeane* [The First Period of the War. *History of the War in the Pacific*] pod redaktsiyey obshchey Usami Seydziro [i dr.] pod redaktsiyey B.V. Pospelova. 1957–1958 gg. V 5 tt. T. 3. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. 438 p. (In Russian)

Pobednyj final. Zavershayushchie operacii Velikoj Otechestvennoj vojny v Evrope. Vojna s Yaponiej. 2013. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov.* V 12 tt. T. 5 [Victorious Finale. The Final Operations of the Great Patriotic War in Europe. War with Japan. The Great Patriotic War of 1941–1945]. 916 p. (In Russian)

Slavinskij B.N. 1995. *Pakt o nejtralitete mezhdu SSSR i Yaponiej: Diplomaticheskaya istoriya.* 1941–1945 gg. [Pact on Neutrality between the USSR and Japan: Diplomatic History, 1941–1945]. Moscow: Novina. 335 p. (In Russian)

Vneshnyaya politika i diplomatiya Sovetskogo Soyuza v gody vojny. 2014. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov.* M. V 12 tt. T. 8 [Foreign Policy and Diplomacy of the Soviet Union during the War. The Great Patriotic War of 1941–1945]. 864 p. (In Russian)

Vtoroy period voyny [The Second Period of the War]. 1958. *Istoriya voyny na Tikhom okeane. History of the War in the Pacific.* Perevod s yaponskogo pod obshchey redaktsiyey Usami Seydziro [i dr.]; pod redaktsiyey B.V. Pospelova. 1957–1958 gg. V 5 tt. T. 4. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. 358 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебеньков Ю.М. 1985. *Победа на Востоке: К 40-летию разгрома милитаристской Японии.* Москва. 127 с.

Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. 2014. *Великая Отечественная война 1941–1945 годов.* В 12 тт. Т. 8. Москва. 864 с.

Второй период войны. *История войны на Тихом океане:* перевод с японского / под общей редакцией Усами Сэйдзиро, [и др.]; под редакцией Б.В. Поспелова. 1957–1958. В 5 тт. Т. 4. Москва: Издательство иностранной литературы. 358 с.

Лузянин С.Г., Мировицкая Р.А., Пиковер А.В. 2010. *СССР и Китай (1931–1939). СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны.* Отв. редактор Наумкин В.В. Москва. С. 125–164.

Лузянин С.Г., Мировицкая Р.А. 2010. СССР и Китай. (1939–1945). *СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны.* Отв. редактор Наумкин В.В. Москва. С. 165–196.

Молодяков В.Э. 2010а. Советский Союз и Япония (1925–1939). *СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны.* 2010. Отв. редактор Наумкин В.В. Москва. С. 59-81.

Молодяков В.Э. 2010б. Советский Союз и Япония (1939–1945). *СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны.* 2010. Отв. редактор Наумкин В.В. Москва. С. 82–124.

Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. 2007. *История Японии.* XX век. Москва: ИВ РАН; Крафт+. 528 с.

Панов А.Н., Саркисов К.О., Стрельцов Д.В. 2019. *История внешней политики Японии 1868–2018 гг.* Москва: Международные отношения. 456 с.

Первый период войны. 1958. *История войны на Тихом океане:* перевод с японского / под общей редакцией Усами Сэйдзиро, [и др.]; под редакцией Б.В. Поспелова. 1957-1958. В 5 тт. Т. 3. Москва: Издательство иностранной литературы. 438 с.

Печатнов В.О. 2006. *Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг.* (Документальные очерки). Москва: Терра – Книжный клуб. 752 с.

Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. 2013. *Великая Отечественная война 1941–1945 годов.* В 12 тт. Т. 5. Москва. 916 с.

Славинский Б.Н. 1995. *Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941-1945 гг.* Москва: Новина. 335 с.

Хаттори Т. 1973. *Япония в войне 1941–1945 гг.* Пер. с яп. Москва. 877 с.

Черевко К.Е. 2003. *Серп и молот против самурайского меча.* Москва: Вече. 384 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(6). С. 124–152
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-124-152

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Идеи многополярности в концептуальном арсенале советской дипломатии на завершающих этапах Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.)

И.Э. Магадеев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Цель статьи – выявить роль и место представлений о послевоенной многополярности в концептуальном арсенале советской дипломатии на завершающих этапах Великой Отечественной войны. Основное внимание уделено идеям двух крупных советских дипломатов М.М. Литвинова и И.М. Майского. Источниковую базу исследования составили опубликованные и архивные записки сотрудников НКИД, материалы заседаний комиссии НКИД по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства. Хотя внешнеполитические представления Литвинова и Майского в 1943–1945 гг. уже служили объектом изучения в отечественной и зарубежной историографии, исследователей, как правило, интересовало конкретное содержание взглядов двух дипломатов по тем или иным международным проблемам. В данной статье автор меняет постановку исследовательского вопроса и стремится выявить базовые концептуальные основания, на которых строились суждения Литвинова и Майского. Анализ взглядов советских дипломатов и экспертов (С.А. Лозовский, Б.Е. Штейн, Я.З. Суриц, Е.В. Тарле), чьи точки зрения в меньшей степени изучены в историографии, добавляет статье новизны. Особое внимание автор обращает на характер концептуализации Литвиновым и Майским послевоенной международной конфигурации как специфического многополярного мира, хотя сам термин не использовался советскими дипломатами. В статье изучены вопросы о том, какой советские дипломаты видели послевоенную архитектуру безопасности, считали ли биполярность неизбежной, под влиянием каких факторов находились их внешнеполитические представления. Активизация дискуссий о развитии многополярности в современных международных отношениях придаёт указанной проблематике актуальность. По результатам проведённого исследования автор пришёл к выводу о том, что концептуальная рамка представлений советских дипломатов в 1943–1945 гг. о послевоенном устройстве была далека от моделей биполярности и Холодной войны. Высокопоставленные сотрудники НКИД не исключали варианта нарастания противоречий между СССР и западными странами во главе с США и Великобританией, однако предпочитали этому варианту сотрудничество ведущих держав антигитлеровской коалиции на базе негласно-

УДК: 94(47)"1943/1945":327
Поступила в редакцию: 10.10.2023
Принята к публикации: 11.20.2023

го раздела «сфер интересов». Вариант направленного против СССР сплочённого англо-американского фронта учитывался, однако перед советской дипломатией стояли задача предотвратить его образование, а также играть на противоречиях между Вашингтоном и Лондоном.

Ключевые слова: СССР, советская дипломатия, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, послевоенный мир, Литвинов, Майский, многополярность

Активизация дискуссий о судьбах многополярности и многополярного мира в XXI в. заставляет обратить более пристальное внимание на то, каким образом указанные феномены трактовались ранее, в т. ч. советской дипломатией и экспертным сообществом.

На протяжении Холодной войны понятие «многополярность» рассматривалось советскими аналитиками преимущественно как чужеродный англоязычный конструкт; характерно, что при написании его нередко брали в кавычки (Примаков и др. 1983: 214; Кунина 1988: 158). Даже в 1970–1980-е гг. на фоне очевидного углубления знакомства и проработки западных концепций из сферы теории международных отношений многополярность, главным образом, рассматривалась в контексте «современных внешнеполитических концепций США» (Аничкина и др. 1979: 128), а также «буржуазных прогнозов развития международных отношений» (Кокошин 1978: 53). На страницах научных трудов можно было встретить утверждение, что, «как бы ни обосновывалась “многополярность”, объективное содержание международных отношений – противоборство и соревнование двух социальных систем – подменялось схемой, соответствующей империалистическому видению мира» (Кунина 1988: 158).

В 1970-е – начале 1980-х гг. советские эксперты преимущественно рассматривали концепцию многополярности как способ «отвлечь внимание от тех коренных сдвигов, в которых проявляются объективные закономерности общественного развития, ведущего к социализму» (Петровский 1976: 197). Вместе с тем по вопросу о том, чьим интересам, СССР или США, отвечает потенциальное складывание многополярного мира, наблюдалась, пусть и не всегда акцентируемая, вариативность мнений. Последняя нередко выражалась в цитировании различных точек зрения западных (прежде всего – американских) экспертов.

С одной стороны, встречалась мысль о том, что Соединённым Штатам, как «рассуждают американские теоретики, выгодна расчленённость, “многополярность” Евразии, расчленённость её на несколько средоточий “силового тяготения”, наличие там по меньшей мере двух полюсов государственного могущества» (Яковлев и др. 1976: 160). С другой стороны, внимание советских экспертов привлекали размышления западных аналитиков о том, что многополяр-

ность, понятая как бóльшая внешнеполитическая автономия стран Западной Европы от США, поспособствует усилению советского влияния в Старом Свете (Хромушин 1974: 36).

Пристальный интерес вызвало эссе Г. Киссинджера «Центральные проблемы американской внешней политики» (Kissinger 1969: 51–97), проникнутое опасениями по поводу усилившихся тенденций к многополярности в международных отношениях. Цитировались размышления Киссинджера о том, что «политическая многополярность делает невозможным навязывание американских замыслов» (Трофименко 1976: 63; Хлебников 1984: 34). Внимания удостоилась мысль американского государственного деятеля о том, что «политическая многополярность не обязательно гарантирует стабильность в международных отношениях. Уменьшается жёсткость, но снижается управляемость и стабильность системы» (Кокошин 1978: 53). Биполярность представала в этом смысле как легче управляемая и более стабильная международная модель, в рамках которой Советский Союз претендовал на равную с США роль.

Лишь на излёте существования СССР советские эксперты стали увереннее высказывать мысль о том, что «в известной степени многополярность, рассмотренная как одна из перспектив глобального миропорядка, выступает проявлением усиливающегося многообразия общественных путей развития человечества» (Сергунин 1989: 9). Исследователи даже предполагали, что «многополярность выступает ныне как более сложная форма развития и функционирования социальной биполярности мира, а отнюдь не как способ её преодоления» (Яковлев 1990: 105). Констатация того, что «многополярность в экономике уже стала фактором международной ситуации», соседствовала с прогнозом, что «к концу века оформится многополярность и в политической сфере» (Холодковский 1991: 22).

Всё же в советских экспертных наработках периода Холодной войны проблематика многополярного мира в значительной степени оставалась в тени. Это обстоятельство коррелировало с официальными внешнеполитическими и идеологическими приоритетами советского государства. Как правило, Москва делала ставку на паритетные отношения с Вашингтоном и рассматривала биполярность в некотором смысле как характеристику привилегированного положения СССР (наряду с США) в рамках тогдашней системной модели международных отношений; при этом многополярность, понятая как усиление самостоятельности Западной Европы от США, воспринималась более позитивно. К концу существования Советского Союза идея о зарождении многополярного мира соседствовала в оценках экспертов с признанием, что «второй планетарный центр силы – СССР – утратил свою сверхдержавную ипостась» (Плешаков 1991: 22). Как итог, советские разработки идей многополярности во многом остались

забыты после 1991 г. В современной же России «концепция многополярности мировой политики чаще всего ассоциируется с фигурой Евгения Примакова», а её возникновение относят к 1996 г.[1].

Вместе с тем, пусть и дистанцируясь от терминологии многополярности и многополярного мира, не только эксперты, но и советские дипломаты-практики нередко осмысляли международные реалии в указанных категориях. Особенно актуально это было для первого поколения сотрудников Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) СССР. Они работали в межвоенный период, который характеризовался наличием целого ряда полюсов международного влияния (некоторые исследователи позднее писали даже о своеобразной «трёхполярности» 1930-х гг. при США, СССР и Германии как ключевых центрах силы) (Schweller 1998). Анализ представлений советских дипломатов о характере устройства международных отношений позволит яснее представить себе генезис концепций многополярности в отечественной дипломатической и экспертной традиции, обогатит понимание того, как эти представления эволюционировали и изменялись.

Фигуры двух видных дипломатов, М.М. Литвинова и И.М. Майского, которых подчас относят к условным «западникам» в высших эшелонах НКИД (Печатнов 2013: 90), выделяются в первом поколении сотрудников внешнеполитического ведомства СССР. Весьма условная характеристика Литвинова и Майского как «западников» была связана с их представлениями о возможности сотрудничества СССР с ведущими западными державами на различных этапах развития международных отношений в 1930–1940-е гг. Приоритетом для обоих дипломатов оставалось отстаивание советских интересов. Уместной в этом смысле представляется мысль канадского историка М.Дж. Карли (Карлея), резюмировавшая историографические дискуссии о внешнеполитических предпочтениях Г.В. Чичерина и Литвинова: «Историки и современники часто называли Чичерина прогерманским, а Литвинова пробританским дипломатом. Это не так: оба они были просоветскими. Их общей заботой была первоочередная защита интересов Советского государства» (Карлей 2019: 104).

Путь государственной службы Литвинова и Майского был сопряжён с накоплением богатого практического опыта. Как известно, Литвинов занимал пост наркома иностранных дел СССР (1930–1939), заместителя наркома (1941–1946) и посла в США (1941–1943) (подробнее см.: Соколов 2002). Майский в 1932–1943 гг. был бессменным представителем СССР (сначала полпредом, потом послом) в Великобритании, а затем занял пост заместителя наркома иностранных дел (1943–1946) (подробнее см.: Пожарская 2004).

[1] Кортунов А.В. 2018. Почему мир не становится многополярным. *Россия в глобальной политике.* 26 июня. URL: https://www.globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/ (дата обращения: 20.12.2023).

Работая в центральном аппарате НКИД и в заграничных миссиях, Литвинов и Майский совмещали практическую деятельность с попытками нетривиальной концептуализации современных им международных трансформаций, оставаясь в рамках доминировавшей партийной и государственной линии. Их экспертиза была востребована высшим государственным руководством страны в условиях Великой Отечественной и Второй мировой войны. Среди прочего, это обстоятельство отразилось в назначении дипломатов в 1943 г. председателями двух важных комиссий при НКИД: по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства («комиссия Литвинова») (Филитов 1995); по возмещению ущерба, нанесённого СССР гитлеровской Германией и её союзниками («комиссия Майского») (Жигалов 2014).

Внимания заслуживают также взгляды видных членов комиссий Литвинова и Майского. Отметим среди них четырёх человек: заместителя наркома иностранных дел С.А. Лозовского (Баландина, Давыдов 2020: 78–91); историка и дипломата Б.Е. Штейна, занимавшего ранее посты полпреда в Финляндии (1933–1934) и Италии (1934–1939) (Барышников, Пленков 2015); советника НКИД Я.З. Сурица, занимавшего посты полпреда в Германии (1934–1937) и во Франции (1937–1940) (Сизоненко 1991); наконец, академика Е.В. Тарле, для которого работа в «комиссии Литвинова» стала «единственным документированным фактом участия … в реальной внешнеполитической работе, а не только в её пропагандистско-публицистическом обрамлении» (Каганович 2014: 237).

Объект статьи – представления о послевоенном мире, сформулированные советскими дипломатами на завершающих этапах Великой Отечественной войны в 1943–1945 гг. – на первый взгляд, кажется разносторонне исследованным. Записки за авторством Литвинова и Майского привлекли пристальное внимание отечественных и зарубежных историков ещё в период масштабного рассекречивания архивных документов в России (т. н. «архивная революция» 1990-х гг.) (Пихоя 2014). Указанные источники продолжают поныне активно использоваться при изучении различных аспектов советской внешней политики периода Великой Отечественной войны. Анализу подверглось видение Литвиновым и Майским будущих отношений СССР со странами антигитлеровской коалиции и противниками по «оси» (Roberts 2002; Печатнов 2006; Roberts 2006; Арзаканян 2010; Агеев и др. 2014; Горозий 2018); суждения дипломатов по отдельным вопросам международного устройства Европы и мира по окончании Второй мировой войны (советский, германский, итальянский «вопросы» и другие) (Сальков 2009; Наринский 2010; Афиани 2016; Синдеев 2020); восприятие ими политических и стратегических уроков войны (Печатнов 2009; Магадеев 2020); их личные отношения и официальные контакты с политическим руководством и другими дипломатами СССР, а также с представителями стран антигитлеровской коалиции (Соколов 2001; Поздеева 2008; Печатнов 2010; Хахал-

кина, Жигалов 2019).

Данное исследование отличается постановкой исследовательского вопроса, а также новым прочтением и интерпретацией ряда архивных и опубликованных документов. Непосредственная цель статьи – выявить общую концептуальную рамку внешнеполитических представлений советских дипломатов о послевоенном мире. Автор стремится ответить на ряд вопросов, которые нередко не были ясно артикулированы в историографии: каким советские дипломаты видели послевоенный мир? Считали ли они биполярность неизбежной? Под влиянием каких факторов находились их внешнеполитические представления в 1943–1945 гг.? Какие специфические черты послевоенной многополярности они считали ключевыми? Новый виток в развитии дискуссий о многополярности в современных международных отношениях придаёт указанной проблематике актуальность.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и архивные записки сотрудников НКИД, направлявшиеся в адрес руководства ведомства и высшего государственного руководства страны, а также материалы заседаний «комиссии Литвинова». Указанные документы фиксировали ключевые позиции, которые советские дипломаты стремились донести до вышестоящих инстанций, а также демонстрировали разнообразие мнений, озвученных в рамках закрытых дискуссий. Критический разбор точек зрения, высказанных на страницах данных документов, позволит реконструировать концептуальную рамку внешнеполитических представлений ряда ведущих сотрудников НКИД. Сравнительно-исторический анализ взглядов Литвинова и Майского, дополненный в случае Майского сопоставлением позиций, сформулированных им в официальных записках и на страницах дневника, нацелен на раскрытие общего и особенного во взглядах двух дипломатов, выявление тех концептуальных посылов их записок и предложений, которые нередко оставались «между строк»[2].

Новый «баланс сил» в послевоенном мире

Терминология «многополярности» или «многополярного мира» оставалась чужда Литвинову и Майскому, как и многим последующим советским экспертам. Вместе с тем оба дипломата фактически использовали целый ряд допущений из концептуального арсенала «реальной политики» (нем. *Realpolitik*).

Уже на заре существования Страны Советов ряд советских дипломатов, в т. ч. полпред в Германии А.А. Иоффе, в своей практической работе нередко руководствовались «национальными интересами в духе “реальполитик”» (Ватлин, Ланник 2023: 35). Характеризуя взгляды членов «комиссии Литвинова» в 1943–

[2] Майский И.М. 2009. *Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943.* Кн. 2. Ч. 2. Отв. ред. А.О. Чубарьян. Москва: Наука.

1945 гг., исследователь также пришёл к выводу об их «"реально-политическом", великодержавном мышлении» (Каганович 2000: 358). Как подчёркивал 8 сентября 1943 г. на первом заседании «комиссии Литвинова» академик Тарле, «все пункты надо разрабатывать с точки зрения максимальной безопасности советских границ от нового нападения, а также с точки зрения того, как мы мыслим будущую Европу с точки зрения наибольшей устойчивости мира и безопасности»[3]. Более того, ряд базовых допущений марксизма-ленинизма (например, о роли международной борьбы и соотношении сил между «империалистическими державами») вполне органично укладывался в концептуальную матрицу, близкую классическому «политическому реализму».

По завершении «коренного перелома» в Великой Отечественной и Второй мировой войне для советских дипломатов стало очевидно, что послевоенный «баланс сил» будет серьёзно отличаться от того, что существовал до 1939 г. Это не означало отказа от общей концептуальной рамки многополярности, в которой осмыслялись реалии межвоенного периода, однако её внутреннее наполнение и содержание, как считалось, окажутся совсем иными. Уже 26 декабря 1941 г., на фоне успехов советского контрнаступления под Москвой, Лозовский, оговорив, что «война в полном разгаре, и неизвестно, когда она кончится», всё же полагал, что «исход войны ясен». С его точки зрения, сложность послевоенной обстановки «будет заключаться в том, что из строя выбудут четыре великие державы (Германия, Япония, Италия и Франция) и решать дело придётся СССР, Великобритании и Соединённым Штатам»[4].

«Комиссия Литвинова» подробно разрабатывала планы долгосрочного ослабления и даже возможного расчленения Германии (Филитов 2023: 15–71). Ещё до формирования Комиссии, в одной из ранних дипломатических разработок на послевоенный период, Майский настаивал на необходимости «индустриального разоружения» Германии (прежде всего, в виде резкого ослабления или даже ликвидации её военной промышленности): «При таких условиях даже в самом худшем случае новая германская агрессия не могла бы прийти так быстро, как это случилось в наши дни»[5]. Позднее, уже возглавляя Комиссию НКИД по возмещению ущерба, нанесённого СССР гитлеровской Германией и её союзниками, Майский продолжал следовать этой логике. С его точки зрения, при формулировании и отстаивании итоговой суммы и механизма взимания репараций с Германии советская сторона должна была принимать во внимание не только ущерб, который понёс СССР и другие страны, но и «соображения экономиче-

---

[3] *СССР и германский вопрос. 1941–1949.* 1996. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. Т. 1. Москва: Международные отношения. С. 239.

[4] Там же. С. 141.

[5] Майский – НКИД, 9 января 1943 г. *Документы внешней политики СССР* (далее – ДВП СССР). 2016. 1943. Т. 26. Кн. 1. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Майкоп: Полиграф-Юг. С. 30.

[6] Записка Майского Сталину, 20 декабря 1944 г. *СССР и германский вопрос.* Т. 1. С. 583.

ского разоружения Германии»[6]. С этой позицией заочно соглашался Литвинов. В записке наркому В.М. Молотову от 9 октября 1943 г. он отметил, что «необходимость более или менее полного разоружения Германии, в смысле роспуска германской армии, лишения Германии военно-морского флота и военной авиации, срытия военных укреплений, уничтожения военной промышленности Германии, является почти общепризнанной аксиомой»[7].

Хотя вопросы, связанные с Японией, учитывая долго сохранявшийся нейтралитет Страны восходящего солнца в отношении СССР, не обсуждались столь же детально, было ясно, что после войны предполагалось ослабление и этого важного союзника Германии по «оси»[8]. В записке от 10 января 1944 г., не зная об уже данных И.В. Сталиным заверениях западным союзникам о последующем вступлении СССР в войну против Японии, Майский писал о том, что Советский Союз «не заинтересован в развязывании войны с Японией, но он очень заинтересован в военном разгроме Японии, ибо без этого последнего условия нельзя рассчитывать на длительный мир в Азии»[9].

Сдерживание и недопущение новой агрессии со стороны Германии и Японии после победы над ними должно было сформировать одно из оснований не только для международной стабильности как таковой, но и для послевоенного взаимодействия ведущих держав антигитлеровской коалиции. Другим важным основанием этого взаимодействия, о котором не говорили публично, должен был стать негласный раздел на «зоны безопасности», которые, как писал Литвинов, «явятся иным выражением для “зон влияния”»[10]. В целом, «советские дипломаты исходили из того, что оптимальным путём достижения намеченных целей будет сохранение сотрудничества с США и Великобританией. … Хотя в Москве знали, что здесь предстоит упорный торг (особенно по Польше), согласованный раздел сфер влияния был гораздо предпочтительней конфронтационно-силового» (Агансон и др. 2020: 454).

Согласно допущениям Литвинова, «наша максимальная сфера интересов, или, лучше сказать, зона безопасности, должна охватить Финляндию, Норвегию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, Югославию, Болгарию и Турцию»[11]. Во многом речь шла о серьёзном расширении «стратегического предполья» СССР и о создании новой «глубины обороны» на его западных и южных границах; уязвимость последних особенно волновала Сталина (Roberts 2011: 74–75). Предполагалось, что свои «зоны безопасности» будут в том или ином виде закреплены за Великобританией (Нидерланды, Бельгия, Франция,

---

[7] *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 288.

[8] Записка Лозовского Сталину и Молотову, 26 декабря 1941 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 142–143.

[9] *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 347.

[10] Записка Литвинова Молотову, 9 октября 1943 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 277.

[11] Записка Литвинова Молотову и Вышинскому, 11 января 1945 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 596. См. также: Из записки Литвинова, 15 ноября 1944 г. Советско-британские отношения в 1943–1953 гг.: Документы и материалы. 2021. Под ред. А.О. Чубарьяна и О.А. Вестада. Москва: Аспект Пресс. С. 241.

Испания, Португалия и Греция) и США (страны Западного полушария). При этом некоторые государства (Дания, Германия, Австрия, Швейцария и Италия) могли, как писал Литвинов, составить «нейтральную зону, в которой обе стороны (СССР и Великобритания – *И.М.*) сотрудничают на одинаковых основаниях при постоянной между собой консультации»[12].

Наличие подобных «сфер интересов», как рассчитывали советские дипломаты, не только не воспрепятствует послевоенному взаимодействию стран «Большой тройки», но во многом составит фундамент, на котором подобное взаимодействие будет строиться (Roberts 1999: 656, 672–673). К тому же Литвинов не исключал, что советской дипломатии удастся в том или ином виде закрепить распределение зон ответственности при создании Международной организации безопасности (будущей ООН). Это могло придать подобному разграничению больше легитимности и прочности: «… США в первую очередь отвечают за безопасность стран Американского континента и определённой части Тихого и Атлантического океанов; Великобритания, СССР и Китай имеют свои зоны безопасности, за которые они в одних случаях индивидуально, в других совместно отвечают и которые заранее, по общему соглашению, фиксируются»[13].

В НКИД исходили из того, что вариант негласного раздела «сфер интересов» не вызовет радикального отторжения со стороны Вашингтона и Лондона. Действительно, между советским и англо-американским планированием на послевоенный период, каким он виделся в условиях существования антигитлеровской коалиции, имелась некоторая перекличка. Летом 1944 г. в МИД Великобритании полагали, что в основе архитектуры послевоенной безопасности в Европе могут лежать «западноевропейская система» во главе с Британией и «схожая система безопасности в Восточной Европе» во главе с Советским Союзом, причём англо-советский союзный договор от 26 мая 1942 г. выступит связующим звеном между этими системами[14]. Из секретных материалов Госдепартамента США, полученных по каналам Главного разведывательного управления Наркомата обороны, советские дипломаты видели, что в Вашингтоне есть определённое понимание внешнеполитических устремлений Москвы: «По причинам укрепления своей военной безопасности и расширения своих выходов к морю, Советский Союз ощущает прямую заинтересованность в государствах Центрально-Восточной Европы (Финляндия, Латвия, Эстония, Литва, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Югославия, Болгария, Албания и Греция)

---

[12] Записка Литвинова Молотову и Вышинскому, 11 января 1945 г. *СССР и германский вопрос.* Т. 1. С. 596.

[13] Записка Литвинова «Международная организация безопасности», 25 апреля 1944 г. *Архив внешней политики Российской Федерации* (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 144. Л. 22.

[14] From Foreign Office to Chiefs of Staff, 22 June 1944 (in COS (44) 113) *The National Archives of Great Britain,* Cabinet Office 80/44.

[15] Документ Госдепартамента США «Региональная политика Советского Союза», 16 февраля 1944 г. *АВП РФ.* Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143. Л. 27.

и в Турции, Иране и Афганистане»[15].

Готовность Москвы пойти на негласный раздел «сфер интересов» не означала отказа от изменения статус-кво в колониальной и полуколониальной периферии. Наследуя традиции прошлого, советская сторона готова была поддерживать антиколониальные движения, острие которых в значительной степени было направлено против Великобритании и Франции. Литвинов даже полагал, что «колониальная проблема» может создать «возможную базу советско-американского сотрудничества»[16].

В 1943–1945 гг. границы послевоенной «сферы интересов» СССР отнюдь не были предопределены, и, как можно заметить, их итоговая конфигурация достаточно серьёзно отличалась от максимального варианта, о котором размышлял Литвинов. О сохранявшейся волатильности в оценках послевоенной международной обстановки говорили и соображения советских дипломатов по отдельным международным вопросам. Например, существенно эволюционировала позиция НКИД по «трансильванскому вопросу»: от предложений Литвинова, сформулированных в июне 1944 г. о предпочтительном формировании самостоятельного Трансильванского государства как своего рода советского протектората до итогового решения о закреплении Северной Трансильвании за Румынией. В условиях прихода к власти просоветского правительства П. Гроза в марте 1945 г. Румыния всё больше воспринималась как будущий союзник, а не противник (Исламов, Покивайлова 2008: 148–185).

Неясным для Майского в начале 1944 г. оставалась и будущая внешнеполитическая ориентация Польши, отчего в значительной степени зависел вопрос о степени её усиления после войны, которое была готова санкционировать Москва. В записке от 10 января, адресованной Молотову, дипломат писал о том, что «целью СССР должно быть создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в нарождении слишком большой и слишком сильной Польши. В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительно другом СССР (по крайней мере, на протяжении жизни ближайшего поколения), никто с определённостью сказать не может»[17].

Аналогичная логика, увязывавшая отношение СССР к той или иной стране со степенью её дружественности Москве, гарантией которой было бы присутствие коммунистов во власти, заметна в позициях Майского по Германии и Литвинова по Франции. Размышляя в телеграмме от 9 января 1943 г. о будущем Германии, Майский исходил из того, что лучшей гарантией против эвентуальной немецкой агрессии стало бы создание в стране социалистического режима

[16] Записка Литвинова «О взаимоотношениях с США», 10 января 1945 г. *АВП РФ.* Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 50.
[17] *СССР и германский вопрос.* Т. 1. С. 341.
[18] *ДВП СССР.* Т. 26. Кн. 1. С. 28.

в результате «полнокровной и глубокой пролетарской революции»[18]. Однако дипломат считал, что подобный сценарий малореалистичен. Анализируя варианты послевоенных отношений с Францией в записке от 25 марта 1944 г., отправленной Молотову, Литвинов исходил из схожей логики. Он делал оговорку о том, что если во Франции «установится власть, на дружбу которой мы сможем прочно рассчитывать» (аллюзия на возможный приход к власти коммунистов), то Москва изменит тактику «в 24 часа». Всё же советский дипломат видел в этой стране послевоенного союзника Великобритании и США. Как итог, он рекомендовал тогда «решительно выступать против возвращения Франции ранга великой державы»[19].

Анализируя устройство послевоенной Международной организации безопасности, Литвинов исходил из того, что «руководящую и решающую роль должны будут взять на себя доказавшие свою мощь в нынешней войне четыре Великих державы – СССР, США, Великобритания и Китай»[20]. Опыт неожиданного быстрого разгрома Франции в 1940 г., очевидно, сказывался на восприятии роли и места этой страны в послевоенном мире. Как заметил Майский, «эта война явилась потрясающим предметным уроком для всего человечества. … Франция просто провалилась»[21]. В январе 1944 г. бывший посол СССР в Великобритании продолжал исходить из того, что сама возможность воссоздания в послевоенный период «сильной французской армии и вообще возрождения Франции как подлинной великой державы представляется весьма сомнительной…»[22].

Как правило, Литвинов и Майский были далеки от того, чтобы исходить из сценария революционных изменений в Европе и установления в европейских странах коммунистических режимов, *a priori* рассматривавшихся в качестве дружественных СССР. Тем не менее подобная перспектива не исключалась полностью. Ещё 2 февраля 1943 г. на страницах своего дневника Майский осторожно размышлял о том, что освобождение Европы советскими силами при отсутствии «второго фронта» со стороны западных союзников может создать лучшие условия для распространения влияния СССР, а также для установления социалистических режимов в Старом Свете[23]. Однако более вероятной для Майского виделась общая демократизация послевоенной Европы, в деле достижения которой «сотрудничество между СССР, США окажется возможным, хотя

[19] *АВП РФ.* Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 146. Л. 25, 28–29.
[20] Записка Литвинова «Международная организация безопасности», 25 апреля 1944 г. *АВП РФ.* Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 144. Л. 18.
[21] Майский – Молотову, 13 февраля 1943 г. *СССР и германский вопрос.* Т. 1. С. 194–195.
[22] *СССР и германский вопрос.* Т. 1. С. 339.
[23] *Майский И.М.* Указ. соч. С. 210–211.
[24] Записка Майского Молотову, 10 января 1944 г. *СССР и германский вопрос.* Т. 1. С. 349.

и не всегда лёгким»[24].

Литвинов смотрел на ситуацию с большей тревогой, однако и он не считал идеологический антагонизм между бывшими союзниками антигитлеровской коалиции запрограммированным. С точки зрения дипломата, США будет особенно интересовать «полная устойчивость» европейских стран «при установлении таких буржуазно-демократических или даже консервативных форм правления, при которых не приходилось бы опасаться социальных потрясений». Литвинов усматривал в этом конфликтный потенциал и полагал, что «неодинаковый подход к наведению порядка и установлению власти в некоторых странах Европы может породить недоразумения и трения между нами, с одной стороны, и Англией и США, с другой. Эти трения могут быть, в зависимости от развития события, временного и более длительного характера»[25]. Как бы то ни было, общий посыл его подробной записки «О взаимоотношениях с США» (10 января 1945 г.) отнюдь не сводился к мысли о неизбежности советско-американского антагонизма.

Для оценок Литвиновым будущей роли и места Китая была характерна двойственность. С одной стороны, как демонстрировали его размышления о будущей Международной организации безопасности, Литвинов готов был включить Китай (в отличие от Франции) в число держав, которым отводилась руководящая роль в Совете организации. Однако, с другой стороны, гоминьдановский Китай не рассматривался им как государство, равное по своей мощи державам «Большой тройки». Литвинов не исключал даже того, что в послевоенный период «интерес США к Китаю… значительно возрастёт, возможно, вплоть до фактического установления американского протектората над Китаем»[26].

На заседании «комиссии Литвинова» от 28 апреля 1944 г. её председатель, озвучив точку зрения отсутствовавшего Тарле, возражавшего против «уравнивания» гоминьдановского Китая с державами «Большой тройки», отметил: «Я сам понимаю, что речь идёт о трёх Великих державах, а Китай будет числиться номинально, но мы вынуждены говорить о четвёрке» (прежде всего, учитывая американскую позицию)[27]. Майский призывал к усилению советского влияния в Китае, однако также был весьма осторожен, подчёркивая, что «степень содействия Китаю в его развитии и превращении в подлинно великую державу должна определяться характером тех сил, которые будут находиться у власти» в стране в послевоенный период. Дипломат даже не исключал складывания «лет

[25] Записка Литвинова «О взаимоотношениях с США», 10 января 1945 г. *АВП РФ.* Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 48.
[26] Там же. Л. 49.
[27] *АВП РФ.* Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 23.
[28] *СССР и германский вопрос.* Т. 1. С. 354, 359.

через 20–25» «враждебной СССР американо-китайской комбинации»[28].

Конфигурация отношений между ведущими державами послевоенного мира

Констатация того, что державы «Большой тройки» займут лидирующие позиции в послевоенном мире, не означала того, что точная конфигурация их «треугольных» отношений была предопределена. Она варьировалась на страницах различных документов за авторством советских дипломатов.

В одних случаях США и Великобритания представали государствами, готовыми сплотиться по ряду вопросов на общей антисоветской основе. Размышляя о борьбе за установление тех или иных политических режимов в послевоенной Европе, Литвинов считал, что «в этом отношении американские интересы совпадают с английскими»[29]. Майский строил свои прогнозы на схожих основаниях, полагая, что «если первый послевоенный период приведёт к развязыванию в Европе пролетарских революций, то отношения между СССР, с одной стороны, Соединёнными Штатами и Англией, с другой стороны, должны будут принять напряжённый и даже острый характер»[30]. Дипломат исходил из базового согласия держав «Большой тройки» по «германскому вопросу» «сразу после окончания войны», но полагал, что «нет никаких гарантий, что такое согласие сохранится на длительный период после того»[31]. Мысль о том, что на будущей мирной конференции «по наиболее существенным вопросам мы будем иметь против себя объединённый фронт капиталистических держав», развивал и Лозовский[32].

Вместе с тем тренд на складывание англо-американской (или шире – западной) солидарности на антисоветской основе не рассматривался как неизбежный. Более того, как подчёркивал тот же Лозовский на заседания «комиссии Литвинова» от 28 апреля 1944 г., в том, чтобы «не дать сложиться блоку Великобритании и США против Советского Союза» заключалась «наша генеральная линия, вся наша политика»[33].

Мысль о возможной консолидации Лондона и Вашингтона на базе противодействия Москве соседствовала в оценках советских дипломатов с тезисом о более сложной и вариативной международной ситуации после войны. Если использовать термины из теории международных отношений, то подобные

[29] Записка Литвинова «О взаимоотношениях с США», 10 января 1945 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 49.
[30] Записка Майского Молотову, 10 января 1944 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 358.
[31] Майский – НКИД, 9 января 1943 г. *ДВП СССР*. Т. 26. Кн. 1. С. 29.
[32] Записка Лозовского Сталину и Молотову, 26 декабря 1941 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 141–142.
[33] *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 24.

суждения советских дипломатов были выстроены в логике своеобразной «трёхполярности», открывавшей для СССР, как считалось, возможности для дополнительного внешнеполитического маневрирования и для использования противоречий между США и Великобританией (Schweller 1998).

Майский утверждал, что в послевоенный период «логика вещей должна будет всё больше толкать Англию в сторону СССР, ибо её основная борьба в послевоенный период всё-таки будет борьбой с США». Исходя из этого, он рекомендовал «использование в советских интересах англо-американского противоречия с перспективой всё более тесного контакта с Англией»[34]. Литвинов размышлял в схожем ключе, делая, однако, акцент на советско-американском сближении на антибританской основе. Он считал, что «неизбежное усиление экономического соревнования во всех частях света между США и Великобританией должно подсказывать обеим этим державам необходимость поддерживания (sic) наилучших отношений с нами, чтобы не допускать нашего длительного объединения с одной из них против другой. Не менее важно и нам подрывать возможности частых объединений их против нас»[35].

Особое внимание Литвинова привлекали рисовавшиеся перспективы англо-американского соперничества в колониях, которое, как рассчитывал дипломат, Советский Союз мог использовать в целях расширения собственного международного присутствия и влияния. Размышляя в записке от 28 июня 1945 г. о вопросе международной опеки над бывшими итальянскими колониями, Литвинов писал о том, «что в предстоящем усиленном соперничестве с Англией США не захотят поощрять вообще усиление последней и в частности в Средиземном и Красном морях и в Индийском океане». С точки зрения дипломата, это открывало определённое «окно возможностей» для усиления позиций СССР. Литвинов предлагал «начать с постановки вопроса о передаче всех итальянских колоний в Африке под совместную опеку трёх держав – СССР, США и Англии»[36].

Та концептуальная схема, из которой исходили ведущие сотрудники НКИД, отличалась от биполярности не только ввиду предполагавшихся возможностей СССР играть на англо-американских противоречиях, но и ввиду того, что в 1944–1945 гг. советские дипломаты отводили немаловажную роль другим международным акторам, в т.ч. ведущим европейским странам.

На страницах записок Литвинова и Майского в рассматриваемый период ещё не «проступало» так явно сокращение британской мощи. Хотя растущее давление США на былые британские позиции было очевидным, советские дипломаты не были готовы списывать Великобританию со счетов. Ситуация оста-

[34] Записка Майского Молотову, 10 января 1944 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 358–359.
[35] Записка Литвинова «О взаимоотношениях с США», 10 января 1945 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 51.
[36] *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 07. П. 17. Д. 174. Л. 64, 66.

валась двойственной.

С одной стороны, на завершающих этапах Второй мировой войны не вызывало сомнений, что вклад Великобритании уступает не только вкладу СССР, но и США, что отчасти подготавливало будущую биполярность. Во время беседы с министром иностранных дел Э. Иденом, состоявшейся 31 августа 1943 г., Майский упирал на то, что «потери Великобритании в 8 раз, потери Британской империи в 70 раз меньше, чем потери СССР». Советский посол полагал, что «приведённое сопоставление ещё нагляднее подчёркивает недостаточность усилий Англии в нашей общей борьбе»[37].

С другой стороны, сотрудники НКИД в 1943–1945 гг. были далеки от того, чтобы рассматривать послевоенную роль Лондона только через призму «упадка Британии». В советских дипломатических оценках Великобритания, связанная с СССР союзным договором от 26 мая 1942 г., нередко представала ключевым партнёром при решении вопросов в послевоенной Европе. Майский указывал, что «военная оккупация, разоружение и раздробление Германии могут быть осуществлены только при наличии согласия между главными союзниками, то есть СССР, Англией и США, как минимум, при наличии согласия хотя бы между СССР и Англией»[38].

Важным было и то обстоятельство, что некоторые советские дипломаты считали возможным повторение ситуации, имевшей место после окончания Первой мировой войны, когда США отказались брать военно-политические обязательства в Европе. К этой точке зрения склонялся Литвинов, хотя Лозовский дискутировал с ним по данному вопросу[39]. Потенциальный уход США из Европы рассматривалось Литвиновым как обстоятельство, которое усиливало роль советско-британских отношений, построенных на базе негласного раздела «сфер влияния»[40].

Члены «комиссии Литвинова» призывали не сбрасывать полностью со счетов и другие европейские государства. Так, на заседании комиссии 25 марта 1944 г. академик Тарле, осторожно полемизируя с Литвиновым, говорил, что Франция «могла быть противовесом англосаксам», и «не возражал бы против сильной Франции», хотя и не очень верил в быстроту её возрождения[41]. В своей более ранней записке «Франко-русские отношения» (декабрь 1943 г.) Тарле высказал тезис о близости российских и французских интересов на протяжении истории в ещё более явной форме. Однако затем под влиянием критики со сто-

[37] Майский – НКИД СССР, 3 сентября 1943 г. *ДВП СССР.* 1943. Т. 26. Кн. 2. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Майкоп: Полиграф-Юг, 2016. С. 16.

[38] Майский – НКИД, 9 января 1943 г. *ДВП СССР.* Т. 26. Кн. 1. С. 29.

[39] Стенографический протокол № 6 заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 28 апреля 1944 г. *АВП РФ.* Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 40, 42.

[40] Из записки Литвинова «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества», 15 ноября 1944 г. *Советско-британские отношения.* С. 238–243.

[41] *АВП РФ.* Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 6.

роны Литвинова историк изменил свою позицию (Магадеев 2023: 368–370).

Вопрос о роли «французского фактора» занимал немаловажное место во внутренних дискуссиях НКИД о послевоенном мире. Точки зрения различных дипломатов не совпадали, к тому же позиция того или иного деятеля могла эволюционировать в зависимости от многих факторов, в том числе международной обстановки.

На страницах записки от 25 марта 1944 г. Литвинов высказал мысль о том, что «французские дружественные жесты» в отношении Москвы имеют «лишь целью дразнить, пугать и склонить к уступкам Англию и Америку, с которыми Франция в основном и будет, по всей вероятности, сотрудничать против нас»[42]. В других случаях Литвинов рисовал более сложную картину, несводимую к противостоянию СССР и коалиции западных стран с участием Франции. Выступая против изначального членства Франции в Совете Международной организации безопасности, Литвинов рассчитывал сыграть на англо-американских противоречиях по «французскому вопросу». В качестве сторонника недопущения Франции в Совет Международной организации, с точки зрения дипломата, «можно, пожалуй, рассчитывать на Америку, которая меньше заинтересована во Франции, чем Англия»[43].

К концу 1945 г., когда в НКИД имелись осторожные надежды на ситуативную солидарность с Парижем и общую оппозицию англо-американским попыткам сохранить Германию «в качестве более или менее обширного сильного государства»[44], позиция Литвинова трансформировалась. Дипломат склонялся к тому, что «поддержка нами притязаний Франции на западе в такой степени, чтобы это не слишком укрепляло её» (например, в виде присоединения Саара), «может иметь большое значение для советско-французских отношений»[45]. Впрочем, он осознавал, что потенциальный эффект от разыгрывания «французской карты» не стоит преувеличивать. Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, запланированное на декабрь, рассматривалось Литвиновым как возможность для обмена мнениями и определения общего отношения правительств «Большой тройки» к особой французской позиции (на тот момент Париж противился созданию «центральных правительственных механизмов» в Германии)[46]. Именно согласованию позиций с Вашингтоном и Лондоном, а не привилегированному диалогу с Парижем было в декабре 1945 г.

---

[42] Там же. Д. 146. Л. 29.

[43] Стенографический протокол № 6 заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 28 апреля 1944 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 35.

[44] Записка Литвинова «По поводу записок Альфана о Западной Германии», 15 декабря 1945 г. *СССР и германский вопрос. 1941–1949*. 2000. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. Т. 2. Москва: Международные отношения. С. 304.

[45] Записка Литвинова «Дополнительно к разногласиям с Францией в отношении Германии», 29 ноября 1945 г. *АВП РФ*. Ф. 0136. Оп. 29. П. 196. Д. 19. Л. 134.

[46] Там же. Л. 133.

отдано предпочтение Москвы.

Ещё более критическую позицию занял Суриц. Он выступал против включения Франции в число первоначальных членов Совета Международной организации безопасности и исходил из того, что «послевоенная Франция, если в ней, конечно, не произойдёт радикального социального переворота, будет секундировать англо-саксам против нас, а не наоборот»[47]. Оппонентом Сурица выступил Лозовский, который, в отличие от Литвинова и Тарле, относил Францию к числу великих держав и считал, что «вряд ли нам будет с политической точки зрения выгодно занимать позицию недопущения Франции в руководящий состав (Международной организации)»[48].

Дискуссионным для советских дипломатов оставался вопрос и о будущих отношениях с Италией и её роли в послевоенном мире. Как свидетельствовало заседание «комиссии Литвинова» от 4 сентября 1944 г., её члены не были единодушны. Тарле призывал к ослаблению Италии в послевоенный период, основываясь на историческом опыте российско-итальянских отношений. С точки зрения академика, всякий раз, когда Италия «либо полуобъединялась, как при Наполеоне, либо шла к объединению, как во время Крымской войны и в последующие войны, она выступала против нас, т. е. всякий раз была тенденция подчиниться по своим собственным соображениям любому хищнику, который против нас шёл»[49].

Другой член комиссии, дипломат и историк Штейн, напротив, считал, что перед советской дипломатией разворачиваются неплохие перспективы в деле развития послевоенных отношений с Италией. Он полагал неубедительными аргументы, заимствованные Тарле из прошлого: «…никто другой, как именно Е.В. Тарле убедительно показал в своей книге о Крымской войне, что Италия участвовала в ней отнюдь не потому, что её интересы сталкивались с интересами России». Штейн даже не исключал превращения Италии в один из «опорных пунктов» для влияния СССР в Средиземноморье[50].

В размышлениях советских дипломатов о дипломатической игре с Парижем и Римом с целью ослабить их ориентацию на Великобританию проглядывали контуры позитивного отношения НКИД к идее многополярности. Однако если речь шла о потенциальном формировании антисоветского «центра силы», то отношение к такой многополярности было резко отрицательным. Именно такую позицию занял НКИД в отношении активно обсуждавшегося

[47] Стенографический протокол № 6 заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 28 апреля 1944 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 30.
[48] Там же. Л. 24.
[49] Стенографический протокол №9 заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 4 сентября 1944 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 76.
[50] Там же. Л. 78–79.

в 1942–1943 гг. проекта послевоенной чехословацко-польской федерации (или конфедерации). Как подчёркивал Молотов, «идея конфедерации не только безжизненная, но и вредная и опасная для борьбы славянских народов с немецким засильем в Европе»[51].

Факторы влияния на концепции советских дипломатов

В приведённых выше рассуждениях советских дипломатов о различных аспектах послевоенного мироустройства учитывались разнообразные факторы. Выделим три из них.

Первый. Члены комиссий Литвинова и Майского, как и высшее советское руководство, принимали во внимание потенциалы мощи тех или иных государств, в оценке которых Вторая мировая война задала новый масштаб. Полушутя, У.С. Черчилль и И.В. Сталин во время Ялтинской конференции сошлись на том, что «вступительный взнос» в «очень привилегированный клуб» трёх ведущих держав антигитлеровской коалиции составлял численность вооружённых сил в 3–5 млн чел.[52]. В разработках «комиссии Литвинова» по сокращению послевоенной мощи Германии особое внимание обращалось на такие её компоненты, как территория, численность населения, уровень развития и число занятых в промышленности, сырьевая и энергетическая база, уровень развития сельского хозяйства[53]. Высказывая в январе 1944 г. скепсис по поводу возможного возрождения Франции, Майский упоминал такие обстоятельства, как отставание по численности населения от Германии, а также «тот тяжёлый политический и моральный кризис, который французский народ пережил в течение нынешней войны»[54].

Совокупный потенциал мощи, вклад в победу над странами «оси», уровень международно-политического влияния, закреплённый по итогам войны – всё это во многом и определяло ведущее положение стран «Большой тройки», согласно размышлениям советских дипломатов. Колоссальные потери обеспечивали морально-политический фундамент для настойчивости Москвы в отстаивании нового статуса СССР как одной из ведущих держав послевоенного мира. Однако материальное основание для таких требований составила именно военно-политическая мощь советского государства, резко возросшая, несмотря

---

[51] Молотов – Богомолову, 11 марта 1943 г. *ДВП СССР*. 1943. Т. 26. Кн. 1. С. 203.

[52] Запись заседания глав правительств, 7 февраля 1945 г. *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.:* Сб. док. 1984. Гл. ред. комиссия: А.А. Громыко и др. Т. 4. Москва: Политиздат. С. 110.

[53] Записка Варги Литвинову, 27 сентября 1943 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 252–263.

[54] *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 340.

на понесённый ущерб.

Второй. Литвинов и Майский серьёзное место отводили уровню политико-идеологического противостояния между СССР и странами Запада. Такое противостояние в значительной степени увязывалось советскими дипломатами с характером формирования и сутью внутриполитических режимов в странах Европы, хотя Литвинов и Майский не брались предсказывать точный уровень вытекавшей из этого конфликтности.

Третий. Завершающий фактор, на который вслед за советскими дипломатами хотелось бы обратить внимание, можно обозначить как «географический» или даже «геополитический», хотя терминология, связанная с геополитикой, была табуирована в СССР, в т. ч. ввиду её распространения в нацистской Германии. Несмотря на это, Майский не был чужд базовой дихотомии между сухопутными и морскими государствами, о которой в своё время писали Х.Дж. Маккиндер и А. Мэхэн. С точки зрения советского дипломата, «в послевоенной Европе должна оставаться только одна могущественная сухопутная держава – СССР и только одна могущественная морская держава – Англия»[55].

Географическая удалённость США от Европы и опыт американской политики после Первой мировой войны, как рассчитывал Литвинов даже до заверений Ф.Д. Рузвельта об уходе из Старого Света, данных в Ялте, поспособствуют послевоенному снижению конфликтности между Советским Союзом и Соединёнными Штатами[56]. Их «сферы интересов», согласно данной логике, оказались бы разведены в пространстве. В записке от 10 января 1945 г. Литвинов полагал, что «не приходится ждать больших трений между нами и США при окончательном оформлении наших западных границ». Более того, согласно советскому дипломату, «Америка мало заинтересована в европейских границах», желая лишь общей стабилизации Европы для расширения экспорта и инвестиций[57].

Заключение

Концептуальная рамка представлений советских дипломатов, сформулированных в 1943–1945 гг. применительно к послевоенному устройству, была далека от моделей биполярности и Холодной войны. Сотрудники НКИД, и особенно Литвинов и Майский, не игнорировали вариант нарастания противоречий между СССР и западными странами во главе с США и Великобританией, однако предпочитали этой опции сотрудничество ведущих держав анти-

[55] Записка Майского Молотову, 10 января 1944 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 352.

[56] На заседании глав правительств 5 февраля 1945 г. президент США выразил сомнение в том, что Соединённые Штаты смогут «держать в Европе большую армию более чем в течение двух лет после окончания войны». См.: *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* Т. 4. С. 66.

[57] *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 47–48.

гитлеровской коалиции на базе негласного раздела «сфер интересов». Вариант сплочённого англо-американского «фронта», направленного против СССР, не исключался в случае коммунистического «переформатирования» Европы, однако перед советской дипломатией стояли задачи не допустить образования подобного «фронта», а также использовать противоречия между Вашингтоном и Лондоном.

Представления Литвинова и Майского, близкие к модели своеобразной «трёхполярности» СССР, США и Великобритании, при которой Советский Союз сможет маневрировать между двумя англосаксонскими державами, сосуществовали в НКИД с другими точками зрения. Их авторы призывали не забывать о других международных акторах, в т. ч. Франции, как то делал академик Тарле, или об Италии, как подчёркивал Штейн. В условиях неопределённости внутриполитической ситуации в послевоенном Китае и его относительной слабости Литвинов и Майский не были склонны отводить данному государству судьбоносной роли для послевоенного мира. В этом смысле взгляды советских дипломатов во многом оставались европоцентричны.

Новый «баланс сил», основанный на резко возросшей мощи держав «Большой тройки», на их решающем вкладе в победу над странами «оси» и расширенном международно-политическом влиянии по итогам Второй мировой войны, рассматривался как основа для новой международно-политической конструкции. При этом особое внимание Литвинов и Майский отводили географическому фактору. Потенциальный уход США из Европы, преимущественный статус Великобритании как морской державы, а СССР как сухопутной – указанные обстоятельства, как считалось, могли снизить уровень конфликтности между странами-лидерами антигитлеровской коалиции, особенно в Старом Свете. Если исходить из подобной интерпретации, то интересы СССР, США и Великобритании оказались бы в той или иной степени «разведены» по разным географическим зонам. При этом Москва рассчитывала ослабить влияние Лондона в бывшей колониальной периферии, в чём, как не исключал Литвинов, она могла негласно сотрудничать с Вашингтоном.

В целом представляется возможным говорить о том, что размышления советских дипломатов в 1943–1945 гг. о послевоенном мире не столько предвещали реалии биполярного мира и Холодной войны, сколько настраивали на движение в сторону многополярной модели, хотя и серьёзно трансформированной по сравнению с прошлым. Многополярность была фактом, характерным для межвоенного периода, для того времени, когда во многом и утвердились представления ведущих советских дипломатов о международных отношениях и мировой политике (схожая констатация во многом применима и к Сталину) (Wohlforth 1993: 86). Параллели с реалиями 1920–1930-х гг. просматривались в тезисах Литвинова о том, что после Второй мировой войны возродятся «про-

тиворечия между Англией и Францией», и о «стремлении Англии к сохранению равновесия сил в Европе хотя бы путём поддержки Германии»[58], а также в ремарке Лозовского, сделанной в апреле 1944 г. Последний отметил, что Франция «всё-таки имеет влияние среди известной группы европейских стран». По всей видимости, в их число Лозовский включал бывших «тыловых союзников» Парижа – Польшу, Чехословакию, Румынию[59].

Исходя из рекомендаций Литвинова и Майского, можно заключить, что «вырисовывался своего рода "концерт" трёх великих держав, основанный на разграничении и взаимном признании сфер влияния друг друга» (Печатнов 2006: 254). «Концерт», вызывавший ассоциации с итогами Венского конгресса 1814–1815 гг., оставался притягательным примером, и к некоей его «реинкарнации» ряд государственных деятелей стран Запада стремился вернуться как после Первой, так и после Второй мировой войны.

Говоря о влиянии межвоенных образов на сотрудников НКИД, можно отметить и определённые параллели между двумя международно-политическими моделями. Первая из них – своеобразная «трёхполярность» СССР, США и Великобритании, располагающих собственными «сферами интересов», о которой писали Литвинов и Майский. Вторая модель – т. н. панъобъединения, о которых активно дискутировали в 1920–1930-е гг. Такими «панъобъединениями», как прогнозировали в межвоенный период, могли стать всё те же СССР, США и Британская империя, а также потенциальная европейская интеграционная группировка (Панъевропа), которая, действуя консолидировано, могла не затеряться на фоне «неевропейских» гигантов[60]. Аллюзии на «панъобъединения» неоднократно встречались в англо-американских дискуссиях 1944–1945 гг. о распределении «сфер ответственности» в рамках Международной организации безопасности, что фиксировали в НКИД[61].

К внешнеполитическим рецептам, сформировавшимся уже в первые годы советской власти и продолжавшим влиять на размышления советских дипломатов в 1943–1945 гг., можно отнести призывы играть на «межимпериалистических» противоречиях. В этом отношении сотрудники НКИД недооценили степень англо-американской солидарности перед лицом СССР в новых послевоенных условиях. К уже традиционным инструментам советской дипломатии можно отнести также идеи Литвинова и Майского о поддержке антиколониальной и национально-освободительной борьбы. Данная рекомендация, напротив, оказалась весьма востребованной в условиях Холодной войны.

---

[58] Записка Литвинова «Международная организация безопасности», 25 апреля 1944 г. *АВП РФ.* Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 144. Л. 17.

[59] Стенографический протокол № 6 заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 28 апреля 1944 г. *АВП РФ.* Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 40.

[60] Магадеев И.Э. 2021. *В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы.* Москва: Аспект Пресс. С. 808–809.

[61] Записка Литвинова «Международная организация безопасности», 25 апреля 1944 г. *АВП РФ.* Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 144. Л. 22–25.

Подытоживая исследование, можно констатировать, что концептуальная рамка представлений Литвинова, Майского, а также ряда других советских дипломатов в 1943–1945 гг. (модель трансформированной многополярности) не была лишена внутренних противоречий. Хотя их воззрения были обращены в будущее, в немалой степени на них лежала «тень прошлого», в чём-то послужившая ориентиром, но в чём-то и разошедшаяся с новой реальностью.

Об авторе:

Искандэр Эдуардович Магадеев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.
E-mail: iskander2017@yandex.ru.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:
Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00622 «Стратегическая культура великих держав в XX–XXI вв.: сравнительно-историческое исследование (на примере России и США)» в ИНИОН РАН).

UDC: 94(47)"1943/1945":327
Received: October 10, 2023
Accepted : November 20, 2023

Ideas of Multipolarity in the Conceptual Frame of the Soviet Diplomacy during the Final Phases of the Great Patriotic war (1943–1945)

I.E. Magadeev
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-124-152

MGIMO University

Abstract: This article endeavors to delineate the conceptual landscape occupied by the notions of prospective multipolarity within the strategic discourse of Soviet diplomacy during the latter phases of the Great Patriotic War. Particular emphasis is placed on the intellectual contributions of two prominent Soviet diplomats, M.M. Litvinov and I.M. Maisky. The author substantiates these insights by drawing upon both published and archival source materials,

including the diaries and records maintained by officials within the Soviet Foreign Office, as well as documents emanating from the "Litvinov commission."
While the diplomatic theories formulated by Litvinov and Maisky during the years 1943–1945 have been subject to analysis by Russian and international scholars, the majority of extant scholarship has traditionally focused on the content and nuances of their perspectives on specific international "questions." Departing from this convention, this article adopts a methodological approach that seeks to explore the underlying conceptual foundations upon which the ideas of Litvinov and Maisky were constructed. Additionally, the essay introduces a novel dimension by surveying the viewpoints of other Soviet diplomats (S.A. Lozovskii, B.E. Shtein, Ia.Z. Surits, E.V. Tarle), who have garnered relatively less scholarly attention.
Of paramount interest is the manner in which Litvinov and Maisky envisaged the post-World War II international landscape, albeit without explicitly employing the term "multipolarity." The article addresses critical questions, such as their perception of the global scenario following WWII, their consideration of the inevitability of Soviet-American bipolarity, and the factors and circumstances that influenced their conceptualizations. The contemporary resurgence of discussions surrounding the trajectory of multipolarity in the twenty-first century underscores the pertinence of this historical inquiry.
The article's key conclusion posits that the conceptual framework embraced by Soviet diplomats during 1943–1945 was not centered on notions of bipolarity or an imminent Cold War. While acknowledging the potential escalation of tensions between the USSR and Western nations led by the USA and Great Britain, they favored collaboration among the principal powers of the anti-Hitlerite coalition, grounded in an implicit understanding of their respective "spheres of influence." Although Soviet Foreign Office officials did not discount the possibility of the formation of a united Anglo-American front against the USSR, they believed that Soviet diplomacy should actively work to prevent such an outcome by capitalizing on the fissures between Washington and London.

Keywords: USSR, Soviet diplomacy, Great Patriotic War, Second World War, post-war world, Litvinov, Maisky, multipolarity

About the author:

Iskander E. Magadeev – Candidate of Sciences, Associate Professor, Department of European and American Studies, MGIMO University. 119454, Moscow, prospekt Vernadskogo, 76.
E-mail: iskander2017@yandex.ru

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:
This work has been supported by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00622 « Strategic culture of Great Powers in 20–21 centuries: comparative and historical analysis (basing on the examples of Russia and USA) » in INION RAN.

References:

Kissinger H.A. 1969. *American Foreign Policy: Three Essays.* New York: W.W. Norton. 143 p.

Roberts G. 1999. Ideology, Calculation, and Improvisation: Spheres of Influence and Soviet Foreign Policy 1939–1945. *Review of International Studies.* 25(4). P. 655–673.

Roberts G. 2002. Litvinov's Lost Peace, 1941–1946. *Journal of Cold War Studies.* 4(2). P. 23–54.

Roberts G. 2006. *Stalin's Wars: from World War to Cold War, 1939–1953.* New Haven; London: Yale UP. 468 p.

Roberts G. 2011. Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8. *Journal of Contemporary History.* 46(1). P. 58–81.

Schweller R.L. 1998. *Deadly Imbalances: Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest.* New York: Columbia UP. 267 p.

Wohlforth W. 1993. *The Elusive Balance: Power and Perceptions during the Cold War.* Ithaca: Cornell UP. 317 p.

Afiani V.Iu. 2016. Problemy reparatsii na Ialtinskoi konferentsii. Po dokumentam lichnogo fondaI.M. Maiskogo v arkhive RAN [The Reparations Issue on the Crimea (Yalta) Conference: On Documents from the Personal Provenance Fond of Ivan M. Maysky in the Archive of the Russian Academy of Sciences]. *Vestnik arkhivista.* 5(14). P. 45–47. (In Russian)

Aganson O.I. et al. 2020. *Vtoraia mirovaia voina i transformatsiia mezhdunarodnykh otnoshenii: ot mnogopoliarnosti k bipoliarnomu miru* [Second World War and Transformation of International Relations: from Multipolarity to Bipolar World]. Ed. by L.S. Belousov, A.S. Manykin. Moscow: MGU. 885 p. (In Russian)

Ageev A.I. et al. 2014. *Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945 godov* [Great Patriotic War of 1941–1945]. T. 8. Ed. by V.G. Titov et al. Moscow: Kuchkovo pole. 864 p. (In Russian)

Anichkina V.S. et al. 1979. *Sovremennye vneshnepoliticheskie kontseptsii SShA* [Contemporary Foreign Policy Conceptions of the USA]. Moscow: Nauka. 381 p. (In Russian)

Arzakanian M.T. 2010. SSSR i griadushchaia pobeda soiuznikov v voine: vzgliad iz Velikobritanii [The USSR and the Allies' Forthcoming Victory in the War: A View from Great Britain). *MGIMO Review of International Relations.* 5(14). P. 45–47. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-5-14-45-47 (In Russian)

Balandina O.A., Davydov A.Iu. 2020. *Vlast', informatsiia i obshchestvo: ikh vzaimosviazi v deiatel'nosti Sovetskogo informbiuro v usloviiakh Velikoi Otechestvennoi voiny* [Power, Information and Society in the Framework of the Soviet Information Bureau's Activities during the Great Patriotic war]. Saint Petersburg: Evraziia. 320 p. (In Russian)

Baryshnikov V.N., Plenkov O.Iu. 2015. Diplomat B.E. Shtein i sovetsko-finliandskie otnosheniia serediny 1930-kh gg. [Diplomat B.E. Shtein and the Soviet-Finnish Relations in the mid-1930s]. *Trudy Kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni* [Transactions of the Department of Modern and Contemporary History]. Vol. 15. Saint Petersburg: SPbGU Publ. P. 79–103. (In Russian)

CarleyM.J. *Tainaiavoina: Zapad protiv Rossii, 1917–1930* [Secret War: West against Russia, 1917–1930]. Mosow: Istoricheskaia literatura. 768 p. (In Russian)

Filitov A.M. 2023. *Germaniia v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii (1941–1990)* [Germany in the Soviet Foreign Policy Planning (1941–1990)]. Moscow: Iurait. 316 p. (In Russian)

FilitovA.M. 1995. V komissiiakh Narkomindela… (In the Commissions of the Soviet Foreign Office…) *Vtoraia mirovaia voina. Aktual'nye problemy* [Second World War. Topical Problems]. Ed. by. O.A. Rzheshevskii. Moscow: Nauka. P. 54–71. (In Russian)

Gorozii V.S. 2018. Komissiia M.M. Litvinova po podgotovke mirnykh dogovorov i poslevoennogo ustroistva: plany v otnoshenii Zapadnoi Evropy [M.M. Litvinov's Commission on Preparation of the Peace Treaties and Post-War Settlement: Plans in Regard of Western Europe]. *Klio*. 6(138). P. 123–128. (In Russian)

Iakovlev A.G. 1990. Vneshniaia politika KNR: problemy issledovaniia v svete novogo myshleniia [Foreign Policy of the PRC: Problems of Studying in the Light of New Thinking]. *Problemy Dal'nego Vostoka.* №2. P. 99–107. (In Russian)

Iakovlev N.N. et al. 1976. *SShA: politicheskaia mysl' i istoriia* [USA: Political Thought and History]. Ed. by N.N. Iakovlev. Moscow: Nauka. 617 p. (In Russian)

Islamov T.M., Pokivailova T.A. 2008. *Vostochnaia Evropa v silovom pole velikikh derzhav. Transil'vanskii vopros. 1940–1946 gody* [Eastern Europe in the Force Field of Great Powers. Transylvanian Question. 1940–1946]. Moscow: Indrik. 240 p. (In Russian)

Kaganovich B.S. 2000. E.V. Tarle v Komissii po voprosam mirnykh dogo-vorov i poslevoennogo ustroistva (1943–1945 gg.) [E.V. Tarle in the Commission of Peace Treaties and Post-War Settlement (1943–1945)]. *Problemy vsemirnoi istorii: sb. st. v chest' akademika A.A. Fursenko* [Essays on World History: Dedicated to Academician A.A. Fursenko]. Ed. by B.V. Anan'ich. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. P. 351–360. (In Russian)

Kaganovich B.S. 2014. *Evgenii Viktorovich Tarle. Istorikivremia* [Evgenii Viktorovich Tarle. Historian and Time]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. 357 p. (In Russian)

Khakhalkina E.V., Zhigalov B.S. 2019. «Zvezdnyi chas» posla I.M. Maiskogo (iiun' 1941 – iiul' 1943 gg.) [The "Finest Hour" of the Ambassador I.M. Maisky (June 1941 – July 1943)]. *Voprosy istorii.* №12. P. 27–43. DOI: 10.3116/VoprosyIstorii201912Statyi24 (In Russian)

Khlebnikov P.P. 1984. *Neob"iavlennye voiny SShA* [Undeclared US Wars]. Moscow: Mysl'. 271 p. (In Russian)

Kholodkovskii K.G. 1991. Mezhdu istinoi i skhemoi [Between Truthand Scheme]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia.* №7. P. 19–22. (In Russian)

Khromushin G.B. 1974. *Sovremennyi mir i ideologicheskaia bor'ba* [Contemporary World and Ideological Battles]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 197 p. (In Russian)

Kokoshin A.A. 1978. *O burzhuaznykh prognozakh razvitiia mezhdunarodnykh otnoshenii* [About Bourgeois Forecasts on Development of International Relations]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 230 p. (In Russian)

Kunina A.E. 1988. *SShA: metodologicheskie problemy istoriografii (praktika issledovanii)* [USA: Methodological Problems of Historiography (Practice of Research)]. Moscow: Nauka. 212 p. (In Russian)

Magadeev I.E. 2020. «Uroki voiny» i strategicheskoe planirovanie derzhav «Bol'shoi troiki» (1945–1949). [Lessons of World War II and Strategic Planning of the Big Three]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika.* 12(3). P. 45–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-3-45-84 (In Russian)

Magadeev I.E. 2023. Prakticheskaia istoriografiia: E.V. Tarle i diskussii po «frantsuzskomu voprosu» v NKID SSSR (1943–1944) [Practical Historiography: E.V. Tarle and Discussions on the "French Question" in the Soviet Foreign Office (1943–1944)]. *Noveishaia istoriia Rossii.* 13(2). P. 363–375. DOI: 10.21638/spbu24.2023.207 (In Russian)

Narinskii M.M. 2010. Sovetskoe rukovodstvo i problema granits i sfery vliianiia SSSR v 1941–1946 gg. (Soviet State, Frontiers and Spheres of Influence in 1941–1946) *65 let Velikoi Pobedy* [Great Victory: 65 Years Ago]. Ed. by A.V. Torkunov, S.E. Naryshkin. T. 3. Moscow: MGIMO-University. P. 52–61. (In Russian)

Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR I SShA v 1940-kh gg.: Dokumental'nye ocherki* [Stalin, Roosevelt and Truman: USSR and USA in the 1940s. A Documental Study]. Moscow: TERRA–Knizhnyi klub. 752 p. (In Russian)

Pechatnov V.O. 2009. Uroki Vtoroi mirovoi voiny v voenno-politicheskom planirovanii SShA i SSSR na poslevoennyi period [Lessons of the Second World War in the American and Soviet Military and Political Planning for the Post-War Period]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika.* №1. P. 116–133. (In Russian)

Pechatnov V.O. 2010. Posol SSSR v Velikobritanii I.M. Maisky: Po stranitsam ego dnevnikovykh zapisei [USSR Ambassador to Great Britain I.M. Maisky: Basing on His Diaries]. *Novaia i noveishaia istoriia.* №3. P. 187–199. (In Russian)

Pechatnov V.O. 2013. Stalingradskaia bitva i problema vtorogo fronta [The Battle of Stalingrad and the Second Front Problem]. *MGIMO Review of International Relations.* 2(29). P. 86–94. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-2-29-86-94 (In Russian)

Petrovskii V.F. 1976. *Amerikanskaia vneshnepoliticheskaia mysl'* [American Foreign Policy Thinking]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 333 p. (In Russian)

Pikhoia R.G. 2014. «Arkhivnaia revoliutsiia»: dvadtsat' let spustia ["Archival Revolution": Twenty Years Later]. Pt. 3. *Arkheograficheskii ezhegodnik.* Ed. by S.O. Shmidt. Moscow: Nauka. P. 4–22. (In Russian)

Pleshakov K. 1991. Nashi natsional'nye interesy v perekhodnyi period [Our National Interests during the Period of Transition]. *Mezhdunarodnaia zhizn'.* №10. P. 15–25. (In Russian)

Pozdeeva L.V. 2008. I.M. Maisky i A. Iden [I.M. Maisky and A. Eden]. *Novaia i noveishaia istoriia.* №1. P. 171–184. (In Russian)

Pozharskaia S.P. 2004. I.M. Maisky. *Portrety istorikov. Vremia i sud'by* [Portraits of Historians. Time and Destinies]. Ed. by G.N. Sevost'ianov. T. 4. Moscow: Nauka. P. 282–302. (In Russian)

Primakov E.M. et al. 1983. *Vostok: rubezh 80-kh godov. Osvobodivshiesia strany v sovremennom mire* [Orient: on the Edge of the 1980s. Liberated Countries in the Contemporary World]. Moscow: Nauka. 269 p. (In Russian)

Sal'kov A.P. 2009. SSSR i Triestinskii krizis (mai – iiun' 1945 g.) [USSR and Triest Crisis (May – June 1945)]. *Pratsy gictarychnaga fakul'teta BDU: navuk. zb.* Vol. 4. Ed. by U.K. Korshuk. Minsk: BGU. P. 128–141. (In Russian)

Sergunin A.A. 1989. *SShA: prezidentskii lobbizm i vneshniaia politika* [USA: Presidential Lobbying and Foreign Policy]. Moscow: Znanie. 63 p. (In Russian)

Sindeev A.A. 2020. Diplomaticheskii front Velikoi Otechestvennoi voiny: kontury poslevoennoi Evropy v 1944 g. [The Diplomatic Front of the Great Patriotic War: the Contours of Post-war Europe in 1944] *Sovremennaia Evropa.* №3. P. 158–169. DOI: 10.15211/soveurope32020158169 (In Russian)

Sizonenko A.I. 1991. Polpred SSSR Ia.Z. Surits [Plenipotentiary Envoy Ia.Z. Surits]. *Novaia i noveishaia istoriia.* №3. P. 100–117. (In Russian)

Sokolov V.V. 2001. I.M. Maisky mezhdu I.V. Stalinym i U. Cherchillem v pervye mesiatsy voiny [I.M. Maisky between I.V. Stalin and W. Churchill during the First Months of the War]. *Novaia i noveishaia istoriia.* №6. P. 18–31. (In Russian)

Sokolov V.V. 2002. M.M. Litvinov. *Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii* [Essays on History of the Russian Ministry for Foreign Affairs]. 1802–2002. T. 3. Ed. by I.S. Ivanov et al. Moscow: OLMA-Press. P. 340–353. (In Russian)

Trofimenko G.A. 1976. Skvoz' prizmu «balansa sil» (kritika sovetologicheskikh kontseptsii sovetsko-amerikanskikh otnoshenii) (Through the "Balance of Power" Lens (Criticising the Sovietology's Concepts about the Soviet-American Relations]. *Problemy istorii mezhdunarodnykh otnoshenii i ideologicheskaia bor'ba* [Problems of international relations' history and ideological struggle]. Ed. by. A.O. Chubar'ian. Moscow: Nauka. P. 35–74. (In Russian)

Vatlin A.Iu., Lannik L.V. 2023. Vvedenie [Introduction]. *Berlinskaia missiia polpreda Ioffe 1918 g. Dokumenty* [Berlin Misision of Plenipotentiary Ioffe in 1918. Documents]. Ed. by A.Iu. Vatlin, L.V. Lannik and T. Penter. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia. P. 3–95. (InRussian)

Zhigalov B.S. 2014. I.M. Maisky i problema germanskikh reparatsii (1943–1945 gg.) [I.M. Maisky and the Problem of German Reparations (1943–1945)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. History.* 1(27). P. 56–63. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Агансон О.И. и др. 2020. *Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру.* 2020. Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. Москва: МГУ. 885 с.

Агеев А.И. и др. 2014. *Великая Отечественная война 1941–1945 годов.* 2014. Т. 8. Ред. комиссия: В.Г. Титов и др. Москва: Кучково поле. 864 с.

Аничкина В.С. и др. 1979. *Современные внешнеполитические концепции США.* Москва: Наука. 381 с.

Арзаканян М.Ц. 2010. СССР и грядущая победа союзников в войне: взгляд из Великобритании. *Вестник МГИМО-Университета.* 5(14). С. 45–47. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-5-14-45-47

Афиани В.Ю. 2016. Проблемы репараций на Ялтинской конференции. По документам личного фонда И.М. Майского в архиве РАН. *Вестник архивиста.* 1(133). С. 111–121.

Баландина О.А.Давыдов А.Ю. 2020. *Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны.* Санкт-Петербург: Евразия. 320 с.

Барышников В.Н., Пленков О.Ю. 2015. Дипломат Б.Е. Штейн и советско-финляндские отношения середины 1930-х гг. *Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени.* Вып. 15. Санкт-Петербург: СПбГУ. С. 79–103.

Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. 2023. Введение. *Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы.* Под ред. А.Ю. Ватлина, Л.В. Ланника, Т. Пентера. Москва: Политическая энциклопедия. С. 3–95.

Горозий В.С. 2018. Комиссия М.М. Литвинова по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства: планы в отношении Западной Европы. *Клио*. 6(138). С. 123–128.

Жигалов Б.С. 2014. И.М. Майский и проблема германских репараций (1943–1945 гг.). *Вестник Томского государственного университета. История.* 1(27). С. 56–63.

Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. 2008. *Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы.* Москва: Индрик. 240 с.

Каганович Б.С. 2000. Е.В. Тарле в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (1943–1945 гг.). *Проблемы всемирной истории: сб. ст. в честь академика А.А. Фурсенко*. Отв. ред. Б.В. Ананьич. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. С. 351–360.

Каганович Б.С. 2014. *Евгений Викторович Тарле. Историк и время.* Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета. 357 с.

Карлей М.Дж. 2019. *Тайная война: Запад против России, 1917–1930.* Москва: Историческая литература. 768 с.

Кокошин А.А. 1978. *О буржуазных прогнозах развития международных отношений.* Москва: Международные отношения. 230 с.

Кунина А.Е. 1988. *США: методологические проблемы историографии (практика исследований).* Москва: Наука. 212 с.

Магадеев И.Э. 2020. «Уроки войны» и стратегическое планирование держав «большой тройки» (1945–1949). *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика.* 12(3). С. 45–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-3-45-84

Магадеев И.Э. 2023. Практическая историография: Е.В. Тарле и дискуссии по «французскому вопросу» в НКИД СССР (1943–1944). *Новейшая история России.* 13(2). С. 363–375. DOI: 10.21638/spbu24.2023.207

Наринский М.М. 2010. Советское руководство и проблема границ и сферы влияния СССР в 1941–1946 гг. *65 лет Великой Победы.* Под ред. А.В. Торкунова, С.Е. Нарышкина. Т. 3. Москва: МГИМО-Университет. С. 52–61.

Петровский В.Ф. 1976. *Американская внешнеполитическая мысль.* Москва: Международные отношения. 333 с.

Печатнов В.О. 2006. *Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки.* Москва: ТЕРРА–Книжный клуб. 752 с.

Печатнов В.О. 2009. Уроки Второй мировой войны в военно-политическом планировании США и СССР на послевоенный период. *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика.* №1. С. 116–133.

Печатнов В.О. 2010. Посол СССР в Великобритании И.М. Майский: По страницам его дневниковых записей. *Новая и новейшая история.* №3. С. 187–199.

Печатнов В.О. 2013. Сталинградская битва и проблема второго фронта. *Вестник МГИМО-Университета.* 2(29). С. 86–94. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-2-29-86-94

Пихоя Р.Г. 2014. «Архивная революция»: двадцать лет спустя. Ч. 3. *Археографический ежегодник.* 2011 г. Отв. ред. С.О. Шмидт. Москва: Наука. С. 4–22.

Плешаков К. 1991. Наши национальные интересы в переходный период. *Международная жизнь.* №10. С. 15–25.

Пожарская С.П. 2004. И.М. Майский. *Портреты историков. Время и судьбы.* Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Т. 4. Москва: Наука. С. 282–302.

Поздеева Л.В. 2008. И.М. Майский и А. Иден. *Новая и новейшая история.* №1. С. 171–184.

Примаков Е.М. и др. 1983. *Восток: рубеж 80-х годов. Освободившиеся страны в современном мире.* Москва: Наука. 269 с.

Сальков А.П. 2009. СССР и Триестинский кризис (май – июнь 1945 г.). *Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб.* Вып. 4. Адк. рэд. У. К. Коршук. Мінск: БГУ. С. 128–141.

Сергунин А.А. 1989. *США: президентский лоббизм и внешняя политика.* Москва: Знание. 63 с.

Сизоненко А.И. 1991. Полпред СССР Я.З. Суриц. *Новая и новейшая история.* №3. С. 100–117.

Синдеев А.А. 2020. Дипломатический фронт Великой Отечественной войны: контуры послевоенной Европы в 1944 г. *Современная Европа.* №3. С. 158–169. DOI: 10.15211/soveurope32020158169

Соколов В.В. 2001. И.М. Майский между И.В. Сталиным и У. Черчиллем в первые месяцы войны. *Новая и новейшая история.* №6. С. 18–31.

Соколов В.В. 2002. М.М. Литвинов. *Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002.* Т. 3. Ред. коллегия: И.С. Иванов и др. Москва: ОЛМА-Пресс. С. 340–353.

Трофименко Г.А. 1976. Сквозь призму «баланса сил» (критика советологических концепций советско-американских отношений). *Проблемы истории международных отношений и идеологическая борьба.* Отв. ред. А.О. Чубарьян. Москва: Наука. С. 35–74.

Филитов А.М. 1995. В комиссиях Наркоминдела… *Вторая мировая война. Актуальные проблемы.* Отв. ред. О.А. Ржешевский. Москва: Наука. С. 54–71.

Филитов А.М. 2023. *Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941–1990).* Москва: Юрайт. 316 с.

Хахалкина Е.В., Жигалов Б.С. 2019. «Звездный час» посла И.М. Майского (июнь 1941 – июль 1943 гг.). *Вопросы истории.* №12. С. 27–43. DOI: 10.3116/VoprosyIstorii201912Statyi24

Хлебников П.П. 1984. *Необъявленные войны США*. Москва: Мысль. 271 с.

Холодковский К.Г. 1991. Между истиной и схемой. *Мировая экономика и международные отношения.* №7. С. 19–22.

Хромушин Г.Б. 1974. *Современный мир и идеологическая борьба.* Москва: Международные отношения. 197 с.

Яковлев А.Г. 1990. Внешняя политика КНР: проблемы исследования в свете нового мышления. *Проблемы Дальнего Востока.* №2. С. 99–107.

Яковлев Н.Н. и др. 1976. *США: политическая мысль и история.* Отв. ред. Н.Н. Яковлев. Москва: Наука, 617 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(6). С. 153–182
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Русский и Тюркский миры на пространстве Евразии

Н.Э. Демешко[1], Г.Л. Мурадов[2], А.А. Ирхин[1], О.А. Москаленко[1]

[1] Севастопольский государственный университет
[2] Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена исследованию роли этноконфессионального фактора в российско-турецких отношениях. Авторы рассматривают концепции Русского и Тюркского миров в качестве геополитических проектов России и Турции на евразийском пространстве в рамках методологии критической и классической геополитики. Предметом исследования выступает цивилизационный вопрос как один из инструментов конкуренции и сотрудничества России и Турции на евразийском пространстве. Методология исследования представлена цивилизационным подходом и критической геополитикой. Авторы выделяют следующие турецкие и российские механизмы реализации этноконфессиональной политики в процессе конкуренции за геополитическое пространство: конструирование положительного образа «братского народа»; популяризация совместной истории, культуры, религии, языка, национальных героев; формирование пророссийской и протурецкой национальных элит; использование этнонационального фактора во время внутриполитических кризисов. Это прослеживалось как в имперский период, так и на современном этапе развития государств. В продвижении концепта Тюркского мира значимую роль играет личностный фактор ныне действующего президента Турецкой Республики Р.Т. Эрдогана, который активно позиционируется как ключевая фигура консолидации Тюркского мира.

Ключевые слова: Русский мир, Тюркский мир, Россия, Турция, этноконфессиональный фактор, конкуренция

Россия и Турция, в прошлом две великие евразийские империи, сегодня два государства-цивилизации (Наумкин 2020), на протяжении исторических эпох находятся в динамичной и сложной системе межгосударственных отношений, характеризующейся периодами как сотрудничества, так и конфронтации. Эта система имеет сложную структуру и выходит за рамки

УДК: 32:327(470+571)(560)
Поступила в редакцию: 11.11.2023
Принята к публикации: 12.10.2023

сугубо двусторонних отношений. Российско-турецкая конкуренция – одна из качественных сторон взаимодействия двух держав, которая осуществляется как на эмоционально-идеологическом уровне, так и на уровне реальной политики. Одним из инструментов этой конкуренции выступает этноконфессиональный фактор, что обусловлено тем, что для Москвы и Анкары, как и для других имперских образований, характерен многонациональный и поликонфессиональный состав населения. Однако отношение к национальным и религиозным меньшинствам со стороны государственных властей обеих стран радикально отличается. Российская империя при расширении своего пространства с уважением относилась к мусульманским народам. Их знать получала дворянские титулы, языкам обучали в школах. В то же время подданными Османской империи являлись христиане и национальные меньшинства. Их религиозные и языковые права в значительной мере ущемлялись. Этот контраст ещё больше усилился в XX в.: СССР провозгласил равноправие народов (языков, культур, религиозных традиций), а кемалистская Турция стала проводить ассимиляционную политику.

В Российской и Османской империях была сформирована традиция – покровительствовать своим единоверцам и соплеменникам, что в дальнейшем использовалось как идеологическое обоснование вмешательства во внутриполитические процессы друг друга (Егоров 2004: 134). Россия выступала покровителем православных народов и вела борьбу «за умы и сердца», а также за права православных Османской империи. В свою очередь, Блистательная Порта, по оценке ряда исследователей, играла схожую роль для мусульман, в том числе подданных русского царя (Миллер 2006: 33–34). Об этом свидетельствует и Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., согласно которому Российская империя фактически приобрела статус единоличной покровительницы христиан Блистательной Порты, который был утрачен ею после Крымской войны[1].

Эта внешнеполитическая парадигма России и Турции сохраняет свою актуальность и в современных геополитических реалиях, поскольку «пространственное чувство» народов, обладающих своей цивилизационной идентичностью обычно значительно шире территории его проживания в конкретный исторический момент и может оказывать воздействие на «пространственный разум» государства, побуждая его разрабатывать и реализовывать соответствующие политические практики (Комлева 2021: 86).

Данными практиками на современном этапе развития Российской Федерации и Турецкой Республики являются концепты лидерства в Русском и Тюркском мирах (Ирхин, Москаленко, Кабанова, Демешко 2023: 224). Россия, вос-

[1] Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/kuchuk.htm (дата обращения: 19.07.2023).

становив свою субъектность после распада Советского Союза, с 2000-х гг. стремится популяризировать на международной арене концепт Русского мира, который подразумевает цивилизационную общность людей и народов, объединяющихся вокруг своего культурно-исторического и политического центра – России (Кочеров 2014: 163). В свою очередь, Турецкая Республика, отказавшись от изоляционизма, характерного для начального периода своего существования, позиционирует себя в качестве лидера Тюркского мира и защитника всех мусульман, в том числе и постсоветского пространства. При этом Турция объявляет всех тюрок «одним народом» вопреки религиозным и языковым различиям, а также разной государственной принадлежности.

В исследовании авторы ставят цель определить роль этноконфессионального фактора в российско-турецких отношениях. Для достижения поставленной цели в статье решаются задачи: проанализировать концепции Русского мира и Тюркского мира в качестве инструментов внешней политики России и Турции на евразийском пространстве; выявить и исследовать турецкие и российские механизмы использования этноконфессионального фактора в процессе взаимной конкуренции; осуществить сравнительный анализ концепций Русского и Тюркского миров по следующим критериям: мироустроительная идея, концептуальный, институциональный и практический уровень реализации, география распространения; определить вариативность развития двусторонних отношений.

Методология представлена критической геополитикой, которая подразумевает учёт не только пространственных особенностей социальных организмов и их влияние на внешнюю политику, но и существенного влияния мира идей, мифов, политических стереотипов, сложившихся в прежние политические эпохи (Окунев 2014).

Пробуждение Русского мира

Разделение Советского Союза на отдельные государства лишило российское общество консолидирующей идеи строительства социализма и коммунизма. Эта идея замещала свойственную российской государственности соборность сугубо материалистической, экономической и социальной повесткой развития, формировавшей логику интернационального братства, широкого социального проекта и сотрудничества. Ряд ранее считавшихся братскими народов в силу этнического национализма, активно стимулируемого из-за рубежа, превратились в орудие хаотизации постсоветского пространства. Россия противостоит этим процессам и как государство-цивилизация возродила идею, направленную на консолидацию не только входящих в неё народов, но и всего российского цивилизационного пространства (Матвеев 2017: 76-77). Русский мир фактически «пробудился на изломе столкновения конкурирующих цивилизационных проектов. После слома советского проекта обнажился каркас тысячелетней Рус-

ской цивилизации, более того, в результате этого слома он оказался повреждён во многих местах, а сами русские как носители цивилизации рассечены новыми политическими границами. Именно в этот момент в конце XX в. понятие Русского мира как естественного фундамента «исторической России» стремительно стало актуализироваться» (Аверьянов, Баранов, Гапоненко и др. 2016: 18).

Начиная с 1990-х гг., необходимость поиска и конструирования новой идентичности Русского мира, простирающегося далеко за пределы Российской Федерации, отмечалась различными исследователями[2]. В современный научный оборот концепт «Русский мир» был введён П. Щедровицким в 1990-х гг. (Алейникова 2017: 6)[3]. Он обозначал Русский мир как «сетевую структуру больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке»[4]. Политтехнолог отмечал, что Русский мир представляет собой надэтническое/наднациональное понятие и выступает своеобразным русским капиталом, то есть совокупностью «культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, выражаемых в языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах русского языка»[5]. При этом «энергия воли различных этнокультурных групп, думающих и говорящих на русском языке», по мнению Щедровицкого, позволит «актуализировать эти потенциалы и превратить их в ряд образов будущего…»[6].

Стоит подчеркнуть, что данный концепт использовался и в дореволюционной России. В XIX – начале XX в. существовало несколько печатных изданий, называвшихся «Русский мир» (Назарова, Фокина 2015: 338). Более того, если рассматривать Русский мир как несколько модернизированный вариант «русской идеи», то его основные положения, такие как сакральность происхождения российской государственности, соборность, мессианство, «особый путь» развития государства, противопоставление России Европе, находили отражение в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, концепции Филофея «Москва – Третий Рим», идеях славянофилов и евразийцев, которые подчёркивали уникальность России в сравнении с другими цивилизациями и обосновывали её историческую роль не только в собирании славянского мира, но и в объединении «мира Евразии» («Россия-Евразия», «Евразийский мир») (Алейникова 2019: 7-8).

Необходимо отметить, что концепция Русского мира получала наибольшую значимость непосредственно в период международных и внутриполитических вызовов (Гриценко, Опошнянский 2017: 205–206). Данная особенность просле-

[2] М. Гефтером, С. Градировским и Б. Межуевым, А. Дугиным, Г. Павловским, В. Цымбурским и др.

[3] П. Щедровицкий отмечал, что в разработке концепта ему помогали С. Чернышёв и Г. Павловский.

[4] Щедровицкий П.Г. Русский мир и транснациональное русское. *Shchedrovitskiy.com*. URL: https://shchedrovitskiy.com/russkiy-mir/ (дата обращения: 19.07.2023).

[5] Там же.

[6] Там же.

живается и на современном этапе развития России. Об этом свидетельствуют контент-анализ Концепций внешней политики Российской Федерации, мониторинг публикаций официального сайта президента Российской Федерации, «Российской газеты». Контент-анализ продемонстрировал, что понятие «Русский мир» упоминается в двух Концепциях внешней политики Российской Федерации – 2008 г. и 2023 г. (табл. 1). Первый документ стратегического планирования был издан в период обострения отношений России с Западом в связи с подготовкой экспансии НАТО на пространство исторической России (Грузия, Украина), которое в итоге привело к пятидневной российско-грузинской войне. Второй, в свою очередь, был принят после отказа США и НАТО обсуждать принципы обеспечения равной и неделимой безопасности сторон (декабрь 2021 г.), что привело к продолжению усилий по втягиванию Украины в НАТО, накачиванию её вооружениями, продолжению войны на Донбассе и в итоге – к началу Специальной военной операции России на Украине. При этом в использовании термина «Русский мир» в указанных документах прослеживаются определённые различия. Так, в Концепции внешней политики 2008 г. Русский мир упоминается в качестве русской диаспоры, которая выступает партнёром России, «в том числе в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры»[7]. В Концепции 2023 г. уже отмечается особое положение России на мировой арене «как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»[8].

Таблица 1. Контент-анализ Концепций внешней политики Российской Федерации
***Table 1. Content analysis of the Foreign Policy Concepts of the Russian Federatio*n**
Источник: составлено авторами на основе контент-анализа Концепций внешней политики Российской Федерации

Название документа	Количество упоминаний концепта Русский мир
Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 г.	0
Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г.	0
Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г.	1
Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г.	0
Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г.	0
Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г.	2

[7] Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008. *Официальный сайт Президента Российской Федерации*. 15.07.2008. URL: http://kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 16.07.2023).
[8] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). 2023. *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. 31.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 16.07.2023).

В данном контексте достаточно показательны и результаты мониторинга официального сайта президента Российской Федерации (рис.1).

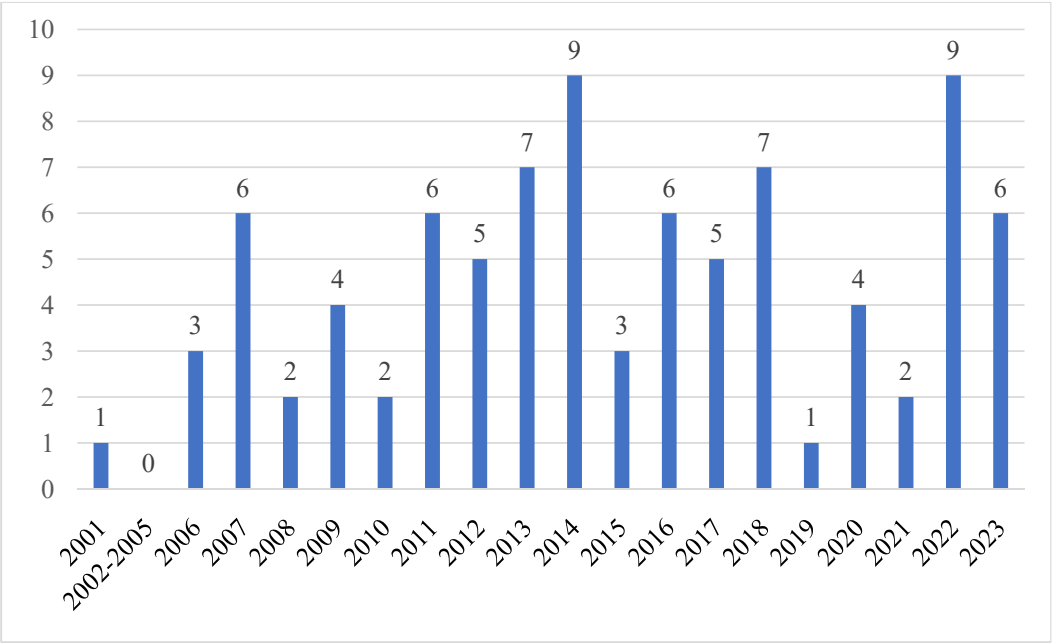

Рисунок 1. Динамика упоминания концепта Русского мира на официальном сайте президента РФ

Figure 1. Dynamics of mentioning the concept of the Russian World on the official website of the President of the Russian Federation

Источник: составлено авторами на основе мониторинга официального сайта президента Российской Федерации

Первое упоминание Русского мира датируется октябрём 2001 г. Именно тогда В.В. Путин в своём выступлении на открытии I Конгресса зарубежных соотечественников отметил, что понятие «Русский мир» «испокон века выходило далеко за географические границы России и даже далеко за границы русского этноса»[9]. Количественные показатели демонстрируют, что в политическом дискурсе РФ категория Русского мира прочно утвердилась со второй половины 2000-х гг. Начиная с 2006 г. данный концепт систематически использовался политической элитой государства. При этом пики активности обращения к данному понятию приходятся на 2014 и 2022 гг., что связано с украинским кризисом и началом Специальной военной операции РФ на Украине. Особенности использования

[9] Выступление на открытии Конгресса соотечественников. 2001. *Официальный сайт Президента Российской Федерации*. 11.10.2001. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21359 (дата обращения: 16.07.2023).

данного термина также несколько меняются. Если до 2014 г. он в большей степени употреблялся в контексте деятельности Русской православной церкви[10], необходимости развития и поддержки русского языка, литературы и культуры[11, 12], рассмотрения работы фонда с одноименным наименованием[13], то после 2014 г. понятие упоминается в контексте теории евразийства[14], необходимости восстановления единства Русского мира и исторической России[15], укрепления[16] и защиты Русского мира[17], роли третьих стран в попытках дезинтеграции Русского мира[18], Крыма как одного из ключевых центров Русского мира[19], воссоединения Республики Крым и Севастополя с Россией[20], украинского народа как части «большого русского мира»[21], борьбы России за Русский мир на Украине[22]. Схожие темы рассматриваются и в российском информационном пространстве (на примере «Российской газеты» – официального печатного органа Правительства Российской Федерации), которые можно классифицировать на следующие тематические блоки.

Угроза Русскому миру со стороны стран Запада. «Ситуация вокруг специальной военной операции России на Украине показывает, что неолиберализм коллективного Запада на наших глазах трансформируется в идеологию неолиберального фашизма, направленную в первую очередь на искоренение Русского

---

[10] Дмитрий Медведев встретился с участниками Архиерейского собора. 2011. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 03.02.2011. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/10220 (дата обращения: 16.07.2023).

[11] Участникам и гостям VI Ассамблеи Русского мира. 2012. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 03.11.2012. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/letters/16749 (дата обращения: 16.07.2023).

[12] Торжественный приём по случаю Дня народного единства. 2013. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 04.11.2013. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/19562 (дата обращения: 16.07.2023).

[13] Заявления для прессы по итогам российско-таджикистанских переговоров. 2013. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 01.08.2013. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/18985 (дата обращения: 16.07.2023); Стенографический отчёт заседания Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 2007. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 13.09.2007. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24536 (дата обращения: 16.07.2023).

[14] Всероссийский молодёжный форум «Селигер-2014». 2014. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 29.08.2014. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/46507 (дата обращения: 16.07.2023).

[15] Обращение Президента Российской Федерации. 2014. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 18.03.2014. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/20603 (дата обращения: 16.07.2023).

[16] Церемония вручения государственных наград. 2022. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 02.02.2022. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67696 (дата обращения: 16.07.2023).

[17] Обращение к гражданам России. 2023. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 24.06.2023. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/71496 (дата обращения: 16.07.2023).

[18] Заседание коллегии Министерства обороны. 2022. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 21.12.2022. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70159 (дата обращения: 16.07.2023).

[19] Данный аспект отмечал и С. Аксенов. См.: Аксенов С. Сергей Аксенов: Развитие Крыма сплотит гражданское общество России. 2014. *Российская газета.* 26.08.2014. URL: https://rg.ru/2014/08/26/krym.html (дата обращения: 16.07.2023).

[20] Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 2017. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 02.06.2017. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/54667 (дата обращения: 16.07.2023).

[21] Интервью информационному агентству ТАСС. 2014. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 24.11.2014. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/47054 (дата обращения: 16.07.2023).

[22] Посещение Улан-Удэнского авиационного завода. 2023. *Официальный сайт Президента Российской Федерации.* 14.03.2023. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70674 (дата обращения: 16.07.2023).

мира»[23]; «многие страны мира откровенно хотят уничтожить русский мир: искоренить русский язык, культуру, традиции»[24]; «… Западу нужен вовсе не мир на континенте, а слабая Россия, слабый Русский мир и марионеточное управление Украиной… »[25].

2. *Русский мир – форпост защиты христианской цивилизации и мира от абсолютного зла:* «Ныне русский мир вновь становится форпостом защиты христианской цивилизации»[26]; «… мы снова вместе встаём на борьбу со всемирным злом, посягающим на наш суверенитет и наш русский мир»[27]; «это давняя борьба тьмы со светом»[28].

3. *Реинтеграция Республики Крым, Севастополя, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей в российское пространство – один из ключевых показателей объединения Русского мира:* «… глава Крыма Сергей Аксенов отметил, что сейчас, когда российский солдат «освобождает наших братьев от террора и угнетения», вслед за полуостровом в естественные границы Русского мира одна за другой возвращаются исторические русские земли»[29]; «Россия выполняет задачу по объединению русского мира, признавая Луганскую и Донецкую народные республики»[30]; «Донбасс сегодня – это форпост русского мира, форпост России...»[31].

Распространение идеи Русского мира на евразийском пространстве осуществляется и на практическом уровне. Анализ проектов Россотрудничества, фонда «Русский мир», Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, Ассамблеи народов Евразии позволило выделить ключевые направления деятельности по консолидации Русского мира:

---

[23] Егоров И. 2022. Патрушев: Задача западного неолиберального фашизма – искоренить Русский мир. *Российская газета*. 17.05.2022. URL: https://rg.ru/2022/05/17/patrushev-zadacha-zapadnogo-neoliberalnogo-fashizma-iskorenit-russkij-mir.html (дата обращения: 16.07.2023).

[24] Замахина Т. 2022. Госдума приняла законопроект о защите русского языка. *Российская газета*. 13.12.2022. URL: https://rg.ru/2022/12/13/gosduma-priniala-zakonoproekt-o-zashchite-russkogo-iazyka.html (дата обращения: 16.07.2023).

[25] Яковлева Е. 2022. Россия никогда не начинает войн, Россия их заканчивает. Члены РВИО выступили с заявлением. *Российская газета*. 26.02.2022. URL: https://rg.ru/2022/02/26/pochetnye-chleny-rvio-vystupili-s-zaiavleniem-po-situacii-na-ukraine.html (дата обращения: 17.07.2023).

[26] Новосёлова Е. 2022. Патриарх: Русский мир вновь становится форпостом защиты христианской цивилизации. *Российская газета*. 23.05.2022. URL: https://rg.ru/2022/05/23/patriarh-nyne-russkij-mir-vnov-stanovitsia-forpostom-zashchity-hristianskoj-civilizacii.html (дата обращения: 17.07.2023).

[27] Новосёлова Е. 2023. Директор Музея Победы Александр Школьник: Спустя 79 лет после снятия блокады внуки и правнуки ветеранов-блокадников вынуждены встать на борьбу с нацизмом. *Российская газета*. 27.01.2023. URL: https://rg.ru/2023/01/27/direktor-muzeia-pobedy-aleksandr-shkolnik-spustia-79-let-posle-sniatiia-blokady-vnuki-i-pravnuki-veteranov-blokadnikov-vynuzhdeny-vstat-na-borbu-s-nacizmom.html (дата обращения: 17.07.2023).

[28] Полынский А. 2022. Отец Димитрий о нападках Запада на Россию: «Это давняя борьба тьмы со светом». *Российская газета*. 28.05.2022. URL: https://rg.ru/2022/05/28/eto-davniaia-borba-tmy-so-svetom.html (дата обращения: 17.07.2023).

[29] Вакуленко А. 2022. В Крыму обсудили константы Русского мира. *Российская газета*. 08.06.2022. URL: https://rg.ru/2022/06/08/reg-ufo/v-krymu-obsudili-konstanty-russkogo-mira.html (дата обращения: 17.07.2023).

[30] Замахина Т. 2022. Глава комитета ГД: Россия, признавая ЛНР и ДНР, объединяет русский мир. *Российская газета*. 22.02.2022. URL: https://rg.ru/2022/02/22/glava-komiteta-gd-rossiia-priznavaia-lnr-i-dnr-obediniaet-russkij-mir.html (дата обращения: 17.07.2023).

[31] Новосёлова Е. 2023. Патриарх Кирилл назвал Донбасс форпостом русского мира. *Российская газета*. 26.02.2023. URL: https://rg.ru/2023/02/26/patriarh-kirill-nazval-donbass-forpostom-russkogo-mira.html (дата обращения: 17.07.2023).

Таблица 2. Мероприятия по консолидации Русского мира
Table 2. Measures to consolidate Russian world
Источник: составлено авторами

Направления деятельности по консолидации Русского мира	Форма реализации
Сохранение использования русского языка на евразийском пространстве	Проведение олимпиад для школьников[32], конкурсов для учителей русского языка и литературы[33], обучающих курсов по методике преподавания русского языка и литературы[34].
Распространение русской культуры	Проведение концертов, спектаклей, мастер-классов, кинопоказов[35], конкурсов видеороликов[36]; мероприятия по сохранении памяти о совместной истории[37] (в частности, Великой Отечественной войне[38]), гуманитарные проекты[39], предоставление школьной учебно-методической и образовательной литературы[40].
Формирование пророссийской национальной элиты	Проведение форумов, школ, конференций, семинаров, круглых столов для выстраивания эффективного сотрудничества с РФ[41], выделение квот на обучение в российских вузах[42].

[32] В Азербайджане завершилась Республиканская олимпиада на русском языке. 2023. *Россотрудничество*. 09.06.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/v-azerbajdzhane-zavershilas-respublikanskaya-olimpiada-na-russkom-yazyke/ (дата обращения: 17.07.2023); Шесть тысяч школьников приняли участие в юбилейной олимпиаде на русском языке в Азербайджане. 2023. *Русский мир*. 09.06.2023. URL: https://russkiymir.ru/news/314384/?sphrase_id=1546640 (дата обращения: 17.07.2023).

[33] Подведены итоги первого этапа конкурса РГМ «Русский язык в Азербайджане – новые горизонты». 2023. *Россотрудничество*. 10.05.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/podvedeny-itogi-pervogo-etapa-konkursa-rgm-russkij-yazyk-v-azerbajdzhane-novye-gorizonty/ (дата обращения: 17.07.2023).

[34] Русская Гуманитарная Миссия отправляется в Узбекистан. 2023. *Россотрудничество*. 10.05.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/russkaya-gumanitarnaya-missiya-otpravlyaetsya-v-uzbekistan/ (дата обращения: 17.07.2023); Для педагогов-русистов в Азербайджане провели занятия по методикам преподавания русского языка и литературы. 2023. *Русский мир*. 27.06.2023. URL: https://russkiymir.ru/news/314933/?sphrase_id=1546640 (дата обращения: 17.07.2023).

[35] «Русские сезоны» – впервые в Узбекистане. 2023. *Россотрудничество*. 19.05.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/russkie-sezony-vpervye-v-uzbekistane/ (дата обращения: 17.07.2023).

[36] Работы из 20 стран поступили на конкурс видеороликов «Читаем А.С. Пушкина». 2023. *Русский мир*. 14.06.2023. URL: https://russkiymir.ru/news/314510/?sphrase_id=1546640 (дата обращения: 17.07.2023).

[37] Мегапроект «Бессмертная память». *Ассамблея народов Евразии*. URL: http://eurasia-assembly.org/ru/bessmertnaya_pamjat (дата обращения: 17.07.2023).

[38] «Сад памяти» появился в Азербайджане. 2023. *Россотрудничество*. 26.04.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/sad-pamyati-poyavilsya-v-azerbajdzhane/ (дата обращения: 17.07.2023); Выставка о подвиге казахстанцев под Сталинградом проходит в Астане. 2023. *Россотрудничество*. 28.04.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/vystavka-o-podvige-kazahstanczev-pod-stalingradom-prohodit-v-astane/ (дата обращения: 17.07.2023); Школьники из Казахстана и Киргизии посетили Россию в рамках акции «Побратимство памяти». 2023. *Россотрудничество*. 25.04.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/shkolniki-iz-kazahstana-i-kirgizii-posetili-rossiyu-v-ramkah-akczii-pobratimstvo-pamyati/ (дата обращения: 17.07.2023).

[39] В Киргизии стартовал гуманитарный проект «Миссия Добро». 2023. *Россотрудничество*. 16.06.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/v-kirgizii-startoval-gumanitarnyj-proekt-missiya-dobro/ (дата обращения: 17.07.2023); В Казахстане продолжается «Миссия Добро». 2023. *Россотрудничество*. 03.07.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/v-kazahstane-startovala-missiya-dobro/ (дата обращения: 17.07.2023).

[40] Россотрудничество подарило учебники российско-туркменской школе. 2023. *Россотрудничество*. 28.02.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/rossotrudnichestvo-podarilo-uchebniki-rossijsko-turkmenskoj-shkole/ (дата обращения: 17.07.2023).

[41] Регистрация на III Форум молодёжных инициатив России и Азербайджана. 2023. *Россотрудничество*. 16.05.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/registracziya-na-iii-forum-molodezhnyh-inicziativ-rossii-i-azerbajdzhana/ (дата обращения: 17.07.2023); Мероприятия фонда. *Фонд Горчакова*. URL: https://gorchakovfund.ru/portal/page/f091b84e-643b-43f4-821b-fc0658ae1b57 (дата обращения: 17.07.2023).

[42] Россотрудничество увеличивает квоту для Казахстана в 2023–2024 учебном году. 2023. *Россотрудничество*. 02.06.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/rossotrudnichestvo-uvelichivaet-kvotu-dlya-kazahstana-v-2023-2024-uchebnom-godu/ (дата обращения: 17.07.2023).

Направления деятельности по консолидации Русского мира	Форма реализации
Работа с национальными СМИ	Реализация просветительских проектов для журналистов[43].

Таким образом, концепт Русского мира, который изначально был ориентирован на зарубежную аудиторию, подразумевающий цивилизационную общность людей и народов, объединяющихся вокруг своего культурно-исторического и политического центра – России (Кочеров 2014: 163), после 2014 г. приобрёл значимость и на внутриполитическом уровне. К этому времени он выкристаллизовался в понятие тождественное российской цивилизации. Можно выделить следующие его особенности.

Во-первых, Русский мир – это цивилизационная система, обеспечивающая многовековое сохранение больших и малых народов с их языками, конфессиями, культурами, традициями и, как правило, развитым автономным управлением.

Во-вторых, Русский мир на протяжении веков позволял успешно противостоять историческим вызовам, агрессиям, обеспечив безопасность всего евразийского пространства и сохранение его национальных компонентов.

Третий фактор, создающий привлекательность и историческую устойчивость Русского мира – колоссальные природные ресурсы, формирующие потенциал долгосрочного развития всех входящих в неё народов. Это особенно важно на фоне переживаемого Западом системного экономического кризиса.

И четвёртое – российская цивилизация выступает хранительницей традиционных ценностей, включая институт семьи (Мурадов 2022: 6–7).

Исторический контекст формирования идеологических основ Тюркского мира

Современная Турецкая Республика позиционирует себя в качестве ключевого государства Тюркского мира[44] – основного защитника прав тюркских народов на международной арене. Начиная с республиканского периода турецкая этнополитика направлена на формирование общества с единой идентичностью – турецкой. В силу этого многие этнокультурные миноритарные группы не имеют возможности для собственной самоидентификации (Савинов 2012: 135).

[43] Стартовал проект SputnikPro для журналистов в Азербайджане. 2023. *Россотрудничество*. 31.05.2023. URL: https://rs.gov.ru/news/master-klassy-dlya-zhurnalistov-ot-sputnikpro-prohodyat-v-azerbajdzhane/ (дата обращения: 17.07.2023).

[44] Важно отметить лингвистическую особенность турецкого языка, согласно которой, в турецком языке тюрок и турок имеет одно значение – «Türk», т. е. на турецком языке это – идеи «турецкого мира».

Данный подход к этнонациональным процессам был разработан первым президентом Турции М.К. Ататюрком, который привнёс в турецкий национализм отождествление гражданства с этнической принадлежностью. В основе кемализма лежат шесть принципов («шесть стрел»)[45]. Одна из «шести стрел» Ататюрка – национализм, который определялся как идеал нации-государства. Данный национализм представляет собой идеологию и практику построения гражданской нации в границах Турецкой Республики (Савинов 2012: 136). Нация мыслилась Ататюрком как общность всех граждан страны на основе турецкого этнического самосознания. Все другие этнические группы и нетитульные нации подлежали ассимиляции и отуречиванию. При этом принцип «национализма» трактовался достаточно широко, что позволяло обозначать словом «турки» все народы тюркской языковой группы. Позднее эти идеи были закреплены в ст. 66 ныне действующей Конституции Турецкой Республики, указывающей, что все граждане страны являются турками (Аватков, Сбитнева 2022: 292–293).

Эта государственная политика столкнулась с достаточно серьёзным противодействием со стороны самого многочисленного национального меньшинства Турции – курдов. Ассимиляция и подавление их политических, языковых и культурных прав привели к радикализации курдского населения и создали проблему сепаратизма (Cagaptay 2006: 20–24; Aslan 2014: 114–115). Подходы, направленные на решение данной проблематики, варьировались: достаточно жёсткая государственная политика сменялась периодами смягчения[46] (Özer 2023: 205–208).

После прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) методы турецкой этнополитики изменились. Государство впервые обозначило курдский вопрос не только как угрозу национальной безопасности, но и как проблему, которую необходимо решать на социально-культурном, экономическом, правовом и политическом уровнях. Курды начали считаться отдельным этническим меньшинством. Также были признаны нарушения прав человека со стороны государства в отношении данного этноса. Однако курдский вопрос так и не был решён окончательно, и временное улучшение ситуации сменилось её обострением, которое сохраняется и по настоящее время (Özer 2023: 201, 208).

Тем не менее это был важный шаг на пути принятия властями Турции полиэтнического характера турецкого государства.

---

[45] «Доктрина шести стрел» была закреплена в Конституции 1937 г. и включала в себя республиканизм, национализм, народность, секуляризм, этатизм, революционность.

[46] Более мягкие методы этнонациональной политики были характерны для периода, когда к власти пришла Демократическая партия (тур. Demokrat Parti, DP). Однако традиционный подход государства к курдам возобновился после государственного переворота 1960 г. и только после 1990-х гг. термин «курд» стал использоваться открыто. В 1991 г. президент Турецкой Республики Т. Озал отменил запрет на использование курдского языка в публичном пространстве, но после его смерти публикации на курдском языке снова были запрещены.

[47] Курдский журналист А.Хавез отмечает… 2023. Голос Турции. Турция онлайн. 14.04.2023. URL: https://lentafeed.

Актуальность данной проблематики проявляется в использовании курдского вопроса в предвыборной агитации 2023 г. Партия справедливости и развития демонстрировала поддержку курдской исламистской политической партии «Свободное дело». Данные действия, помимо стремления увеличить поддержку электората, явно были связаны и с целью лишить прокурдскую Народно-демократическую партию (НДП) доминирующей роли в курдской общине Турции. Р.Т. Эрдоган появлялся с лидером «Свободного дела» на различных символических мероприятиях. Например, в апреле 2023 г. на открытии мечети, названной в честь известного курдского полководца Салах ад-Дин ибн Айюба, в населённом курдами турецком городе Диярбакыр Эрдоган, выступая с лидером партии «Свободное дело», стремился использовать её как своеобразный инструмент ослабления влияния НДП[47].

Необходимо отметить, что «курдская карта» систематически разыгрывалась и Россией (царской, советской, современной) для усиления своих позиций на Ближнем Востоке и в Турции. Так, в XIX в. «курдский вопрос» стал одним из компонентов «большого восточного вопроса», и курды, стремясь к территориальной определённости и обособленности, рассматривали Россию в качестве выгодного партнёра, гаранта своей безопасности, что использовалось и Российской империей для отстаивания своих национальных интересов (Одиноков 2019: 31). Советский Союз, в свою очередь, также оказывал политическую поддержку курдским национально-освободительным движениям. В 1990-е гг. Партия трудящихся Курдистана (ПТК) пыталась создать своё политическое представительство в Москве. Кроме того, Россия не включила ПТК в список террористических организаций. С начала восстановления российского влияния на ближневосточном направлении развитие российско-курдских отношений в 2010-е гг. вышло на новый уровень. Стороны имеют ряд общих интересов, на сегодняшний день связанных, в основном, с борьбой против ИГИЛ (запрещённая в России террористическая организация) и сотрудничеством в энергетической сфере (Деланоэ 2015: 5).

Национальная проблематика являлась достаточно значимой и для Османской империи, т. к. в её состав входили более 60 народов и крупных племенных объединений, которые отличались и по уровню общественно-политического развития, и по своей этноконфессиональной принадлежности (Шишков 2012: 111). Именно поэтому имперский центр разрабатывал концепции управления многонациональными периферийами, в основе которых прослеживались различные типы национализма. Такими моделями турецкой этнополитики являлись «османизм», «панисламизм», «пантюркизм».

---

com/@voice_of_turkey/9035/ (дата обращения: 18.07.2023).

[48] Dışişleri Bakanı Sayın Mevlüt Çavuşoğlu'nun 4 Nisan 2023 tarihinde Uluslararası Demokratlar Birliği tarafından düzen-

«Османизм» был зафиксирован в первой турецкой конституции 1876 г. Данная идеологическая доктрина была разработана «новыми османами» в лице И. Шинаси, Н. Кемаля и др. и обладала элементами гражданского национализма, то есть подразумевала единство всех подданных империи вне зависимости от их этнической и конфессиональной идентичности. Однако концепт «османского гражданства» был малоэффективным, так как его негативно восприняла правящая мусульманская элита, которая возражала против предоставления христианским народам империи равных с ними прав (Шлыков 2011: 135).

Осознавая невозможность использования идеологии «османизма» для консолидации населения, султан Абдул-Хамид II после 1878 г. начал реализацию идеологии «панисламизма». «Панисламизм» был главным образом направлен на консолидацию мусульман всего мира против европейского господства на их землях (Абидулин, Ширкина 2019: 203–204). Данная концепция применялась не только Османской империей для противостояния с Западом, но и Британией, которая расценивала её как один из инструментов конкуренции с Россией на Ближнем Востоке и в Средней Азии (Абидулин, Аюпова 2016: 22–23). Новая национальная идеология была направлена на конструирование единой надэтнической идентичности всех мусульман. При этом христиане не могли стать частью будущей нации, так как происходило своеобразное разделение по религиозному принципу народов, проживающих в границах одной империи (Кудряшова 2010: 36). Несмотря на религиозную основу «панисламизма», он включал в себя несколько особенностей, которые связаны с так называемым «восточным национализмом»: утверждение превосходства исламской культуры; противопоставление себя Западу; апелляция к великому прошлому Османской империи (Абидулин, Аюпова 2016: 26). Однако за последующие 30 лет концепция не смогла продемонстрировать эффективность. Мусульмане империи, в большей степени арабы, не стали её опорой, доказательством чего служит ряд их восстаний (Надеин-Раевский 2022: 63).

После свержения султана Абдул-Хамида II в ходе младотурецкой революции 1908 г., поддержку которой оказали и национальные меньшинства, национализм младотурок постепенно начал приобретать пантюркистские черты (Надеин-Раевский 2022 Ч. 1: 66).

Стоит отметить, что по причине многочисленности арабского населения Османской империи «пантюркизм» продолжительное время рассматривался Стамбулом в качестве идеи на экспорт (Миллер 2006: 33–34). Научной базой возникновения пантюркистских идей послужили работы западных учёных, которые, поддерживая внешнеполитические интересы своих держав, надеялись, что турецкая экспансия на Восток ослабит позиции России. Так как ключевая идея «пантюркизма» состоит в объединении всех тюркских народов Евразии, то в состав создаваемого государства «Великий Туран» должны были войти все тюркские народы, в том числе и России (Надеин-Раевский 2022: 70).

Возвращаясь к истории пантюркизма, следует констатировать, что установившийся в 1920-е гг. стратегический союз Турции с советским руководством ограничивал проведение активной пантюркистской политики. После победы кемалистской революции 1918–1923 гг. важнейшим идеологическим течением в Турции стал «тюркизм», а позже – «национализм». Формально республиканские власти отказались от «пантюркизма» и «панисламизма». Однако в Турецкую Республику эмигрировали представители этих идеологических течений, которые формировали негативный образ уже советской России и призывали «освободить порабощённые большевизмом» тюркские народы. Так, эмигранты Г. Исхаков и Э. Расульзаде выступали в турецкой печати за «единство тюрко-татарских народов». Они предлагали разделить Россию на отдельные «республики наций»: Азербайджан, Крым, Туркестан, Волжско-Уральский штат (Надеин-Раевский 2022: 70). Эти предложения можно расценивать как своеобразный «кавказский прометеизм», который для ослабления позиций России предлагал играть на возможных этнонациональных противоречиях, делая ставку на народы тюркского происхождения.

Во время Второй мировой войны «тюркизм», который первоначально интерпретировался создателем Турецкой Республики как возрождение турецкой нации, стал приобретать пантюркистский оттенок. В этот период сторонники пантюркистского национального проекта печатались в СМИ и регулярно издавали свои концептуальные тексты. Пропаганда вступления в войну для создания «Великого Турана» и достижения «единства всех тюрок» осуществлялась с помощью различных манипулятивных технологий, которые заключались в использовании лидеров общественного мнения, апелляции к великому прошлому, построении псевдонаучной доказательной базы, публикации карт «Великой Турции». При этом гитлеровская Германия в противостоянии с Советским Союзом активно использовала пантюркистские воззрения, с помощью которых агитировала советских военнопленных тюркского происхождения переходить на свою сторону (Надеин-Раевский 2022: 71-72). Схожие действия прослеживались и в годы Первой мировой войны. Немцы также стремились воспользоваться в своих целях концептом «панисламизма», т. к. рассчитывали, что панисламистская пропаганда во французских и британских колониальных владениях и в российской Центральной Азии должна была привести к восстаниям мусульманского населения в этих регионах и к дезертирству солдат, исповедующих ислам (Шерстюков 2018: 165).

После Второй мировой войны Турецкая Республика попала в орбиту влияния Соединённых Штатов, которые через Турцию реализовывали свои геостратегические интересы на Ближнем и Среднем Востоке. Она выступала примером развития мусульманской страны, ставшей на путь реформирования и вестернизации и добившейся определённых успехов в тесной кооперации с западными государствами (Ирхин 2016: 76). При этом влияние США и отход от традицион-

ной политической системы способствовали её дестабилизации, что выражалось в государственных переворотах (1960 г., 1971 г., 1980 г.). Смена власти происходила по инициативе вооружённых сил Турции, которые позиционировали себя в качестве гаранта конституционного строя, созданного в соответствии с заветами первого президента Турецкой Республики (Кудряшова 2010: 41).

Прекращение существования Советского Союза открыло для Турции внешнеполитические возможности по нациестроительству. Так, в начале 1990-х гг. реанимируются идеи «пантюркизма», а с приходом к власти ПСР «пантюркизм» был интегрирован во внешнеполитические концепции «неоисламизма» и «неоосманизма» (Ирхин, Москаленко 2021: 94), что нашло своё отражение и в идеи Тюркского мира. Одновременно с этим реализуется туркоцентричная интеграция, предполагающая формирование тюркских структур и универсализацию всех сфер общественной жизни по турецкой модели. Турция продвигает тезис о собственной исключительности, на которую должны равняться другие страны и народы (Аватков, Сбитнева 2022: 294).

Тюркский мир как инструмент внешней политики Турецкой Республики на евразийском пространстве

В ноябре 2021 г. лидер Партии националистического движения Д. Бахчели презентовал Р. Эрдогану карту Тюркского мира, включающую территории России в Крыму, Поволжье и в Сибири. Данные действия были приурочены к саммиту Тюркского совета, который проходил 12 ноября 2021 г. в Стамбуле и был посвящён «30-летию независимости тюркских государств». В данном контексте карта выступала символом этого мероприятия, в ходе которого было принято несколько знаковых решений.

Во-первых, Тюркский совет, существующий с 2009 г., был переименован в Организацию тюркских государств, что дало возможность экспертам заявить о попытке образования «тюркского ООН» или «тюркского ЕС» (Цибенко 2022: 140).

Во-вторых, на саммите была подписана общая декларация государств-членов и разработан программный документ «Видение тюркского мира – 2040». Данные документы обозначают необходимость сотрудничества тюркских государств в различных сферах: от национальной безопасности до сельского хозяйства. При этом особая роль отводится науке и образованию, созданию общей транспортной и медиаинфраструктуры, а также сети НКО для проведения различного рода совместных проектов. В ключевых документах данной организации упоминания про Россию, СНГ, ЕАЭС отсутствуют, однако необходимость сотрудничества с ООН, ОБСЕ и ЕС декларируется (Цибенко 2022: 140). Это демонстрирует конкуренцию Русского и Тюркского миров на евразийском пространстве, которая перешла в более активную фазу в постсоветское время.

Дезинтеграция одной из сверхдержав была воспринята Турцией как исторический шанс возвращения своего былого величия. На тот момент действующий президент Т. Озал заявил, что Тюркский мир станет доминирующим фактором на евразийском пространстве от Балкан до Китайской стены и назвал XXI в. «веком турок/тюрок». Идея создания «Великого Турана» реактуализировалась в Турецкой Республике.

Конкретные действия по объединению тюркских государств были предприняты Турцией уже в 1992 г. В октябре была проведена встреча с главами Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении, приуроченная к 69-й годовщине провозглашения Турецкой Республики (Надеин-Раевский 2022: 96). По итогу данного мероприятия была подписана Анкарская декларация, согласно которой тюркские государства выразили желание совместно действовать на международной арене, развивать экономические и культурные связи. В подтверждение указанным целям в 1993 г. в Казахстане было подписано соглашение о создании Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) (Yaldız 2023: 64). В дальнейшем интеграционные процессы в Тюркском мире продолжались, что выражалось в создании различного рода институтов, направленных на интеграцию тюркских государств (Всемирной ассамблеи тюркских народов (ВАТН) (до 1997 г. – Ассамблея тюркских народов), «Исламской восьмёрки», Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран, Союза муниципалитетов тюркского мира и т. д.).

К концу XX в. реализация пантюркистских идей несколько замедлилась из-за экономических трудностей. Представления о ключевой роли Турции в Тюркском мире вновь стали значимы после прихода к власти ПСР, которая существенно увеличила количество проектов, направленных на консолидацию Тюркского мира. Так, осенью 2006 г. в Анталье после продолжительного перерыва состоялся десятый съезд тюркоязычных государств и народов под председательством государственного министра Турции Б. Алатая и под патронажем премьер-министра страны Р. Эрдогана. Помимо представителей тюркоязычных народов мира, в работе съезда приняли участие и представители российских регионов: Чеченской Республики, Татарстана, Башкирии, Республики Саха-Якутия, Республики Алтай (Надеин-Раевский 2022: 98). Кроме того, в 2009 г. была создана ключевая структура для формирования единой тюркской идентичности на пространствах Евразии – Тюркский совет (с 2021 г. – Организация тюркских государств), в состав которой вошли и созданные ранее Парламентская ассамблея, Международная организация тюркской культуры и др.

Значимость концепции Тюркского мира во внешней политики Турции демонстрируют и публикации Министерства иностранных дел. Мониторинг официального сайта МИД Турции с 2013 по май 2023 гг. продемонстрировал, что количество упоминаний словосочетания «Тюркский мир» (Türk dünyası) с 2022 г. значительно увеличилось. Данная тенденция сохраняется и в 2023 г. На момент завершения мониторинга (15 мая 2023 г.) уже насчитывается семь публикаций (рис. 2).

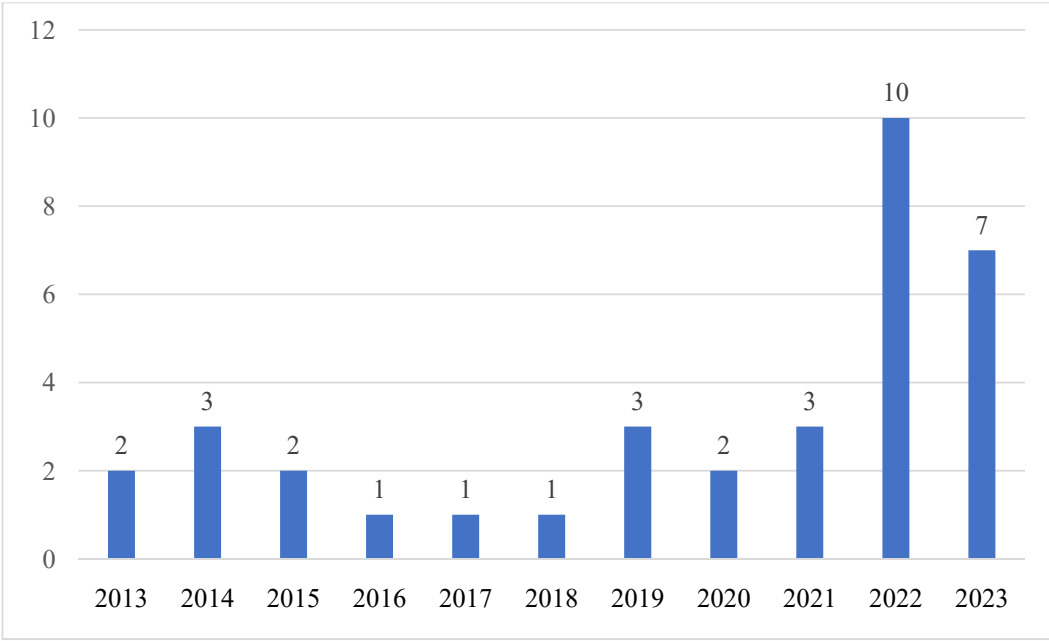

Рисунок 2. Динамика публикаций Министерства иностранных дел Турецкой Республики, посвящённых Тюркскому миру (2013–2023 гг.)
Figure 2. Dynamics of publications of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye on the Turkic world (2013–2023)
Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Министерства иностранных дел Турецкой Республики

Данный концепт упоминался в публикациях МИД Турецкой Республики в контекстах:

величия Турции и Тюркского мира: «второй век республики необходимо сделать веком Турции, веком тюркского мира»; «мы работаем день и ночь для дальнейшего укрепления тюркского мира и Организации тюркских государств»[48]; «… сегодня тюркский мир стал центром глобальной геополитики»[49].

lenen iftar programında yaptığı konuşma. 2023. *Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı.* 04.04.2023. URL: https://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlut-cavusoglu-nun-4-nisan-2023-tarihinde-uluslararasi-demokratlar-birligi-tarafindan-duzenlenen-iftar-programinda-yaptigi-konusma.tr.mfa (accessed 17.07.2023).

[49] Dışişleri Bakanı Sayın Mevlüt Çavuşoğlu'nun Türk Devletleri Teşkilatı Dışişleri Bakanları Konseyi Sonrası Basın Toplantısında Yaptığı Konuşma. 2022. *Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı.* 17.10.2022. URL: https://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlut-cavusoglu-nun-turk-devletleri-teskilati-disisleri-bakanlari-konseyi-sonrasi-basin-toplantisinda-yaptigi-konusma.tr.mfa (accessed 17.07.2023).

[50] Dışişleri Bakanı Sayın Mevlüt Çavuşoğlu'nun Çimkent Fahri Başkonsolosluğu Açılış Töreninde Yaptığı Konuşma. 2022.

Единства Тюркского мира: «… мы готовим тюркский мир к будущему. Вместе мы сможем преодолеть любые препятствия. Потому что, как говорят наши братья-казахи, сила в единстве»[50]; «… как тюркский мир мы полны решимости действовать в единстве и солидарности»[51].

Значимости Организации тюркских государств (Тюркского совета) в консолидации Тюркского мира: «… мы преобразовали Тюркский совет в Организацию тюркских государств, который стал важной вехой на пути к единству тюркского мира»[52]; «Тюркский совет, представляющий волю к сотрудничеству, основанную на общем языке, истории и культурных ценностях тюркского мира, разбросанных по широкой евразийской географии, он и впредь будет служить миру, процветанию и стабильности в своём регионе и за его пределами»[53].

Тюркский мир широко представлен и в повестке государственных СМИ. По содержанию медиаконтент крупнейшего информационного агентства «Анадолу» можно условно классифицировать на три тематических блока: значимая роль Тюркского мира на международной арене[54]; Реджеп Тайип Эрдоган – ключевая фигура в объединении Турецкого мира[55]; демонстрация единства Тюркского мира[56].

Целевой аудиторией являются тюркские народы. В качестве примера можно привести «Крымское агентство новостей» (Kırım Haber Ajansı – QHA). Контент данного информационного ресурса отличается антироссийской риторикой. Так, воссоединение Крыма с Россией именуется «аннексией» и «оккупацией», а крымские татары (крымские тюрки / крымскотатарские тюрки), проживающие на полуострове, обозначаются «жертвами» российских органов власти, ко-

---

Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. 09.11.2022. URL: https://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlut-cavusoglunun-cimkent-fahri-baskonsoloslugu-acilis-toreninde-yaptigi-konusma-9-11-2022.tr.mfa (accessed 17.07.2023).

[51] Sayın Bakanımızın Olağanüstü NATO Dışişleri Bakanları VTC Toplantısına katılımı. 2022. *Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı.* 07.01.2022. URL: https://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimizin-olaganustu-nato-disisleri-bakanlari-vtc-toplantisina-katilimi--7-ocak-2022.tr.mfa (accessed 17.07.2023).

[52] Ibid.

[53] No: 323, 3 Ekim 2021, 3 Ekim «Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Günü» Hk. 2021. *Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı.* 02.10.2021. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-323_-3-ekim-turk-dili-konusan-ulkeler-isbirligi-gunu-hk.tr.mfa (accessed 17.07.2023).

[54] Nogayeva A. 2023. 3 SORUDA – 2022'de Türk dünyası. *Anadolu Agency.* 04.01.2023. URL: https://www.aa.com.tr/tr/analiz/3-soruda-2022de-turk-dunyasi/2779293 (accessed 17.07.2023).

[55] Altaş M. 2023. Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanı Altun'dan Cumhurbaşkanı Erdoğan paylaşımı. *Anadolu Agency.* 07.05.2023. URL: https://www.aa.com.tr/tr/gundem/cumhurbaskanligi-iletisim-baskani-altundan-cumhurbaskani-erdogan-paylasimi/2891266 (accessed 17.07.2023); Kara M., Melikoğlu M. 2023. Türk dünyasından gazeteciler ülkelerinin Türkiye ile gelişen ilişkilerini değerlendirdi. *Anadolu Agency.* 27.04.2023. URL: https://www.aa.com.tr/tr/gundem/turk-dunyasindan-gazeteciler-ulkelerinin-turkiye-ile-gelisen-iliskilerini-degerlendirdi/2883228 (accessed 17.07.2023).

[56] Atalay D. 2023. Türkiye'deki depremlerin ardından Türk dünyası «Biz Birlikteyiz» dedi. *Anadolu Agency.* 16.02.2023. URL: https://www.aa.com.tr/tr/asrin-felaketi/turkiyedeki-depremlerin-ardindan-turk-dunyasi-biz-birlikteyiz-dedi/2821323 (accessed 17.07.2023); Özdemir I. 2022. Türk Dünyası Ata Sporları Şenliği, Bursa'da başladı. *Anadolu Agency*. 23.07.2022. URL: https://www.aa.com.tr/tr/spor/turk-dunyasi-ata-sporlari-senligi-bursada-basladi/2644312 (accessed 17.07.2023); Türkyılmaz F. 2022. «Türkçenin 14. Uluslararası Şiir Şöleni» AKM'de başladı. *Anadolu Agency.* 09.06.2022. URL: https://www.aa.com.tr/tr/kultur/turkcenin-14-uluslararasi-siir-soleni-akmde-basladi/2609934 (accessed 17.07.2023).

торые вынуждены терпеть «репрессии»[57], «ущемление своих прав»[58] и «уничтожение» своего культурного наследия[59]. Одновременно с этим есть отдельный раздел под названием «Тюркский мир» (Türk Dünyası), где публикуются новости о совместных политических, экономических и культурных проектах тюркских государств[60].

Тюркский мир имеет и практическое измерение. Различные программы реализуются Турцией на евразийском пространстве через такие структуры, как Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА), культурный центр им. Юнуса Эмре, Управление по делам внешних тюрок/турок и родственных сообществ (YTB) и Фонд просвещения Турции «Маариф» (TMV).

Исследование инициатив этих организаций позволяет выделить ключевые векторы деятельности Турецкой Республики, направленные на консолидацию Тюркского мира на основе турецкого лидерства: обеспечение сотрудничества тюркских государств в области образования[61], искусства[62], культуры[63], языка и литературы[64]; развитие публичной дипломатии[65]; работа со средствами массовой информации[66]; съёмка документальных фильмов[67]; популяризация нацио-

---

[57] Rüstem Umerov: Rus rejiminin yöntemleri, Kızıl Terör döneminden bu yana değişmedi. *QHA*. 16.06.2023. URL: https://www.qha.com.tr/kirim/rustem-umerov-rus-rejiminin-yontemleri-kizil-teror-doneminden-bu-yana-degismedi-473874 (accessed 17.07.2023).

[58] Emine Ceppar, TEDx konuşmasında Kırım Tatarlarının yaşadığı baskıları anlattı. *QHA*. 31.05.2023. URL: https://www.qha.com.tr/kirim/emine-ceppar-tedx-konusmasinda-kirim-tatarlarinin-yasadigi-baskilari-anlatti-473016 (accessed 26.08.2023).

[59] İşgalci Rusya, Kırım'ın kültürel mirasını yok ediyor! *QHA*. 10.08.2023. URL: https://www.qha.com.tr/kirim/isgalci-rusya-kirim-in-kulturel-mirasini-yok-ediyor-476650 (accessed 26.08.2023).

[60] Türk Dünyası. *QHA*. URL: https://www.qha.com.tr/turk-dunyasi (accessed 26.08.2023).

[61] Kırgızistan'da Türk Dünyası Vatandaşlığı Çalıştayı'na Destek. 2014. *TİKA*. 27.10.2014. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/kirgizistanda_turk_dunyasi_vatandasligi_calistayina_destek-8054 (accessed 17.07.2023); Фонд просвещения Турции вносит вклад в популяризацию турецкого языка в мире. 2021. *Агентство «Анадолу»*. 02.07.2021. URL: https://inlnk.ru/NDjEg2 (дата обращения: 17.07.2023).

[62] TİKA Türk Dünyası Akademisyenlerini Sanat İçin Buluşturuyor. 2011. *TİKA*. 25.10.2011. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika_turk_dunyasi_akademisyenlerini_sanat_icin_bulusturuyor-1125 (accessed 17.07.2023); Türk Dünyası Güzel Sanatlar Fakülteleri Ankara Toplantısı ve Çalıştayı 26-27 Ekim 2011 Tarihleri Arasında Gazi Üniversitesinde Gerçekleştirilecek. 2011. *TİKA*. 26.10.2011. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/duyuru/turk_dunyasi_guzel_sanatlar_fakulteleri_ankara_toplantisi_ve_calistayi_26_27_ekim_2011_tarihleri_arasinda_gazi_universitesinde_gerceklestirilecek-9265 (accessed 17.07.2023).

[63] TİKA, Türk Dünyası'nın Büyük Şairi ve Aydını Bahtiyar Vahabzade Uluslararası Sempozyumunda 6 Ülkeden 100 Bilim ve Kültür Adamını Birararaya Getirdi. 2013. *TİKA*. 03.01.2013. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika_turk_dunyasinin_buyuk_sairi_ve_aydini_bahtiyar_vahabzade_uluslararasi_sempozyumunda_6_ulkeden_100_bilim_ve_kultur_adamini_birararaya_getirdi-3561 (accessed 17.07.2023).

[64] TİKA Türk Dünyası Edebiyat Dergilerini Ortak Bir Platformda Buluşturuyor. 2011. *TİKA*. 23.10.2011. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika_turk_dunyasi_edebiyat_dergilerini_ortak_bir_platformda_bulusturuyor-1032 (accessed 17.07.2023); Kırgızistan'da Türk Dünyası Şairler Buluşması. 2019. *TİKA*. 28.05.2019. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/kirgizistan%27da_turk_dunyasi_sairler_bulusmasi-51654 (accessed 17.07.2023).

[65] Türk Dünyasının "Genç Kültür Elçileri" Bursa'da Buluştu. 2022. *TİKA*. 27.05.2022. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/turk_dunyasinin_genc_kultur_elcileri_bursa%27da_bulustu-70050 (accessed 17.07.2023).

[66] TİKA, Azerbaycan Yerel Medya Mensuplarını Türkiye'deki Meslektaşları ile Buluşturmaya Devam Ediyor 11 yıl önce. 2012. *TİKA*. 22.05.2012. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika_azerbaycan_yerel_medya_mensuplarini_turkiyedeki_meslektaslari_ile_bulusturmaya_devam_ediyor-2564 (accessed 17.07.2023).

[67] Nursultan Nazarbayev ve Türk Dünyası Konulu Belgesele TİKA Desteği. 2013. *TİKA*. 03.05.2013. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/nursultan_nazarbayev_ve_turk_dunyasi_konulu_belgesele_tika_destegi-4199 (accessed 17.07.2023).

нальных традиционных видов спорта тюркского мира (метание копья, скачки на лошадях, борьба на лошадях и др.)[68]; проведение мероприятий, посвящённых выдающимся деятелям тюркского мира (Исмаилу Гаспринскому, Али беку Гусейнзаде, Султанбеку Ходжанову и др.)[69]; сотрудничество в сфере туризма[70]; оказание материальной поддержки школам государств тюркского мира[71]; создание протурецкой национальной элиты через такие инициативы, как предоставление стипендий студентам для обучения в Турции[72], проведение ифтаров для объединения молодых лидеров из тюркских государств не только на этнической, но и на религиозной основе[73]; организация взаимодействия тюркских государств на научно-экспертном уровне[74].

Научным обоснованием консолидации Тюркского мира занимается и Международная Тюркская академия[75], которая входит в структуру Организации тюркских государств. Её деятельность заключается в исследовании историко-культурного наследия Тюркского мира, в формировании единой тюркской идентичности, в изучении и популяризации тюркских языков, в налаживании

---

[68] TİKA Türk Dünyası Ortak Değerlerine Sahip Çıkmaya Devam Ediyor. 2016. *TİKA*. 31.05.2016. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika_turk_dunyasi_ortak_degerlerine_sahip_cikmaya_devam_ediyor-23090 (accessed 17.07.2023); TİKA'dan Ata Sporlarına Destek. 2018. *TİKA*. 23.07.2018. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika%27dan_ata_sporlarina_destek-45886 (accessed 17.07.2023).

Kazakistan'da Türk Dünyasının Ortak Şahsiyetleri Anıldı. 2014. *TİKA*. 18.11.2014. URL: (accessed 17.07.2023).

[69] Kazakistan'da Türk Dünyasının Ortak Şahsiyetleri Anıldı. 2014. *TİKA*. 18.11.2014. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/kazakistanda_turk_dunyasinin_ortak_sahsiyetleri_anildi-8229 (accessed 17.07.2023); Emine Erdoğan Ukrayna'da TİKA Projelerini Açtı. 2017. *TİKA*. 09.10.2017. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/emine_erdogan_ukrayna%27da_tika_projelerini_acti-38501 (accessed 17.07.2023).

[70] TİKA'nın Desteğiyle Eskişehir'de Türk Dünyası Turizm Çalıştayı Düzenlendi. 2019. *TİKA*. 10.05.2019. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika%27nin_destegiyle_eskisehir%27de_turk_dunyasi_turizm_calistayi_duzenlendi-51172 (accessed 17.07.2023).

[71] Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Bakü Atatürk Lisesine Tadilat ve Donanım Desteği. 2015. *TİKA*. 23.09.2015. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/turk_dunyasi_arastirmalari_vakfi_baku_ataturk_lisesine_tadilat_ve_donanim_destegi-19347 (accessed 17.07.2023); Türkmenistan'da Turizm Meslek Lisesi Bünyesindeki TİKA Türk Dili Sınıfları Hizmete Açıldı. 2013. *TİKA*. 25.05.2013. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/turkmenistanda_turizm_meslek_lisesi_bunyesindeki_tika_turk_dili_siniflari_hizmete_acildi-4392 (accessed 17.07.2023); TİKA'dan Ukrayna'da Kırım Tatarlarına Destek. 2018. *TİKA*. 05.11.2018. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika%27dan_ukrayna%27da_kirim_tatarlarina_destek-48571 (accessed 17.07.2023).

[72] Türkiye Scholarships. *Türkiye Scholarships*. URL: https://www.turkiyeburslari.gov.tr/about (accessed 17.07.2023).

[73] Türk Dünyası Öğrencileri YTB'nin İftar Sofrasında Buluştu. 2023. *Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı (YTB)*. 29.03.2023. URL: https://www.ytb.gov.tr/haberler/turk-dunyasi-ogrencileri-ytb-nin-iftar-sofrasinda-bulustu (accessed 17.07.2023); YTB'nin, bağımsızlıklarının 30. yılını kutlayan Türk Cumhuriyetlerinden gençlere yönelik faaliyetleri devam ediyor. 2021. *Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı (YTB)*. 24.12.2021. URL: https://www.ytb.gov.tr/haberler/ytb-turk-dunyasi-genc-liderler-programi-ogrencileri-istanbulda (accessed 17.07.2023); 2022 Türk Dünyası Gençlik Okulu Başvuruları Başladı. 2022. *Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı (YTB)*. 12.05.2022. URL: https://www.ytb.gov.tr/haberler/2022-turk-dunyasi-genclik-okulu-basvurulari-basladi (accessed 17.07.2023); TİKA'dan Ukrayna'da İftar Programı. 2019. *TİKA*. 18.05.2019. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika%27dan_ukrayna%27da_iftar_programi-51341 (accessed 17.07.2023).

[74] TİKA'dan «Uluslararası Hukuk, Diplomasi ve İş Birliği Yaz Okulu» na Destek. 2018. *TİKA*. 27.07.2018. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika%27dan_uluslararasi_hukuk_diplomasi_ve_is_birligi_yaz_okulu_na_destek-46045 (accessed 17.07.2023); TİKA'nın desteklediği «Uluslararası Türk Dünyası Genç Akademisyenler Kongresi» Başladı. 2021. *TİKA*. 24.12.2021. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika%27nin_desteklediği_uluslararasi_turk_dunyasi_genc_akademisyenler_kongresi_basladi-67522 (accessed 17.07.2023); TİKA'nın Desteklediği 2022 TÜBA Yaz Okulu Sona Erdi. 2022. *TİKA*. 03.10.2022. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika%27nin_destekledigi_2022_tuba_yaz_okulu_sona_erdi-72574 (accessed 17.07.2023).

[75] В октябре 2009 г. президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев внёс предложение о создании научного центра в целях исследования Тюркского мира.

экономического сотрудничества и интеграции тюркских государств[76]. Данная структура публикует литературу, посвящённую Тюркскому миру («Туркестан – страна тюрков», «Выдающиеся личности тюркского мира», «Тюркский мир»)[77], проводит археологические экспедиции для изучения памятников тюркской материальной культуры[78], организовывает международные симпозиумы[79], конференции[80], школы для молодых тюркологов[81], осуществляет научное сотрудничество с университетами[82], музеями истории тюркских государств[83], с научно-исследовательскими институтами[84], учреждает награды за особые достижения (например, премия Международной Тюркской академии в области медиа носит имя выдающегося крымско-татарского просветителя, общественно-политического деятеля, издателя газеты «Переводчик-Терджиман» И. Гаспринского)[85]. Тюркская академия разработала ряд школьных учебников: «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература», «География тюркского мира», которые были приняты в июне 2022 г. на V заседании Международной Тюркской академии и включены в программу обучения средних школ членов Организации тюркских государств[86]. Кроме того, в октябре 2022 г. в СМИ по-

[76] В Бишкеке состоялось очередное VI заседание Научного совета Тюркской Академии. 2023. *Международная Тюркская академия*. 28.03.2023. URL: https://twesco.org/post/1299 (дата обращения: 18.07.2023).

[77] Состоялось конференция, посвященная 150-летию учителя нации А. Байтурсынова. 2022. *Международная Тюркская академия*. 25.06.2022. URL: https://twesco.org/post/1054 (дата обращения: 18.07.2023); В Бишкеке состоялась презентация пятитомного сборника «Тюркский мир». 2022. *Международная Тюркская академия*. 05.11.2022. URL: https://twesco.org/post/1193 (дата обращения: 18.07.2023).

[78] В Будапеште состоялась международная презентация комплекса в честь Эльтерис Кутлуг-кагана. 2022. *Международная Тюркская академия*. 14.12.2022. URL: https://twesco.org/post/1223 (дата обращения: 18.07.2023); Тюркская академия организовала фотовыставку, посвященную результатам археологических раскопок. 2022. *Международная Тюркская академия*. 26.09.2022. URL: https://twesco.org/post/1144 (дата обращения: 18.07.2023); Награждены учёные, открывшие новые памятники древнетюркской эпохи. 2022. *Международная Тюркская академия*. 01.09.2022. URL: https://twesco.org/post/1109 (дата обращения: 18.07.2023).

[79] В Турции стартовал международный симпозиум «Тюркский мир». 2022. *Международная Тюркская академия*. 11.10.2022. URL: https://twesco.org/post/1159 (дата обращения: 18.07.2023).

[80] Состоялось конференция, посвященная 150-летию учителя нации А. Байтурсынова. 2022. *Международная Тюркская академия*. 25.06.2022. URL: https://twesco.org/post/1054 (дата обращения: 18.07.2023).

[81] Стартовала летняя школа молодых тюркологов. 2023. *Международная Тюркская академия*. 20.06.2023. URL: https://twesco.org/post/1346 (дата обращения: 18.07.2023).

[82] Тюркская академия и Кызылординский университет им. Коркыт ата договорились об укреплении отношений сотрудничества. 2023. *Международная Тюркская академия*. 03.04.2023. URL: https://twesco.org/post/1308 (дата обращения: 18.07.2023); Тюркская Академия и КазНУ подписали меморандум о сотрудничестве. 2023. *Международная Тюркская академия*. 31.03.2023. URL: https://twesco.org/post/1306 (дата обращения: 18.07.2023).

[83] Обсуждены возможности научного сотрудничества между Тюркской академией и Национальным музеем истории Азербайджана. 2022. *Международная Тюркская академия*. 30.11.2022. URL: https://twesco.org/post/1217 (дата обращения: 18.07.2023).

[84] Делегация Евразийского научно-исследовательского института посетила Тюркскую академию. 2022. *Международная Тюркская академия*. 15.10.2022. URL: https://twesco.org/post/1164 (дата обращения: 18.07.2023); Президент Академии встретился с директором Научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакстана. 2023. *Международная Тюркская академия*. 10.03.2023. URL: https://twesco.org/post/1293 (дата обращения: 18.07.2023).

[85] В этот день ушёл из жизни Исмаил Гаспыралы. 2022. *Международная Тюркская академия*. 25.09.2022. URL: https://twesco.org/post/1141 (дата обращения: 18.07.2023).

[86] Обсуждены новые предложения по тексту учебника «Общая тюркская история». 2023. *Международная Тюркская академия*. 25.06.2023. URL: https://twesco.org/post/1350 (дата обращения: 18.07.2023).

явилась информация о формировании Комиссии по созданию единого алфавита для тюркского мира. Данное решение было принято на «Семинаре по общему алфавиту тюркского мира», посвящённом 90-летию Дня языка[87]. Эта инициатива направлена на консолидацию тюркских государств, в том числе на лингвистической основе, и, одновременно с этим, на вытеснение кириллицы и русского языка с евразийского пространства.

В Турецкой Республике на внутригосударственном уровне также проводится достаточно системная политика по конструированию общетюркской идентичности и позиционированию себя в качестве лидера Тюркского мира. Россия, в свою очередь, представляется как государство-антагонист, что представляет собой опасность создания конфликтной ситуации между Тюркским и Русским миром. Так, в 1994 г. в Турции вышло распоряжение об обязательном помещении карты Тюркского мира в учебники по истории (Бахревский, Свистунова 2019: 176), и с этого же периода в турецких учебниках появляется всё больше данных об истории тюркских народов, в том числе проживающих на территории России и постсоветских государств. В учебной литературе при рассмотрении ранних тюркских сообществ упоминаются авары, булгары, хазары, мадьяры, печенеги, кыпчаки. При этом отмечается, что русские якобы лишили данные тюркские народы земель, и те не смогли сохранить своё самосознание. Схожая логика искажённой интерпретации исторических фактов характерна и для изложения более поздних исторических периодов. Например, в учебном пособии для лицеев «Современная турецкая и всемирная история» 2009 г. указывается, что «в царской России проживало множество народов различной веры, языка и расы. Всеми этими народами управляли русские, а чтобы легче было управлять и полностью захватить власть, они проводили политику русификации. Но после распада СССР в 1991 г. эти народы стали равны с русскими» (Бахревский, Свистунова 2019: 184).

Таким образом, разработанная Анкарой концепция Тюркского мира выступает одним из ключевых инструментов правящей элиты Турции в конкурентной борьбе с Россией за доминирование на евразийском пространстве.

Ныне действующий президент Турции позиционирует себя не только в качестве лидера Тюркского мира, но и защитника всех мусульман (Демешко, Аватков, Ирхин 2022: 135). При этом основной конкурент Р. Эрдогана на выборах 2023 г., кандидат от оппозиции, лидер Народно-республиканской партии (НРП) К. Кылычдароглу совершенно иначе видел перспективы развития Тюркского мира. «Ни Запад, ни Восток – это Тюркский путь», – программное заявление Кылычдароглу, в основу которого легло развитие маршрута от Турции до Ки-

[87] Тюркские государства обсуждают создание единого алфавита. 2022. *Агентство «Анадолу»*. 20.10.2022. URL: https://www.aa.com.tr/ru/турция/тюркские-государства-обсуждают-создание-единого-алфавита/2716190 (дата обращения: 18.07.2023).

тая через Иран, в обход территории Азербайджана. Концепция, предложенная Кылычдароглу, противоречила искусственно сконструированной модели «один народ – два государства», а также проектам Эрдогана и Партии справедливости и развития, направленным на консолидацию Тюркского мира (создание единых транспортных артерий в рамках Тюркского мира, деятельность Организации тюркских государств и т.д.). Поэтому в случае победы Кылычдароглу, с учётом его прозападной позиции, пантюркистский проект сохранился бы, но был бы не инструментом самостоятельной политики Турции, а частью западной инфраструктуры, что также не создавало бы основы для выстраивания евразийского сопряжения между Россией и Турцией.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на схожесть цивилизационного подхода в обоих проектах, существуют и отличия концепций Русского и Тюркского миров. Тюркский мир формируется на ассимиляционной основе (один народ – два государства, все граждане Турции – турки и др.). Русский мир основан на полиэтничности и многоконфессиональности, соборности, сбережении и защите народов, языков, религий, культур, национальной идентичности и т.д.

Во-вторых, у географии распространения Русского и Тюркского миров отсутствуют чёткие границы, они включают территории, где проживает население, тяготеющее к русской и тюркской культурам. Основным ареалом, на котором происходит конкуренция Русского и Тюркского миров, выступает постсоветское пространство, а именно: Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркмения, а также ряд республик Российской Федерации (Татарстан, Башкирия, Алтай, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Крым). Важно отметить, что у государств, которые представляют ядро Тюркского мира, кроме Турции и Нахичеванской области Азербайджана[88], нет общих территориальных границ. В этом смысле географический детерминизм на данный момент играет в пользу национальных интересов России. Однако Турция пытается преодолеть данный «дефект» и реализовать новую логистику под Тюркский мир, сделав её экономически оправданной (Martin 2021: 18-22).

В-третьих, Турция воздействует на общественное сознание народов, причисляемых ей к своей цивилизации, апеллируя к религиозной, культурной, исторической и лингвистической общности, формирует у них положительный образ «братского народа». При этом активно создаёт негативный образ России (царской, советской, современной) на евразийском пространстве, о чём свиде-

[88] Азербайджано-турецкая граница, протяжённостью по разным версиям от 9 до 11 км, проходит вдоль реки Аракс и расположена на северо-западе Нахичеванской Автономной Республики.

тельствуют различные государственные инициативы в рамках политики памяти. В продвижении концепта Тюркского мира важную роль играет личностный фактор ныне действующего президента Турецкой Республики Р.Т. Эрдогана, который позиционируется как ключевая фигура консолидации Тюркского мира.

В условиях серьёзно обострившейся международной обстановки, Москва и Анкара могут найти возможности для совместных интеграционных объединений на пространстве Евразии. Достичь этого можно через укрепление сотрудничества, объединяющего возможности Русского и Тюркского миров. В этом случае необходимо вступление России в тюркские интеграционные проекты, исключая участие российских регионов в качестве отдельных субъектов. Таким образом будет достигаться синергетический эффект от сотрудничества двух цивилизационных проектов и снижаться уровень их противопоставления и будущего возможного столкновения.

Об авторах:

Наталья Эдуардовна Демешко – кандидат политических наук, доцент кафедры «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет. 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.
E-mail: natalidem93@mail.ru

Георгий Львович Мурадов – кандидат исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, заместитель Председателя Совета министров Республики Крым, Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте Российской Федерации. 295005, Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Кирова, д. 13.
E-mail: pprk@ppcrimea.ru

Александр Анатольевич Ирхин – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет. 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.
E-mail: alex.irhin@mail.ru

Ольга Александровна Москаленко – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет. 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33. E-mail: kerulen@bk.ru

Конфликт интересов:
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:
Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №23-28-00917, https://rscf.ru/project/23-28-00917/

UDC: 32:327(470+571)(560)
Received: November 11, 2023
Accepted : December 10, 2023

Russian and Turkic Worlds in Eurasia

N.E. Demeshko[1], G.L. Muradov[2], A.A. Irkhin[1], O.A. Moskalenko[1]
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182

[1] Sevastopol State University
[2] MGIMO University

Abstract: This article delves into the dynamics of ethno-confessional factors influencing Russian-Turkish relations, exploring the Russian and Turkic worlds as geopolitical constructs within the Eurasian sphere. Employing a synthesis of critical and classical geopolitics methodologies, the study emphasizes the civilizational aspect as a pivotal element in the intricate interplay of competition and cooperation between Russia and Turkey in the Eurasian context. The research methodology integrates a civilizational perspective with critical geopolitics.
The authors examine various strategies utilized by Turkey and Russia to implement ethno-confessional policies in their quest for geopolitical influence. These strategies encompass the creation of narratives around 'fraternal nations', the promotion of shared historical, cultural, religious, linguistic, and heroic narratives; the cultivation of pro-Russian and pro-Turkish national elites; and the exploitation of ethno-national factors during domestic political crises. This analysis traces these phenomena from historical imperial contexts to contemporary interstate relations.
Furthermore, the article underscores the significant impact of individual leadership in shaping the concept of the Turkic world, with a particular focus on the current President of the Turkish Republic, R.T. Erdogan. Erdogan is portrayed as a key figure actively advocating for and reinforcing the unity and identity of the Turkic world.

Keywords: Russian world, Turkic world, Russia, Turkey, ethno-confessional factor, competition

About the authors:

Natalya E. Demeshko – Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science, Institute of Social Science and Foreign Relations, Sevastopol State University. 33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation. E-mail: natalidem93@mail.ru

Georgy L. Muradov – Candidate of Historical Science, Professor, MGIMO University; Deputy Chairman of the Council of Ministers of the Republic of Crimea, Permanent Representative of the Republic of Crimea to the President of the Russian Federation. 13 Kirov Ave., Simferopol 295005, Russian Federation. E-mail: pprk@ppcrimea.ru

Aleksandr A. Irkhin – Doctor of Political Science, Associate Professor, Head of Department of Political Science, Institute of Social Science and Foreign Relations, Sevastopol State University. 33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation. E-mail: alex.irhin@mail.ru

Olga A. Moskalenko – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Science and Foreign Relations, Sevastopol State University. 33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation. E-mail: kerulen@bk.ru

Conflict of interests:
The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:
The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00917, https://rscf.ru/en/project/23-28-00917/).

References:

Aslan S. 2014. *Nation-Building in Turkey and Morocco: Governing Kurdish and Berber Dissent*. New York, NY: Cambridge University Press. 250 p.

Cagaptay S. 2006. *Islam, Secularism and Nationalism in Modern Turkey: Who is a Turk?* Routledge. 284 p.

Martin A. 2021. *China in the Broader Black Sea Region.* GLOBSEC; Wilfried Martens Centre for European Studies; The Black Sea Trust for Regional Cooperation. 49 p.

Özer A. 2023. President Erdogan's Discourse on the Kurdish Issue. *MGIMO Review of International Relations.* 16(1). P. 201–218.

Yaldız F. 2023. The Political Vision of the Organization of Turkic States: an Analysis of the Turkic World Vision 2040. *Eurasian Research Journal.* 5(2). P. 61–79.

Abidulin A.M., Shirkina I.A. 2019. Transformatsiya ideologicheskikh kontseptsii v Osmanskoi imperii v 1850–1900 gg. [Transformation of Ideological Concepts in the Ottoman Empire in 1850-1900. Ottomanism-Pan-Islamism]. *Historical Reporter.* №29. P. 196–215. (In Russian).

Abidulin A.M., Ayupova N.I. 2016. Analiz faktorov vozniknoveniya imperskoi ideologii i praktiki sultana Abdul-Khamida II [Analysis of the Factors of the Emergence of the Imperial Ideology and Practice of Sultan Abdul-Hamid II]. *Moscow University Bulletin. Series 13: Oriental studies.* №4. P. 18–32. (In Russian).

Aleinikova S.M. 2017. *«Russkii mir»: belorusskii vzglyad* ["Russian World": Belarusian View]. Minsk: RIVSh. (In Russian).

Aleinikova S.M. 2019. «Russkii mir» kak «Russkaya ideya»: klyuchevye priznaki i imperativy ["Russian World" as "Russian Idea": Key Features and Imperatives]. *Sociology of Religion in Late Modern.* №8. P. 6–15. (In Russian).

Avatkov V., Guzaerov R. 2023. Konstruirovanie socialnoj realnosti na tyurkskom prostranstve. Etnolingvisticheskij aspekt [Constructing Social Reality in the Turkic Space]. *Ethnolinguistic aspect. Free Thought.* №4. P. 69–76. (In Russian).

Avatkov V.A., Sbitneva A.I. 2022. Novyi natsionalizm Turetskoi Respubliki [New Nationalism of Turkish Republic]. *RUDN Journal of Political Science.* №24(2). P. 291–302. (In Russian).

Aver'yanov V., Baranov S., Gaponenko A., Eliseev A., Komogortsev A., Starikov A. 2016. *Doktrina Russkogo mira (doklad pod redaktsiei V. Aver'yanova)* [Doctrine of the Russian World (report edited by V. Averyanov)]. Doctrine of the Russian World. Sostavitel' V.V. Aver'yanov. («Kollektsiya Izborskogo kluba»). Moscow: Izborskii klub, Knizhnyi mir. (In Russian).

Bakhrevskii E.V., Svistunova I.A. 2019. *Obraz Rossii v Turtsii. Istoricheskoe razvitie i sovremennoe sostoyanie* [Image of Russia in Turkey. Historical Development and Current State]. Moscow: Institut Naslediya. (In Russian).

Delanoe I. 2015. Kurdy: vektor rossiiskogo vliyaniya na Blizhnem Vostoke? [Kurds: a Vector of Russian Influence in the Middle East?] *«Russie.Nei.Visions».* №84. 20 p. (In Russian).

Demeshko N.E., Avatkov V.A., Irkhin A.A. 2022. Formirovanie mediinogo obraza «novoi Turtsii»: soderzhatel'nyi aspect [Development of the "New Turkey" Media Image: Substantive Aspect]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law.* 15(5). P. 133–150. DOI: 10.31249/kgt/2022.05.07 (In Russian).

Demeshko N.E., Irkhin A.A. 2022. Tureckaya Respublika i Ukraina: ispolzovanie krymsko-tatarskogo voprosa vo vneshnepoliticheskom kurse posle 2014 goda [The Republic of Türkiye and Ukraine: Using the Crimean Tatar Question in Foreign Policy after 2014]. *Vestnik RUDN. International Relations.* 22(4). P. 755–770. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-755-770 (In Russian).

Egorov V.K. 2004. Rossiya-Turtsiya: konstruktivnaya vzaimozavisimost' [Russia-Türkiye: Constructive Interdependence]. *Russia and the World in the New Century.* №2. P. 132–145. (In Russian).

Gritsenko V.P., Oposhnyanskii A.V. 2017. Russkii mir kak tsivilizatsionnyi proekt [The Russian World as a Civilizational Project]. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2(36). P. 205–209. (In Russian).

Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Kabanova N.E., Demeshko N.E. 2023. Imperskoe vozrozhdenie: sopernichestvo i sotrudnichestvo Rossii i Turtsii v Chernomorskom regione (politiko-istoricheskii analiz) [The Rebirth of Empires: Contest and Cooperation of Russia and Türkiye in the Black Sea Region (Political and Historical Analysis)]. *Russian Journal of Regional Studies.* 31(2). P. 214–237. DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237 (In Russian).

Irkhin A.A., Moskalenko O.A. 2021. «Mir bol'she pyati». Stanovlenie Turtsii v kachestve global'nogo aktora mirovoi politiki: perspektivy i vyzovy dlya Rossii ["The World is Bigger than Five". Turkey's Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia]. *Vestnik RUDN. International Relations.* 21(1). P. 91–107. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107 (In Russian).

Irkhin A.A. 2016. *SShA i Turtsiya: strategicheskii soyuz i takticheskie raznoglasiya. Retrospektiva i prognoz* [US and Türkiye: Strategic Alliance and Tactical Differences. Retrospective and Forecast]. Sevastopol: «RIBEST» (In Russian).

Komleva N.A. 2021. Vozrozhdenie imperii: «Turetskii treugol'nik» [The Rebirth of the Empire: "Turkish Triangle"]. *Bulletin of Moscow Region State University.* №3. P. 83–105. DOI: 10.18384/2224-0209-2021-3-1082 (In Russian).

Kocherov S.N. 2014. Russkii mir: problema opredeleniya [Russian World: The Problem of Definition]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky.* №5. P. 163–167. (In Russian).

Kudryashova I.V. 2010. Pan-natsii i natsii-gosudarstva v musul'manskom mire: konkurentsiya voobrazhaemykh soobshchestv [Pan-nations and Nation-states in the Muslim World: The Rivalry of Imaginary Communities]. *Method.* №1. P. 30–53. (In Russian).

Maiorova M.A., Sbitneva A.I. 2023. Ideologicheskoe vliyanie Turtsii v regionakh Rossii: tyurkskii factor [Turkish Ideological Influence in Russian Regions: The Turkic Factor]. *RUDN Journal of Political Science.* 25(1). P. 134–149. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-134-149 (In Russian).

Matveev S.I. 2017. Vozmozhnye formy realizatsii kontseptsii «Russkii mir» kak faktora samoidentifikatsii rossiiskogo naroda pri formirovanii sotsial'noi politiki Rossii [Possible Forms of Implementation of the "Russian World" Concept as a Factor of Self-identification of the Russian People in the Formation of Russia's Social Policy]. *Values and Meanings.* 4(50). P. 76–88. (In Russian).

Miller A. 2006. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologi istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Muradov G.L. 2022. Russkii mir i krymskaya passionarnost' [Russian World and Crimean Passionarity]. *International Affairs.* Special issue. 151 p. (In Russian).

Nadein-Raevskii V. 2022a. Istoriya pantyurkizma i ego sovremennye storonniki. Chast' 1. Pantyurkizm: osnovnye vekhi istorii. Perspektivy [The History of Pan-Turkism and its Modern Supporters. Part 1. Pan-Turkism: The Main Milestones of History]. *Perspectives. Electronic Journal.* №1. P. 62–73. DOI: 10.32726/2411-3417-2022-1-62-73 (In Russian).

Nadein-Raevskii V. 2022b. Istoriya pantyurkizma i ego sovremennye storonniki. Chast' 2. Novyi etap pantyurkistskikh nadezhd [The History of Pan-Turkism and its Modern Supporters. Part 2. A New Stage of pan-Turkic Hopes]. *Perspectives. Electronic Journal.* №2. P. 94–108. DOI: 10.32726/2411-3417-2022-2-94-108 (In Russian).

Naumkin V.V. 2020. Model' ne-Zapada: sushchestvuyet li gosudarstvo-tsivilizatsiya? [The Non-West model: Does a State-Civilization Exist?] *Polis. Politicheskiye issledovaniya.* №4. P. 78-93. DOI: org/10.17976/jpps/2020.04.06

Nazarova G.F., Fokina A.V. 2015. Russkii mir: obnovlenie podkhodov k kontseptsii [Russian World: Updating Approaches to the Concept]. *Scientific Notes of Orel State University.* 6(69). P. 338–343. (In Russian).

Odinokov A.S. 2019. Kurdskii vopros v rossiisko-turetskikh otnosheniyakh [Kurdish Issue in Russian-Turkish Relations]. *Historical and Social-Educational Ideas.* 11(1). P. 29–38. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-1-29-38 (In Russian).

Okunev I. Y. 2014. Kriticheskaya geopolitika i postkriticheskiy sdvig v issledovatel'skoy paradigme geopolitiki [Critical Geopolitics and Post-Critical Shift in the Research Paradigm of Geopolitics]. *Sravnitel'naya politika.* 4(17). P. 6–14. (In Russian).

Savinov L.V. 2012. Natsional'nyi vopros v Turtsii [The National Question in Turkey]. *Federalism.* 2(66). P. 135–146. (In Russian).

Sherstyukov S.A. 2018. Germano-osmanskii al'yans i propaganda dzhikhada: mezhdu vymyslom i real'nost'yu (1914–1918) [The German-Ottoman Alliance and Jihad Propaganda: Between Fiction and Reality (1914–1918)]. *The News of Altai State University. Historical Sciences and Archaeology.* 5(103). P. 163–167. (In Russian).

Shishkov V.V. 2012. Osmanskaya imperiya: ot zavoevaniya i integratsii periferii k popytkam modernizatsii [The Ottoman Empire: From the Conquest and Integration of the Peripheries to Modernization Attempts]. *Society and Power.* 6(38). P. 111–115. (In Russian).

Shlykov P.V. 2011. Turetskii natsionalizm v XX veke: poiski natsional'noi identichnosti [Turkish Nationalism in the 20th Century: The Quest for National Identity]. *Questions of Nationalism.* №5. P. 135–155. (In Russian).

Tsibenko V.V. 2022. Konstruirovanie ideologicheskogo diskursa o voobrazhaemoi geografii v Turtsii [Constructing an Ideological Discourse of Imaginative Geography in Turkey]. *Journal of International Analytics.* 13(3). P. 130–144. DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Абидулин А.М., Ширкина И.А. 2019. Трансформация идеологических концепций в Османской империи в 1850–1900 гг. Османизм-панисламизм. *Исторический вестник.* Т. 29. С. 196–215.

Абидулин А.М., Аюпова Н.И. 2016. Анализ факторов возникновения имперской идеологии и практики султана Абдул-Хамида II. *Вестник московского университета. Сер. 13. Востоковедение.* №4. С. 18–32.

Аватков В.А., Гузаеров Р.И. 2023. Конструирование социальной реальности на тюркском пространстве. Этнолингвистический аспект. *Свободная мысль*. 4(1700). С. 69–76.

Аватков В.А., Сбитнева А.И. 2022. Новый национализм Турецкой Республики. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.* 24(2). С. 291–302. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302

Аверьянов В., Баранов С., Гапоненко А., Елисеев А., Комогорцев А., Стариков А. 2016. Доктрина Русского мира (доклад под редакцией В. Аверьянова). *Доктрина Русского мира.* Составитель В.В. Аверьянов. («Коллекция Изборского клуба»). Москва: Изборский клуб, Книжный мир. С. 17–107.

Алейникова С.М. 2017. *«Русский мир»: белорусский взгляд.* Минск: РИВШ. 240 с.

Алейникова С.М. 2019. «Русский мир» как «Русская идея»: ключевые признаки и императивы. *Социология религии в обществе позднего модерна.* Т. 8. С. 6–15.

Бахревский Е.В., Свистунова И.А. 2019. *Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние.* Москва: Институт Наследия. 234 с.

Гриценко В.П., Опошнянский А.В. 2017. Русский мир как цивилизационный проект. *Вестник Краснодарского университета МВД России.* 2(36). С. 205–209.

Деланоэ И. 2015. Курды: вектор российского влияния на Ближнем Востоке? «*Russie.Nei. Visions*». №84. 20 с.

Демешко Н.Э., Аватков В.А., Ирхин А.А. 2022. Формирование медийного образа «новой Турции»: содержательный аспект. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 15(5). С. 133–150. DOI: 10.31249/kgt/2022.05.07

Демешко Н.Э., Ирхин А.А. 2022. Турецкая Республика и Украина: использование крымскотатарского вопроса во внешнеполитическом курсе после 2014 года. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 22(4). С. 755–770. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-755-770

Егоров В.К. 2004. Россия-Турция: конструктивная взаимозависимость. *Россия и мир в новом веке.* №2. С. 132–145.

Ирхин А.А., Москаленко О.А., Кабанова Н.Е., Демешко Н.Э. 2023. Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ). *Регионология.* 31(2). С. 214–237. DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237

Ирхин А.А., Москаленко О.А. 2021. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 21(1). С. 91–107. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107

Ирхин А.А. 2016. *США и Турция: стратегический союз и тактические разногласия. Ретроспектива и прогноз.* Севастополь.: «РИБЕСТ», 208 с.

Комлева Н.А. 2021. Возрождение империи: «Турецкий треугольник». *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал).* № 3. С. 83–105. DOI: 10.18384/2224-0209-2021-3-1082

Кудряшова И.В. 2010. Пан-нации и нации-государства в мусульманском мире: конкуренция воображаемых сообществ. *Метод.* №1. С. 30–53.

Кочеров С.Н. 2014. Русский мир: проблема определения. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* №5. С. 163–167.

Майорова М.А., Сбитнева А.И. 2023. Идеологическое влияние Турции в регионах России: тюркский фактор. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.* 25(1). С. 134–149. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-134-149

Матвеев С.И. 2017. Возможные формы реализации концепции «Русский мир» как фактора самоидентификации российского народа при формировании социальной политики России. *Ценности и смыслы.* 4(50). С. 76–88.

Миллер А. 2006. *Империя Романовых и национализм: Эссе по методологи исторического исследования.* Москва: Новое литературное обозрение. 248 с.

Мурадов Г.Л. 2022. Русский мир и крымская пассионарность. *Международная жизнь. Специальный выпуск.* 151 с.

Надеин-Раевский В. 2022a. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 1. Пантюркизм: основные вехи истории. *Перспективы. Электронный журнал.* №1. С. 62–73. DOI: 10.32726/2411-3417-2022-1-62-73

Надеин-Раевский В. 2022b. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 2. Новый этап пантюркистских надежд. *Перспективы. Электронный журнал.* №2. С. 94–108. DOI: 10.32726/2411-3417-2022-2-94-108

Назарова Г.Ф., Фокина А.В. 2015. Русский мир: обновление подходов к концепции. *Ученые записки Орловского государственного университета.* 6(69). С. 338–343.

Наумкин В.В. 2020. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? *Полис. Политические исследования.* №4. С. 78–93. DOI: org/10.17976/jpps/2020.04.06

Одиноков А.С. 2019. Курдский вопрос в российско-турецких отношениях. *Историческая и социально-образовательная мысль.* 11(1). С. 29–38. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-1-29-38

Окунев И. Ю. 2014. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики. *Сравнительная политика.* 4(17). С. 6–14.

Савинов Л.В. 2012. Национальный вопрос в Турции. *Федерализм.* 2(66). С. 135–146.

Цибенко В.В. 2022. Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции. *Международная аналитика.* 13(3). С. 130–144. DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144

Шерстюков С.А. 2018. Германо-османский альянс и пропаганда джихада: между вымыслом и реальностью (1914–1918). *Известия АлтГУ.* Исторические науки и археология. 5(103). С. 163–167.

Шишков В.В. 2012. Османская империя: от завоевания и интеграции периферий к попыткам модернизации. *Социум и власть.* 6(38). С. 111–115.

Шлыков П.В. 2011. Турецкий национализм в XX веке: поиски национальной идентичности. *Вопросы национализма.* №5. С. 135–155.

Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(6). С. 183–206
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-183-206

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Открывая молодое государство: приём зарубежных спортивных делегаций в СССР в 1920-е гг.

А.М. Глушич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
Севастопольский государственный университет

Визиты иностранцев в СССР в 1920-е гг. были наиболее эффективным, но в то же время, рискованным способом показать достижения молодого советского государства. Цель статьи состоит в том, чтобы на основании ранее не опубликованных материалов Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 537, оп. 2) изучить различные модели приёма гостей, маршруты их передвижения, а также программы проведения досуга и ответить на вопрос, каким образом руководители советского спорта на ранних этапах становления государства маскировали многочисленные недостатки (главным образом, экономические и инфраструктурные) и выводили на передний план спортивные и культурные победы, формируя позитивный имидж СССР в мире через формально неполитический институт.

Руководители советской физкультуры отнюдь не стремились ограждать иностранцев от визитов в страну, наоборот, охотно приглашали все желающие команды, которые могли позволить себе такую поездку. В идеальном комплексном приёме должны были органично сочетаться четыре составляющих: спорт (само состязание), культура (театр, кино, экскурсионные прогулки), быт (прямое общение с советскими рабочими), отдых команды. В этом случае визит получал положительные отзывы за рубежом и способствовал повышению международного престижа СССР как первого социалистического государства, что и было главной задачей советской спортивной дипломатии во второй половине 1920-х гг. после прорыва международной изоляции. Однако таким визитам был присущ ряд перманентных ограничений и недостатков. Сильно варьировалась степень идеологической обработки делегаций: если европейские пролетарии активно посещали памятные для Октябрьской революции места, то гости с Востока знакомились только с культурной жизнью страны. Несмотря на призывы Красного спортивного Интернационала, делегации не имели возможности побывать в провинции; маршруты были практически одинаковыми и пролегали по крупнейшим городам советского государства (Москва, Ленинград, Харьков, Одесса). И даже в союзных центрах иностранцы сталкивались с организационными трудностями: транспортными издержками, слабым хозяйственным обеспечением, проблемами с питани-

УДК: 94(47)"192":327.7:796
Поступила в редакцию: 11.09.2023
Принята к публикации: 12.11.2023

ем, что снижало успех пропагандистской работы. Это объяснялось отсутствием единой нормативной базы для приёма зарубежных гостей в первое десятилетие функционирования советской спортивной дипломатии, а также общей неравномерностью инфраструктурного развития страны.

Ключевые слова: спортивная дипломатия, культурная дипломатия, Красный спортивный Интернационал (КСИ), Высший совет физической культуры (ВСФК), рабочий спорт

Спортивная дипломатия сегодня – один из регулярно практикующихся методов внешнеполитической деятельности. Впервые как термин он встречается в официальных документах Государственного департамента США ещё в 1950-е гг. В этом контексте спорт использовался в общей стратегии культурной экспансии Соединённых Штатов второй половины XX в. А потому логично воспринимать дипломатию спортивную как неотъемлемую часть культурной дипломатии, которая, однако, фактически вошла в практику международных отношений уже в первой половине XX в. в СССР (Дэвид-Фокс 2015: 41).

Говоря о советском кейсе, отмечаем, что лидеры молодого государства очень быстро поняли ценность культуры для достижения внешнеполитических целей. Уже с начала 1920-х гг. на нужды культурной дипломатии работало множество ведомств, как профильных, среди которых наиболее заметным был ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) и ОБИ (Объединённое бюро информации при Президиуме ЦИК), так и ряд политических структур – Межрабпом, НКИД, иностранный отдел ГПУ, агитпроп Коминтерна.

Спектр обязанностей этих институций был широк: организация выставок, поездок советской творческой элиты за рубеж и приглашение в СССР западных интеллектуалов, руководство сетью референтов за границей, снабжение советских органов зарубежными печатными материалами и т. д. Уже в 1922 г. была с успехом проведена выставка советского искусства в Берлине, позднее, в 1927–1928 гг., большой резонанс имела поездка в СССР Теодора Драйзера[1].

Не остался в стороне и спорт. Зарождение спортивной дипломатии датируется специалистами по истории спорта и международных отношений поразному: от возобновления Олимпийских игр (1896 г.) или же от первых документов МИД Британской империи, в которых говорится об использовании Игр-1908 в Лондоне для налаживания экономических связей с Европой. Часто эти подходы зависят и от национальной принадлежности исследователя.

Эти сведения, безусловно, интересны, но не без оговорок. При таком подходе спорт как явление не играет роли. Суть заключается в самом факте проведения крупного форума, на который приедут представители стран со всего мира,

[1] Драйзер Т. 2019. *Русский дневник*. Москва: Эксмо. 430 с.

с которыми представится благоприятная возможность наладить связи, в том числе и экономические. Не лишним будет сказать, что ОИ проходили в Лондоне одновременно с франко-британской выставкой, не имевшей ничего общего со спортом, но расценивались британским правительством в том же ключе – в качестве площадки для переговоров (Боголюбова, Николаева 2012: 108). Кроме того, указанный пример является чуть ли не единственным, который приводят сторонники данного подхода. Если мы говорим о появлении новой дипломатической практики, то она, на наш взгляд, должна обладать свойством регулярности. Ведь в ином случае началом спортивной дипломатии можно считать и древние Олимпийские игры, на время проведения которых устанавливалось перемирие между всеми полисами.

По нашему мнению, первые проекты действительно системного использования спорта во внешней политике государства, зафиксированные на официальном уровне, мы встречаем в дипломатической практике СССР в 1920-е гг.

Советское государство начало использовать спорт как орудие внешнеполитической работы вскоре после своего возникновения. Красный спортивный Интернационал (КСИ, создан в 1921 г.) в тесной связи с Высшим советом физической культуры (ВСФК СССР, создан в 1920 г.) решали задачи, поставленные перед спортом советскими лидерами – преодоление международной изоляции молодого государства через неполитическое взаимодействие, демонстрацию преимуществ социалистического образа жизни и создание позитивного имиджа советского проекта, а к концу десятилетия – формирования из зарубежных спортивных клубов ячеек самообороны в составе местных компартий.

В историографии темы анализируются, прежде всего, идеологические аспекты противостояния буржуазного и «красного» спорта (Arnaud, Riordan 1996). Также в центре внимания находятся институциональные конструкции и связи: борьба КСИ и социал-демократического Люцернского Спортинтерна (ЛСИ) в публичном поле и сложная совместная работа КСИ и ВСФК, которая изобиловала внутренними конфликтами по идеологическим вопросам: допустимы ли встречи с буржуазными клубами, что первично при организации встреч – спорт или пропаганда и т. д. (Steinberg 1978; Gounot 2002; Хорошева 2018а). Значительным недостатком этих подходов остаётся внимание к декларируемым аспектам работы, борьбе дискурсов и риторик, которые далеко не всегда соответствовали реальной ситуации на спортивных площадках. Повседневная работа (организация выездов и приёмов команд, логистические, экономические, бытовые аспекты и т. д.) практически не затрагивается.

В рамках этой широкой исследовательской лакуны малоисследованными остаются и практики приёма зарубежных делегаций в СССР, в ходе которых происходило наиболее плотное соприкосновение Запада с малознакомым социалистическим государством. Отдельные встречи (например, Московский международный шахматный турнир в 1925 г.) описаны в диссертации А.А. Васильева (Васильев 2001). А.В. Хорошева провела полный анализ крупнейшего

форума десятилетия в рабочем спорте – Всесоюзной Спартакиады – 1928 (Хорошева 2018b: 5–22). Но регулярная практика приглашения спортивных зарубежных делегаций в СССР до сих пор не получила комплексного осмысления.

Заметное значение для нашей темы имеют работы, посвящённые изучению приёмов в смежных сферах культурной жизни (наука, литература, визуальное искусство) в раннесоветский период (Куликова 2001, 2003; Стукал 2007). В этих работах отмечено, что методологическое оформление визитов туристического характера из-за рубежа как инструмента «мягкой силы» происходит скорее в 1930-е гг., с созданием в 1929 г. общества «Интурист». Ранее приезды как отдельных знаковых гостей (Г. Уэллса, Т. Драйзера), так и целых делегаций были, во-первых, достаточно редки, а, во-вторых, их организация не имела чётко прописанного инструментария. Общими чертами были лишь стремление показать советское государство с выгодных сторон и высокая степень внимания к подобным визитам высших лиц государства.

С концептуальной точки зрения знаковой представляется работа П. Холландера «Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978)» (Холландер 2001). В статье будет показано, насколько выведенные им парадигмы «технологий гостеприимства», включавшие в себя интенсивную «заботу» о приезжем с целью психологически заставить его отмечать только положительные моменты о своём пребывании в стране, а также «выборочное представление реальности» (Холландер 2001: 74–76) нашли отражение в практике приёма спортивные делегаций в изучаемый период.

Цель данной статьи состоит в анализе визитов зарубежных спортивных команд в СССР для определения как системности этой практики (степень проработанности методологии таких приёмов в первое десятилетие функционирования советской спортивной дипломатии), так и приоритетов работы (чему уделяли наибольшее внимание: идеологической «обработке», культурной составляющей, общению с пролетариями и т. д.).

Исследовательский вопрос более глобального характера заключается в том, чтобы соотнести цели и возможности СССР во внешнеполитической спортивной работе в рассматриваемый период: как руководители намеревались выполнять главную задачу советской культурной дипломатии в целом – демонстрацию гостям выдающихся достижений первого пролетарского государства – при очевидно слабой инфраструктурной развитости страны, особенно за пределами Москвы и Ленинграда? За счёт чего должен был формироваться позитивный имидж СССР и преодолеваться культурное отчуждение, которое постоянно подчёркивала зарубежная пресса[2]?

[2] *Российский государственный архив социально-политической истории* (РГАСПИ). Ф. 537. Оп. 1. Д. 237. Л. 18.

В данной статье будут рассмотрены различные варианты приёма команд, проанализированы их составы, маршруты путешествий, культурная программа, которая зависела от статуса и национальной принадлежности команды. Будут выделены модели приёма делегаций, а также благодаря ранее не опубликованным архивным отчётам продемонстрированы «идеальный» с точки зрения руководящих органов приём зарубежных спортсменов и то, как этот план реализовывался на практике.

Сделать это возможно на основании архивных материалов Российского государственного архива социально-политической истории, прежде всего – Ф. 537 оп. 2, основной массив которого составляет переписка КСИ и ВСФК с зарубежными секциями по всему миру, а также материалов спортивной периодики – журнала «Красный спорт».

Попасть за занавес: трудности команд на пути в СССР

С точки зрения разделения обязанностей между советскими институтами, приём зарубежных гостей был организован по стандартной процедуре. КСИ выступал в роли коммуникационного центра, договариваясь о самом факте встречи, но, будучи формально наднациональной организацией, не имел собственных средств, а потому вся материальная нагрузка по приёму гостей ложилась на плечи ВСФК. Желание Спортинтерна устраивать под своей эгидой как можно больше соревнований для демонстрации массовости движения не всегда отвечало финансовым возможностям ВСФК, что приводило к конфликтам и необходимости устанавливать достаточно строгие ограничения по финансированию приезжающих делегаций.

Определяющей при этом была позиция Высшего совета физкультуры. Главным образом, именно из-за материальной стороны вопроса приезд зарубежных команд в СССР был явлением более редким, чем советские выезды. Финансовое положение даже сравнительно крепких европейских ячеек рабочего спорта оставляло желать лучшего, а ВСФК зачастую требовал оплаты проезда до границ СССР и обратно из средств заграничных коллег. ВСФК обеспечивал проживание, питание и транспортные расходы внутри СССР, а также предоставлял бесплатные визы[3]. Такое положение на практике сохранялось даже после заключения, например, советско-германского договора о состязаниях в 1926 г., в котором стороны обоюдно обязались полностью оплачивать транспортные расходы прибывающей команды[4].

[3] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 1. Д. 150. Л. 92.
[4] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 2. Д. 99. Л. 101.

Крайне редкие исключения могли быть продиктованы установлением абсолютно нового и важного спортивно-дипломатического контакта. Так произошло с приездом в 1926 г. персидской команды. Персы попросили о приглашении своей команды в Москву сами[5], но на условии, что ВСФК полностью оплатит проезд от Тегерана до Москвы и обратно, а также содержание и размещение команды в СССР (итого – около 11 тыс. руб.). Такая существенная сумма по запросу ВСФК и НКИД была выделена СНК, учитывая знаковый характер встречи – первый контакт по спортивной линии с одной из важнейших стран Востока (Васильев 2001: 171).

Иногда более выгодные условия для приезда удавалось получить посредством запросов КСИ. Спортинтерн не стеснялся обращаться в советские постпредства, особенно в Германии, за срочным выделением субсидий уже собранным, готовым к выезду, но «внезапно» оказавшимся без средств командам. Правда, по большей части такие субсидии были возвратными, но ждать этого возврата приходилось до нескольких лет[6].

Лидеры КСИ обращались к ВСФК и с прямыми просьбами увеличить расходы, если поездка была необходима для поддержания контактов в сложных условиях. Так было с визитом делегации из Рейнской области в августе 1929 г. Немцы через Спортинтерн попросили о следующих условиях: на них оставался лишь проезд до границы СССР, а ВСФК должен был оплатить весь проезд по стране и обратно до Рейнской области, в также проживание целиком. Исходя из контекста, такая просьба была удовлетворена[7].

Изыскивая способы увеличить количество контактов, КСИ предлагал делить расходы на проезд неимущих делегаций до границ СССР между Советами физкультуры регионов, в которых будут проходить игры. Так, проект поездки одной из лучших рабочих футбольных команд Чехословакии «Красной звезды Кладно» по маршруту Ленинград – Москва – Харьков – Крым включал в себя оплату дороги в равных долях со стороны СФК РСФСР, УССР и Крыма (по предварительным подсчётам – не более 250 руб. с каждой организации)[8].

Руководители небольших секций пытались продвигать ещё более сложные схемы для облегчения финансовой нагрузки. В 1925 г. один из венгерских футбольных клубов, предварительно описав свои многочисленные победы над немецкими коллегами и посетовав на стеснённость в средствах, предложил следующий вариант: обратиться к иностранным акционерным обществам (немецким и английским), которые арендуют фабрики в Москве, и попросить от них письмо, согласно которому венгры будут зачислены в штат как монтёры машин на

[5] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 1. Д. 120. Л. 101-102.
[6] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 1. Д. 79. Л. 24.
[7] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 2. Д. 110. Л. 64.
[8] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 2. Д. 94. Л. 35.

время пребывания. Тогда команда сможет провести 8–10 игр со столичными командами[9]. Эта нереализованная инициатива свидетельствует как о большом желании венгров самолично взглянуть на быт первого в мире государства пролетариев, так и о некоторой осведомлённости местных функционеров о внутренней организации экономической жизни Москвы.

Второй причиной затруднений при выездах в СССР были политико-идеологические аспекты. Даже до резкого обострения отношений между двумя рабочими Спортинтернами в 1928 г., когда социал-демократический ЛСИ ультимативно запретил секциям любые встречи с представителями КСИ под угрозой немедленного исключения, лидеры Люцерна крайне настороженно относились к визитам своих членов в СССР. И если отдельные встречи могли банально пройти мимо внимания чиновников, то более массовые соревнования вызывали негативную реакцию.

Так произошло, например, с Всероссийским праздником физкультуры летом 1927 г. На него прибыли спортсмены из Германии, Чехословакии и Финляндии, но прибыли вопреки воле руководителей своих союзов. Финские функционеры сначала поставили общегосударственные рабочие соревнования на тот же период, что и советский праздник, а затем указали на телеграмму из ЛСИ, который рекомендовал избегать подобных мероприятий, так как это – «в первую очередь политический акт». Чехословацкие и швейцарские союзы, не конкретизируя причин, ссылались на организационные сложности[10]. В итоге все желающие соревноваться спортсмены добирались до Москвы за свой счёт, что, конечно, могли позволить себе не многие.

Чехословацкой делегации и вовсе пришлось прорываться на праздник полулегально. Ей, в отличие от коллег, чинились препятствия не на уровне своего союза, но на уровне государственном. Полиция приняла резолюцию о запрете на выдачу заграничных паспортов спортсменам для участия «в физкультпразднествах Коммунистической партии», так как чешские атлеты-партийцы в ходе поездки могли бы «усовершенствовать себя в антигосударственных агитационных методах»[11]. Прибыть смогли лишь те, кто уже имел паспорта и опыт выездов в СССР. Ничего противопоставить такой позиции внутренних органов спортсекции не могли.

Но если уж зарубежная делегация преодолевала все финансовые, организационные и политические трудности и добиралась до СССР, то советские власти старались устроить приезжим спортсменам полноценное турне по городам страны. О наиболее знаковых из них пойдёт речь ниже.

---

[9] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 2. Д. 25. Л. 1-2.
[10] *Красный спорт.* №34, 1927. С. 1.
[11] *Там же.*

Спортивные «гастроли»: гости и их маршруты

Обычно такие контакты концентрировались на привычных, устоявшихся ещё с начала 1920-х гг. маршрутах взаимодействия, главными из которых были визиты финских, норвежских и латышских спортсменов в Ленинград и Москву, а затем, немного позднее, приезд немецких и чехословацких команд в УССР, особенно – в Харьков. Самыми регулярными оставались контакты с финнами, причём не всегда соревновательного характера: уже в 1924 г. делегация приезжала в Ленинград в один из местных клубов исключительно с целью «ознакомления с будничной спортивной работой», главным образом, с постановкой в СССР женского спорта[12].

Финны были частыми гостями в стране, но соревновались, главным образом, в зимних видах спорта. Поэтому приезд в августе 1926 г. атлетов на летние состязания в Москву продолжился поездкой на Украину, куда финские делегации обычно не добирались. Гостям показали Харьков, Донбасс, Одессу, откуда затем морем довезли в финальную точку – Севастополь. Спорт в ходе этого турне неожиданно и нетипично был отодвинут на второй план. В отчёте финны практически не упоминают о состязаниях, акцент сделан на экскурсиях по городам, посещениях шахты (Донбасс) и театра (Одесса), морских прогулках на катере[13].

В мае – июне 1927 г. состоялись сразу две масштабных поездки. Австрийская делегация отыграла матчи в Москве, Днепропетровске и Киеве[14], а команда саксонских футболистов проследовала практически по «финскому» маршруту – из Москвы через Владимир в Харьков и Одессу, в каждом из городов отыграв по несколько матчей. Обе делегации дали достаточно типичные отзывы о лживости буржуазной и социал-демократической пропаганды, описывавших СССР как дикую и отсталую страну, но из них мы можем констатировать факт демонстрации делегациям не только спортивной, но и культурной, и бытовой жизни советского государства. Так, саксонцам больше всего запомнились дома отдыха, детские городки и санатории юга СССР[15], в то же время как австрийцы отметили более яркую достопримечательность – мавзолей Ленина[16].

Для сборных команд Чехословакии и Германии, гостившим в СССР осенью 1927 г., были проведены экскурсии по предприятиям «Москвы, Украины и Крыма» (формулировка источника – авт.), а британской делегации устроили выезд в промышленный центр Донбасса – город Кадиевку. Выезд был примечателен

[12] *Красный спорт*. №1, 1924. С. 1.
[13] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 2. Д. 137. Л. 61-62.
[14] *Красный спорт*. №28, 1927. С.2.
[15] *Красный спорт*. №21, 1927. С.1.
[16] *Красный спорт*. №29, 1927. С.2.

аншлагом (на матч пришло посмотреть 9 000 зрителей при населении в 30 000), а также необычным предыгровым досугом – перед матчем англичане спускались с советскими рабочими в шахту[17]. Неудивительно, что после такой экстремальной экскурсии советские футболисты одержали верх, что, конечно, не затмило в отчётах прессы восторгов от интернационального единения рабочих.

Схожие отзывы оставила датская делегация от секции мячевых игр, посетившая страну осенью 1929 г., уже в условиях строжайших запретов любых контактов от Люцернского Спортинтерна. Отсюда можем предположить, что спортсмены были командированы местными коммунистическими органами, а не своим рабочим союзом. Неудивительно, что после возвращения выезд получил в Дании различное освещение. Его осудили на заседании Рабоче-спортивного союза как противоречащий позиции Люцерна, а также указали, что всю трёхнедельную поездку датские спортсмены голодали[18]. Напротив, интервью с атлетами в официальной газете компартии Дании «Арбейдер Бладет» не только впрямую опровергало эти слова, но и вновь демонстрировало широкий размах поездки. Маршрут был построен по центральной части России, но с уже отработанной финальной точкой: Москва – Владимир – Ковров – Орехово – Одесса. В фокусе вновь оставался быт: помимо стадионов и театров, посещали фабрики, рабочие клубы и детские дома. В силу времени посещения и новых рекреационных возможностей мы видим два новых мощных идеологических штриха: посещение открытого за полтора года до поездки Дома Красной армии в Москве, а также парада в честь годовщины Октябрьской революции 7 ноября в Одессе как завершающего аккорда турне[19].

Что касается отдельных аспектов советской жизни, то спортсмены отмечали работу с молодёжью (организации пионеров и комсомольцев), просветительскую работу в клубах среди населения всех возрастов и борьбу с пьянством. Общая идиллия омрачалась лишь тем, что датчанам не заплатили обещанные в качестве субсидии 200 крон (102 руб.), но эта информация осталась только на страницах закрытой переписки[20].

Щепетильное отношение к такого рода визитам, кроме значительных финансовых затрат на содержание команд внутри СССР, подтверждается также тем, что зарубежным делегациям устраивали приём на высоком государственном уровне. Так, австрийцев в Киеве принимал секретарь ВУЦИК (Всеукраинский центральный исполнительный комитет) А.И. Буценко, а саксонцы и вовсе были приняты в Москве «советским президентом» (по выражению самих спортсменов – авт.), председателем ВЦИК М.И. Калининым[21].

---

[17] *Там же.*
[18] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 1. Д. 178. Л. 9.
[19] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 2. Д. 66. Л. 33-34.
[20] *Там же.* Л. 21.
[21] *Красный спорт.* №25, 1927. С. 1.

Не всегда в силу временных ограничений удавалось показать гостям сразу несколько советских городов. Но и в этом случае скучать им не приходилось. Ярким примером служит первая международная встреча сборной СССР по футболу со сборной Турции в ноябре 1924 г. в Москве.

Сама встреча была организована неожиданно быстро: после участия в Олимпиаде–1924 турецкая сборная направила запрос в ФИФА (буржуазную всемирную футбольную организацию) и в ВСФК относительно возможной встречи, и, ожидаемо во втором случае и неожиданно в первом, получила одобрение. Даты приезда, разумеется, были выбраны неслучайно: гости прибыли в Москву из Одессы в специальном отдельном вагоне накануне парада 7 ноября, были встречены оркестром и официальными лицами.

На параде всю футбольную команду усадили на Красной площади на самом почётном месте – в ложе для послов, что, по мнению самих турок, было неблагоприятно воспринято рядом западных делегаций. За следующие два дня команда провела два матча против первой и второй сборных Москвы, а затем началась культурная программа, которая, в отличие от большинства описанных нами ранее, совсем не затрагивала знакомство с рабочим бытом: балет в Большом театре, ужин в посольстве, наконец, большая экскурсия по музею и залам Кремля[22].

Такой подбор локаций был логичным – в Турции, несмотря на крепкие отношения с СССР, не было и речи о зарождения сильного пролетарского движения, и даже КСИ смирился с таким положением дел, дав согласие на встречи с буржуазными командами Востока[23]. Потому не было смысла знакомить футболистов-полупрофессионалов с повседневной рабочей жизнью Москвы, равно как и проводить усиленную пропагандистскую линию. Вместо этого демонстрировали высокий культурный уровень столицы нового государства.

Подобный подход будет использоваться и в дальнейшем – в 1926 г. относительно приезда турецкой делегации в Закавказье была дана чёткая директива: «Избежать встречи команды в помещении заксовета, который находится в помещении бывшего собора, ибо это может вызвать нежелательные разговоры о подавлении религии. Организовать как можно больше экскурсий в учреждениях коренных национальностей Закавказья»[24]. Таким образом, в отношении стран Востока спортивная дипломатия играла роль лишь как помощница в установлении и укреплении связей, чётко осознавая границы и совсем не пытаясь проводить идеологическую экспансию.

Сам же финальный матч со сборной СССР стал праздником для советских граждан, собрав на трибунах рекордные для Москвы и страны 15 тыс. зрителей, а также репортёров всех советских газет, «доселе к физкультуре не приобщён-

[22] *Красный спорт*. №4, 1925. С. 3.
[23] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 70.
[24] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 2. Д. 99. Л. 11.

ных». Один из корреспондентов в нарушение всех регламентов даже забрался с камерой на перекладину ворот и едва не был сбит мячом[25]. Такой интерес несложно объяснить – это была не только первая встреча сборной СССР, но ещё и матч, одобренный международными органами, что в 1924 г. было весомым шагом к достижению одной из ключевых целей советского государства в целом – всемирного признания СССР.

Примечательно, что следующий рекорд посещаемости футбольного матча в СССР также был поставлен благодаря зарубежным гостям – в 1928 г. на стадионе им. Томского на матче клуба «Пищевик» с французской рабочей командой собрались уже 20 тыс. чел.[26].

Логично задать вопрос: а приезжали ли буржуазные спортсмены, кроме восточных гостей, в СССР? Таких прецедентов, за исключением команд Турции, Персии, а также шахматистов-профессионалов, практически не бывало. Ведь возможность сыграть с буржуазной командой во время выезда часто подворачивалась случайно, и, хоть подобные приглашения критиковалась рабочими организациями принимающей страны, нередко принимались. В случае же приезда в СССР необходимо было заранее оговорить готовность такого приёма, не вызвав при этом негодования КСИ. Тем не менее прецеденты подобного рода имели место.

Первый из них был связан с мотоспортом. Несмотря на то, что в СССР в середине 1920-х гг. ещё не производились собственные мотоциклы, желание перенять опыт этого перспективного и полезного в народном хозяйстве дела было велико. Главным партнёром здесь оказалась Франция, что неудивительно, учитывая и её статус официальной секции КСИ, и популярность данного вида спорта в стране. Пробеги по маршруту «Москва – Париж – Москва» стали одним из инструментов сближения спортсменов и обмена опытом в сфере строительства машин и велодромов. Самый масштабный пробег был организован в 1927 г.[27].

Но для проведения таких впечатляющих мероприятий, разумеется, нужно было иметь материальную базу. С этой целью в сентябре 1925 г. советское правительство произвело масштабную закупку мотоциклетной техники французского, немецкого и американского производства в числе около 300 единиц. Чтобы протестировать приобретённые машины, было решено провести мотопробег Москва – Харьков, на который пригласили и иностранцев. Рабочие спортсмены в силу финансовых трудностей и профессиональной занятости вряд ли могли бы решиться на такую поездку своим ходом. Поэтому единственными представителями заграницы оказались три французских спортсмена –

[25] *Красный спорт.* №19, 1924. С. 2.
[26] Старостин Н.П. 2018. *Футбол сквозь годы.* Москва: Центрполиграф. С. 36.
[27] *Красный спорт.* №33, 1927. С. 2.

Кребс, Дюмулен и Сексте, которые по возвращении дали интервью одной из самых популярных спортивных газет Франции – буржуазной «Авто». Оно было переведено и опубликовано в «Красном спорте» главным образом потому, что описывало поездку в неожиданно позитивных тонах. Из-за задержки поставок техники французам пришлось две недели ждать начала пробега, но они были поставлены на довольствие и проводили досуг со спортсменами в кружках Ленинграда. Хоть для таких гостей не была предусмотрена отдельная культурная программа, но спортсмены заявили, что «всякому западному спортсмену здесь обеспечен один из самых тёплых в его жизни приёмов», а затем, уже в ходе пробега, упоминались вечерние банкеты, речи и киносеансы практически в каждом городе. Вывод интервью заключался в том, что уровень жизни в СССР «вполне нормальный», а продукты первой необходимости (хлеб, мясо, чай) доступны каждому гражданину[28].

Не исключено, что ВСФК был бы рад использовать столь эффективную пропагандистскую практику чаще, но противодействие Коминтерна и КСИ не давало такой возможности. Хотя подобные интервью могли бы оказывать не меньшее влияние на жителей Европы, чем публикации в западной рабочей прессе.

Второй прецедент приглашения спортсменов-профессионалов оказался несколько комичным. Речь идёт о встрече со спортсменами единственного крупного европейского государства, где не было организованного рабочего движения – Швеции. Выезды советских конькобежцев в эту страну и их победы подавались в отечественной прессе с огромным пафосом, в силу чего появилось желание посостязаться перед своей публикой.

В феврале 1927 г. по всему Ленинграду появились афиши ВСФК о приезде сборной Швеции по хоккею, одной из сильнейших на континенте, лишь немного уступающей буржуазной команде Финляндии. Ажиотаж был колоссальным: лучшие советские спортсмены перешли на усиленный режим тренировок и диеты, за несколько дней были раскуплены все 8 тыс. дорогих (по 1,25 руб.) билетов на стадион, что стало абсолютным рекордом посещаемости хоккейного матча в истории СССР. Встречать шведов собирались дважды, сначала с оркестром на финской границе, а затем в самом Ленинграде.

Однако после знакомства на границе выяснилось, что эта команда – сборная рабочих одного из шведских металлургических заводов, решивших выехать для состязаний в Россию. Несоответствие уровней оказалось колоссальным, шведы проиграли обе игры с общим счётом 19:0, а газеты писали о «кризисе доверия» к организаторам игр в дальнейшем[29]. ВСФК оправдывался, что вёл переговоры с буржуазным спортивным союзом Швеции, а потому и рассчитывал на приезд основной сборной. Налицо халатность чиновников, недостаточно чётко

[28] *Красный спорт*. №40, 1925. С. 3.
[29] *Красный спорт*. №7, 1927. С. 3.

артикулировавших свою позицию в условиях, когда весь спортивный мир знал о настороженном отношении советских органов к состязаниям с буржуазными клубами[30].

Но обстановка накануне игр подтвердила тезис о том, что не только чиновники ВСФК желали соревноваться с сильнейшими зарубежными организациями, но и советские граждане, уставшие от дежурных триумфов в рабочих состязаниях, с небывалым рвением стремились видеть соревнования с лучшими представителями спортивного мира. Этот факт, в свою очередь, был одним из ключевых, обуславливавших непопулярность КСИ внутри СССР.

Ещё один вопрос, возникающий при анализе маршрутов делегаций, заключается в роли провинции в практиках приёма спортсменов. Ситуация по этому вопросу была двойственной. Формально линия на направление иностранных делегаций в небольшие города была задана ВСФК ещё в 1924 г.[31].

Первым (и на последующие два года – единственным) таким выездом за пределы столиц стала поездка норвежских футболистов в Гусь-Хрустальный, который на тот момент официально был даже не городом, а рабочим посёлком. Плюсы подобного рода поездки очевидны – приезд иностранцев становился событием для местных жителей. Была в сжатые сроки организована массовая встреча, две экскурсии по стекольной и текстильной фабрике с живым общением рядовых «доподлинных» рабочих с гостями.

Искренность подобной встречи была намного выше, чем в столичных городах, где подобные визиты могли проходить незамеченными. Один из чиновников ВСФК Шардаков на страницах «Красного спорта» писал о том, что на Всесоюзном празднике физкультуры в 1927 г. иностранцев от толпы буквально «прятали», и в будущем надо оформлять все культурные мероприятия и экскурсии как организованный выезд, чтобы жители столицы также могли общаться с зарубежными гостями[32]. В провинции таких проблем, конечно, не возникало, приезд команды становился главным событием за долгое время.

Однако очевидными были и минусы, главным образом – инфраструктурные. До посёлка Нечаевская добирались из Москвы в вагоне 4 (т.е. последнего) класса, а оттуда до самого Гуся – в конных экипажах. Не могло порадовать гостей и жёсткое бугристое поле, «благодаря» которому, согласно отчёту, хозяева и смогли забить два гола (всё равно проиграв норвежцам со счётом 4:2). Автор отчёта, главный редактор «Красного спорта» А. Иттин, резюмируя, подчеркнул, что если бы на нужды подобных центров выделялось немного больше средств, то приёмы стали бы совершенно образцовыми[33]. Без этого условия визиты

[30] *Там же.* С. 1.
[31] *Красный спорт.* №37, 1927. С.1.
[32] *Там же.*
[33] *Красный спорт.* №6, 1924. С. 2.

могли быть организованы лишь для делегаций из стран, которые уже давно были вовлечены в орбиту КСИ, но никак не подходили для пропагандистской работы с целью демонстрации иностранцам выдающихся успехов советского государства.

Потому приоритетом оставались либо крупнейшие города, имеющие или имевшие статус столиц (Москва, Ленинград, Киев, Харьков), либо города выдающегося производственного или транспортного значения (Одесса, Севастополь, Днепропетровск). Выезды, подобные визитам в Гусь-Хрустальный, Кадиевку, Орехово оставались редкостью и случались, вероятно, лишь по непосредственному запросу с мест и только как промежуточные точки в ходе больших турне.

Многие же крупные города, которые даже были обозначены как шефские для ряда рабочих организаций зарубежья (Тверь, Казань, Самара), оказывались полностью отрезанными от международных визитов в силу, главным образом, географического положения, ведь проезд и проживание внутри СССР (включая посуточные командировочные) выплачивались из казны ВСФК. Потому условный список принимающих иностранцев городов был достаточно стабилен на протяжении всего десятилетия.

Наконец, стоит отметить, что практически всегда такие встречи были тщательно спланированы. Исключения были единичными, но они случались. Так, в «Красном спорте» помещён отчёт о матче 8 декабря 1925 г. между экипажем шведского крейсера «Фильгия» (правильнее «Фюльгия», швед. Fylgia – авт.), стоявшем в порту Одессы, и командой N дивизии РККА. Согласно отчёту, шведы бросили вызов советской команде, и в сжатые сроки была организована встреча, в ходе которой советская команда не просто выиграла с разгромным счётом 4:1, но в концовке ещё и намеренно не забила пенальти, дабы не доводить счёт до неприличного, что было с удовлетворением воспринято шведами.

Особый акцент в отчёте сделан на историю команд: экипаж «Фильгии», по их словам, был футбольным чемпионом всего шведского флота, а команда N дивизии – победителем аналогичных соревнований в РККА. Таким образом, эта встреча, по мнению автора, «имела и политическое значение»[34]. И поскольку отчёт о таком незапланированном матче, проведённом в провинции, был напечатан в центральной спортивной газете, автор явно был не одинок в подобном восприятии этой игры.

[34] *Красный спорт*. №2, 1926. С. 2.

«Идеальный» визит зарубежной команды: проект и реальность

Отдельно следует сказать о ценном источнике, который даёт нам подробное представление об организации длительного и комплексного турне по стране с широким географическим охватом и указанием всех организационных частностей: «Политический и технический обзор пребывания уругвайской спортивной делегации в СССР 27 июля – 27 сентября 1928 г.»[35].

Столь детальное внимание именно к этому отчёту обусловлено рядом обстоятельств. Его уникальность заключается в комплексности приведённых сведений. Обычно отчёты включали в себя либо сугубо технические аспекты поездки (куда ездили, с кем играли, каковы были итоги встреч), либо, наоборот, культурные впечатления (в таких случаях обычно отдельно указывалось, что главной целью визита было не само состязание, но «пролетарская смычка»). Эти вариации обычно зависели от того, кто был автором отчёта – чиновник ВСФК (в первом случае) или Спортинтерна (во втором). Такие отчёты, безусловно, ценны, но не дают нам полного впечатления о приёме. Кроме того, в них зачастую были сглажены углы, не акцентировалось внимание на сложностях, с которыми сталкивались иностранные делегации.

В предлагаемом же отчёте содержатся не стандартные впечатления делегации и общие фразы о проведении встреч, но конкретные детали, позволяющие судить как об акцентах, которые казались важными чиновникам в контексте «идеальной» поездки, так и о каждодневных сложностях при реализации таких проектов. Автор, не стесняясь в формулировках, критично оценил логистические и бытовые проблемы, возникавшие на всех этапах турне, привёл в числе прочего негативные впечатления зарубежных гостей.

Кроме того, источниковым «преимуществом» является национальная принадлежность делегации. С одной стороны, уругвайская секция одна из шести старейших секций КСИ (с 1924 г., наряду с Норвегией и Аргентиной; раньше в состав Спортинтерна вошли только СССР, Чехословакия и Франция). Именно секции этой страны стали базисными для работы КСИ в Южной Америке на протяжении 1920–30-х гг., а потому редкую «очную» встречу с местной делегацией на полях СССР необходимо было использовать максимально эффективно, чтобы не потерять столь важный плацдарм. Сама делегация была пролетарской, а потому в работе могла быть в полной мере задействована «живая пропаганда» – общение с советскими рабочими на местах. С другой стороны, в силу упомянутой редкости визитов заокеанских делегаций в СССР им стремились пока-

[35] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 2. Д. 135. Л. 33-40.

зать лучшие культурные достижения советской страны, в то время как в случае с более «опытными» гостями из Финляндии, Норвегии или Германии больший акцент делался на спортивном состязании как таковом.

Наконец, данный отчёт относится к 1928 г., то есть демонстрирует нам плоды более чем пятилетнего опыта приёма зарубежных спортивных команд, а не первые шаги в этом направлении. В совокупности эти факторы определили выбор именно данного источника как стержневого для формирования представления о комплексном приёме иностранных спортсменов в СССР в изучаемый нами период.

Разумеется, делегация не колесила по стране два месяца, как это указано в названии отчёта. Она прибыла в Москву за две недели до начала Спартакиады (12 августа) первой среди иностранных и была заселена в 3-й Дом Советов[36]. Однако, в отличие от спортсменов большинства других стран, для уругвайцев заранее было запланировано месячное турне сразу после окончания форума по таким городам, как Харьков, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Таганрог и Ленинград.

Это объясняется рядом обстоятельств. Приезд уругвайцев стал первым визитом в СССР крупной спортивной делегации из-за океана, а значит был важным как для обоюдного информирования друг друга о делах в регионах с целью последующего распространения революционной пропаганды, так и для демонстрации «всемирности» советской спортивной дипломатии.

Кроме того, «буржуазная» сборная Уругвая по футболу завоевала золотые медали на Олимпийских играх 1924 и 1928 гг. (за несколько дней до начала Спартакиады), а в 1930 г. стала первым чемпионом мира по футболу. Учитывая тот факт, что буржуазный спорт, несмотря на идеологическую критику, полно освещался в советской спортивной прессе, ореол славы той сборной влиял и на приезжую рабочую футбольную команду, вызывая повышенный ажиотаж публики. Именно поэтому власти СССР выделили значительные средства на поездку, командировочные и даже на прямое материальное обеспечение отдельных спортсменов – двоим футболистам были куплены обувь и платье[37].

Уругвайская команда была подлинно рабочей. Руководители предоставили в ВСФК список делегации с обозначением профессий, из которого следует, что 14 человек из 18 были пролетариями (а также двое служащих, продавец газет и сопровождающий журналист). Более того, пять человек состояли в Компартии Уругвая (среди них – редактор партийной газеты), трое – в комсомоле, все делегаты были членами Красной федерации рабочих спортсменов (секции КСИ)[38].

---

[36] 3-ий Дом Советов размещался в бывшем здании Духовной семинарии в Божедомском переулке (ныне Делегатская улица), в нём жили делегаты Всероссийских съездов Советов.

[37] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 2. Д. 135. Л. 35.

[38] *Там же*. Л. 33.

Приезд команды в каждый город сопровождался встречей на вокзале с оркестром, демонстрацией рабочих, небольшим митингом и выступлением как лидеров местной физкультурной организации, так и уругвайцев (футболистов или руководителя делегации). Исключение составил Харьков, где не было организовано встречи – местные чиновники не вывели рабочих и даже сами проспали приезд, из-за чего гостям пришлось час ждать на вокзале. Обратная ситуация произошла в Таганроге – на вокзал пришло столько рабочих, что милиция не справилась с ограждением и толпа едва не задавила приезжих, которым пришлось выбираться с площади на почтовом грузовике. Митинг, таким образом, был сорван.

С гостиницами дела обстояли ещё сложнее. В Харькове гостям пришлось ждать несколько часов, пока в их номера поставят кровати, в Таганроге гостиница не располагала постельным бельём на все номера, так как они никогда не бывали заполнены, и бельё пришлось занимать в местном Доме крестьянина[39]. Персоналу зачастую требовалось повторять просьбы по несколько раз, но поскольку переводчик не мог быть с командой постоянно, то некоторые запросы спортсменов не были выполнены вовсе. Даже в Европейской гостинице Ленинграда, лучшей в городе, обслуживание вызвало много нареканий (по предположению автора отчёта – из-за привычности персонала к чаевым).

Даже с питанием делегации возникали трудности, причём, как ни странно, в обеих столицах. Во время Спартакиады некоторые спортсмены голодали по причине изначально неверного расчёта сметы на снабжение, а также графика кормления, который не учитывал время проведения состязаний, из-за чего атлеты могли пропускать сразу несколько приёмов пищи и были вынуждены покупать еду за свои средства. В Ленинграде же жирная пища стала причиной желудочных заболеваний у части команды.

Двояко обстояла ситуация с транспортом. Поезда произвели на делегацию гнетущее впечатление. Отдельного вагона выделено не было, равно как не было и вагона-ресторана. Постельного белья не хватало на всех, его приходилось буквально собирать по частям из других вагонов и на крупных станциях. Однако, был показан и пример не просто хорошего обслуживания, но скорее роскоши – из Нижнего Новгорода в Сталинград добирались четыре дня на пароходе «Ульянов» в каютах 1 класса. Прекрасное обслуживание, общение с экипажем и пассажирами, медицинское обеспечение с целью залечить полученные травмы, равно как и вечерние танцы вызвали восторг у южноамериканских рабочих[40].

Что же касается программы мероприятий, то она была действительно комплексной, сочетая в себе и идеологическую, и ознакомительно-бытовую, и культурную часть, а также заботу об отдыхе команды.

---

[39] Дома крестьянина – учреждения, созданные в городах в первые годы советской власти, где переехавшие в город селяне могли получить ночлег, пропитание и правовую защиту.

[40] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 2. Д. 135. Л. 37.

К первой стоит отнести посещение «символических» мест советского государства, главным образом, в Москве: Кремль, мавзолей Ленина, музей революции, редакция «Известий», Центральный дом Красной армии и отдельные части Красной армии в окрестностях столицы.

Значительная часть времени была выделена под экскурсии на производства. Электрозавод и рабочий район «Глухово» с обязательным посещением клубов, яслей и детсадов при них (Москва), табачная фабрика им. Розы Люксембург (Ростов-на-Дону), металлургический и кожевенный заводы (Таганрог).

Отдельно следует отметить постоянную вовлечённость гостей во встречи различного уровня. В Харькове их принимал секретарь ВУЦИК А.И. Буценко, в каждом городе проходила встреча с руководителями местных физкультурных ячеек, в Москве спортсмены проводили вечера за общением с рабочими-кожевенниками, строителями, представителями Хамовнического комсомола.

При этом, согласно отчёту, общение было предметным, уругвайцев интересовали прикладные вопросы: разница в положении рабочих в Российской империи и сейчас, уровень дохода, количество рабочего времени. Для убеждения рабочих в реальности роста зарплат относительно индекса роста цен южноамериканцам демонстрировали свежие сводки Госплана. В подобных беседах делегация стабильно подчёркивала, что приехала в СССР не столько ради спорта, сколько для перенятия опыта, и в этом смысле директивы КСИ о пропаганде через непосредственное общение с пролетариями выполнялись безукоризненно[41].

Не меньшее внимание уделяли культурным мероприятиям. Балет «Красный мак» в Большом театре, опера «Сильва» в рабочем саду им К. Либкнехта (Москва), посещение ярмарки, оперы «Пиковая дама» и экскурсии по памятникам старины Нижнего Новгорода, Русский музей, Эрмитаж, Петропавловская крепость и балет «Спящая красавица» в Мариинском театре (Ленинград) – такой широкий ассортимент досуга призван был не только не дать гостям заскучать, но и показать, что культурная жизнь в государстве пролетариев отнюдь не находится в упадке, причём и благодаря художественным образцам дореволюционного времени.

Наконец, учитывая «южный» акцент поездки, для уругвайцев были проведены экскурсии на катерах по Волге и Дону, а также поход на яхтах по водам Каспийского моря. Эта часть поездки была исключительно данью местному колориту и своеобразным подарком от местных органов управления физкультурой. Таким образом, в сфере времяпрепровождения делегации данное турне выглядит наиболее комплексным и эталонным из изученных нами, что было связано как с немалым накопленным к 1928 г. опытом встреч, так и с общей мобилизацией физкультурных организаций всей страны в преддверии Спартакиады.

[41] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 2. Д. 135. Л. 34.

Но если досуговое сопровождение оказалось на высшем уровне, то в организационном плане обнаружились множественные огрехи. Выделяются две причины таких ошибок.

Первая – инфраструктурная. Гостиницы и транспортные сети страны не всегда располагали средствами для комфортной встречи заграничных гостей. Юг страны только начинал превращаться во всесоюзную здравницу (например, среди подписчиков «Красного спорта» разыгрывались путёвки в Крым[42]), и поток отдыхающих ещё не заставлял сети работать на полную мощность. Поезда высокого класса обслуживания пока оставались прерогативой столичных регионов.

Вторая причина – успешность каждого этапа поездки зависела исключительно от местных советов физической культуры. Всё, от покупки билетов до организации матчей, проживания и питания, давалось на откуп местным органам. Автор отчёта констатирует, что «отсутствие должной энергии – наша общая болезнь» и обвиняет городских руководителей в том, что за хозяйственными и узко спортивными вопросами те напрочь забывают о политической роли поездки. Стоит, однако, отметить, что эти чиновники зачастую вовсе не имели опыта приёма иностранных делегаций. Вышеописанные визиты гостей в Гусь-Хрустальный и Кадиевку наглядно демонстрировали, что даже при наличии рвения подготовить безупречный приём делегаций в провинции – задача практически непосильная по объективным причинам материальной обеспеченности региона.

Жалобы поступали и на организационное сопровождение в Москве и Ленинграде, а спортивные функционеры северной столицы, по мнению автора обзора, были заинтересованы лишь в сборах от матчей, а практически всю культурную программу приходилось самостоятельно организовывать ВСФК.

Заключение

СССР, именуемый рядом исследователей «пропагандистским государством» (Стукал 2007: 115), несмотря на очевидные экономические и инфраструктурные сложности, логично сопровождавшие становление молодой страны в 1920-е гг., отнюдь не планировал опускать «занавес» и ограничивать въезд заграничных спортивных команд. Вместо этого был выработан ряд положений, которые должны были нивелировать отрицательные стороны, обычно касавшиеся бытового и логистического обеспечения, и вывести на передний план достижения СССР в культурной и спортивной жизни.

[42] *Красный спорт.* №51, 1925. С. 7.

Осознавая наличие проблем, советские чиновники делали мощный акцент на «занятости» делегации. Модели взаимодействия были разными: если у рабочих делегаций значительную часть времени занимало общение с советскими пролетариями и посещение производственных мощностей, то спортсменов с Востока впечатляли исключительно яркими культурными достижениями.

В идеальном комплексном приёме должны были органично соединяться четыре составляющих: спорт (само состязание и, безусловно, победа советских спортсменов в нём), культура (посещение знаковых для советской власти мест, а также театров, кино), быт (живая пропаганда посредством общения с рабочими массами), отдых команды. Именно так заполнялись все организационные лакуны. В этом смысле спортивная дипломатия была органичной частью дипломатии культурной – только в сочетании «спортивное состязание + демонстрация культурных достижений» достигался полный идеолого-пропагандистский успех визита.

Благодаря такой системе визиты иностранцев в СССР проходили без серьёзных эксцессов и завершались восторженными отчётами в советской и зарубежной прессе о высоких темпах развития жизни и физической культуры в пролетарском государстве, что соответствовало главнейшей цели спортивной дипломатии – формированию позитивного имиджа страны и усилению базы для дальнейшей работы за рубежом.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в вопросе приёма зарубежных гостей на начальном этапе развития спортивной дипломатии советские управляющие органы шли методом проб и ошибок. Даже города-«витрины» советского государства допускали немало оплошностей в вопросах обеспечения, что говорит об отсутствии системности в этом аспекте работы. К концу 1920-х гг. не было выработано чётких инструкций для визитов спортивных делегаций, поэтому каждый приём организовывался индивидуально и ситуативно, с учётом мнений и компетенций конкретных ответственных лиц.

Кроме того, при таких императивах советская провинция оказывалась практически полностью отрезанной от взаимодействия с зарубежьем. Её посещали лишь команды из стран, делегации которых бывали в СССР с 1923–1924 гг. – Финляндии и Норвегии; к концу 1920-х гг. эти команды привыкли к культурной пропаганде в столицах и перестали её воспринимать. В таком случае акцент делался на соревнования и прямое общение с советскими пролетариями. Однако, такие прецеденты оставались редкостью и исключением из правил.

Таким образом, нельзя сказать, что исследованные нами практики полностью соответствуют тем универсальным «технологиям советского гостеприимства», которые обозначал П. Холландер. Относительно принципа тотальной, почти навязчивой заботы о приезжих во всех сферах жизни можно констатировать двойственность: организаторы, безусловно, стремились к этому, отмечая в отчётах, что «плохое экономическое обслуживание нередко сводит насмарку

заботу обо всём прочем»[43]. Однако на практике, в силу малого опыта приёма команд и возложения всей ответственности на местные органы власти, реализовать такой подход именно в 1920-е гг. в идеальном варианте не представлялось возможным.

То же самое можно сказать и о создании «потёмкинских деревень» для визитёров, то есть демонстрации лишь наиболее положительных черт страны. В отношении большинства делегаций, особенно тех, кто редко приезжал в СССР, этот тезис верен. Гостей стремились поразить архитектурой крупнейших городов, яркими художественными постановками, тщательно выверенными экскурсиями, встречами с высокими гостями. Однако в отношении приезжих из стран, бывших традиционными спортивными партнёрами СССР с самого начала десятилетия, допускались исключения. Применительно к ним больший акцент делался на сами состязания, общение с пролетариями, допускались и редкие выезды в провинциальные города. Технологии приёма отнюдь не были статичными, но варьировались скорее не в зависимости от «важности» гостей, как указывает Холландер в контексте своего исследования (Холландер 2007: 75), а от национальной принадлежности и истории взаимодействия с представителями того или иного государства.

Таким образом, очевидно, что в 1920-е гг. спортивная дипломатия ещё действовала опытным путём, находилась в поиске тех моделей, которые впоследствии станут универсальными парадигмами гостеприимства.

Дальнейшее углубление и расширение рамок исследования может быть достигнуто посредством анализа взаимодействия спортивных команд по «комсомольской» линии после завершения процедуры рассекречивания соответствующих архивных материалов (РГАСПИ, Ф. М-1, оп. 23).

Об авторе:

Антон Михайлович Глушич – аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; преподаватель Севастопольского государственного университета. 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: barny.g@mail.ru.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

[43] *РГАСПИ*. Ф. 537. Оп. 2. Д. 135. Л. 36.

UDC: 94(47)"192":327.7:796
Received: September 11, 2023
Accepted : November 12, 2023

Discovering a Young State: Foreign Sports Delegations in the USSR during the 1920s

A.M. Glushich[1, 2]
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-183-206

[1] National Research University Higher School of Economics
[2] Sevastopol State University

Abstract: In the 1920s, visits by foreign delegations to the USSR served as a crucial yet challenging avenue for showcasing the achievements of the nascent Soviet state. Drawing on previously unexplored materials from the Russian State Archive of Socio-Political History (F. 537, inv. 2), this article examines the strategies employed in hosting these guests. It explores the planning of their itineraries and leisure activities, aiming to understand how Soviet sports leaders, during the early stages of state formation, skillfully concealed various shortcomings (especially economic and infrastructural) and highlighted sports and cultural triumphs to craft a positive global image of the USSR through what was ostensibly a non-political institution.

Soviet physical education leaders did not shy away from inviting foreign teams to the country; instead, they actively welcomed all interested parties who could manage the journey. An ideally orchestrated visit seamlessly integrated four key elements: sports (the competitions), culture (theater, cinema, sightseeing), daily life (direct interaction with Soviet workers), and team recreation. When executed well, these visits garnered positive international feedback, thereby enhancing the USSR's global prestige as the inaugural socialist state. This became the primary objective of Soviet sports diplomacy in the late 1920s, marking a significant stride in breaking through international isolation.

However, these visits were not without limitations and challenges. The level of indoctrination varied significantly among delegations: while European proletarians often visited sites significant to the October Revolution, guests from the East were predominantly exposed to the country's cultural facets. Despite the Red Sports International's encouragement, delegations rarely ventured beyond major urban centers like Moscow, Leningrad, Kharkov, and Odessa, as provincial visits were not feasible. Furthermore, even in these key cities, visitors encountered organizational challenges such as transportation difficulties, inadequate economic support, and issues with food provision, which diminished the effectiveness of propaganda efforts. These shortcomings were largely attributable to the absence of a standardized protocol for receiving foreign guests during the first decade of Soviet sports diplomacy and the general uneven infrastructural development of the country.

Keywords: sports diplomacy, cultural diplomacy, Red Sports International (RSI), Supreme Council of Physical Culture (SCPC), workers' sport

About the author:

Anton M. Glushich – PhD student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia / lecturer, Sevastopol State University. E-mail: barny.g@mail.ru

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Arnaud P., Riordan J. 1996. *Sport and International Politics: Impact of Facism and Communism on Sport.* New York: Routledge. 240 p.

Gounot A. 2002. Sport or Political Organization? Structures and Characteristics of the Red Sport International, 1921–1937. *Journal of Sport History.* 28(1). P. 23-39.

Steinberg D. 1978. The Workers' Sport Internationals 1920–1928. *Journal of Contemporary History.* 13(2). P. 233–251.

Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V. 2012. Krasnyj sportivnyj Internacional i zarozhdenie sovetskoj sportivnoj diplomatii [The Red Sports International and the Birth of Soviet Sports Diplomacy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* №2. P. 107–114. (In Russian).

David-Fox M. 2015. *Vitriny velikogo eksperimenta. Kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gg.* [Showcases of the Great Experiment. Cultural Diplomacy of the Soviet Union and its Western Guests, 1921–1941] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 568 p. (In Russian).

Hollander P. 2001. *Politicheskie piligrimy (puteshestviya zapadnyh intellektualov po Sovetskomu Soyuzu, Kitayu i Kube 1928–1978)* [Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba 1928–1979]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Lan'». 592 p. (In Russian).

Horosheva A.V. 2018a. Deyatel'nost' Krasnogo sportivnogo Internacionala v konce 1920-h – nachale 1930-h gg. [The Work of the Red Sports International in the Late 1920s – early 1930s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriya.* №5. P. 86–105. (In Russian).

Horosheva A.V. 2018b. «Proletarskaya» Spartakiada 1928 g. i «burzhuaznoe» Olimpijskoe dvizhenie [The "Proletarian" Spartakiad of 1928 and the "bourgeois" Olympic Movement]. *Svobodnaya mysl'.* №2. P. 5–22. (In Russian).

Kulikova G.B. 2001. SSSR 1920–1930-h godov glazami zapadnyh intellektualov [USSR 1920–1930s through the Eyes of Western Intellectuals]. *Otechestvennaya istoriya.* №1. P. 4–24. (In Russian).

Kulikova G.B. 2003. Pod kontrolem gosudarstva: prebyvanie v SSSR inostrannyh pisatelej v 1920-1930-h godah [Under State Control: The Stay of Foreign Writers in the USSR in the 1920–1930s]. *Otechestvennaya istoriya.* №4. P. 43–59. (In Russian).

Stukal D.K. 2007. Inostrannyj turizm kak instrument vneshnej politiki SSSR v 1930-e gody [Foreign Tourism as an Instrument of USSR Foreign Policy in the 1930s]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta servisa.* №2. P. 115–120. (In Russian).

Vasil'ev A.A. 2001. *Zarozhdenie i razvitie mezhdunarodnyh svyazej sovetskogo sporta v 1920-e gg.* [The Origin and Development of International Relations of Soviet Sports in the 1920s]. Diss. … kand. ist. nauk. (07.00.02). Saratov: SGU im. N.G. Chernyshevskogo. 209 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке

Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. 2012. Красный спортивный Интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии. *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Политология. Международные отношения, сер. 6. №2. С. 107–114.

Васильев А.А. 2001. *Зарождение и развитие международных связей советского спорта в 1920-е гг.* Дисс. … канд. ист. наук. (07.00.02). Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского. 209 с.

Дэвид-Фокс М. 2015. *Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости,* 1921–1941 гг. Москва: Новое литературное обозрение. 568 с.

Куликова Г.Б. 2001. СССР 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов. *Отечественная история.* №1. С. 4–24.

Куликова Г.Б. 2003. Под контролем государства: пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах. *Отечественная история.* №4. С. 43–59.

Стукал Д.К. 2007. Иностранный туризм как инструмент внешней политики СССР в 1930-е годы. *Вестник Московского государственного университета сервиса.* №2. С. 115–120.

Холландер П. 2001. *Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978).* Санкт-Петербург: Издательство «Лань». 592 с.

Хорошева А.В. 2018a. Деятельность Красного спортивного Интернационала в конце 1920-х – начале 1930-х гг. *Вестник Московского университета.* История, сер. 8. №5. С. 86–105.

Хорошева А.В. 2018b. «Пролетарская» Спартакиада 1928 г. и «буржуазное» Олимпийское движение. *Свободная мысль.* №2. С. 5–22.

Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(6). С. 207–222
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-207-222

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Дискурс посткапитализма как отражение кризиса глобализации

Д.Г. Евстафьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российский университет дружбы народов

Цель статьи заключается в формировании рамочного определения понятия «посткапитализм». Современный мир постмодерна переживает серьёзный институциональный кризис. Одновременно рушатся его экономическая опора, основанная на доминировании финансового капитализма, и социальная основа – универсальная модель социального развития, выстроенная вокруг универсалистской модели потребления.

Дискурсы посткапитализма в российской и западной научной и экспертной среде имеют разные характеристики. Однако в обоих случаях они с одной стороны, отражают осознание тупиковости развития в рамках существующих моделей глобализации, с другой, становятся признанием изменения капитализма как универсалистской социально-экономической системы, лежащей в основе и межгосударственного взаимодействия. В статье подчёркивается неизбежность возрастающего влияния неэкономических факторов на развитие социально-экономических систем, включая их роль в международных отношениях.

Посткапитализм представляет собой скорее набор принципов организации пространств, выстраивания внутри них системы экономических и политических связей, чем модель развития. Будучи элементом возврата к пространственному миру, посткапитализм обсуждается преимущественно в контексте международных процессов как переходный период в международных политических и экономических отношениях.

Ключевые слова: глобализация, постиндустриальное общество, глобальные трансформации, посткапитализм, силовая геоэкономика, геоэкономические макрорегионы

УДК 316:330.1:327
Поступила в редакцию: 05.06.2023
Принята к публикации: 08.12.2023

Дискурс о «посткапитализме» как рефлексия трансформации глобализации

Появление и в отечественном, и в общемировом дискурсе темы «посткапитализма» неслучайно. Дискуссия относительно характера социально-экономических отношений в период поздней глобализации развивается уже более 20 лет. Симптоматичной в этом плане была работа крупнейших европейских социологов Л. Болтански и Э. Кьяпелло «Новый дух капитализма», впервые изданная на французском языке в 1999 г. и концептуально продолжавшая традиции «школы конвергенции». Ключевой посыл данной работы заключается в том, что устойчивость капитализма определяется его способностью к социальной и социокультурной адаптации, выводящей его за пределы просто экономической системы, построенной на максимизации прибыли (Болтански, Кьяпелло 2010). Данная работа не стала поворотным пунктом в развитии «новой социологии капитализма», но создала новый в методологическом отношении вектор, фактически легализовав в западном социологическом и политологическом дискурсе идею о том, что капитализм является чем-то большим, нежели система, выстраиваемая вокруг рыночных отношений. Это уже не могло быть сведено к остаточному «шлейфу» концепции конвергенции (Toffler 1981), к началу XXI в. утратившей и социальную, и методологическую актуальность. Главным отличием было то, что «расширения» рыночных отношений лежали не в социально-идеологической сфере, как это в основном мыслилось в диалектике «капитализм-социализм», а в социальной, затрагивая механизмы потребления, то есть, основу потребительского глобализируемого капитализма. Актуальный дискурс направлен не на конкуренцию с принципиально иной социально-экономической моделью, а внутрь модели, условно именуемой «капитализмом».

В постсоветской России вопрос о необходимости рассмотрения современного капитализма не только как экономической системы поднимался ещё раньше. Обратим внимание на знаковую статью В. Иноземцева[1] «Концепция постэкономического общества» (Иноземцев 1997), в которой формулировалась триада: доэкономическое общество, экономическое и постэкономическое, в котором значение социальных отношений резко увеличивается по сравнению с производственными. Акцентирование неэкономической составляющей капитализма на этапе нарастающей глобализации было связано с доминированием в тогдашнем российском социально-экономическом мейнстриме идеи, оказавшейся во многом правильной: о необходимости опережающего развития социальной среды для рыночных отношений, включая институты гражданского общества и среду потребления.

[1] В мае 2023 г. В. Иноземцев признан в России иностранным агентом.

Рубежной для формулирования подходов к посткапитализму стала политэкономическая работа Э. Гидденса «Ускользающий мир» (Giddens 2003), в которой был сформулирован тезис о недостаточности суверенного капитализма для развития полноценной глобализации. Данный тезис стал фактически идеологической основой позднего постиндустриального постмодерна, претендовавшего сперва на социальную, а затем – на политико-идеологическую универсальность. Гидденс, формулируя свои выводы, опирался преимущественно на социально-экономическую методологию; речь шла об адаптации глобализации к конкретным историческим условиям («глокализации»). Именно Э. Гидденс сформулировал потребность в деэкономизации глобализации, в которой наиболее значимыми становились не экономические, а социально-политические и социокультурные стороны. В этом и состоят базовые идейные основы посткапитализма. Возникновение дискуссии о дальнейшем развитии капитализма отражало недостаточность классической версии капитализма как модели развития, пределы расширения которого уже были почти достигнуты.

Дискуссия ускорилась после финансового кризиса 2008–2009 гг., продемонстрировавшего глубину возможных структурных дестабилизаций при приближении постиндустриального капитализма к пространственным границам развития при сохранении относительной суверенности крупнейших в экономическом плане государств мира. С этого момента ключевой линией развития постмодерна стала десуверенизация (Фукуяма 2019). Подобные идеи присутствовали и ранее, но теперь они стали флагманскими. Иными словами, нынешний этап развития архитектуры глобальной политики и экономики можно охарактеризовать как переход от «сетевого капитализма» и «капитализма государств» и их коалиций (таких, как ЕС, АСЕАН и проч.), конкурировавших между собой, к «капитализму пространств», которые могут выстраиваться и управляться вариативно, в зависимости от геополитической и, в меньше степени, политической ситуации.

После кризиса 2008–2009 гг. начали господствовать настроения «структурного пессимизма», основанные на признании неэффективности актуального на тот период капитализма (его финансово-инвестиционной версии, всё больше отрывавшейся от реального экономического содержания) как инструмента развития (Сален 2015), причём неэкономические составляющие постиндустриализма рассматривались как важнейшие (Горц 2010). Формировалась идея о принципиальном отличии постиндустриального капитализма от других вариантов рыночной экономики и необходимости применения к её изучению принципиально иной методологии (Ионин 2017). В этом смысле появление в глобальном, а затем и в российском дискурсе вопроса о посткапитализме не является разрывом тех дискуссий, которые велись на протяжении последних двух десятилетий, а напротив развивают их применительно к новой ситуации, но в пределах либерального дискурса (Kumar 2004; Шумкоски 2022; Срничек 2020).

В настоящее время наблюдается новый всплеск интереса к посткапитализму как к экономико-социальной системе с негласным признанием неизбежности её гибридного характера, включающего как экономические, так и социокультурные элементы, замещающие на уровне социального поведения «большие» комплексные идеологии (Коллиер 2021: 73).

Всплеск интереса к посткапитализму связан с четырьмя факторами. Во-первых, с разочарованием в техно-оптимистических концепциях будущего, доминировавших в западном социологическом и экономическом дискурсе не только в предпандемийный период, но и сразу после него (Урри 2018; Гринфилд 2019; Диамандис, Котлер 2021; Болдуин 2018). Данное обстоятельство хорошо заметно по эволюции ключевого идеологического посыла «давосского консенсуса» от техно-оптимистической и, по сути, антигуманистической концепции нейрофикации человека к капитализму «всеобщего блага» (Шваб, Дэвис 2019; Шваб, Ванхэм 2022).

Во-вторых, глобальная система экономической взаимозависимости, которая длительное время находилась в состоянии «предхаоса» в связи с откладыванием демонтажа её ключевых компонентов по политическим соображениям, всё-таки стала расформировываться (Евстафьев 2021). Начался «большой передел» глобальной экономики, в том числе с возможным изменением характера экономического базиса в ряде региональных экономических систем, что, впрочем, предсказывалось западными экономистами (Спенс 2013). Вариативность экономической базы глобализации допускалась в большей степени, чем вариативность социокультурной её составляющей, которая продолжает рассматриваться даже сейчас с позиций акцентированного универсализма.

В-третьих, происходит легализация «силовой геоэкономики» как основы для конкуренции ключевых государств за статус ядер макрорегионов. Уровень допустимого насилия во внешней политике и внешнеэкономической деятельности сегодня в целом вырос, что вызывает тревогу сторонников классических форматов американского глобального доминирования (Nye 2018). Этот процесс привёл к глубочайшему кризису институтов и формированию принципиально новых геоэкономических протопространств, альтернативных традиционным. Такими пространствами, уже на данном этапе получившими существенный потенциал, следует назвать польский проект «Междуморье» и проект активно реализуемый Р.Т. Эрдоганом «Турецкий мир», где Турция становится не просто экономическим, но и военно-политическим «хабом» (Аватков, Гузаеров 2023).

В-четвёртых, универсалистские модели социального развития, основанные на глобализированной модели избыточного социального потребления при постепенном транзите от преимущественного потребления товаров и услуг к потреблению ощущений, находятся в кризисе. Это одномоментно создавало увеличивающийся запрос на неэкономические модели управления общественными процессами, выходящими за рамки характерного для периодов относительной экономической стабильности и синергии развития «каскадирования»

социально-политических нарративов (Кастельс 2016) в условиях фиктивности ключевых социальных институтов в развивающихся странах и возникновения эффекта социальной «пустоты» (Майр 2019).

Особенностью сегодняшнего разворота темы «посткапитализма» являются вопросы о его внутренних системных свойствах, рассмотрение его в контексте международного взаимодействия, причём, как политического, так и экономического. Это связано с тем, что ключевым вопросом формирования мира неоглобальности является вопрос о формах национального или коалиционного суверенитета, механизмах его обеспечения и пределах суверенности в мире, где сохраняется значительный вес надпространственных систем, изначально построенных по принципу несуверенности.

Сформулируем первую констатацию: запрос на посткапитализм является результатом системного кризиса, затронувшего все основные составляющие постиндустриального капитализма, поэтому он проявляется комплексно, но первично в сфере политики и социокультурных отношениях, создавая ощущение своего идеологического характера. Важным элементом обсуждения темы посткапитализма становится анализ последствий трансформации современной глобальной экономической системы и международной политики. Помимо разрыва базовых связей экономической взаимозависимости происходит общая трансформация, обуславливающая движение от мир-системности, лежавшей не только в основе методологической оценки «больших экономических систем», но и для оценки перспектив развития глобальной экономики (Валлерстайн 2018), – к регионализации, представлявшей собой существенно более комплексный феномен. Регионализация воспринималась как геоэкономическое явление, хотя с самого начала предполагала чрезвычайно высокое значение инструментария безопасности, понимаемого, впрочем, максимально широко.

Внимание в России к международному аспекту посткапитализма обострено ещё и поиском Россией и российской элитой своего места в формирующейся системе международных политических и экономических отношений, обострённого пониманием того, что подавляющая часть прежних концептов не является больше актуальной.

Гипотезы и предположения

Концепт посткапитализма основывается, с одной стороны, на сохранении рыночной модели как основы организации внутренней экономической системы, и, с другой, на допущении присутствия в этой модели неэкономических (социальных, политико-идеологических и иных) элементов, которые действуют, в качестве ограничителей рыночности. При этом эти ограничители могут быть продуктом как внутренних процессов в отдельной социально-экономической системе (административно-политическое ограничение потребления по тем или

иным причинам, обязательные социально-экономические действия, культурно-национальные ограничения), так и внешних (прежде всего, санкционная политика).

Сформулируем несколько базовых предположений:

Предположение 1. Концепт посткапитализма, отражая осмысление в элитах развитых государств последствий кризиса модели развития на базе постиндустриального постмодерна, направлен на выработку модели превращения распада американоцентричной глобализации в относительно управляемый процесс, сохраняющий за США возможности управления макропроцессами за счёт неэкономических факторов. Естественно, что ключевым пространством реализации модели посткапитализма пока является контур межгосударственного взаимодействия; посткапитализм пока мало затрагивает внутреннюю экономику. Это средство переформатирования системы внешних экономических связей, отражающей кризис сформировавшейся к началу 2020-х гг. политико-экономической архитектуры мира. Посткапитализм стратегически нацелен на формирование пространства для фундаментальных структурных изменений политической и экономической архитектуры мира.

Предположение 2. Дискурс посткапитализма отражает объективно существующее понимание кризиса постиндустриального капитализма, прежде всего как основы глобализации с доминирующей ролью надпространственных систем. Речь идёт о невозможности в дальнейшем поддерживать динамизм глобализации только за счёт догоняющего потребления и в целом ввиду универсализации «общества потребления» как драйвера развития. Переход на новый технологический (а в действительности – социально-экономический) уклад возможен только при ограничении потребления, а с учётом общей ситуации в мире – сокращении ареала «вовлечения» в новую глобализацию.

Предположение 3. Кризис «постиндустриального» связан с кризисом социальной (фактически гибридной: социально-экономической и социокультурной) среды его проявления. Вне социокультурной среды постмодерна, причём постмодерна мегаполисов (глобальных городов) современный постиндустриализм развиваться не может. Постмодерн мегаполисов, относительно демократичный, характеризуемый сравнительно слабыми социальными связями и мягкой регуляторикой, в силу особенности внешнеполитических процессов превращается в ужесточающуюся идеологическую «рамку». Возникает противоречие: постмодерн является средой существования для постиндустриализма, но одновременно именно постмодерн, перерастающий из социокультурной среды в политико-идеологическую, выхолащивает основное содержание капитализма как такового. Насколько же много капитализма останется в посткапитализме, вернее в его конкретных пространственных моделях? Подобная неэкономическая рамка не может быть основой для долгосрочной устойчивой модели геоэкономического взаимодействия, с одной стороны, заменяющей американоцен-

тричную глобализацию на основе финансово-инвестиционного капитализма, а с другой, позволяющей в перспективе формировать устойчивую в институциональном плане систему международных отношений.

Предположение 4. Обсуждение темы посткапитализма в России и на Западе разнонаправлено. Дискурс посткапитализма на Западе до известной степени противостоит нынешнему курсу США на усиление консолидации «коллективного Запада» на базе идеологических, неэкономических факторов, что практически реализует парадигму «доминирования» в противовес концепции «лидерства», которая в существенно большей степени соответствует посткапитализму (Бжезинский 2004). В России дискурс посткапитализма отражает поиск модели интеграции в мировые процессы, на основе признания «особости» положения России и невозможности свести вопросы развития к адаптации её политической и экономической системы к форматам развития «цивилизованного» (западного) мира. Это формирует принципиальное противоречие: на Западе посткапитализм рассматривается как система, в России дискурс преимущественно развёрнут в сферу международного взаимодействия.

Пять вопросов о посткапитализме

Исходя из такого понимания, наиболее принципиальным в оценке посткапитализма как социально-экономического явления представляется следующий вопрос: что есть посткапитализм с точки зрения сочетания социально-экономических составляющих, и может ли это быть просто технологическая трансформация постиндустриального постмодерна на базе неограниченной цифровизации экономики? В принципе, возможна ли реализация посткапитализма в рамках существующей ныне социально-экономической парадигмы постиндустриального постмодерна? Этот вопрос вполне резонно встал в центре российской части дискурса относительно посткапитализма (Akopov, Krivokhizh 2019; Kuznetsov 2020), отражая понимание кризиса стратегического целеполагания в российской политике и экономическом развитии, ранее основывавшемся на идее плотной интеграции России в глобальную, по сути, американоцентричную экономику, но при сохранении относительно широких рамок политического суверенитета и социокультурной самобытности. Развитие отношений России и Запада в 2019–2023 гг., а также геоэкономический «разворот на Восток» при всей условности этого термина, выводит Россию в такое комплексное операционное пространство, где парадигма постиндустриального постмодерна уже не является доминирующей (Кортунов 2017; Кузнецов 2021). Вероятнее всего, можно предположить, что посткапитализм является не состоянием, а процессом, в котором сформируются различные, адаптированные под конкретные реалии модели не просто экономического, но социально-экономического поведения.

Из этого вытекает и второй принципиальный вопрос: что будет являться доминирующим драйвером трансформаций системы мировой экономики, существовавшей длительное время в формате постиндустриального постмодерна: политика, точнее – геополитическая целесообразность формирования новых комплексно защищённых пространств, переформатированные связи экономической взаимозависимости или новая социальность, выражающаяся не просто в актуализации идентичностей, которые и раньше рассматривались идеологами глобализма как сдерживающий фактор (Фукуяма 2019), но и в трансформации идентичностей в полноценный источник социально-экономического и социально-политического поведения, что традиционно рассматривалось как источник рисков межцивилизационного противоборства (Huntington 1996). Отметим отсутствие чёткой методологической основы для оценки неэкономической составляющей постиндустриального постмодерна и его возможных деривативов в мире неоглобальности (Josephson-Storm 2021). В российском политическом дискурсе вопрос о внешнеполитических и внешнеэкономических проявлениях посткапитализма выходит на первый план по объективным причинам. При этом внешнеполитические проявления посткапитализма будут проекцией его свойств по структурации и модернизации соответствующих внутренних социально-экономических пространств, на, прежде всего, ценностной основе.

В ряде российских толкований посткапитализма он рассматривается как некая антитеза социальной революции как инструмента трансформаций и стимулирования развития с выходом за жёсткие рамки теории общественных формаций (Давыдов 2021). В таком случае мы получаем образ посткапитализма как некоего «анти-неосоциализма» и просто попытку социо-технологического перехвата т. н. «левого разворота», который ожидался в начале 2020-х гг.

Поставим третий вопрос: насколько посткапитализм как система экономических связей будет претендовать на универсальность так, как это делала модель постиндустриального финансово-инвестиционного капитализма, подкрепляемая социокультурной парадигмой постмодерна. А главное, – могут ли сосуществовать различные версии посткапитализма, возможно конкурируя друг с другом. Ответ на этот вопрос является принципиально важным для межгосударственных отношений; он также определит характер идеологических консолидаторов систем/обществ/стран, формирующихся на базе различных версий посткапитализма. Если посмотреть в исторической перспективе, то посткапитализм возвращает нас к вопросу о различиях во внешнеполитическом поведении государств, порождаемых внутренней «социально-политической» культурой (Cooper 2000). Главный вопрос в том, что посткапитализм с учётом фактической легализации цивилизационной геоэкономики, является естественным результатом возвращения к пространственности, даёт существенно большие возможности для проявления тех факторов, которые считались традиционно «иррациональными», но в новых условиях включаются в рационалистические системы оценок той или иной внешнеполитической ситуации. Мир посткапи-

тализма как процесса формирования неуниверсальных, адаптированных под конкретное пространство моделей поведения существенно меняет баланс между «рациональным» и «иррациональным» в экономическом и политическом поведении акторов глобальной политики и экономики, более того, существенно изменяет понимание «иррациональности». Это возвращает нас к Предположению 2, о том, насколько удастся в процессе формирования моделей посткапитализма сохранить рационалистические основания капитализма как экономической и социально-экономической системы.

Сформулируем четвёртый базовый вопрос: какова может быть экономическая, в первую очередь, ресурсная база посткапитализма; если упростить: откуда будет извлекаться «рента развития», на базе которой будут формироваться регулирующие институты в рамках базовой и глокализованных моделей. Не создаёт ли вариативность экономической базы, связанной с регионализацией мировой экономики? Последнее особенно актуально в силу возникновения в процессе трансформации значимых пространств социально-экономической деструкции, которые могут быть заполнены практически любыми вариантами хозяйственных связей. Этот вопрос имеет прямое отношение к вопросам внешней политики, определяя наиболее приоритетные фокусные аспекты межгосударственной конкуренции. Из этого же вытекает вопрос о противоречиях в методологических основах целеполагания различных участников системы международных политических и экономических отношений. В действительности ответ на этот вопрос даст понимание, насколько сегодняшняя активизация дискурса посткапитализма и попытка апробации отдельных его элементов в практической политике отдельных государств является ситуативной реакцией на проявления кризиса американоцентричности, которая была основой глобализации, а насколько отражает долгосрочные развития и процесс деуниверсализации моделей не только социального развития (что сейчас вполне очевидно), но и экономического. В сущности, это и есть ключевой вопрос современных глобальных трансформаций.

Наконец, пятый, базовый вопрос: кто будет главными акторами посткапитализма? Это определит формат будущей институционализации, а также основные принципы конкуренции между ключевыми игроками. Эта тема заслуживает глубокого отдельного исследования. Выскажем предположение, что и постглобальный мир в целом, и различные локализованные варианты посткапитализма (в рамках формирующихся макрорегионов) могут быть сформированы не только на базе национальных государств. Скорее, неоглобальный мир будет миром «больших систем» различного типа, конкретное сочетание которого будет определяться историей того или иного региона, его культурой и т. п. Такими «большими системами» могут быть и национальные государства, и их коалиции, и корпоративные структуры, а в ряде случаев – и наднациональные структуры. Главным методологическим вопросом будет характер интегрирующих связей между этими акторами, в основе которых не обязательно будет экономика.

Заключение

Посткапитализм есть рамочное понятие, охватывающее широкий круг предположений о возможных дальнейших направлениях трансформации экономических систем, предполагающих выход за рамки актуальной на конец 2010-х гг. системы глобальной геоэкономической, технологической и финансово-инвестиционной зависимости, предполагавшей США в качестве бесспорного «ядра» ключевых экономических и политических процессов.

С определёнными допущениями посткапитализм можно было бы считать вариантом «ситуативной политизированной экономики», в котором отсутствие твёрдых правил поведения (своего рода «экономический постмодерн») становится инструментом повышения конкурентоспособности, прежде всего, на внешнем контуре. С исторической точки зрения посткапитализм можно отнести к специфическим проявлениям геоэкономического ревизионизма, но с учётом особенностей современного, с одной стороны, глобального, но с другой стороны, гибридного политико-экономическом пространства. Значит сам по себе дискурс является свидетельством кризиса современной не только политической, но и экономической архитектуры.

Главная авторская констатация сводится к тому, что ориентация дискурса посткапитализма на внешнеполитические вопросы отражает реальность: первичной сферой межсистемного взаимодействия, где проявятся особенности посткапитализма, будет сфера внешнеэкономического и в целом международного взаимодействия.

Посткапитализм не может рассматриваться как полноценная модель социально-экономического развития. Он слишком вариативен и может отличаться в зависимости от конкретного пространства проявления и социально (с точки зрения опорных социальных групп и доминирующего типа социальных институтов), и идеологически (от авторитаризма до идеократической демократии). Именно поэтому посткапитализм пока выглядит как набор ситуативно используемых инструментов экономического и социально-экономического управления, в силу особенностей ситуации в мире (деградация правовых основ международных экономических и политических отношений) в наибольшей мере востребованных во внешней политике. Это облегчается тем, что концепт изначально ситуативно адаптивен к конкретным историческим и пространственным условиям и будет отражать нарастание элемента «самобытности» в глобальной политике, как минимум, по форме (Цыганков, Цыганков 2022).

Главный вывод сводится к следующему: посткапитализм – скорее набор принципов организации пространства/пространств, выстраивания внутри них системы социально-экономических и социально-политических связей, а не модель развития. С одной стороны, посткапитализм есть элемент возврата к пространственному миру и совершенно логично, что он обсуждается преимуще-

ственно в контексте международных процессов, а с другой, посткапитализм всё же является частью инструментария переходного периода в международных политических и экономических отношениях.

Посткапитализм постепенно перестаёт быть лишь теоретической конструкцией, существующей «на кончике пера». Отдельные его элементы, например ограничения рыночных отношений по идеологическим причинам, идеологически мотивированные ограничения социального и личного потребления апробируются уже сейчас. В дальнейшем мы столкнемся с любопытным феноменом: будучи по форме проявлением деэкономизации глобальных процессов в условиях слома относительно длительно существовавшей политико-экономической системы дискурс отражает процесс «отрицания» моделей экономического взаимодействия и развития, сформировавшихся и считавшихся универсальными в период поздней глобализации, легализуя уже сформировавшийся процесс постепенного внесения в экономику, включая и межгосударственную экономическую конкуренцию, элементов внеэкономического регулирования. Дискурс посткапитализма носит трансформационный характер и в силу этого политизирован. Но по мере консолидации новой глобальной геоэкономической архитектуры посткапитализм как понятие будет приобретать всё более экономизированный характер, но главное, он будет затрагивать модели экономического развития внутри соответствующих стран. Из преимущественно востребованного на «внешнем» контуре, он может начать использоваться для управления внутренними социально-экономическими процессами.

Об авторе:

Дмитрий Геннадиевич Евстафьев – кандидат политических наук, профессор Института медиа Факультета креативных индустрий Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики. 109028, Москва, Хитровский переулок, д. 2/8, стр. 5. E-mail: devstafiev@hse.ru; профессор кафедры теории права и государства Российского университета дружбы народов. 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: estd1212@yandex.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

UDC 316:330.1:327
Received: June 5, 2023
Accepted: December 8, 2023

The Discourse of Post-capitalism as a Reflection of the Crisis of Globalization

D.G. Evstafiev
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-207-222

HSE University
Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: The primary objective of this article is to construct a comprehensive conceptual definition of "post-capitalism." The contemporary global landscape, characterized by post-modernity, is currently undergoing a profound institutional crisis. This crisis impacts both its economic underpinnings, rooted in the dominance of financial capitalism, and its societal foundations, which revolve around a universal model of social development built upon a universalist model of consumption.
Discourses surrounding post-capitalism within Russian and Western academic and expert circles exhibit unique characteristics. However, they share common traits. On one hand, these discourses reflect an acknowledgment of the impasses inherent in existing models of globalization. On the other hand, they recognize the transformation of capitalism as a universal socio-economic system that forms the bedrock of international relations. This article underscores the inescapable rise of non-economic factors influencing socio-economic systems' development, including their role in shaping international relations.
Post-capitalism is best understood as a collection of principles guiding spatial organization and the establishment of economic and political relationships within these spaces, rather than a specific developmental model. Positioned as an element within the broader return to a spatiality, post-capitalism is predominantly discussed within the context of international processes, serving as a transitional phase in international political and economic relations.

Keywords: economic globalization, post-industrial society, global transformations, geo-economics, post-capitalism, geo-economic regions

About the author:

Dmitry G. Evstafiev – Candidate of Political Sciences, Professor, Institute of Media, Faculty of Creative Industries, National Research University – Higher School of Economics. Hitrovsky per., bld. 2/8-5, Moscow, 109028. E-mail: devstafiev@hse.ru; Professor, Department of Theory of Law and State, Peoples' Friendship University of Russia. Mikluho-Maklaya Str., 6, Moscow, 117198. E-mail: estd1212@yandex.ru

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Akopov S.V., Krivokhizh S.V. 2019. *Symbolic Representations of "Sovereignty" in Modern Political Discourse (Comparative Analysis of Contemporary Discourse from France, USA, Russia and China).* Higher School of Economics Basic Research Program Working Papers. Series: Political Science. WP BRP 65/PS/2019.

Cooper R. 2000. *Post-Modern State and the World Order.* London: Demos. 44 p.

Giddens A. 2003. *Runaway World: How Globalization Is Reshaping Our Lives.* New York: Routledge. 104 p.

Huntington S. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.* New York: Simon&Shuster. 367 p.

Josephson-Storm J.A. 2021. *Metamodernism. The Future of Theory.* Chicago IL: University of Chicago Press. 360 p.

Kumar K. 2004. *From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World,* 2nd edition Wiley-Blackwell. 304 p.

Kuznetsov V.A. 2020. Neo-Modernity: A New Framework for Political Reality the Middle Eastern Case. *Russia in Global Politics.* №2. P. 132–154.

Nye J.Jr. 2018. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. *Foreign Affairs,* January, 24.

Toffler A. 1981. *The Third Wave. The Classic Study of Tomorrow.* New York: Random house, Bantam books. 537 p.

Avatkov V.A., Guzayerov R.I. 2023. «Mir bol'she pyati», ili spravedlivost' po-turetski ["The World is More than Five", or Justice in Turkish]. *Sovremennaya Evropa.* 1(115). P. 194–201. (In Russian)

Bespalaya O.P. 2014 Posle postmoderna: al'termodern, transmodern, postpostmodern [After Postmodern: Altermodern, Transmodern, Postpostmodern]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki.* №3. P. 20–22. (In Russian)

Bolduin R. 2018. *Velikaya konvergentsiya. Informatsionnyye tekhnologii i novaya globalizatsiya* [The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization]. Ed. by A.Belykh. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS. 416 p. (In Russian)

Boltanski L., K'yapello Ev. 2010. *Novyy dukh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 976 p. (In Russian)

Bzhezinskiy Z. 2004. *Vybor: Global'noye gospodstvo ili global'noye liderstvo* [The Choice]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 288 p. (In Russian)

Davydov D.A. 2021. *Postkapitalizm i rozhdeniye personaliteta* [Post-capitalism and the Birth of Personalities.]. Moscow: RIPOL klassik. 336 p. (In Russian)

Diamandis P., Kotler S. 2021. *Budushcheye bystreye, chem vy dumayete. Kak tekhnologii menyayut biznes, promyshlennost' i nashu zhizn'* [The Future Is Faster than You Think. How Technology is Changing Business, Industry and Our Lives.]. Moscow: Mann, Ivanov i Farber. 336 p. (In Russian)

Evstafiev D. 2023. Koalitsionnyy suverenitet Yevrazii v epokhu «postekonomiki» [Coalition Sovereignty of Eurasia in the Era of "Post-Economy"]. *Evraziya.ekspert.* URL: https://eurasia.expert/koalitsionnyy-suverenitet-evrazii-v-epokhu-postekonomiki/?sphrase_id=50841 (accesed: 20.12.2023). (In Russian)

Evstafiev D.G. 2021. Predkhaos kak srednesrochnoye sostoyaniye global'noy politiki i ekonomiki [Prechaos as a Medium-Term State of Global Politics and Economics]. *Ekonomicheskiye strategii.* №1. P. 22–29. (In Russian)

Fukuyama F. 2017. *Ugasaniye gosudarstvennogo poryadka* [The Decline of the State Order]. Moscow: Izdatel'stvo AST. 704 p. (In Russian)

Fukuyama F. 2019. *Identichnost': stremleniye k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: the Desire for Recognition and the Politics of Rejection]. Moscow: Al'pina Pablisher. 256 p. (In Russian)

Gorts A. 2010. *Nematerial'noye. Znaniye, stoimost', capital* [Non-material. Knowledge, Value, Capital]. Moscow: Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta Vysshaya shkola ekonomiki. 208 p. (In Russian)

Grinfild A. 2019. *Radikal'nyye tekhnologii: ustroystvo povsednevnoy zhizni* [Radical Technologies: the Organization of Everyday Life]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS. 474 p. (In Russian).

Inozemtsev V. L. 1997. Kontseptsiya postekonomicheskogo obshchestva [The Concept of Post-Economic Society]. *Sotsiologicheskiy zhurnal.* №4. P. 71–78. (In Russian)

Ionin L. G. 2007. *Sotsiologiya v obshchestve znaniy: ot epokhi moderna k informatsionnomu obshchestvu* [Sociology in the Knowledge Society: from the Era of Modernity to the Information Society]. Moscow: Izdatel'skiy dom GU VSHE. 431p. (In Russian)

Kastel's M. 2016. *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. Ed. by A.I. Chernykh. Moscow: Izdatel'skiy dom NIU VSHE. 564 p. (In Russian)

Kolliyer P. 2021. *Budushcheye kapitalizma* [The Future of Capitalism]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaydara. 376 p. (In Russian)

Kortunov A.V. 2017. Ot postmodernizma k neomodernizmu, ili Vospominaniya o budushchem [From Postmodernism to Neomodernism, or Memories of the Future]. *Rossiya v global'noy politike.* №1. (In Russian)

Kuznetsov D.A. 2021. Sootnosheniye transregionalizatsii i globalizatsii v mirovoy politike [Correlation between Transregionalization and Globalization in World Politics]. *MGIMO Review of International Relations.* №5. P. 65–80. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-65-80 (In Russian)

Mayr P. 2019. *Upravlyaya pustotoy. Razmyvaniye zapadnoy demokratii* [Managing the Void. The Erosion of Western Democracy]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 216 p. (In Russian)

Salen P. 2015. *Vernut'sya k kapitalizmu, chtoby izbezhat' krizisom* [Return to Capitalism to Avoid the Crisis]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaydara. 272 p. (In Russian)

Shumkoski G. 2022. Global'nyy transfer neoliberal'nykh modeley i doktrina suverennogo gosudarstva [Global Transfer of Neoliberal Models and the Doctrine of the Sovereign State]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya.* №4. P. 771–787. (In Russian)

Shvab K., Devis N. 2019. *Tekhnologii chetvertoy promyshlennoy revolyutsii* [Technologies of the Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo. 320 p. (In Russian)

Shvab K., Vankhem P. 2022. *Kapitalizm vseobshchego blaga: novaya model' mirovoy ekonomiki* [Common Good Capitalism: A New Model for the World Economy]. Moscow: Eksmo. 352 p. (In Russian)

Spens M. 2013. *Sleduyushchaya konvergentsiya. Budushcheye ekonomicheskogo rosta v mire, zhivushchem na raznykh skorostyakh* [The Next Convergence. The Future of Economic Growth in a World Living at Different Speeds]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 336 p. (In Russian)

Srnichek N. 2020. *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. 128 p. (In Russian)

Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. 2022. Global'nost' i samobytnost' v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Globality and Originality in the Theory of International Relations]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov.* Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya. №1. P. 7–16. (In Russian)

Urri Dzh. 2018. *Kak vyglyadit budushcheye* [What the Future Looks Like]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS. 320 p. (In Russian)

Wallerstein I. 2018. *Mirosistemnyy analiz. Vvedeniye* [World-System Analysis. Introduction]. Moscow: URSS: LENAND. 304 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Аватков В.А., Гузаеров Р.И. 2023. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки. *Современная Европа.* 1(115). С. 194–201.

Беспалая О. П. 2014 После постмодерна: альтермодерн, трансмодерн, постпостмодерн. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* №3. С. 20–22.

Бжезинский З. 2004. *Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство.* Пер. с англ. Москва: Международные отношения. 288 с.

Болдуин Р. 2018. *Великая конвергенция. Информационные технологии и новая глобализация.* Пер. с англ. О. Левченко по научн. ред. А.Белых. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 416 с.

Болтански Л., Кьяпелло Эв. 2010. *Новый дух капитализма.* Москва: Новое литературное обозрение. 976 с.

Валлерстайн И. 2018. *Миросистемный анализ. Введение.* Пер. с англ., Вступительная статья и прил. Г.М. Дерлугьяна. Изд. 2е, испр. Москва: УРСС: ЛЕНАНД. 304 с.

Горц А. 2010. *Нематериальное. Знание, стоимость, капитал.* Пер. с немецкого и французского. Москва: Издательский дом Государственного университета Высшая школа экономики. 208 с.

Гринфилд А. 2019. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни.* Пер. с англ. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 474 с.

Давыдов Д.А. 2021. *Посткапитализм и рождение персоналитета.* Москва: РИПОЛ классик. 336 с.

Диамандис П., Котлер С. 2021. *Будущее быстрее, чем вы думаете. Как технологии меняют бизнес, промышленность и нашу жизнь.* Пер. с англ. Москва: Манн, Иванов и Фарбер. 336 с.

Евстафьев Д. 2023. Коалиционный суверенитет Евразии в эпоху «постэкономики». Интернет-портал «*Евразия.эксперт*». URL: https://eurasia.expert/koalitsionnyy-suverenitet-evrazii-v-epokhu-postekonomiki/?sphrase_id=50841

Евстафьев Д.Г. 2021. Предхаос как среднесрочное состояние глобальной политики и экономики. *Экономические стратегии.* №1. С. 22–29.

Иноземцев В.Л. 1997. Концепция постэкономического общества. *Социологический журнал.* №4. С. 71–78.

Ионин Л.Г. 2007. *Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу.* Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ. 431 с.

Кастельс М. 2016. *Власть коммуникации.* Под научной редакцией А. И. Черных. Пер. с англ. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ. 564 с.

Коллиер П. 2021. *Будущее капитализма.* Пер. с англ. Москва: Издательство института Гайдара. 376 с.

Кортунов А.В. 2017. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем. *Россия в глобальной политике.* № 1.

Кузнецов Д.А. 2021. Соотношение трансрегионализации и глобализации в мировой политике. *Вестник МГИМО-Университета.* №5. С. 65–80. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-65-80

Майр П. 2019. *Управляя пустотой. Размывание западной демократии.* Пер. с англ. Москва: Издательство Института Гайдара. 216 с.

Сален П. 2015. *Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисом.* Пер. с франц. Москва: Издательство института Гайдара. 272 с.

Спенс М. 2013. *Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях.* Пер. с англ. Москва: Издательство Института Гайдара. 336 с.

Срничек Н. 2020. *Капитализм платформ.* Пер. с англ. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 128 с.

Урри Дж. 2018. *Как выглядит будущее.* Пер. с англ. Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 320 с.

Фукуяма Ф. 2017. *Угасание государственного порядка.* Москва: Издательство АСТ. 704 с.

Фукуяма Ф. 2019. *Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия.* Пер. с англ. Москва: Альпина Паблишер. 256 с.

Цыганков А.П., Цыганков П.А. 2022. Глобальность и самобытность в теории международных отношений. *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: Международные отношения. №1. С. 7–16.

Шваб К., Ванхэм П. 2022. *Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики.* Пер. с англ. Москва: Эксмо. 352 с.

Шваб К., Дэвис Н. 2019. *Технологии четвертой промышленной революции.* Пер. с англ. Москва: Эксмо. 320 с.

Шумкоски Г. 2022. Глобальный трансфер неолиберальных моделей и доктрина суверенного государства. *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: Международные отношения. №4. С. 771–787.

Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(6). С. 223–249
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-223-249

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Хуацяо нунчан: обособленные поселения китайских реэмигрантов внутри Китая

П.Э. Струкова

Гуанчжоуский Институт Наньфан

В предлагаемом исследовании даётся описание и общий анализ административных единиц *хуацяо нунчан* – фермерских хозяйств китайских реэмигрантов на территории современного Китая. Данные поселения как один из вариантов администрирования эмигрантов были заселены в три этапа в 1950–1980-х гг. Изначально они имели вид сельскохозяйственных единиц, первыми жителями которых стали этнические китайцы, массово возвращавшиеся из Малайзии, Индонезии, Вьетнама и некоторых других стран в Китайскую Народную Республику. Автор ставит перед собой задачу восполнить пробелы в описании данного феномена, а также предпринимает попытку анализа логики создания и периодизации этапов заселения и реформирования данных административных единиц на территории Китая, структурируя и обобщая имеющуюся информацию. Особенность данной статьи состоит в привязке к историческому контексту, что позволяет понять специфику поселений данного типа. В результате анализа работ китайских экспертов выявлена главная причина выбора властями КНР данного формата организации переселенцев: это был способ быстрого решения проблемы голода и трудоустройства больших масс беженцев. Со временем в данном формате внутренней работы с эмигрантами обнаружилось много недостатков. Изначальная экономическая несостоятельность поселений, неблагоприятный социокультурный фон и отсутствие грамотного подхода в организации жизни переселенцев требовали постоянного реформирования. Постепенная трансформация части хозяйств *хуацяо нунчан* из убыточных госхозов в прибыльные сельскохозяйственные предприятия происходила за счёт децентрализации принятия решений, переориентации на локальные рынки, снятия социального напряжения, обучения кадров и интеграции замкнутых на себе поселений в экономику Китая. Иллюстративно приведены выдержки из воспоминаний самих переселенцев, в контексте представлена и краткая характеристика некоторых фермерских хозяйств *хуацяо* как способа администрирования и социализации вернувшихся на родину китайских эмигрантов. Кроме того, в статье даётся краткий анализ терминологии, связанной с данной темой.

Ключевые слова: Китай, хуацяо, миграционная политика, китайская диаспора, реэмиграция, менталитет, административное деление, экономические реформы

УДК: 94(51):325.254:631/632
Поступила в редакцию: 11.04.2023
Принята к публикации: 12.09.2023

Первые фермерские хозяйства ранее проживавших за рубежом хуацяо были созданы в 1950-е гг. руководством КНР в попытке организованного размещения и трудоустройства большого количества «возвращенцев». За всё время существования данной формы организации реэмигрантов на территориях семи провинций страны вели хозяйственную деятельность 84 фермерских хозяйства *хуацяо*; в последние годы часть из них была расформирована или переведена в другой административный статус[1]. В настоящее время в статусе реэмигрантов в данных поселениях проживают около 240 тыс. чел. Больше всего *хуацяо нунчан* насчитывается в южно-китайских провинциях Гуандун и Фуцзянь, а также в Гуанси-Чжуанском автономном районе (ГЧАР) – 23, 17 и 22 соответственно (Афонасьева 2015: 142–143).

Роли *хуацяо* в экономическом подъёме Китая в конце XX и начале XXI вв. посвящено множество исследований как в отечественном, так и в зарубежном востоковедении. Среди них можно отметить работы А.В. Афонасьевой, Я.О. Захарьева, С.В. Рязанцева, Е.С. Анохиной, Дудли Постона, Вон Цзюиня, Дэниэла Гудкинда, Чжу Хуэйлинь, Ван Минь и т. д. История и образ китайских эмигрантов *хуацяо* неизменно привлекают внимание исследователей, и феномен *хуацяо нунчан* не исключение.

Кроме того, процессы репатриации в том или ином виде актуальны во многих странах. Программы возвращения эмигрантов на родину имеют, к примеру, Израиль, Армения, Польша, Латвия, Германия, Казахстан, Киргизия и Россия. Для изучения опыта Китая по данному вопросу представляет интерес анализ общих методов работы с «возвращенцами» в 1950–1980-х гг. и в наше время. В этом контексте детального изучения заслуживают причины бурного развития некоторых фермерских хозяйств *хуацяо*, общие экономические последствия организации подобных поселений, а также социально-культурная составляющая *хуацяо нунчан* как одного из вариантов контроля репатриантов.

Методологически данная работа представляет собой продолжение междисциплинарного изучения процессов, причин и последствий миграции с точки зрения синтетической теории[2], рассматривающей миграцию в контексте не только экономических, но и социальных преобразований. В силу относительной свежести и актуальности данной теории, различные исследования в данном разрезе представляют особую ценность для научного сообщества.

---

[1] General information about overseas Chinese farms [中国华侨农场简介]. 2007. *Zhongguo qiaowang*. URL: https://web.archive.org/web/20071207231431/http:/www.hsm.com.cn/news/2005/0920/68/314.shtml (accessed 15.12.2023) (in Chinese).

[2] Синтетическая теория миграции (Synthetic theory of migration) объясняет миграционные процессы на основе экономических, социологических, демографических и других подходов. Применяется для планирования миграционной политики и разработки программ, направленных на решение проблем, связанных с переселением.

Цель данной работы – представить описание такого формата организации жизненного пространства китайских реэмигрантов, как обособленные фермерские хозяйства *хуацяо* (ниже ФХХ), на основе изучения исследовательской литературы путём применения общенаучных методов анализа, сравнения и сопоставления.

Для достижения заявленной цели в тексте статьи даны краткий обзор терминологии по вопросу и описание исторического контекста создания рассматриваемых административных единиц. Кроме того, изучен контекст образования и процесс эволюции ФХХ как формата администрирования реэмигрантов. Приводятся положительные и отрицательные результаты политики КНР по вопросу размещения мигрантов на ФХХ. Нами использованы исторические документальные свидетельства, позволяющие сформировать общее представление о специфике функционирования фермерских хозяйств *хуацяо* с начала их формирования.

Научная новизна работы состоит в обобщении и систематизации накопленного научного опыта в области изучения китайской миграционной политики в рамках научной дискуссии по вопросам миграции.

Вопросы терминологии

В силу социально-исторических особенностей китайский термин *хуацяо нунчан*, как и ряд других терминов того исторического периода, не имеет в русском языке эквивалента, подходящего для ведения качественной научной дискуссии. Как пишет В.Ф. Щичко[3], перевод подобной лексики с китайского языка может идти по так называемому «совмещённому способу», т. е. путём сочетания двух приёмов – транскрипции, или калькирования, и описательного перевода.

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН А.В. Афонасьева (2022: 151) в своей монографии переводит *хуацяо нунчан* (华侨农场), или сокращённо – *цяочан* (侨场), как «фермерские хозяйства *хуацяо*» или «ФХХ». Нельзя не отметить несколько деталей, влияющих на восприятие термина.

Во-первых, на сегодняшний день *хуацяо* (华侨) – это «постоянно проживающие за рубежом граждане КНР» (Афонасьева 2022: 16), включая держателей постоянного или долгосрочного вида на жительство (ВНЖ), прожившие в стране более 18 месяцев в течение двух лет или имеющие иной документ помимо ВНЖ и прожившие в стране более 30 месяцев в течение пяти лет; исключая китайских студентов и работников, выехавших за рубеж на длительный срок (Афонасьева 2022: 16–17). На момент же создания первого ФХХ (декабрь 1951 г.) под *хуацяо* понимали «всех китайцев за рубежом вне зависимости от граждан-

[3] Щичко В.Ф. (2004) *Китайский язык. Теория и Практика Перевода.* Москва: Восток – Запад. 223 с.

ства» (Афонасьева 2022: 15). Об эволюции отношения к вопросам гражданства китайцев за рубежом, их юридических статусах и постепенной конкретизации термина *хуацяо* подробно пишет в своей монографии А.В. Афонасьева (2022).

Во-вторых, в публикациях на китайском языке в отношении поселившихся на таких фермах людей нередко используют термины *гуйцяо* (归侨), «вынужденные переселенцы, обладающие низкой квалификацией», *наньцяо* (难侨) – «китайские эмигранты, которые подверглись преследованию за границей», а также комплексный термин – *гуйнаньцяо* (归难侨). Между тем к 2007 г. менее 35% реэмигрантов на этих фермах имели статус беженцев[4].

В-третьих, вторую часть термина *хуацяо нунчан*, т. е. *нунчан* (农场), часто переводят как «ферма», «фермерское хозяйство», «сельскохозяйственная станция» или «госхоз», однако к 2007 г. только 14% всей территории хозяйств занимали пашни[5]. Кроме того, фактически шесть из 84 госхозов были созданы в форме лесничеств, но для удобства все эти административные единицы в китайской литературе продолжают называть *хуацяо нунчан* (Ning 2018: 12).

В-четвёртых, в настоящее время идёт процесс реформации и реорганизации *хуацяо нунчан*, и строго говоря, многие из них уже не существуют под таким названием, однако для прослеживания их истории и отражения специфики в научном дискурсе, статистике, аналитике и на географических картах они фигурируют именно как *хуацяо нунчан* (Li Xiangyi 2017: 51).

Развёрнутое определение *термину хуацяо нунчан* (ФХХ) дают китайские исследователи Сюй Цзиньдин (Xu Jinding), профессор истории и магистр права, директор Исследовательского центра цяосян при Институте этнических китайцев Университета *хуацяо*, и Цзян Цзэхуа (Jiang Zehua), доктор экономики, профессор Института политики и государственного управления Университета *хуацяо*. Они определяют ФХХ как «государственные сельскохозяйственные станции, построенные для переселения [китайских – *П.С.*] беженцев и реэмигрантов, которые были вынуждены вернуться в страну» (2018: 27). Доцент института международных отношений университета Сунь Ятсена Ли Сянъи подчёркивает, что такие поселения – это «особые сообщества» со своей спецификой и особенностями функционирования (Li 2017: 51).

Историк Хэ Цзэцин определяет ФХХ как «местный низовой административный орган, который также является государственным учреждением, сельскохозяйственным предприятием или компанией» (2018: 37).

---

[4] General information about overseas Chinese farms [中国华侨农场简介]. 2007. *Zhongguo qiaowang*. URL: https://web.archive.org/web/20071207231431/http:/www.hsm.com.cn/news/2005/0920/68/314.shtml (accessed 15.12.2023) (in Chinese).

[5] Там же.

В семитомнике «История сообществ китайских реэмигрантов в Китае» ФХХ определены как «производственные объединения с особенностями предприятия» или «имеющие деловую природу промышленные (хозяйственные) субъекты»[6] (Dong 2017: 208).

А.В. Афонасьева называет ФХХ «фермерскими хозяйствами зарубежных китайцев» с изначально обособленной инфраструктурой, предназначенной в качестве адаптирующей площадки «для некоторой категории малоимущих и низкоквалифицированных реэмигрантов» в китайском обществе, а также имевших связь с зарубежной китайской диаспорой (Афонасьева 2015: 132; Афонасьева 2022: 163).

При обсуждении данной темы важно концептуально отделять ФХХ от *цяосян* (侨乡); к таким районам относятся, например, город Путянь провинции Чжэцзян. Заместитель директора Совета китайских эмигрантов, а также граждан Гонконга, Макао и Тайваня при ВК НП КСК третьего созыва Цю Юаньпин определяет *цяосян* как «место плотного проживания китайцев, имевших опыт долгосрочного пребывания за рубежом» (Qiu 2018a: 4). А.В. Афонасьева (2015: 130) уточняет, что к характеристикам *цяосян* относятся «значительное количество хуацяо (выходцев из данной местности), реэмигрантов всех категорий и их родственников (не менее 10% от общего количества населения), проживающих или периодически находящихся на данной территории; тесные связи данной территории с заграницей; существенное влияние зарубежных китайцев на экономическое развитие данной территории»; специфические культурные черты. Так или иначе, очевидно, что *цяосян* имеют отличную от ФХХ организацию: у *цяосян* нет чётких границ и управляющей структуры, их не учитывают в качестве отдельных административных единиц в составе страны.

Обзор литературы по теме

Заявленная тема не относится в Китае к разряду табуированных или чувствительных, однако широкого обсуждения в китайском и международном научном сообществе не вызывает, что обуславливает специфику имеющейся литературы по вопросу организации и функционирования ФХХ.

В настоящее время наиболее полным доступным справочно-аналитическим материалом о ФХХ можно назвать изданный в 2017 г. семитомник «История сообществ китайских реэмигрантов в Китае» (2017); его главный составитель – Дун Чжунъюань (Dong Zhongyuan), политик, заместитель председателя и заместитель секретаря группы партийного руководства Всекитайской феде-

[6] Кит. 是带有事业性质的企业单位

рации китайских эмигрантов. Это первый в Китае труд, который всесторонне описывает причины создания и историю развития всех 84 ФХХ, а также вклад данных административных образований в экономику страны.

Первый из семи томов посвящён общей информации о ФХХ. Следующие три тома подробно рассказывают об этих фермерских хозяйствах в провинциях Гуандун, Фуцзянь и в Гуанси-Чжуанском автономном районе. В отдельный том собрана информация о поселениях реэмигрантов в провинциях Юньнань, Хайнань, Цзянси и Цзилинь. Шестой том представляет собой сборник документов и материалов о государственных законах и постановлениях, касающихся организации и существования ФХХ, защиты прав и интересов проживающих в них *хуацяо*. Седьмой том включает многочисленные фотоматериалы о жизни в ФХХ в разные периоды их существования.

В широком доступе не сохранилось или вовсе не существовало официальных документов центрального правительства КНР, касающихся активного формирования и заселения ФХХ с 1955 по 1980 гг.; обнаруживаются лишь отдельные распоряжения местных властей. Такая ситуация может свидетельствовать о наличии более острых вопросов для центрального правительства в те годы, а также о том, что организацией ферм предполагалось решить вопрос поселения реэмигрантов «на скорую руку» доступными средствами, чтобы обеспечить первоочередные потребности прибывающих в страну людей.

В научной литературе последних лет особое внимание уделено экономическим трансформациям конкретных ФХХ, а также системам управления этими административными единицами в разные периоды их существования. Однако, как отмечает историк Ли Сянъи (Li 2017: 51), имеющиеся в широком доступе исследования в большинстве своём носят описательный характер и не раскрывают логику шагов, предпринятых для преодоления тех или иных трудностей. К тому же большинство работ в качестве отправной точки описания феномена ФХХ указывают 1985 г., когда накануне проведения масштабных реформ были собраны первые наиболее полные статистические данные об этих хозяйствах (Li 2017: 51). Данный подход представляется значительным упущением, потому как история ФХХ включает и основание первых поселений в 1950-х гг., и исторический контекст, затрагивающий более ранние периоды китайской истории.

Ли Сянъи подчёркивает, что многие материалы представляют собой формализованные отчёты о реализации планов в отношении ФХХ со стороны центрального правительства и могли быть «приукрашены». При этом в них совершенно не уделяется внимание обратной связи от населения после реализации конкретных мер. Крайне скромно освещён вопрос социальной структуры эмигрантских поселений тех времён, отношений между центральным и локальным правительствами (Li 2017: 51).

Обзор доступных источников показал, что в статьях китайских авторов активно приводятся примеры эволюции конкретных ФХХ, даны статистические данные по производственным достижениям, анализируются инструменты

и приводится хроника введения системы пенсионного страхования, улучшения условий труда, послабления налогового бремени, оценивается успешность реформирования управления этими особыми административными единицами. Кроме того, обсуждаются конкретные шаги реформ и приводятся доводы в пользу их необходимости.

Нами не обнаружено исследований или обзоров, касающихся, например, процессов застройки новых населённых пунктов ФХХ, вопросов психологической и лингвистической адаптации жителей ФХХ, сравнения юридического и социального статуса *хуацяо* в ФХХ и местных жителей. Между тем освещение подобных вопросов помогло бы полнее раскрыть изучаемый феномен.

Помимо упомянутых ранее исследователей, можно отметить нескольких авторов, чьи работы вошли в сборник научно-исследовательских статей, посвящённых устройству ФХХ, выпущенный Сямэньским университетом (Xu, Jiang 2018). Так, Чжан Илун, вице-президент Академии этнических китайцев при Университете Цзинань, член Национального совета Канцелярии по делам эмигрантов Госсовета КНР, проанализировал исторический фон и общую картину развития ФХХ. Лун Юньди (Long Yundi) на основе сохранившихся документов показала, какие именно меры принимало правительство провинции Гуандун во время третьей волны заселения ФХХ. Лань Цян (Lan Qiang), начальник Отдела пропаганды и агитации ГЧАР, на конкретных примерах разобрал процесс реформирования ФХХ. Ван Ини (Wang Yini), профессор-ассистент Университета искусств, по архивным материалам воссоздал картину действий и психологический портрет китайских репатриантов в ФХХ во время культурной революции. Сохранились и сборники воспоминаний переселенцев, интервью с ними в 2008–2013 гг.

Подавляющее большинство англоязычных исследований фокусируются на вопросах инвестиционной активности хуацяо, защите их прав и безопасности проживания за рубежом, а также обращены к культурным и лингвистическим особенностям взаимодействия китайских эмигрантов с внешним миром.

О социальном статусе представителей китайской иммиграции в странах пребывания пишет Юи Чим Ло (Yui 2022), делая акцент на причинах роста националистических настроений в обществе накануне антикитайских движений и массовой репатриации хуацяо. Непосредственное отношение к теме жизни в ФХХ имеют работы, посвящённые дискриминации беженцев внутри Китая (Wang, Huang 2020), затрагивающие различные аспекты современной миграционной политики Китая в целом.

Одной из ранних англоязычных работ о местах проживания *хуацяо* в Китае можно считать выпускную квалификационную магистерскую работу Глен Питерсон[7]. Позже на её основе была опубликована одноимённая научная статья

[7] Peterson G. 1986. *The Overseas Chinese Areas of Rural Guangdong and Socialist Transformation, 1949–1956*. The University of British Columbia. 191 p. DOI: 10.14288/1.0097144

(Peterson 1988). В работе детально рассматриваются такие вопросы, как недостаток лояльности и общее замешательство населения ФХХ, хаотичность работы бюрократической машины в отношении переселенцев, в том числе и в ФХХ, а также отсутствие возможности должного исполнения на местах принятых решений, принятых вышестоящими инстанциями.

В отечественной китаистике о ФХХ и других формах работы с китайскими репатриантами подробно пишет А.В. Афонасьева (2015; 2020; 2022), фокусируясь на опыте экономического развития родных территорий проживания китайских эмигрантов, а также анализируя политику КНР в отношении китайской диаспоры в 1949–1976 гг. В монографии 2022 г. о диаспоральной политике КНР на основе обширного охвата документов А.В. Афонасьева представила подробный обзор реформ ФХХ начиная с 1985 г.

Тем не менее изучение опыта Китая в организации потоков реэмигрантов внутри страны, в частности, феномена обособленных фермерских хозяйств хуацяо (ФХХ) представляется недостаточно изученной темой, редко затрагиваемой в русскоязычной литературе.

Методы исследования

Данное исследование рассматривается в контексте теории факторов миграции Эверетта Ли (Everett Lee), которая широко используется в социологическом подходе теории миграции (Савоскул 2015). Согласно этой модели, миграция представляет собой «баланс притягивающих и выталкивающих факторов в пункте выбытия и пункте прибытия, выстраиваемый под влиянием вмешивающихся препятствий» и рационального, но субъективного мышления мигрантов (Василенко 2013: 39).

Факторы миграции на территориях выбытия и прибытия подразделяются на две большие группы: притягивающие (Pull factors) и выталкивающие (Push factors) (Савоскул 2015). Например, главным выталкивающим фактором в странах проживания *хуацяо* было преследование их по национальному признаку, а притягивающим в КНР – возможность спокойной жизни, реализация патриотических идей. В рамках данной теории применительно к настоящему исследованию отметим, что выталкивающие факторы для низкоквалифицированных работников, коими являлось подавляющее большинство жителей новообразованных ФХХ, «большее значение имеют негативные, выталкивающие факторы» (Абылкаликов, Винник 2012).

Согласно теории С.Н. Айзенштадта (Савоскул 2015), автор данной работы рассматривает реэмиграцию *хуацяо* как трёхфазный процесс. Структура изложения материала затрагивает: фазу формирования миграционной мотивации у некоторых зарубежных китайцев, ставших впоследствии жителями ФХХ; фазу непосредственно переезда на новое место жительства и заселения ФХХ; фазу вхождения «возвращенцев» в принимающее общество с тем или иным успехом.

Данная логика повествования отражена в разделах, посвящённых историческому контексту, предшествующему образованию ФХХ, этапам миграции и заселения новых административных единиц, постоянному реформированию ФХХ и культурным особенностям жизни в данных поселениях.

Период массового возвращения в Новый Китай зарубежных китайцев пришёлся на пятый и последний к настоящему времени «момент диаспоры», посредством которых Шелли Чань, профессор Университета Калифорнии, переосмысляет концепцию диаспоры и национального государства. Она помещает государство и понятие «родины» в глобальный контекст, представляя китайское общество изначально фрагментированным, доказывая «равнозначность ролей 'диаспоры' и 'родины' в конституировании истории современного Китая» (Сухомлинова 2022: 211). Понимание данного аспекта важно и для текущего исследования ФХХ как формата работы с китайскими «возвращенцами» на родине.

Ставя перед собой задачу обобщить и проанализировать максимальное количество доступных данных о ФХХ, в рамках данной работы мы изучили упомянутые выше научные исследования и материалы публицистического характера, преимущественно на китайском языке. Выбор источников обусловлен спецификой заявленной темы и происходит по принципу их общедоступности, авторитетности и непосредственной соотнесённости с предметом данного исследования.

В частности, для формулирования логики, контекста создания и особенностей развития в разные периоды времени ФХХ как административной единицы КНР рассмотрены различные документальные свидетельства, воспоминания очевидцев, а также научные изыскания экспертов. На основе собранного материала проведён синтез и сравнительный анализ информации, что позволило собрать разрозненные детали в общую картину истории существования ФХХ как специфического формата работы с китайскими реэмигрантами внутри страны.

Объём информации можно расширить в будущем за счёт целенаправленного интервьюирования жителей ФХХ, а также более глубокого изучения нормативно-правовой базы функционирования данных административных единиц КНР, начиная с момента основания первых таких поселений. Кроме того, интерес представляет анализ жизни в ФХХ в контексте поколенческой теории Х.Г. Дункана и миграционной теории М.М. Гордона.

Три этапа заселения новых административных единиц

Исторический контекст

Китай сталкивался с массовой реэмиграцией в разные периоды своей истории. К примеру, в конце правления династии Мин (1368–1644) из-за военных событий китайцы переселялись из соседнего Вьетнама на территорию, ныне занимаемую ГЧАР.

К моменту образования КНР в 1949 г. за рубежом проживали 10 млн китайцев (Wang 2021: 2), по большей части в Британской Малайе, Голландской Ост-Индии и Таиланде; по другим данным, эта цифра составляла 21 млн чел. (Yui 2022: 978). К концу 1940-х гг. проживавшие за пределами Китая китайцы стали позиционировать себя в качестве единой «китайской диаспоры», со временем и вовсе ставя себя выше «примитивных» местных жителей, пишет Юи Чим Ло (Yui 2022: 978–984). В конце 1950-х гг. из-за растущих антикитайских настроений диаспора стала всерьёз рассматривать возможность возвращения на родину (Афонасьева 2020: 26), где людям могли обеспечить базовые потребности приемлемыми на тот момент средствами (Zhang 2018: 35). Позже акцент правительства КНР в работе с репатриантами сместился с политических задач на преимущественно экономическое развитие, а далее – на достижение социальной гармонии (Li 2017: 58).

О резко возросших потоках мигрантов свидетельствуют и цифры: в 1950–1952 гг. три территории – провинция Гуандун, городской округ Шаньтоу и остров Хайнань – приняли 50 тыс. чел.; если в 1945–1952 гг. из Кореи на северо-восток Китая прибыло всего около 3 тыс. чел., то за один только 1953 г. – почти 30 тыс. чел. (Dong 2017: 11–15). Для координации масс беженцев правительство выбрало вариант коллективного поселения прибывающих семей в ФХХ.

Все официально упоминаемые на сегодняшний день 84 ФХХ были основаны в два подхода: строительная активность пришлась на 1950-е гг., а также на середину и конец 1970-х гг. Однако процесс заселения ФХХ принято разделять на три этапа, которые связаны с крупными волнами возвращения *хуацяо* на историческую родину после образования нового Китая. В своей работе эти этапы чётко выделяет исследователь Лун Юньди (Long 2018: 71–72): 1949–1959 гг., 1960-е гг. и период после 1970-х гг.

Первый этап: 1949–1959 гг.

За данный период в Китай вернулись около 300 тыс. *хуацяо* и членов их семей, большая часть которых ранее проживали в Малайзии или США. Это были преимущественно научные сотрудники, студенты и политические беженцы (Long 2018: 71–72). В июне 1948 г. Китайская республика приняла крупную группу малазийских беженцев *хуацяо* из Англии. Именно тогда была впервые использована процедура распределения и перемещения новоприбывших группами по стране (Zhang 2018: 35), в частности, реализовывался принцип «каждый возвращается в родные места и ориентируется на сельский труд» (Dong 2017: 21).

Первый ФХХ как отдельная административная единица был открыт в декабре 1951 г. и носил название «Госхоз комитета провинции Гуандун по размещению вернувшихся на родину беженцев-*хуацяо*» (сегодня известен как ФХХ Чжуцзян); поселение занимало площадь около 2 км^2 (Dong 2017: 26). За последующие пять лет в провинции Гуандун открылись ФХХ Синлун в городском

округе Ваньнин (о. Хайнань) и Ваньцинша в городском округе Дунгуань, ФХХ в уездах Луфэн, Индэ, Шэнхуа, а также два ФХХ в провинции Фуцзянь – Чаншань в уезде Юньсяо и Бэйкун в уезде Юнчунь.

В числе прочих исторических центров проживания хуацяо следует упомянуть город Цюаньчжоу провинции Фуцзянь. С 1949 г. сюда начали массово возвращаться *хуацяо* из Сингапура и Малайзии, к началу 1951 г. поток существенно увеличился, и для беженцев были созданы специальные общежития и приёмные пункты. В сентябре 1952 г. было создано Цзиньцзянское отделение Комитета провинции Фуцзянь по делам беженцев *хуацяо*, а уже через год по всему району были расселены 15 136 беженцев. При финансировании Комитета переселенцев приняли не только новые ФХХ, но и общежития небольших предприятий (Zhang 2010: 43).

В тот период в Китае активно шла Аграрная (или земельная) реформа[8], на фоне которой главной целью ФХХ стало производство продовольствия для выживания жителей самих поселений (Ning 2018: 11). В августе 1955 г. правительство КНР разрешило переселенцам *хуацяо* использовать государственные угодья на льготных условиях (Peterson 1988), таким образом поощряя долгосрочные инвестиции. Данная мера оказалась особенно популярна на Хайнане, где в 1956 г. открылось 2 325 садов, большая часть из которых вошла в ФХХ (Dong 2017: 31–32).

Второй этап: 1960-е гг.

С 1960 г. по 1965 г. в Индонезии дважды происходили антикитайские волнения. На тот период пришлась вторая волна строительства ФХХ в южных провинциях с целью «освоения целины и залежных земель», обустройства чайных и фруктовых плантаций.

В 1960-е гг. в Китай для централизованного поселения въехало около 300 тыс. «возвращенцев», преимущественно из Индонезии – до 136 тыс. чел. Контингент был разнообразным, но поскольку студенты и бизнесмены в поселении, как правило, не нуждались, то в ФХХ отправлялись преимущественно трудовые мигранты, мелкие торговцы и крестьяне (Dong 2017: 66).

Вынужденные переселенцы прибывали из Малайзии, Индонезии, Мьянмы (Бирмы) и Индии через порты Гуанчжоу, Шаньтоу, Чжаньцзян, Хайкоу: обычно одновременно на трёх-четырёх кораблях, по 500 чел. на каждом, и за семь дней проходили процедуру распределения в ФХХ (Dong 2017: 65).

Группы реэмигрантов коллективно селили не только в ФХХ. К примеру, в 1960 г. в Цюаньчжоу из 8 583 вернувшихся на родину эмигрантов большинство были направлены в ФХХ Шуанъян и на фруктово-чайную фабрику Бэйкун

[8] Lin M., Lin X. (ed.). 2008. *Overseas Chinese from Lingnan report to the country* [岭南侨彦报国志]. Chinese Literature and History Publishing House. (In Chinese).

в уезде Юнчунь – соответственно, 2 433 и 2 490 человек. 74 чел. были направлены в местные мастерские технического обслуживания автомобилей, 653 чел. – в ФХХ Сюэфэн в городском уезде Наньань, 417 чел. – на кирпичный завод и 332 чел. – в различные вузы. Ещё 1143 чел. уехали в ФХХ Дунган г.о. Путянь (тогда район Пуцзян), а оставшиеся 1041 чел. разъехались по домам самостоятельно и раздельно, потому как в распределении не нуждались (Zhang 2010: 43).

Другой пример: 13 апреля 1960 г. первая группа переселенцев из Индонезии – 231 семья, 1125 чел. (583 мужчин, 542 женщин) – прибыла в ФХХ Луцзян в провинции Юньнань. Все они были расселены в три локации и распределены в пять производственных отрядов. Только 544 чел. из общего числа прибывших могли полноценно работать. Изначально людей селили семьями, но со временем они присоединялись к семьям дайцев, местной народности. Связано это было с недостатком жилых помещений, которые построили лишь к 1962 г. (He 2018: 32). Реэмигранты выращивали зерно, арахис, тростниковый сахар. Среди жителей данного ФХХ несколько человек впоследствии сохранили статус иностранных граждан – шесть индонезийцев и один вьетнамец (He 2018: 36–37).

2 февраля 1960 г. Государственный совет Китайской Народной Республики обнародовал «Инструкции по приёму и переселению китайцев, вернувшихся из-за границы» и постановил создать комитет, занимающийся распределением прибывающих. Большую помощь в координации работы оказывал созданный ранее Комитет по делам китайских эмигрантов Центрального народного правительства, активно поддерживавший связь с *хуацяо* за рубежом (Ning 2018: 12).

Третий этап: 1970-е гг. и последующий период

В середине 1970-х гг. волна антикитайских настроений поднялась во Вьетнаме, и поток мигрантов снова значительно увеличился: за несколько лет через территорию ГЧАР прошло более 222 тыс. вынужденных переселенцев, плюс ещё около 270 тыс. чел. – через провинцию Юньнань (Long 2018: 71–72). До переселения эти *хуацяо* занимались преимущественно растениеводством, поэтому правительство Китая приняло решение о создании новых ФХХ. Кроме того, было решено восстановить некоторые убыточные фермы, отдав все имеющиеся поселения под управление Канцелярии по делам китайских эмигрантов Госсовета КНР. В 1983 г. Севернее, в провинции Цзянси, организовали три ФХХ для корейских и монгольских *хуацяо* (Ning 2018: 12).

Свидетели вспоминают, что «в 1975 г. в г. Хошимин вьетнамцы забрали всех *хуацяо* на рыбацкие судна, а недвижимость и нажитое добро конфисковали. … Родственники и соседи [китайского происхождения – П.С.] спешно уезжали в США, в Европу, в Шанхай. … Это называлось *дождливые дни*, [в которые проявлялись – *П.С.*] антикитайские настроения, синофобия. … [Впоследствии – *П.С.*]

семьи не могли воссоединиться по 20–30 лет»[9]. Данные настроения не могли не повлиять на социально-культурный фон и особенности восприятия реэмигрантов в самих ФХХ и за их пределами (подробнее см. ниже).

Итак, за первый и второй этапы централизованного расселения реэмигрантов под руководством локальных отделений Комитета по делам китайских эмигрантов Центрального народного правительства в общей сложности было основано 41 ФХХ. В 1967 г. эти отделения расформировали, и поселения реэмигрантов перешли под непосредственный контроль местных властей, а затем – под контроль центрального правительства (Ning 2018: 12).

Всего в третьей волне было открыто 45 ФХХ, что в сумме составляет 86 поселений (Ning 2018: 12). Два ФХХ недалеко от города Гуанчжоу просуществовали всего около двух лет, и обычно о них в литературе не упоминают, оставляя цифру 84.

Рисунок 1. Все 84 фермерские хозяйства хуацяо на современной карте Китая
Figure 1. All 84 Huaqiao farms on a modern map of China

[9] Ibid.

Учитывая специфичный контекст и формат создания данных поселений, концепция ферм *хуацяо* в последующем неоднократно подвергалась различным модификациям. В 2018 г. 79 из 84 ФХХ находились под управлением местной власти. К примеру, из 23 ферм реэмигрантов в провинции Гуандун 11 имеют статус административных районов *хуацяо* под управлением городского округа, одно поселение приравнено к поселковому уровню, одно позиционирует себя как «корпорация». Из 22 поселений *хуацяо* в ГЧАР 17 представляют собой «зоны инвестиций хуацяо» (Афонасьева 2022: 154) или находятся под непосредственным управлением компаний (брендов). В провинции Юньнань все фермы реэмигрантов входят в состав более крупных объектов и зависимы от них. В провинции Фуцзянь, кроме одного ФХХ, все – местного или уездного управления. На острове Хайнань четыре ФХХ из пяти находятся под управлением провинциальной Канцелярии по делам эмигрантов, и ещё один – под управлением местных властей. В провинции Цзянси все три поселения управляются местными властями (Jia 2018: 104).

Почти все ФХХ (за исключением ФХХ Фуюй в провинции Цзилинь) расположены в Южном Китае (см. рис. 1). Представляется, что концентрация ФХХ на юге страны обусловлена несколькими причинами:

– во-первых, подавляющее большинство, т. е. около 90% из 35 млн *хуацяо* в 154 странах мира – выходцы из южных приморских провинций Гуандун и Фуцзянь (Афонасьева 2020: 34–35), а только в Гуандуне проживают около 49% всех потомков «возвращенцев» *хуацяо* по всему материковому Китаю (Yi Qing 2013), и именно поэтому под «возвращением на родину» *хуацяо* зачастую подразумевается возвращение в Южный Китай;

– во-вторых, на севере массовое возвращение хуацяо произошло в то время, когда уже не требовалось компактное поселение для выживания, и приезжие свободно трудоустроились, разъехавшись по стране;

– в-третьих, климатические особенности юга дают возможность быстрого и дешёвого строительства жилья, высокой урожайности угодий, а также относительно лёгкой акклиматизации переселенцев из жарких регионов ЮВА.

Реформирование ФХХ и их роль в экономике Китая

За период своего существования ФХХ претерпели множество трансформаций.

Как продукт своего времени ФХХ имеют характерные особенности в социально-культурном, политическом и экономическом аспектах. В силу специфики самой концепции централизованного поселения на периферии, данные административные единицы неоднократно подвергались реформированию, однако, несмотря на многочисленные экономические провалы, так и не были упразднены и сохранили некоторую обособленность. В данной главе рассматриваются условия и примеры экономического функционирования ФХХ в периоды: до 1985 г., 1985–2007 гг., после 2007 г.

До 1985 г.

Чжан Цзинъин, доктор философии и сотрудница Университета хуацяо в КНР и Университета Сан-Диего в США, определяет формат ФХХ как «государственное аграрное предприятие» (Zhang 2010: 43), что указывает на непосредственное участие государства в работе ФХХ, а также на сельскохозяйственную ориентацию, по крайней мере, на начальном этапе их существования. В основном мы располагаем воспоминаниями очевидцев, которые подробнее раскрывают культурный, но не экономический аспект жизни в ФХХ до 1985 г. О судьбе ФХХ в период «культурной революции» (1966–1976) сведений крайне мало.

Лян Хуэйжун (Liang 2006) из отдела, занимающегося вопросами ФХХ при Комитета по делам *хуацяо* провинции Гуандун (广东省侨办农场处), пишет, что реэмигранты приезжали в ФХХ «с надеждой на светлое будущее» и готовы были работать на износ. Однако в рамках плановой экономической системы из-за «уравниловки» энтузиазм значительно снизился, вследствие чего производство застопорилось, а огромное количество семей были вынуждены жить в тяжёлых условиях из-за крайне низкого дохода.

Изначально ФХХ были нацелены на сельское хозяйство и самообеспечение продовольствием, а в 1965–1979 гг. упор был сделан на развитие лубяных культур и бананов, промыслов и ведение нескольких видов деятельности (He 2018: 84). В конце 1970-х и в начале 1980-х гг. прослеживалась ориентация на производство тростникового сахара, животноводство и выращивание субтропических фруктов (He 2018: 85).

В период с февраля 1960 г. по январь 1999 г. общий объём инвестиций в один лишь ФХХ Умин (ГЧАР) составил 103,56 млн юаней, из них 61,28 млн юаней – иностранные вложения (Lan 2018: 83). Однако даже с учётом активных инвестиций *хуацяо* и господдержки фермы реэмигрантов оставались тяжёлым финансовым бременем для правительств южных провинций КНР и для страны в целом. Так, на 1984 г. 62 фермы из 84-х были убыточными (Li 2017: 51).

Слишком долго полагавшиеся на помощь государства небольшие хозяйства не только не могли выдержать конкуренции, но даже не обеспечивали сами себя. Основанные без учёта локальной специфики, эти искусственные административные новообразования возникали на неплодородных, непригодных для длительного проживания землях. Кроме того, централизованное управление не отличалось гибкостью и быстротой принятия решений, не учитывало местные условия жизни, потребности и возможности людей. Игнорирование прав и свобод прибывших из-за рубежа граждан также сыграло роль в обнищании большинства ФХХ к началу проведения политики реформ и открытости, и привело к отказу от долгосрочного планирования, а также усилению негативных настроений среди жителей этих поселений (Zhang 2010: 43).

1985–2007 гг.

Чтобы реформировать отсталую экономическую систему и в том числе диверсифицировать подходы к организации работы в ФХХ, в 1985 г. ЦК КПК и Госсовет издали «Решение о реформе экономической системы государственных фермерских хозяйств *хуацяо*», нацеленное на модернизацию и либерализацию ФХХ. Управление с централизованного и ориентированного на сельское хозяйство было изменено на децентрализованное и ориентированное на предоставление услуг различным производствам. Появился и термин «семейное хозяйство», из которых теперь состояли ФХХ (Liang 2006). Таким образом, ФХХ дробились для более гибкого принятия решений и переориентации на локальные потребности.

В 1985 г. в китайских коллективных хозяйствах в целом начался переход от плановой экономики к рыночной. В ФХХ также ожидались социально-экономические трансформации, которые способствовали бы большей интеграции *хуацяо* в общество. В поселениях были собственные школы, медпункты, кинотеатры, имелся свой автопарк, зачастую собственный язык и обычаи, численность населения увеличивалась, однако весь жизненный цикл проходил внутри ФХХ, делая интеграцию в широкий рынок труда или услуг маловероятной и нагружая социальную сферу (Афонасьева 2022; Xu, Jiang 2018: 98).

В этих условиях с 1985 по 2007 гг. были приняты документы, регулировавшие управление, налогообложение, пошагово описывавшие процессы следующей волны реформ (Xu, Jiang 2018: 99). С 1985 г. обсуждалось внедрение «семейных подрядов», освобождение от налогов, а также использование локальных кадров в ФХХ, в частности, об этом заявлял бывший на тот момент генеральным секретарём ЦК КПК Ху Яобан (Ning 2018: 12–13). В дальнейшем признанные убыточными хозяйства действительно могли рассчитывать на отсрочку от уплаты налогов, просить о снижении или возврате необходимых платежей, а в некоторых случаях и вовсе быть освобождены от уплаты ряда налогов[10].

Перемены выразились, прежде всего, в усилении руководящего состава на местах за счёт поддержки профессионального роста местных кадров (Jia 2018: 105). Кроме того, были разграничены функции административных органов и предприятий, снижена общественная нагрузка на предприятия. Началось выстраивание системы социального планирования (пенсии, страхование), что благоприятно сказалось на общем климате ФХХ (Jia 2018: 106).

[10] Notice of the General Office of the People's Government of Guangdong Province on Tax Reduction and Exemption for Agricultural Reclamation Farms, Overseas Chinese Farms, and State-owned Forest Farms. Yue Fu Ban [1992] No. 27 [广东省人民政府办公厅关于农垦农场、华侨农场、国营林场税费减免问题的通知. 粤府办〔1992〕27号]. 1992. People's Government of Guangdong Province. URL: http://www.gd.gov.cn/zwgk/gongbao/1992/3/content/post_3356316.html (accessed 15.12.2023) (In Chinese).

Эти и другие меры были развёрнуты за счёт масштабных инвестиций, в том числе и зарубежных (Jia 2018: 107). А.В. Афонасьева приводит некоторые показательные примеры: «… в 2000 г. валовая стоимость продукции 23 фермерских хозяйств в Гуандуне составила 7,66 млрд юаней, накопленный объём инвестиций – 2,546 млрд юаней, приток иностранной валюты – 177 млн долл. (на 95% выше, чем в 1995 г.), объём уплаченных налогов – 201 млн юаней (на 97% выше, чем в 1995 г.)» (Афонасьева 2015: 142–143). С начала 2000-х гг. ФХХ постепенно не только вписались в общее развитие страны, но даже стали «точками роста местной экономики» (Афонасьева 2022: 154).

Несмотря на проведённые реформы, к середине 2000-х гг. в экосистемах ФХХ имелись серьёзные недостатки, о которых подробно пишет Лян Хуэйжун (Liang 2006):

1. «семейные хозяйства», из которых состояли ФХХ, имели небольшие размеры и не могли удовлетворить запросы динамично растущего рынка;
2. сельскохозяйственное производство было неэффективным ввиду отсутствия опытного руководства и низкого уровня образования местных жителей;
3. устаревшие объекты водного хозяйства и неразвитая инфраструктура затрудняли процессы производства и логистики, снижая конкурентоспособность «семейных ферм», а значит, и ФХХ в целом;
4. *хуацяо* и их потомки не были заинтересованы в долгосрочных инвестициях в землю, находящуюся в коллективном пользовании без права наследования.

Для исправления ситуации Лян Хуэйжун полагал целесообразным предпринять следующие шаги:

1. внедрение модели развития по типу крупных предприятий, а также выполнение заказов по контракту;
2. «привлечение средств от различных сторон» для улучшения местных объектов водного хозяйства и инфраструктуры;
3. проведение профильного целевого обучения кадров разных уровней в зависимости от специализации ФХХ;
4. увеличение финансовой поддержки фондов и государства с целью внедрения инноваций.

После 2007 г.

Новый этап развития ФХХ начался в 2007 г., когда было проведено масштабное реформирование ФХХ в формате «три слияния», предполагающего «структурную интеграцию территорий, административную интеграцию общества и экономическую интеграцию рынка» (Qiu 2018b: 1); иными словами, речь шла о том, что «форма сливается с местом, управление – с обществом, экономика – с рынком» (Афонасьева 2022: 157).

Если ранее ФХХ зачастую были изолированы от внешнего мира, то теперь ими управляли местные органы власти. Фермы вошли в состав экономических зон или были преобразованы в отдельные предприятия, активно выходили

на рынок. Жизнь ФХХ наладилась, в числе прочего, благодаря притоку новых кадров, децентрализации принятия решений и распределению ответственности (Qiu 2018b: 2).

Изменилась специализация ФХХ, которые переключились с сельскохозяйственного производства на оказание услуг. В госхозах ввели повсеместную пенсию и медицинскую страховку, в том числе трудовую, наладили имущественные права, провели урбанизацию, модернизацию, индустриализацию (Афонасьева 2022: 156–157).

Удачным представляется опыт провинции Гуандун. До 2012 г. власти провинции выплатили почти 30 млн юаней в качестве субсидий местным беднякам, около 30 тыс. нуждающихся эмигрантов получили адресную поддержку, за счёт государства и инвесторов было построено жильё для 1002 семей особо бедных (малоимущих) репатриантов (Yi 2013)[11]. В 2012 г. общая стоимость промышленного производства ФХХ этой провинции превысила 120 млрд юаней, увеличившись в 1,7 раза по сравнению с 2008 г.; ВВП на душу населения в местных ФХХ достиг 50 тыс. юаней – рост в 1,5 раза по сравнению с 2008 г.; чистый доход на душу населения достиг 11 066 юаней, поднявшись на 85% по сравнению с 2008 г., что выше аналогичного показателя других сельских районов провинции. Ключевую роль в этом успехе сыграло развитие инфраструктуры, куда за период 2012–2015 гг. было вложено 30 млн юаней (Yi 2013).

В начале 2010-х гг. применительно к ФХХ стала применяться концепция «развития в трансформации» (Li 2017), которая заключается в комплексной консолидации земель, перераспределении сельского и городского землепользования, перепрофилировании ФХХ и пространственной реконструкции (Sun, Liu, Ge и др. 2022: 25).

Для поддержки экономического роста ФХХ в 2011–2013 гг. были вложены средства в возделывание земли, улучшение инфраструктуры и дорог, формирование производственной цепочки, поддержание состояния окружающей среды. Благодаря предпринятым шагам, 2014 г. ВВП ФХХ по всей стране составил 119,65 млрд юаней, что в 4 раза больше, чем в 2006 г. Из них на сектора промышленности и строительства пришлось 95,23 млрд юаней, т. е. 80%. Средний годовой доход работника составил 22 317 юаней, приблизившись к усреднённому показателю по стране (Qiu 2018b: 3)[12].

[11] В источнике используются термины 贫, 贫困归侨 и 特困户, которые можно перевести как «бедняки», «нуждающиеся эмигранты» и «малоимущие семьи». Уточнений по критериям отнесения к той или иной группе не представлено.

[12] Из-за специфики исследуемой темы статистические данные такого плана в Китае недоступны широкому кругу лиц, поэтому здесь и далее автор ссылается на печатные материалы, составленные китайскими специалистами, имеющими доступ к информации по исследуемому вопросу. Отметим, что узкоспециализированные печатные сборники отчётов, публикуемые ведущими вузами страны, профильными издательствами, и редко распространяемые на широкую аудиторию, имеют в китайской научной дискуссии существенно больший вес, чем, например, общая информация различных комиссий и бюро.

В настоящее время развитие ФХХ идёт в соответствии с четырьмя основными принципами построения среднезажиточного общества: инновации, согласованное развитие, зелёные технологии, открытость. А.В. Афонасьева отмечает, что сегодня «основной продукцией фермерских хозяйств *хуацяо* является сахар, чай, фрукты, молоко – всё это продукты высшего качества, удостоенные наград в КНР и за рубежом» (Афонасьева 2015: 142–143).

На сегодняшний день действует опубликованный 7 сентября 1990 г. «Закон КНР о защите прав и интересов реэмигрантов и родственников эмигрантов, реэмигрантов и этнических китайцев с иностранным гражданством» (последние правки от 2009 г.). В Статьях 5 и 9 Закона зафиксированы обязательства государства обеспечить вернувшимся из-за рубежа китайцам поселение, поддерживать госхозы и лесхозы *хуацяо* (ФХХ), при необходимости открывать там школы, медицинские учреждения, предоставлять персонал, выделять оборудование и финансовую помощь. При этом «если раньше… [осуществлять всё вышеперечисленное – *П.С.*] имели право непосредственно сами эти хозяйства и фирмы, то с 2000 г. это право фактически перешло к территориальным органам власти в местах нахождения этих хозяйств и фирм» (Афонасьева 2022: 148).

Китайские исследователи отмечают, что для дальнейшего экономического прогресса ФХХ необходимы: точная локализация субъекта реформ и действия, соблюдение прав и интересов местных жителей, дальнейшая децентрализация управления, фокусирование на всём пакете поддерживающих мер с учётом главного направления развития, а также реализация системы внутренних поощрений и точечной поддержки активности на местах (Yang, Fu, Zheng et al. 2018: 121–122).

Культурные особенности и жизненный уклад в ФХХ

В первую очередь размещение на периферии, а во вторую – отсутствие возможности самостоятельного выбора места проживания, не могли не сказаться на особенностях жизни в ФХХ (Zhang 2018: 33). Изначально подразумевалось, что коллективное поселение облегчит новоприбывшим процесс социализации в новом культурном фоне (Peterson 1988) и даст необходимый психологический комфорт от общения с людьми похожей судьбы (Dong 2017: 200). Немаловажную роль играла и возможность централизованного контроля, а также обеспечение занятости реэмигрантов.

Как уже неоднократно было отмечено, большинство жителей новообразованных ФХХ составляли трудовые мигранты, крестьяне с большим количеством пожилых и немощных родственников при небольшой доле представителей интеллигенции. Например, среди вернувшихся из Вьетнама китайцев 99% происходили из сельских общин южных уездов Монг Кай и Хай Фонг, 70% были иммигрантами в четвёртом, пятом и шестом поколении (Kong 2012: 42–43).

Ван Цзюньхун, родившийся в 1926 г. в Бирме, вспоминает, что из района Саньюаньли города Гуанчжоу разом коллективно переселили в местный ФХХ более тысячи реэмигрантов, «потому что там была работа и еда, так сказали», «вшестером мы переехали в *нунчан*, а там были плохие условия жизни, антисанитария… Там прожили 10 лет, из которых четыре года я был учителем в средней школе. Зарплата была низкая, плюс высчитывали за плохую работу, так как постоянно болели и уже были немолоды… На новых местах ничего не было, приходилось всё начинать с нуля. Через три года вместо одной бригады уже работало 10 бригад. Отказаться и уехать было невозможно, потому что тогда тебя сразу объявляли врагом народа»[13].

Другой эмигрант, Ли Либао, рассказывает о жизни в самом первом ФХХ, куда сразу распределили более 1100 переселенцев: «[Поначалу] жили в основном в зданиях, построенных в 60–70 годах прошлого [XIX] века, [большими семьями] в 30–40 м^2.

Во многих [зданиях] не было отдельной кухни и туалета, зимой завывал ветер так, что было страшно открыть окна и двери, весной и летом в сезон дождей черепичные крыши протекали, ночью было не до спокойного сна, на полу и на кроватях ставили тазики. Что уж говорить о крысах и тараканах»[14].

В этих бытовых условиях жители часто болели, в некоторых районах случались эпидемии малярии и других болезней (He 2018: 200). «Мы летели на самолёте, чтобы стать колхозниками!»[15] – так иллюстрируют обманутые надежды китайские эмигранты, готовившиеся возрождать страну индустриально, культурно, образовательно, но едва ли посредством тяжёлого труда и лишений.

Несмотря на описанные трудности, в качестве важных особенностей культурного сосуществования местных и приезжих китайцев исследователь выделяет: уважение к культуре местных жителей; сохранение статуса «района проживания *хуацяо*» в названии ФХХ; сохранение исторических названий, топонимов данного района; создание положительного образа переселенцев (He 2018: 26).

Местные жители по-разному относились к работникам ФХХ и их семьям. Нередко реэмигрантов воспринимали как «ненужных людей», всячески подчёркивая инаковость, могли назвать «иностранщиной» или «терпилами»[16]. С другой стороны, их жалели (Wang 2018: 94). Были случаи дискриминации реэмигрантов за «контакты с капиталистическим миром» (Wang, Huang 2020: 165).

---

[13] Ibid.

[14] Lang G., Jin Q. (ed.). 2013. *Discovering hometowns of overseas Chinese: a cultural survey of hometowns of overseas Chinese in Guangdong* [发现侨乡：广东侨乡文化调查]. Guangdong People's Publishing House (In Chinese).

[15] Lin M., Lin X. (ed.). 2008. *Overseas Chinese from Lingnan report to the country* [岭南侨彦报国志]. Chinese Literature and History Publishing House (In Chinese).

[16] Данные наблюдения дополнительно иллюстрирует патриотическая музыкальная драма «Заморские дети» (Кит. 海外赤子. Реж. Оу Фань 欧凡 и Син Цзитянь 邢吉田, 1979).

Из-за недоброжелательного отношения со стороны бывших и новых соотечественников (Kong 2012: 42–43) вернувшиеся на родину *хуацяо* не воспринимали территории ФХХ как «семейную обитель» и не хотели трудиться на государственных фермах. Они находили возможности эффективной коммуникации с соседями, но старались сохранить свою идентичность, тем более что и внутренняя политика руководства страны не способствовала ассимиляции (Wang 2018: 96–97). В то же время, они получали ряд преференций и выгод от государства (Kong 2012: 42–43), которое считает важным преимуществом *хуацяо* наличие сети полезных контактов за рубежом (Афонасьева 2022: 155; Ning Huoyi 2018: 12).

Суммируя, можно заключить, что на начальном и среднем этапе существования ФХХ такие положительные моменты, как знакомое окружение, готовность к переменам, понимание со стороны местных жителей, а также государственная поддержка ФХХ зачастую перекрывались неблагоприятными бытовыми условиями, чувством отстранённости, низким доходом и отсутствием мобильности жителей, недостатком гибкости в управлении на местах.

Примеры современных ФХХ

Сегодня некоторые из территорий, относящихся к ФХХ, отличаются от обычных районов в китайских пригородах лишь тем, что их жители говорят на местных диалектах. До 2000-х гг. ФХХ занимались преимущественно выращиванием сахарного тростника, чая и иных сельскохозяйственных культур, в настоящее время их деятельность разнообразна: *хуацяо* открывают в местах своего проживания фабрики по производству яхт, развлекательные центры и технопарки[17], по масштабам сходные с государственными предприятиями аналогичной специализации. Рассмотрим несколько примеров современных ФХХ, эволюционировавших в разных сферах.

Сельскохозяйственные предприятия

Изначально образованный в 1952 г. на базе ФХХ административный округ Чжуцзян сегодня носит название ул. Чжуцзян и находится под юрисдикцией района Наньша г. Гуанчжоу. Площадь его составляет 41,5 км^2, он состоит из восьми сёл. К 2007 г. объём производства достигал 1,44 млрд юаней[18], а к 2021 г. в юрисдикции ул. Чжуцзян находилось более 600 предприятий с объёмом крупной промышленности в 20,3 млрд юаней[19].

---

[17] Струкова П.Э. 2020. Общины китайских реэмигрантов внутри Китая. *Магазета*. URL: https://magazeta.com/huaqiao-nongchang (accessed 15.12.2023).

[18] The last overseas Chinese farm in Guangzhou opened the street: Zhujiang street office was officially registered [广州最后一个华侨农场设街：珠江街道办正式挂牌]. 2008. *Nanfang ribao.* URL: https://www.chinaqw.com/zgqj/qjdt/200810/31/135801.shtml (In Chinese).

[19] Regional overview [区域概况]. 2021. *People's Government of Nansha District, Guangzhou.* URL: http://www.gzns.gov.cn/gzjg/gzj/zjj/qygk/ (accessed 23.04.2023) (In Chinese).

Село Шиваншань народности яо в районе Фанчэн ГЧАР, долгое время функционировавшее как ФХХ, 19 марта 2013 г. было официально переименовано в лесничество[20]. Аналогичная трансформация произошла с ФХХ в уезде Чжанпу провинции Фуцзянь, ставшем Чайно-фруктовой фермой Наньшань. Была ФХХ и в г. Манши провинции Юньнань, но в 2009 г. её упразднили.

Туризм

«Городок китайских эмигрантов», занимающий территорию 5 км^2, расположен на берегу залива Шэньчжэнь в районе Наньшань. Это курортный район, который находится под управлением компании Overseas Chinese Town Group[21].

Поселение реэмигрантов на острове Хайнань в районе Синлун расположено на юго-западе г. Ваньнин. На момент основания в 1951 г. здесь проживало 13 482 беженца из 21 страны и региона, включая Малайзию, Индонезию, Таиланд, Вьетнам[22]. К 1955 г. численность жителей ФХХ выросла до 10 тыс. чел., занимавшихся выращиванием кофе, перца и фруктов. С 1960 г. здесь начали выращивать каучуковые деревья[23]. В настоящее время муниципальное правительство развивает ФХХ как туристическую экономическую зону.

Зоны промышленного развития

Зона высокотехнологичного промышленного развития Чжаоцин относится к г. Чжаоцин провинции Гуандун. Сельскохозяйственное использование земель началось здесь в 1958 г., а позже территорию обозначили как ФХХ: в 1976 г. сюда массово приезжали китайские беженцы из Вьетнама. Сейчас здесь построены индустриальные парки Саньжун и Даван.

Выполнявшие ранее роль «буферных зон» для малоимущих реэмигрантов (Афонасьева 2022: 163), в наши дни ФХХ рассматриваются правительством КНР как особые площадки для развития экономики, где взаимодействуют хуацяо и местные жители. Поскольку уровень жизни в большинстве ФХХ остаётся невысоким, региональные власти продолжают искать актуальные форматы развития и пути реформирования поселений.

---

[20] Yao Township, Shiwanshan Mountain, Fangcheng District, Fangchenggang City, Guangxi [广西防城港市防城区十万山瑶族乡]. 2022. *Boya diming wang.* URL: http://www.tcmap.com.cn/guangxi/fangchengqu_shiwanshanyaozuxiang.html (accessed 23.04.2023) (In Chinese).

[21] Chinese immigrant town in Shenzhen [深圳华侨城]. 2021. *Baidu baike.* URL: https://baike.baidu.com/item/%E6%B7%B1%E5%9C%B3%E5%8D%8E%E4%BE%A8%E5%9F%8E/1926055 (accessed 15.12.2023) (In Chinese).

[22] Guide to overseas Chinese farm Xinglong [兴隆华侨农场景区指南]. 2022. *Nan bei you.* URL: http://www.nanbeiyou.com/scenery/122152 (accessed 15.12.2023) (In Chinese).

[23] Lin M., Lin X. (ed.). 2008. *Coconut wind, banana rain speak of overseas Chinese love: oral records of Chinese refugees returning to Hainan* [椰风蕉雨话侨情：海南归侨口述录]. Chinese Literature and History Publishing House (In Chinese).

Заключение

Главной причиной возникновения на территории Китая ФХХ была острая потребность в обеспечении продовольствием, работой и жильём больших масс людей, возвращавшихся в страну после 1949 г. Позже правительство Китая старалось задействовать новоприбывшую рабочую силу в развитии сельского хозяйства и освоении территории страны. Затем на первый план вышли социализация реэмигрантов и достижение социальной гармонии в ФХХ.

Основанные в три этапа фермерские хозяйства *хуацяо* в силу своей обособленности и специфики неоднократно подвергались реформированию в административном и экономическом планах. Это выражалось в ослаблении централизованного контроля, улучшении условий труда, значительных инвестициях в инфраструктуру, повышении качества жизни переселенцев, дроблении фермерских хозяйств на «семейные» и расширении сферы их деятельности для выхода на широкий рынок. Реформирование данных хозяйств продолжается.

На сегодняшний день изучение работы с реэмигрантами на примере Китая представляет интерес не только для китаистов, но также для экспертов различных правительственных организаций, рассматривающих специфику коллективного поселения мигрантов. Данная статья вносит вклад в систематизацию накопленного научного опыта по вопросам миграции, а результаты проведённого исследования важны для поддержания научной дискуссии в данной сфере.

Важным направлением будущих исследований видится тема социальной адаптации «возвращенцев» к условиям жизни на новом месте и в новом окружении, изучение средств интеграции в китайское общество при сохранении культурной самобытности таких обществ.

Об авторе:

Полина Эдуардовна Струкова – PhD, доцент кафедры иностранных языков Гуанчжоуского Института Наньфан. 510900, КНР, г. Гуанчжоу, р-н Цунхуа, ул. Вэньцюань дадао, д. 882.
E-mail: st-polina@yandex.ru, pstrukova@nfu.edu.cn

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94(51):325.254:631/632
Received: April 11, 2023
Accepted : September 12, 2023

Huaqiao Nongchang: Isolated Settlements of Overseas Chinese Inside China

P.E. Strukova
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-223-249

Guangzhou Nanfang College

Abstract: This study offers a comprehensive exploration and analysis of *"huaqiao nongchang,"* commonly known as overseas Chinese farms, situated within contemporary China's territorial boundaries. These administrative units, established in the 1950s-1980s, served as an intriguing aspect of emigrant administration and were established in three distinct phases. Initially, they functioned as agricultural entities, predominantly inhabited by ethnic Chinese returning en masse from countries such as Malaysia, Indonesia, Vietnam, and others to the newly-formed People's Republic of China in 1949.

The author's primary objective is to fill gaps in our understanding of this phenomenon and to dissect the logic behind the stages of their creation, settlement, and subsequent reforms within China. This article excels in its contextualization within the historical framework, shedding light on the unique characteristics of these settlements. A comprehensive analysis of works by Chinese experts uncovers a significant reason for the PRC authorities' adoption of this approach: it provided a swift solution to hunger-related issues and the employment of vast refugee populations.

As time progressed, drawbacks in this approach to managing emigrants became apparent. The initial economic struggles of these settlements, coupled with unfavorable socio-cultural environments and a lack of effective organizational strategies for settlers, necessitated ongoing reforms. The transformation of certain *"huaqiao nongchang"* units from unproductive state farms into profitable agricultural enterprises occurred due to various factors, including decentralization of decision-making, redirection toward local markets, alleviation of social tensions, workforce training, and their integration into the broader Chinese economy.

This article supplements its analysis with excerpts from settlers' memoirs, offering firsthand insights into the lives and experiences of overseas Chinese emigrants returning to their homeland. Additionally, it provides a concise examination of the terminology associated with this subject matter.

Keywords: China, huaqiao, migration policy, Chinese diaspora, remigration, mentality, administrative units, economic reforms

About the author:

Polina E. Strukova – PhD, Associate Professor at School of Foreign Languages, Guangzhou Nanfang College. Wenquan dadao, 882, Conghua, Guangzhou, PRC, 510900.
E-mail: st-polina@yandex.ru, pstrukova@nfu.edu.cn

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Peterson G. 1988. The Overseas Chinese Areas of Rural Guangdong and Socialist Transformation, 1949–1956. *Modern China.* 14(3). P. 309–335.

Wang C., Huang J. 2020. Desiring Homeland: The Return of Indonesian Chinese Women to Maoist China. *Asian and Pacific Migration Journal.* 29(2). P. 163–185. DOI: 10.1177/0117196820931314

Yui C.L. 2022. Between Equality and Prejudice: Chinese Planning on the Postwar Status of the Chinese Diaspora, 1940-9. *Journal of Contemporary History.* 57(4). P. 975–996. DOI: 10.1177/00220094221107499

Dong Z. 2017. *The History of the Huaqiao Nongchang in China* (in Seven Volumes: The Main Volume) [中国华侨农场史：全七册：注册]. Song Yanpeng (ed.). China Social Sciences Press. 387 p. (In Chinese).

He Z. 2018. *The Rise and Fall of Overseas Chinese Farms in Lujiang: An Investigation Report on Hongxin Village, Overseas Chinese Affairs Management District, Qinglongchang Town, Yuanjiang County, Yuxi City, Yunnan Province* [陆疆华侨农场的兴衰：云南省玉溪市元江县青龙厂镇华侨事务管理区红新村调查报告] Social Science Literature Publishing House. 274 p. (In Chinese).

Jia D. 2018. Analysis on the Reform of Management System of Domestic Overseas Chinese Farms [我国华侨农场管理体制改革探析]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System.* Xiamen University Press. P. 104–113. (In Chinese).

Kong J. 2012. The Construction Process of Local Relations Among Vietnamese Returned Overseas Chinese——Based on the Case Analysis of Guangdong Xiaoling Overseas Chinese Farm [越南归难侨的本土关系建构历程—基于广东小岭华侨农场的个案分析]. *Southern Population.* 1(27(109)). P. 42–48. (In Chinese).

Lan Q. 2018. The Practice and Experience of Resettlement of Returned Overseas Chinese from Wuming Overseas Chinese Farm [从武鸣华侨农场看归侨安置的实践和经验]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System.* P. 79–85. (In Chinese).

Li X. 2017. National Needs, Governance Logic and Performance — Research on Resettlement System of Refugees and Overseas Chinese Farm Policy [国家需要、治理逻辑与绩效 — 归难侨安置制度与华侨农场政策研究]. *Overseas Chinese Historical Research.* №1. P. 50–58. (In Chinese).

Li Zh. 2017. Beibuwan Liguang Overseas Chinese Farm Transformation Development Planning Strategy [北部湾丽光华侨农场转型发展规划策略]. *Planning and Design.* №9. P. 70–76. (In Chinese).

Liang H. 2006. Thoughts on Perfecting the Family Contract Responsibility System of Overseas Chinese Farms [对完善华侨农场家庭联产承包责任制的思考]. *Research and Discussion.* №2. URL: http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjytt/129/56.shtml (In Chinese).

Long Y. 2018. Looking at the Resettlement Policy of Returned Refugees and Overseas Chinese from 1949 to 1979 from Cantonese Documents [从粤档文献看1949–1979年归难侨安置政策]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System.* Xiamen University Press. P. 70–78. (In Chinese).

Ning H. 2018. A Brief Review of Overseas Chinese Farm Reform in the Past 20 Years [华侨农场改革20年简要回顾]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System.* Xiamen University Press. P. 11–26. (In Chinese).

Qiu Y. 2018a. Overseas Chinese and the Chinese Dream [华侨华人与中国梦] Hou Zh. at al. (ed.) *Overseas Chinese and the Development of Overseas Chinese Hometowns.* Social Science Literature Publishing House. P. 1–19. (In Chinese).

Qiu Y. 2018b. Speech at the Overseas Chinese Farm Reform and Development Work Conference of Overseas Chinese Affairs Offices in Seven Provinces (Preface) [在七省区侨办华侨农场改革发展工作会议上的讲话（代序）]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System.* Xiamen University Press. P. 1–10. (In Chinese).

Sun J., Liu Y., Ge D. at al. 2022. Coordinated Mechanism of Land Comprehensive Consolidation and Rural Transformation and Development in Plain Farming Areas [平原农区土地综合整治与乡村转型发展协同机制]. *Geographical Journal.* 77(8). P. 1971–1986. DOI: 10.11821/dlxb202208009 (In Chinese).

Wang H. 2021. *Systematization and Research of Overseas Chinese Documents of the Late Qing Dynasty* [晚清民国华侨文献整理与研究]. Guangdong People's Publishing House. 503 p. (In Chinese).

Wang Y. 2018. Overseas Chinese Wuyi Farm During the Cultural Revolution Based on Archives [从档案看"文革"期间的武夷华侨农场]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System.* Xiamen University Press. P. 86–103. (In Chinese).

Xu J., Jiang Z. (ed.). 2018. *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System* [改革与融入：中国华侨农场体制研究论文集]. Xiamen University Press. 313 p. (In Chinese).

Yang Y., Fu H., Zheng Sh. et al. 2018. Exploration on the Basic Thoughts of System Reform of State-owned Overseas Chinese Farms in Guangdong Province [广东省国有华侨农场体制改革基本思路探索]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System.* Xiamen University Press. P. 114–123. (In Chinese).

Yi Q. 2013. Overseas Chinese Farm Bid Farewell to the Old System in 2015 [华侨农场2015年告别旧制]. *Modern Construction (Modern Property New Construction).* 12(7). 18 p. (In Chinese).

Zhang J. 2010. Analysis on the Social Transformation of Overseas Chinese Farms – Taking Quanzhou Shuangyang Overseas Chinese Farms as the Object [华侨农场社会化转型探析 – 以泉州双阳华侨农场为对象]. *Journal of Huaqiao University (Philosophy and Social Sciences Edition).* №3. P. 42–48. (In Chinese).

Zhang Y. 2018. Study on Overseas Chinese Resettlement Policy [华侨安置政策研究]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System.* Xiamen University Press. P. 31–56. (In Chinese).

Abylkalikov S.I., Vinnik M.V. 2012. Jekonomicheskie teorii migracii: rabochaja sila i rynok truda [Economic Theories of Migration: Labor Force and Labor Market]. *Business. Society. Power.* №12. P. 1–19. (In Russian).

Afonas'eva A.V. 2015. Zarubezhnye kitajcy i ree'migranty v e'konomicheskom razvitii «cyaosyan» (maloj rodiny): na primere provincij Guandun i Fuczyan' [Overseas Chinese and Remigrants in the Economic Development of "Qiaoxiang" (Small Motherland): on the Example of the Provinces of Guangdong and Fujian]. Ostrovskij A.V. (ed.) *China: Regional Economy.* Moscow. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. P. 129–144. (In Russian).

Afonas'eva A.V. 2020. Formirovanie politiki KNR v otnoshenii kitajskoj diaspory do perioda reform i otkrytosti (1949–1976 gg.) [Formation of PRC Policy Towards the Chinese Diaspora Before the Period of Reform and Opening up (1949–1976)]. *Problems of the Far East.* №6. P. 25–40. (In Russian).

Afonas'eva A.V. 2022. *Diasporal'naya politika KNR: social'no-e'konomicheskoe napravlenie: monografiya* [Diaspora Policy of China: Socio-Economic Direction: Monograph]. Moscow. IFES RAS. 336 p. (In Russian).

Savoskul M.S. 2015. Obzor teorij mezhdunarodnoj migracii naselenija vtoroj poloviny XX v. [Theory of International Migration in the Second Half of the 20th Century]. *Regional studies.* 4(50). P. 56–65. (In Russian).

Sukhomlinova V.V. 2022. Novyj «moment» dlja kitajskoj diaspory? [A New Chinese "Diaspora Moment"?] *MGIMO Review of International Relations.* 15(1). P. 209–217. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-2-83-209-217 (In Russian).

Vasilenko P.V. 2013. Zarubezhnye teorii migracii naselenija [Foreign Human Migration Theories]. *Pskov Regional Journal.* №16. P. 36–42. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Абылкаликов С.И., Винник М.В. 2012. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда. *Бизнес. Общество. Власть.* №12. С. 1–19.

Афонасьева А.В. 2015. Зарубежные китайцы и реэмигранты в экономическом развитии «цяосян» (малой родины): на примере провинций Гуандун и Фуцзянь. Островский А.В. (ред.) *КНР: экономика регионов.* Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. С. 129–144.

Афонасьева А.В. 2020. Формирование политики КНР в отношении китайской диаспоры до периода реформ и открытости (1949–1976 гг.). *Проблемы Дальнего Востока.* №6. С. 25–40.

Афонасьева А.В. 2022. *Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление: монография.* Москва: ИДВ РАН. 336 с.

Василенко П.В. 2013. Зарубежные теории миграции населения. *Псковский регионологический журнал.* №16. С. 36–42.

Савоскул М.С. 2015. Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в. *Региональные исследования.* 4(50). С. 56–65.

Сухомлинова В.В. 2022. Новый «момент» для китайской диаспоры? *Вестник МГИМО-Университета.* 15(1). С. 209–217. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-2-83-209-217.

Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(6). С. 250–269
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Влияние «миграционного потенциала» на экономическое и демографическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов

В.Ю. Леденева, А.Х. Рахмонов

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Глобальная миграция всегда оказывала влияние на страны, организации и на отдельных лиц, но внимание, уделяемое со стороны научного сообщества потенциалу иммигрантов, не соответствовало важности этого феномена.

В статье актуализируется представление о том, что обозначенная авторами проблема потенциала иммигрантов для стран-реципиентов и стран-доноров ранее не была предметом научного изучения в формате её двойственности. Российские учёные потенциал мигрантов рассматривали в контексте потенциала соотечественников из ближнего зарубежья, оставшихся там после образования независимых государств, или потенциала внутренних мигрантов и регионального перераспределения человеческих и трудовых ресурсов. Доминировали оценочные представления о миграционном потенциале определённой социально-демографической группы, проживающей на конкретной территории и имеющей определённые этнические признаки.

В нашем исследовании подчёркивается дуальность потенциала внешних мигрантов. Наряду с тем вкладом, который мигранты вносят в развитие стран-реципиентов, страны-доноры также имеют существенные преимущества, используя миграционные способности и возможности своих граждан, осуществляющих трудовую деятельность в эмиграции.

Цель статьи – расширить теоретические подходы к изучению «миграционного потенциала» и рассмотреть его как интегративную систему количественных и качественных характеристик наиболее активного населения, имеющего высокий уровень миграционной мобильности и мотивированного к смене места жительства.

В статье рассмотрены и уточнены основные понятия, определена структура миграционного потенциала, выявлены механизмы и факторы влияния потенциала иммигрантов на экономическое и демографическое развитие стран-реципиентов и стран-доноров.

Результаты исследования: на основе проблемно-ориентированного обзора российских и зарубежных научных публикаций выявлены составляющие функциональных потенциалов (субпотенциалов) миграционного потенциала и разработана их типовая структура. Миграционный потенциал рассмотрен как гибкая

УДК 314:331.5:325
Поступила в редакцию: 01.07.2022
Принята к публикации: 20.04.2023

и корректирующая переменная. Проанализировано позитивное и негативное воздействие миграции на различные сферы жизнедеятельности стран-доноров и стран-реципиентов. В частности, образовательный потенциал отражается в интеллектуальном потенциале высококвалифицированных мигрантов и способствует развитию инновационной деятельности в принимающем регионе. В то же время низкий уровень интеграционного потенциала внешних мигрантов может быть источником ксенофобских настроений со стороны принимающего населения. Для стран-доноров основным положительным и преобразующим фактором глобальной миграции являются денежные переводы. Авторы приходят к выводу, что полученные результаты свидетельствуют о формировании интегративной системы миграционного потенциала, в этой связи актуальным становится решение задач по созданию условий для привлечения мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития России и формированию новых подходов к реализации миграционной политики.

Ключевые слова: потенциал иммигрантов, структура миграционного потенциала, экономический и демографический потенциал, страны-доноры, страны-реципиенты

Международная миграция в современных условиях выступает важнейшим объектом международного регулирования. Общая численность международных мигрантов в 2020 г. составила 281,7 млн чел. или 3,7% общей численности мирового населения[1]. Расширение возможностей для пересечения границ, социальное и экономическое развитие и неравенство, а также усиление борьбы за квалифицированных и высококвалифицированных мигрантов — вот лишь некоторые из причин, по которым миграция увеличилась в абсолютном выражении за последние несколько десятилетий.

Международная миграция является одним из источников повышения численности населения государства, если переселенцы прибывают на постоянное, а не временное место жительства.

В то же время международная миграция может оказывать существенное как позитивное, так и негативное воздействие не только на экономику, но и на другие сферы жизнедеятельности стран-доноров и стран-реципиентов.

В данном ключе мы предлагаем рассмотреть миграционный потенциал и оценить существующие миграционные резервы населения в странах исхода и приёма, в первую очередь, демографические и экономические.

Понятие «потенциал» включает в себя реальные, конкретные и фиксированные возможности, сформированные в процессе какой-либо деятельности и находящиеся в «запасе», но в настоящее время нереализованные. М.Т. Шафиков приводит такое определение: «под потенциалом понимаются средства,

[1] Доклад Международной организации по миграции. *IOM*. URL: https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020-russian (дата обращения: 07.12.2023).

запасы, источники, которые имеются в наличии и могут быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определённой цели, осуществления плана, решения какой-либо задачи. Нередко потенциал сводят либо к возможностям, либо к способностям, либо к ресурсам. Однако возможности, способности и ресурсы, даже вместе взятые, не исчерпывают содержания понятия "потенциал". В силу этого исследователи продолжают выявлять и перечислять его составляющие» (Шафиков 2019: 106).

Применительно к миграции, «потенциал» — это реальные ресурсы миграционно активной части населения. Иными словами – это готовность к переезду, то, что в перспективе формирует вероятные миграционные потоки при постоянных социально-экономических условиях, и это следует учитывать при определении понятия «миграционный потенциал».

Широкая трактовка понятия «миграционный потенциал» состоит в его рассмотрении как источника возможностей, средств, запаса, которые могут быть приведены в действие, использованы при перемене места жительства для достижения определённой цели, это готовность практического осуществления акта миграции в существующих условиях в целях более эффективного применения и использования собственных способностей и возможностей. Категория «миграционный потенциал» связана с обобщённой, собирательной характеристикой населения как вероятностной системы, привязанной к месту и времени (Гришанова, Кожевникова 2016: 44).

По мнению учёных Бамбергского университета Йозефа и Сюзанны Шмид, «потенциал миграции возникает из-за качественного несоответствия демографических, экономических, политических и экологических условий между регионом оттока и целевым регионом». К потенциалу миграции учёные относят тех, «кто хочет уехать, кто считает, что не сможет достичь жизненных целей у себя дома, и поэтому стремится мигрировать в более перспективный регион в удобное время и различными путями» (Schmid 2019).

Миграционный потенциал — это часть населения, являющаяся ресурсом для миграционного оттока при наступлении способствующих выезду обстоятельств. Между потенциалом миграции и фактическим оттоком нет простой причинно-следственной связи. Каждому процессу миграции предшествует оценка преимуществ и недостатков между переселением и удержанием на месте, а также между привлекательностью целевого региона и размером тех барьеров и препятствий, которые необходимо преодолеть на пути к нему. Барьеры всегда возникают из-за регионального несоответствия демографических, экономических, политических и экологических обстоятельств. В какой степени реализуется отток, зависит от индивидуальных возможностей и мотиваций потенциальных целевых мигрантов.

Термин «миграционный потенциал (лат. potential)» в современных российских реалиях стал широко применяться для оценки возможных к переселению в Россию из нового зарубежья соотечественников, оставшихся там после образования независимых государств[2].

В 2010 г. Л.Л. Рыбаковский в научном докладе «Миграция русского населения в России» отмечал: «в настоящее время за пределами России проживают 25,3 млн русских. Часть этого населения может рассматриваться как миграционный потенциал для формирования потоков переселенцев на территорию России». Миграционный потенциал может отличаться по масштабам и составу участников и в течение непродолжительного времени может не только сокращаться, но и возрастать (Рыбаковский 2011: 24).

По мнению О.Д. Воробьёвой, миграционный потенциал — это «возможная в данный момент численность населения, которая может в качестве эмигрантов выехать из страны проживания, при условии сохранения значимости и структуры выталкивающих и притягивающих факторов» (Воробьёва и др. 2012: 344).

В статье О.Т. Риндзак использует определение миграционного потенциала В.П. Кипеня и М.В.Авксентьева, которые определяют его как «возможную на определённый момент численность населения, которая может выехать из страны проживания при сохранении значимости и структуры выталкивающих и сдерживающих факторов» (цит. по Риндзак 2013).

А.С. Максимова обозначает миграционный потенциал как часть населения, которая является ресурсом для миграционного оттока и может мигрировать при наступлении способствующих выезду обстоятельств. Миграционный потенциал зависит от подвижности населения страны исхода и привлекательности страны приёма мигрантов (Максимова 2016: 4).

Ключевыми понятиями при анализе миграционного потенциала являются «миграционная мобильность» и «миграционная установка». В разных отраслях знаний «миграционная мобильность» объясняется по-разному. Так, в экономико-демографических исследованиях миграционная мобильность означает свершившийся факт пространственного перемещения, то есть «включает как собственно миграцию, которая предполагает смену индивидом постоянного места жительства, так и временные, эпизодические перемещения» (Миграционная мобильность в России... 2009). В социологии миграционная мобильность подразумевает более широкие социальные обстоятельства (образование, окружение, благосостояние, уровень притязаний относительно качества жизни, общественных ценностей и т. д.)[3].

---

[2] *Демографический понятийный словарь.* 2003. Министерство труда и социального развития Российской Федерации. Рос. акад. наук. Ин-т соц.-полит. исслед. [Архангельский В.Н. и др.]; Под ред. Рыбаковского Л.Л. Москва: Центр соц. Прогнозирования. 349 с. С. 177.

[3] Юдина Т. 2007. *Миграция: словарь основных терминов.* Москва: Издательство РГСУ, Академический Проект. С. 42.

Миграционная установка – особый вид социальной установки и элемент начальной стадии миграционного процесса, представляющий собой оценку индивидом своего предполагаемого миграционного поведения, и влияющий на способность и готовность индивида совершить миграцию. Миграционные установки зависят от ситуации, складывающейся в стране проживания и государстве потенциальной эмиграции, и формируют миграционное поведение – совокупность действий и отношений, детерминирующих переселение индивидов или отказ от него.

По утверждению И.С. Прибытковой, потенциал измеряется структурой «миграционных установок», которая включает долю лиц, принявших решение уехать из страны, но ещё не осуществивших его, и долю лиц, не желающих покидать старое и привычное место жительства (Прибыткова 2011: 62).

Российские учёные наряду с понятием «миграционный потенциал» применяют понятие «потенциальная миграция» – психологическое состояние готовности лица к миграции, то есть установка и намерение выполнения этого действия, которая характеризуется принятым, но не реализованным решением о переезде» (Рыбаковский 2001: 27).

Важнейшим детерминантом миграционного потенциала является оценка существующей социально-экономической ситуации в месте проживания и перспективы её изменения в будущем как с точки зрения конкретных факторов, влияющих на восприятие, так и с позиций возможных путей и способов её изменения.

Проанализировав разные подходы к понятию «миграционный потенциал», авторы предлагают рассматривать его как «интегративную систему количественных и качественных характеристик активного населения, имеющего высокий уровень миграционной мобильности и мотивированного к смене места жительства».

Структура миграционного потенциала

Миграционный потенциал представляет собой совокупность составляющих его функциональных потенциалов (субпотенциалов). Среди них чаще всего выделяют социально-демографический и экономический потенциал мигрантов. Однако на сегодняшний день не существует общепринятой структуры миграционного потенциала, что позволяет самостоятельно определять основные элементы, входящие в состав потенциала в зависимости от особенностей миграционной ситуации стран-доноров и стран-реципиентов, а также от проводимой в стране государственной миграционной политики.

Миграционный потенциал – это совокупность ресурсов, в число которых, кроме обозначенных выше, входят:

- трудовой;
- предпринимательский;

- образовательный;
- адаптационный;
- интеграционный;
- религиозный;
- культурный;
- этнический;
- семейный;
- политический;
- общественный;
- статусный;
- интеллектуальный,
- состязательный,
- социально-психологический,
- инновационный,
- духовный
- и другие.

Рисунок 1. Типовая структура миграционного потенциала населения территории.
Figure 1. Typical structure of the population's migration potential.
Data Source: created by the authors.

Структура миграционного потенциала раскрывает его элементный состав, возможности формирования и развития. Важно подчеркнуть, что предложенные авторами элементы миграционного потенциала являются условными, поскольку все они тесно связаны между собой и взаимозависимы, что не позволяет провести чёткую границу и определить степень интегративной совокупности качественных и количественных характеристик мигрантов. Все элементы структуры можно сгруппировать на составляющие по разным основаниям классификации. Тем не менее предложенная структура представляется необходимой для полноты изучения многогранности миграционного потенциала (рис.1).

Рассмотрим некоторые элементы миграционного потенциала подробно.

Образовательный потенциал представляет собой способность мигрантов к наиболее эффективному интеллектуальному и физическому труду на основе использования всей совокупности своих знаний, умений, навыков, способностей и культуры.

Образовательный потенциал мигрантов включает:

1. Накопленные поколениями знания и опыт, которые передаются мигрантами через систему образования;
2. Совокупность знаний, навыков и опыта мигрантов в общих и узких областях профессии;
3. Совокупность знаний, навыков и опыта мигрантов для функционирования общественных и научно-инновационных систем.

Образовательный потенциал дополняется воспроизводством интеллектуального потенциала общества, определяющего качественный состав рабочей силы в стране и проявляющегося как в росте спроса на профессиональное образование, так и в увеличении объёмов его предложения.

Интеллектуальный потенциал высококвалифицированных мигрантов способствует последующей инновационной деятельности на уровне организации. Мы утверждаем, что опыт мигрантов, как правило, отличается от опыта местных высококвалифицированных работников, их взгляды на решение производственных проблем также будут отличаться. Некоторые организации рассматривают образование, идеи, навыки и опыт мигрантов как потенциально ценные ресурсы, которые могут быть использованы для усовершенствования продуктов, стратегий и методов ведения бизнеса. В то же время нельзя с уверенностью говорить о том, каким образом стратегия найма мигранта в принимающей стране может повлиять на развитие их интеллектуального потенциала, как будет развиваться их карьера, каких результатов они смогут достичь на индивидуальном уровне.

Социально-культурный (интеграционный) потенциал мигрантов – это готовность мигрантов стать членами принимающего сообщества. На первом этапе мигрант приспосабливается к новым социокультурным условиям, в перспективе стремится остаться в стране на долгий срок или стать гражданином. На интеграционный потенциал значительное влияние оказывает параметр

«длительность пребывания на территории вселения», от которого зависит уровень дистанцированности от родной культуры, частота контактов с родными и близкими, оставшимися на родине. Адаптируясь в новых условиях, мигранты вынуждены решать целый ряд бытовых проблем и административных вопросов. В структуру ресурсного потенциала, способствующего интеграции мигрантов, входит:

- доступность объектов социальной среды;
- хорошее владение языком;
- прочность родственных связей;
- социокультурные различия между странами, участвующими в миграционном обмене;
- самоорганизация разных этнических групп;
- развитость неформальных сетей взаимодействия;
- установки на возвращение на родину, интеграцию в новой стране или «жизнь на две страны»;
- ориентация на межнациональные браки и т. д. (Леденева 2015: 723).

Для формирования интеграционного потенциала большое значение имеет развитие неформальных социальных сетей. При помощи сетей мигранты находят работу, жильё, решают насущные проблемы. Основная функция таких сетей — обезопасить членов группы от реальных или мнимых угроз в условиях трудной жизненной ситуации. От успешного решения проблем будет зависеть степень адаптированности или интегрированности мигрантов в принимающее общество. Потенциал этнической социальной сети – это «не просто совокупность индивидуальных актов территориальных перемещений этнических мигрантов, реализуемых ими независимо друг от друга, а совокупность сетевых связей участников миграционных процессов, соединяющих их в разных районах выбытия и прибытия» (Рзаева 2015: 64). Интеграционный потенциал обусловлен ценностно-мотивационными особенностями и часто зависит от этнического признака, который влияет на силу или слабость взаимосвязей. Сети с сильными взаимосвязями помогают мигрантам совершать все свои социальные действия (поиск работы, выбор территории проживания, оформление документов и т. д.), при этом сохраняется социальная дистанция с местным населением.

Экономический потенциал иммигрантов для страны назначения

Миграция всегда была связана с острыми и долгосрочными экономическими и социальными событиями, но её направление никогда нельзя было предсказать. Особую роль в этих потоках играет временная трудовая миграция. Как правило, две трети международных мигрантов составляют трудовые мигранты. Независимо от потенциальных изменений, большинство мигрантов в конечном итоге становятся частью рабочей силы в своих новых странах. К числу глобальных работников можно отнести временных трудовых мигрантов, предпринима-

телей-мигрантов, беженцев, стремящихся получить доступ к местным рынкам труда в странах назначения, и любые другие категории работников, которые живут и работают в стране, отличной от страны своего происхождения.

В исследованиях зарубежных авторов, посвящённых изучению особенностей миграционного потенциала в странах-реципиентах, затрагиваются темы изменения статуса мигрантов (Hajro и др. 2021: 3), роли статуса личности в предпринимательских намерениях иммигрантов (Vandor 2021: 4), интерактивного влияния пола, национальности и родного языка на результаты работы мигрантов (Fitzsimmons, Baggs, Brannen 2020), осмысленных нарративов, которые позволяют квалифицированным работникам-мигрантам развивать позитивную идентичность в условиях понижения профессионального уровня (Fernando, Patriotta 2020), определяющие факторы денежных переводов на уровне стран-доноров (Dietz 2015: 3).

Чаще всего в исследованиях отмечается вклад в экономику принимающих стран высококвалифицированных мигрантов. Однако низкоквалифицированные мигранты также играют значительную роль. В странах с большой долей высококвалифицированных местных жителей низкоквалифицированные рабочие-мигранты дополняют навыки местных жителей, занимая рабочие места в непривлекательных секторах экономики (Laursen и др. 2020).

Например, в Российской Федерации наибольший кадровый дефицит низкоквалифицированной рабочей силы наблюдается в строительном секторе и достигает 80%. Согласно данным HeadHunter, за последние три года число вакансий в российском строительном секторе увеличилось на 147%. В январе 2019 г. на стройки требовалось 38 143 чел., спустя год — 43 027, а к январю 2021 г. — 58 057 работников. К июлю 2021 г. количество вакансий выросло до 94 316. Общий дефицит рабочей силы в стране – 1 млн чел.[4].

Мигранты в России составляют около 10% рабочей силы. Их вклад в ВВП – около 7,5% по оценке МГУ и Международной организации труда. Это около 8,5 трлн руб. за 2019 г., или 1,1 млн руб. на работающего мигранта[5].

Современные модели миграции меняют представления о мигрантах и миграции. Появляются новые коридоры миграции, из всё более разнообразных стран происхождения, при этом пункты назначения мигрантов не меняются и в основном находятся в Западной Европе, Северной Америке и регионе Персидского залива (Czaika, De Haas 2014: 4). Таким образом, миграция глобализировалась с точки зрения страны назначения, но не с точки зрения страны происхождения. Это, в целом, отражает асимметричный характер процессов глобализации.

---

[4] Зарплаты на российских стройках резко выросли. Но эти деньги некому платить. *Рамблер финансы.* URL: https://finance.rambler.ru/money/46968124-zarplaty-na-rossiyskih-stroykah-rezko-vyrosli-no-eti-dengi-nekomu-platit/. (дата обращения: 07.12.2023)

[5] Газеты пишут о трудовых мигрантах. *Демоскоп Weekly.* [Электронный ресурс] URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0865/gazeta014.php. (дата обращения: 07.12.2023)

Изменения создали, с одной стороны, значительные возможности, с другой стороны, проблемы для отдельных лиц, организаций и обществ. На индивидуальном уровне существуют серьёзные различия между обстоятельствами миграции и, следовательно, опытом, что приводит к различным «культурам миграции». Например, мигранты, не имеющие особых причин покинуть свою страну, но рассматривающие миграцию как свободу и новое начало, в целом, менее уязвимы и более мотивированы к интеграции, чем мигранты, у которых не было другого выбора, кроме как уехать из страны. На организационном уровне многие компании нанимают мигрантов, чтобы получить доступ к разнообразным рынкам и клиентам, защитить местные ресурсы или поделиться знаниями за пределами национальных и географических границ. На общественном уровне денежные переводы мигрантов увеличивают общую и более узко определяемую доступность венчурного капитала в странах происхождения мигрантов, а также обеспечивают более широкую открытость для международной торговли.

Сравнительные исследования анализируют опыт мигрантов и опыт местных работников. Хотя многие страны приветствуют квалифицированных мигрантов в надежде заполнить дефицит рынка труда, исследования показывают, что чем более квалифицированы мигранты, тем меньше у них шансов найти подходящую работу по сравнению с их местными коллегами. Это явление называется «парадоксом навыков» и распространено во многих странах, принимающих мигрантов (например, в Западной Европе, США, Канаде) по двум причинам: во-первых, даже если мигрант имеет высокий уровень образования, его социальный статус («быть мигрантом») остаётся низким в стране приёма и этот статус мигранта не должен запятнать высокий профессиональный и социальный статус местных специалистов; и, во-вторых, конкуренция за высококвалифицированные рабочие места более жёсткая, чем за низкоквалифицированные (Dietz и др. 2015: 3)

Для формирования миграционного потенциала, важно понять, как квалифицированные мигранты реализуют свою карьеру в местном контексте, с какими препятствиями сталкиваются в создании сети, сопоставимой с той, которую они оставили в стране исхода. Основное препятствие – низкий статус большинства прибывших мигрантов. Для мигрантов остаётся один выход — стремиться стать частью неформальных этнических сетей мигрантов. Хотя эти сети и обеспечивают некоторую поддержку мигрантам, они, как правило, не являются способом реализации карьеры, т. к. не связаны какими-либо контактами с высоко статусными представителями этнической группы. Для мигрантов включение в рынок труда обеспечивает большую экономическую безопасность и повышает их благосостояние и чувство принадлежности к принимающему обществу.

Особый интерес в исследованиях представляет изучение карьерных переходов квалифицированных мигрантов и вопросов трудовой интеграции по прибытии в принимающую страну. Для того, чтобы участвовать в миграции и справляться с её многочисленными проблемами, многие мигранты, как пра-

вило, мотивированы усердно работать и добиваться высоких результатов. Таких мигрантов называют «адаптивными» в своей новой карьерной ориентации, то есть они проявляют инициативу в своих усилиях по адаптации, но при этом осознают препятствия на пути к ней. Они чаще других имеют более высокую мотивацию к достижениям и используют имеющийся у них потенциал (Entzinger, Biezeveld 2003: 32).

Потенциальный вклад мигрантов не может быть реализован без надлежащей трудовой интеграции. Даже в странах, известных как «страны мигрантов», потеря стоимости, связанная с проблемами интеграции, может быть значительной. Например, было показано, что экономика Канады ежегодно теряет более 11 млрд долл. из-за недостаточного использования навыков мигрантов (Reitz, Curtis, Elrick 2014).

Активно исследуется предпринимательский потенциал мигрантов в странах-реципиентах. Факторы, лежащие в основе предпринимательского выбора мигранта, можно разделить на две группы:

1. предпринимательство рассматривается мигрантами как стратегия выживания (Ахметова 2019: 307; Рунова 2022: 1095; Рязанцев 2000: 77);
2. предпринимательский успех объясняется деловой хваткой и пассионарностью мигрантов (Portes, Yiu 2013: 75; Пешкова 2018: 22).

Исследователи связывают предпринимательство мигрантов с высшим образованием и опытом ведения бизнеса, приобретённым в принимающих странах. Чаще всего предпринимательство возникает среди групп мигрантов со средним или элитным прошлым в своих странах, что приводит к доступу к финансовому капиталу как через родственников, так и через финансовые учреждения, обслуживающие мигрантов в принимающих странах (Naudé, Siegel, Marchand 2017). Готовность мигрантов идти на риск — характеристика, уже продемонстрированная ими, когда они решились на переезд в другую страну — также является фактором их предпринимательского потенциала.

Экономический потенциал иммигрантов для страны происхождения

Двумя ключевыми темами, возникшими в контексте исследований миграционного потенциала для стран-доноров, являются денежные переводы и их влияние на торговлю. С экономической точки зрения последствия денежных переводов, которые мигранты отправляют своим семьям, представляют собой один из самых преобразующих процессов глобальной миграции[6]. Финансовые потоки, генерируемые международными мигрантами, и денежные переводы

[6] Доклад Международной организации по миграции. *IOM*. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf

превышают национальные бюджеты некоторых развивающихся стран, а также потоки прямых иностранных инвестиций и официальной помощи в целях развития, которые эти страны получают (Batista, Narciso 2018). В 2020 г. мировые денежные переводы достигли 717 млрд долл. США, из которых более 529 млрд были отправлены в развивающиеся страны, где денежные переводы часто являются одним из крупнейших секторов экономики[7].

Мигранты и их денежные переводы способствуют развитию жизненно важных строительных сфер в странах происхождения мигрантов, напрямую связаны с увеличением новых предприятий и доступности капитала для инвестирования в новые предприятия и с большей интернационализацией экономики в целом. Увеличение объёма спроса, создаваемого денежными переводами и инвестициями мигрантов в их родных странах, также способствует расширению рынка для транснациональных корпораций и побуждает местные фирмы самим выходить за границу, открывая филиалы в своих районах проживания. Более того, отсутствие хорошего образования или технической подготовки у мигрантов не влияет на цели финансирования (Vaaler 2011). Однако, когда денежные переводы поступают от мигрантов, живущих за границей в рассеянных диаспорах, прямое влияние денежных переводов мигрантов на доступ к венчурному капиталу на родине становится незначительным. Эти прямые эффекты усиливаются в географически сконцентрированных диаспорах, особенно в концентрированных диаспорах, состоящих из менее квалифицированных (образованных) мигрантов. В этом контексте следует отметить, что институты взаимодействия с диаспорой значительно усиливают положительное влияние денежных переводов. Но нельзя забывать, что улучшение экономических возможностей и трудоустройства на национальном рынке труда могут способствовать снижению уровня миграционного потенциала и, таким образом, замедлить темпы выезда трудоспособного населения.

Демографический потенциал иммигрантов для страны назначения

Наиболее очевидным и непосредственным демографическим последствием иммиграции в тот или иной район является увеличение общей численности населения этого района. Сегодня иммиграция является основным фактором изменения численности населения во многих частях мира.

Потенциальные иммигранты также могут изменить возрастную структуру в странах назначения. Большинство мигрантов – это молодые люди в возрасте от 20 до 40 лет, что положительно влияет на показатели старения населения,

[7] World Bank Predicts Sharpest Decline of Remittances in Recent History. Press Release 2020. *World Bank*. 2020/175/SPJ. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/22/world-bank-predicts-sharpest-decline-of-remittances-in-recent-history (дата обращения: 07.12.2023)

т. к. доля населения старшего возраста может снижаться в силу иммиграции молодёжи.

Иммиграция в страну назначения может также повлиять на региональное распределение населения, поскольку значительная доля иммигрантов, как правило, селится в городской местности.

Потенциал иммигрантов может повлиять на рождаемость в стране назначения. Как правило, женщины-иммигранты имеют более высокую фертильность, чем коренные женщины. Поскольку абсолютное большинство женщин-иммигрантов находится в детородном возрасте, их вклад в число рождений в стране назначения относительно высок, а доля их рождений превышает долю рождений в общей численности населения. Например, в 2005 г. на долю женщин-иммигрантов приходилось примерно каждое пятое рождение в Англии и Уэльсе, Нидерландах, Швеции и Германии (Уилсон и др. 2015: 15). В США в 2010 г. каждый четвёртый ребенок был рождён матерью иностранного происхождения (Livingston, Cohn 2010).

Исследования смертности иммигрантов в западных странах показывают, что иммигранты, как правило, имеют более низкую смертность, чем коренные жители (Singh, Rodriguez-Lainz, Kogan 2013), что выглядит парадоксально, поскольку их социально-экономические условия в стране назначения часто менее благоприятны, чем у местных жителей. Одной из причин может быть положительный отбор иммигрантов – так называемый «эффект здорового мигранта», подразумевающий, что они, как правило, являются одними из самых здоровых в районе своего происхождения и живут дольше, чем их соотечественники (Dunn, Dyck 2000). Тем не менее факторы уязвимости в отношении здоровья и устойчивости носят динамичный характер и меняются со временем. Хорошее здоровье может быть подорвано нестабильными условиями труда после миграции.

Другим объяснением данного феномена является так называемый латиноамериканский парадокс «смещение (уклонение) лосося», впервые изученный в США на примере латиноамериканских мигрантов и предполагающий, что мигранты возвращаются в район своего происхождения до того, как они умрут, и, следовательно, не способствуют повышению уровня смертности в районе назначения. Эта гипотеза предполагает, что многие трудовые мигранты возвращаются домой после временной работы, выхода на пенсию или тяжёлой болезни. Это означает, что их смерть происходит на их родной земле и не учитывается в отчётах о смертности в странах приёма (Abraído-Lanza и др. 1999). Ещё одно объяснение связывает низкую смертность с тем, что иммигранты привносят здоровый образ жизни из культуры своего происхождения. Однако стоит учитывать низкое качество данных о численности и смертности мигрантов.

Помимо того, что иммигранты высокой рождаемостью или низкой смертностью вносят вклад в средний уровень рождаемости и смертности в обществе, они также могут влиять на рождаемость и смертность среди местных жителей.

Иммигранты могут переносить инфекционные заболевания, которые влияют на смертность в принимающем обществе, или изменять нормы рождаемости и репродуктивного поведения местных жителей.

Часто потенциал иммиграции стимулирует дальнейшую иммиграцию. Сети мигрантов и учреждения, оказывающие поддержку мигрантам, могут постепенно сделать миграцию независимой от тех причин, которые изначально её вызвали, и в результате совокупной причинно-следственной связи миграция, как правило, приводит к увеличению миграции.

Демографический потенциал иммигрантов для страны происхождения

Многие демографические последствия для стран происхождения являются отражением последствий оттока населения за рубеж: при прочих равных условиях миграция приведёт к сокращению общей численности населения и изменению возрастной структуры – обычно с меньшим количеством людей в возрасте 20–40 лет (и меньшим количеством детей).

Внешняя миграция оказывает влияние на рождаемость в странах происхождения несколькими способами. С одной стороны, эмиграция может снизить демографическую нагрузку в густонаселенных районах и, таким образом, способствовать поддержанию приемлемых показателей рождаемости. С другой стороны, если один партнёр мигрирует, а другой остаётся, их деторождение может быть отложено или отменено. Замечено, что более низкая рождаемость и меньшая доля браков наблюдается в странах и районах с большой миграцией мужчин. Массовая миграция мужчин в возрасте 25–35 лет снижает потенциал для деторождения из-за отсутствия подходящих партнёров и оказывает влияние на фертильность (Бальбо, Биллари, Миллс 2017). На эффекты рождаемости косвенно воздействует эмиграция, в результате которой миграционные потоки увеличиваются и мигранты, успешно адаптировавшиеся в новую среду принимающего государства, могут мотивировать своих соотечественников к переезду, способствуя, таким образом, увеличению рождаемости в принимающих странах.

На смертность в странах происхождения мигрантов оказывают влияние несколько факторов. Во-первых, возвращение мигрантов на родину в пожилом возрасте или после болезни с завершением их трудовой деятельности будет способствовать повышению показателей смертности в местах их происхождения. Во-вторых, на смертность влияет значительная эмиграция жизненно важного медицинского персонала. С другой стороны, для семей, оставшихся без попечения мигрировавших родителей, денежные переводы могут увеличить доход домохозяйства и, таким образом, косвенно повлиять на здоровье и благополучие семьи. А сами мигранты, возвращаясь на родину, распространяют новый

образ жизни, включающий отношение к здоровью как к ценности; формируют здоровьесберегающие поведенческие стратегии, вовлекая своих родственников и друзей, что, в целом, может повлиять на показатели смертности.

В любом случае ранее выехавшие мигранты создают сеть для потенциальных мигрантов, демонстрируют возможности, которые ранее считались недостижимыми, а денежные переводы и новые идеи могут позволить всё большему числу людей выезжать из своей страны.

Заключение

В статье представлен проблемно-ориентированный обзор российских и зарубежных научных публикаций, выявляющий механизмы и факторы влияния потенциала мигрантов на экономическое и демографическое развитие стран-реципиентов и стран-доноров. Уточнены сущностные характеристики понятия «миграционный потенциал» и предложено его авторское определение. Разработана дифференцированная по различным основаниям классификации типовая структура миграционного потенциала. Выявлены ключевые социальные факторы миграционного потенциала для стран-доноров и стран-реципиентов.

Мы определили основные функциональные потенциалы (субпотенциалы) составляющие «миграционный потенциал», представили их в виде структуры, раскрывающей их элементный состав, возможности формирования и развития. Миграционный потенциал рассматривался нами как «интегративная система количественных и качественных характеристик активного населения, имеющего высокий уровень миграционной мобильности и мотивированного к смене места жительства». Было подтверждено положительное влияние мигрантов на создание интеллектуального, инновационного и социального потенциала в странах-реципиентах. Например, влияние интеллектуального потенциала высококвалифицированных мигрантов на развитие инновационной деятельности на уровне организации. Но исследование показало, что реальность гораздо сложнее. Если смотреть на ситуацию в долгосрочной перспективе и считать, что мигранты прибывают, чтобы остаться навсегда, необходимо учитывать не только экономические последствия, но и последствия в других сферах жизнедеятельности.

Мы выявили позитивные эффекты денежных переводов мигрантов на родину, стимулирующих предпринимательские возможности местного населения. Потенциал денежных переводов заключается в том, что местные предприниматели, использующие денежные переводы в качестве финансирования для инвестиций, поддерживают сетевую бизнес-структуру со своими соотечественниками в других странах и способствуют развитию своих более бедных стран.

Мы показали, что миграционный потенциал имеет фундаментальное значение для демографических процессов в странах исхода и странах приёма мигрантов, при этом демографические последствия миграции населения концентрируются на региональном и локальном уровне.

В заключение следует отметить, что миграция не является проблемой. Это глобальное явление, встроенное в многогранный контекст с экономическими, культурными, правовыми и политическими элементами. Наше исследование может стать основой для перспективного изучения потенциала мигрантов через разные уровни наблюдения: индивидуальный, организационный и общественный. Исследования этих уровней позволит расширить текущие знания о миграционном потенциале, а будет способствовать продвижению исследований межуровневых связей между социальным контекстом (макроуровнем), организационной политикой и практикой (мезоуровнем) и индивидуальными стратегиями мигрантов (микроуровень). Растущий интерес к этой теме актуализируется научными дискуссиями, пробелами наших знаний и перспективой для будущих исследований.

Об авторах:

Виктория Юрьевна Леденева – доктор социологических наук, главный научный сотрудник – руководитель Отдела этнодемографических и интеграционных процессов Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп.1. ORCID: 0000-0002-9478-2917.
E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

Абубакр Хасанович Рахмонов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп.1. ORCID: 0000-0001-9924-5857.
E-mail: abubak.93@mail.ru

Конфликт интересов:
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта №22-68-00210 (https://rscf.ru/project/22-68-00210/).

UDC 314:331.5:325
Received: July 01, 2022
Accepted: April 20, 2023

The Impact of 'Migration Potential' on the Economic and Demographic Development of Donor and Recipient Countries

V.Yu. Ledeneva, A.Kh. Rakhmonov
DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The phenomenon of global migration exerts a substantial impact on nations, organizations, and individuals, yet the focus of scholarly discourse on the potential of migrants has historically not paralleled the magnitude of this phenomenon. This study brings into focus the often-neglected dual nature of immigrant potential, impacting both countries that receive migrants (recipient countries) and those from which migrants originate (donor countries). Prior research within the Russian context predominantly examined the potential of compatriots in post-independence neighboring countries or the potential related to internal migration and the redistribution of human and labor resources regionally. Prevailing perspectives have largely been confined to examining the migration potential of specific socio-demographic groups within defined territories, often characterized by distinct ethnic features.
This research illuminates the dual aspect of external migrant potential. It elucidates how migrants contribute significantly to the development of host countries, while donor countries also reap considerable benefits from the migratory capabilities and engagements of their citizens in foreign employment.
The objective of this article is to augment theoretical paradigms in the study of "migration potential," conceptualizing it as an integrative system that combines quantitative and qualitative attributes of a highly mobile and motivated populace. The paper seeks to delineate the conceptual framework of migration potential, establish its structural composition, and elucidate the mechanisms and factors through which migrant potential influences the economic and demographic progress of both recipient and donor nations.
Findings: The study delineates the constituent components of the functional sub-potentials (subcomponents) within the broader construct of "migration potential," synthesizing these through a meticulous examination of extant Russian and international academic literature. Migration potential is approached as a variable that is both fluid and subject to modification. The research critically analyzes the multifaceted impacts – both advantageous and adverse – of migration on diverse sectors of life in donor and recipient countries. A case in point is the correlation between the educational potential and the intellectual prowess of highly skilled migrants, which significantly contributes to innovation within the host regions. Conversely, a deficiency in the integration potential of external migrants may precipitate xenophobic tendencies among native populations. From the perspective of donor countries, the influx of remittances stands out as a pivotal and transformative element within the broader context of global migration.

Keywords: potential of immigrants, structure of migration potential, economic and demographic potential, donor countries, recipient countries

About the authors:

Viktoria Yu. Ledeneva – Doctor of Science (Sociology), Chief Research Fellow – Head of the Department of Ethnodemographic and Integration Processes, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 6 Fotiyeva st., Moscow, Russia, 119333. ORCID: 0000-0002-9478-2917. E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

Abubakr Kh. Rakhmonov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Research Fellow, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 6 Fotiyeva st., Moscow, Russia, 119333. ORCID: 0000-0001-9924-5857. E-mail: abubak.93@mail.ru

Conflict of interests:
The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:
The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project number 22-68-00210 (https://rscf.ru/project/22-68-00210/).

References:

Abraído-Lanza A. et al. 1999. The Latino Mortality Paradox: A Test of the «Salmon Bias» and Healthy Migrant Hypotheses. *American journal of public health.* DOI: 10.2105/AJPH.89.10.1543

Batista C., Narciso G. 2018. Migrant Remittances and Information Flows: Evidence from a Field Experiment. *The World Bank Economic Review.* 32(1). P. 203–219. DOI: 10.2139/ssrn.2384627

Czaika M., De Haas H. 2014. The Globalization of Migration: Has the World Become More Migratory? *International Migration Review.* 48(2). P. 283–323. DOI: 10.1111/imre.12095

Dunn J. R., Dyck I. 2000. Social Determinants of Health in Canada's Immigrant Population: Results from the National Population Health Survey. *Social Science & Medicine.* 51(11). P. 1573–1593. DOI: 10.1016/S0277-9536(00)00053-8

Entzinger H., Biezeveld R. 2003. *Benchmarking in Immigrant Integration.* 53 p.

Fernando D., Patriotta G. 2020. "Us versus them": Sensemaking and Identity Processes in Skilled Migrants' Experiences of Occupational Downgrading. J*ournal of World Business.* 55(4). P. 101–109. DOI: 10.1016/j.jwb.2020.101109

Fitzsimmons S. R., Baggs J., Brannen M.Y. 2020. Intersectional Arithmetic: How Gender, Race and Mother Tongue Combine to Impact Immigrants' Work Outcomes. *Journal of World Business.* 55(1). P. 101–103. DOI: 10.1016/j.jwb.2019.101013

Hajro A. 2021. Global Migrants: Understanding the Implications for International Business and Management. *Journal of World Business.* 56(2). P. 101–192. DOI: 10.1016/J.JWB.2021.101192

Laursen K., Leten B., Han N., Vancauteren M. 2020. Mounting Corporate Innovation Performance: The Effects of High-Skilled Migrant Hires and Integration Capacity. *Research Policy.* 49(9). DOI: 10.1016/j.respol.2020.104034.

Livingston G., Cohn D. 2010. U.S. Birth Rate Decline Linked to Recession. *Washington D. C. Pew Research Center.* URL: www.pewsocialtrends.org/files/2010/10/753-birth-rates- recession.pdf

Naudé W., Siegel M., Marchand K. 2017. Migration, Entrepreneurship and Development: Critical Questions. *IZA Journal of Migration.* 6(1). P. 5. DOI: 10.1186/s40176-016-0077-8

Portes A., Yiu J. 2013. Entrepreneurship, Transnationalism, and Development. Migration Studies. 1(1). P. 75–95. DOI: 10.1093/MIGRATION/MNS036

Reitz J. G., Curtis J., Elrick J. 2014. Immigrant Skill Utilization: Trends and Policy Issues. *Int. Migration & Integration.* 15(1). P. 1–26. DOI:10.1007/S12134-012-0265-1

Schmid P.D.J. Definition: Migrationspotenzial. *Springer Professional.* URL: https://wirtschaftslexikon.gabler.de/definition/migrationspotenzial-51469 (accessed: 17.12.2023).

Singh G. K., Rodriguez-Lainz A., Kogan M.D. 2013. Immigrant Health Inequalities in the United States: Use of Eight Major National Data Systems. *Scientific World Journal.* 21 p. DOI: 10.1155/2013/512313

Vaaler P.M. 2011. Immigrant Remittances and the Venture Investment Environment of Developing Countries. *J Int Bus Stud.* 42(9). P. 1121–1149. DOI: 10.1057/JIBS.2011.36

Dietz J. et al. 2015. The Skill Paradox: Explaining and Reducing Employment Discrimination Against Skilled Immigrants. *The International Journal of Human Resource Management.* 26(10). P. 1318–1334. DOI: 10.1080/09585192.2014.990398.

Akhmetova I.N. 2019. Realizaciya konstitucionnogo prava na predprinimatel'skuyu deyatel'nost' kak sposob integracii migrantov v prinimayushchem soobshchestve [Implementation of the Constitutional Right to Entrepreneurial Activity as a Way of Integrating Migrants in the Host Community]. *Modern scientist.* №4. P. 304–309. (In Russian)

Balbo N., Billary F., Mills M. 2017. Rozhdaemost' v razvityh stranah: obzor issledovanij. Demograficheskoe obozrenie [Fertility in Developed Countries: a Review of Research]. *Demographic Review.* 4(2). P. 133–195. DOI: 10.17323/demreview.v4i2.7107 (In Russian)

Grishanova A., Kozhevnikova N. 2016. Migracionnyj potencial: teoreticheskie aspekty [Migration Potential: Theoretical Aspects]. Population. 1(1). P. 42–51. (In Russian)

Ledeneva V. Yu. 2015. Formy i modeli social'noj adaptacii i integracii migrantov [Forms and Models of Social Adaptation and Integration of Migrants]. *Politics and Society.* 6(126). P. 717–728. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.6.10786 (In Russian)

Maksimova A. S. 2016. *Migracionnyj potencial: opredelenie i metodika ocenki* [Migration Potential: Definition and Assessment Methodology]. Thesis. P. 187. (In Russian)

Peshkova V. M. 2018. Predprinimatel'skaya aktivnost' inostrannyh trudovyh migrantov v Rossii [Entrepreneurial Activity of Foreign Labor Migrants in Russia]. *Economic sociology.* 19(5). P. 11–40. (In Russian)

Migraciya naseleniya: teoriya i praktika [Population Migration: Theory and Practice]. 2012. Ed. Vorobieva O.D., Topilina A.V. Moscow: Economic education. (In Russian)

Rindzak O.T. 2013. Migracionnyj potencial naseleniya Karpatskogo regiona Ukrainy [Migration Potential of the Population of the Carpathian Region of Ukraine]. *Humanitarian, socio-economic and social sciences.* №6. (In Russian)

Rybakovskiy L.L. 2011. Migracionnyj potencial: kriterii ocenki i sovremennye masshtaby [Migration Potential: Assessment Criteria and Modern Scales]. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 4(324). P. 24–34. (In Russian)

Runova N.Yu. 2022. Znachenie etnicheskogo predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii: itogi issledovaniya [The Value of Ethnic Entrepreneurship in the Russian Federation: The Results of the Study]. *Economics, entrepreneurship and law.* 12(3). P. 1093–1106. DOI: 10.18334/epp.12.3.114311 (In Russian)

Rzayeva S. V. 2015. Etnicheskaya social'naya set' kak mekhanizm migracionnyh processov i adaptacii migrantov v prinimayushchem obshchestve: o ponyatii i ustrojstve [Ethnic Social Network as a Mechanism of Migration Processes and Adaptation of Migrants in the Host Society: about the Concept and Structure]. Tomsk State University Bulletin. №395. DOI: 10.17223/15617793/395/9 (In Russian)

Ryazantsev S. V. 2000. Etnicheskoe predprinimatel'stvo kak forma adaptacii migrantov [Ethnic Entrepreneurship as a form of Adaptation of Migrants]. *Social sciences and modernity.* №5. P. 73–86. (In Russian)

Shafikov M. T. 2019. Metodologicheskie osnovy issledovaniya nauchno-obrazovatel'nogo potenciala [Methodological Bases for Research of Scientific and Educational Potential]. *Bulletin of VEGU.* 2(100). P. 104–113. (In Russian)

Wilson K., Sobotka T., Williamson L., Boyle P. 2015. Migraciya i zameshchenie pokolenij v Evrope [Migration and Generational Replacement in Europe]. *Demographic Review.* 2(1). P. 56–88. DOI: 10.17323/DEMREVIEW.V2I1.1789 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Ахметова И.Н. 2019. Реализация конституционного права на предпринимательскую деятельность как способ интеграции мигрантов в принимающем сообществе. *Современный учёный.* №4. С. 304–309

Бальбо Н, Биллари Ф., Миллс М. 2017. Рождаемость в развитых странах: обзор исследований. *Демографическое обозрение.* 4(2). С. 133–195. DOI: 10.17323/demreview.v4i2.7107

Гришанова А., Кожевникова Н. 2016. Миграционный потенциал: теоретические аспекты. *Народонаселение.* 1(1). С. 42–51.

Леденева В.Ю. 2015. Формы и модели социальной адаптации и интеграции мигрантов. *Политика и общество.* 6(126). С. 717–728. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.6.10786

Максимова А.С. 2016. *Миграционный потенциал: определение и методика оценки.* Диссертация к.э.н. С. 187.

Миграция населения: теория и практика. 2012. Под ред. Воробьёвой О.Д., Топилина А.В. Москва: Экономическое образование.

Пешкова В.М. 2018. Предпринимательская активность иностранных трудовых мигрантов в России. *Экономическая социология.* 19(5). С. 11–40.

Рзаева С.В. 2015. Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе: о понятии и устройстве. *Вестник Томского государственного университета.* №395. DOI: 10.17223/15617793/395/9

Риндзак О.Т. 2013. Миграционный потенциал населения Карпатского региона Украины. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* №6.

Рунова Н.Ю. 2022. Значение этнического предпринимательства в Российской Федерации: итоги исследования. *Экономика, предпринимательство и право.* 12(3). С. 1093–1106. DOI: 10.18334/epp.12.3.114311

Рыбаковский Л.Л. 2011. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы. *Социологические исследования.* 4(324). С. 24–34.

Рязанцев С.В. 2000. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов. *Общественные науки и современность.* №5. С. 73–86.

Уилсон К., Соботка Т., Уильямсон Л., Бойл П. 2015. Миграция и замещение поколений в Европе. *Демографическое обозрение.* 2(1). С. 56–88. DOI: 10.17323/DEMREVIEW.V2I1.1789

Шафиков М.Т. 2019. Методологические основы исследования научно-образовательного потенциала. *Вестник ВЭГУ.* 2(100). С. 104–113.